

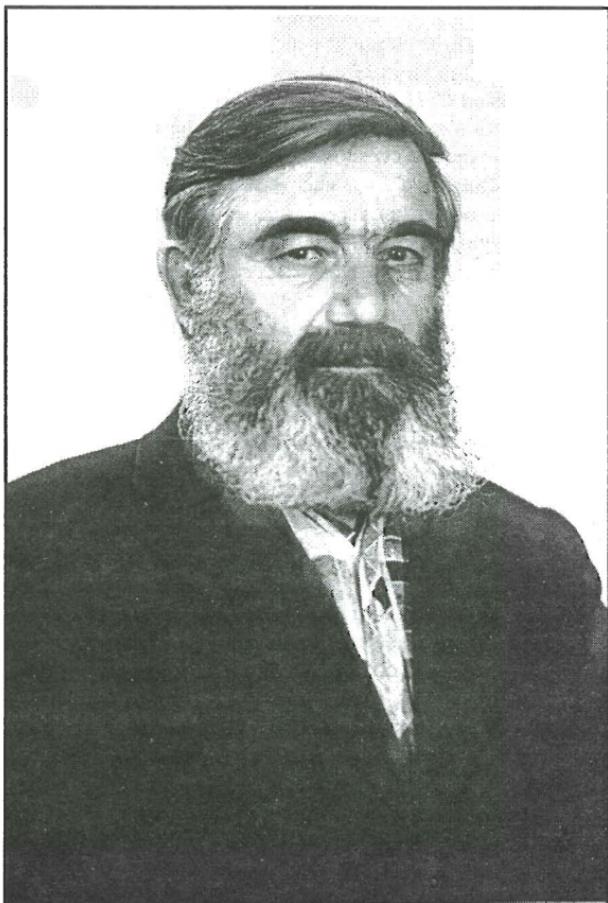
Б. Можеин

ОЧЕРКИ,
РАССКАЗЫ
И ПОВЕСТИ

KpD

84 (Witt - Мед.)

М 44

Б. МОЖЕНИН

16632

12

Районная библиотека

Яйского района

Инв. № 119743-1/6)

БЕРЕГИ КНИГУ!

Краткая биография

Я пережил трех царей! Иосифа Грозного, Никиту Чудотворца и Леню Летописца.

Сталина я испавидел и боялся. Ненавидел за отца, за дедовых братьев, за миллионы тех, которых он убил, истязая в своих лагерях и тюрьмах, за свое униженное и обворованное детство. Боялся я не за себя, не за свою шкуру дрожал, а за свой невоздержанный язык, за анекдоты, которые я про него рассказывал, за великий грех перед ним, о котором не буду рассказывать, люди не поверят. Не страшно было, что меня заберут и посадят. Страшно было, что вместе со мной конфискуют последнее тряпье и заберут корову, из-за меня погибнут с голода остальные в семье.

Никиту презирал!!! Когда он после небольшого демократического трепа стал Генсеком и Председателем Совета Министров, то я открыто заявил, что он аферист международного класса. Выкорымыш Сталина! Весь ум у него выбит железным кулаком вождя, остались только хитрость и изворотливость. Дурак, по дурак хитрый. Без ума, без чести и совести, одной хитростью правил страной, стал писателем, ученым, величайшим педагогом, гением всех наук. Каждый журналист считал своим долгом сообщить на газетной странице, что все великие люди планеты сходятся на том, что Миром может править только Никита Сергеевич Хрущев. Но ни один из них в этой «демократической прессе» не поведал, что сказал Де Гольль об этом дураке: «Нужно быть гением, чтобы Россию оставить без хлеба!».

Когда создали совнархозы (СНХ), народ сразу же расшифровал, читая буквы слева и справа: «Стране Нужен Хозяин. Хозяин Нашелся Сам. Самый Настоящий Хам. Хрущев Никита Сергеевич». По его действиям нельзя было лучше расшифровать СНХ. Один только указ, который категорически запрещал частному сектору держать скот, и вышел он в штоле. Люди резали скотину, но не было ходильщиков, государство не принимало, частник валил протухшие туши в овраги. Это ли не гений?! И этот дурак безраздельно правил страной, царствовал до самого дворцового переворота.

А на Леню-царя уже не было сил возмущаться. Этот трижды дурак, ученик Хрущева, свихнувшийся на побрякушках, вызывал такое отвращение, при появлении его рожи на экране подступала тошнота. Было страшно стыдно смотреть, когда показывали Леню-царя по телевидению в Казахстане, на плenуме обкома. Если бы это был не пленум, а шел спектакль под названием «Царь-дурачок», то я отбил бы все ладони, хлопая от восхищения, как все участники гениально сыграли свои роли. Сам царь-дурачок, шамкал беззубым ртом, раздавал награды: «Тебе-с охрден-и, а тебе-е чай-йку». А все участники этого спектакля умильно и восторженно глядели на своего кумира-вождя. Какие же были спектакли при нем, вспомним только незабвенную Валентину, которая, выступая со съездовской трибуны, повернулась к Лене-царю и с выступившими от умиления слезами на глазах, срывающимся от радостного волнения голосом стала изъясняться в верноподданнических чувствах, что она счастлива только оттого, что живет в то время, когда правит страной такой гениальный человек. Она в своем умилении и счастье дошла до того, что, казалось, сейчас бросится донага раздеваться и своим горячим, пышущим здоровьем телом кинется обогревать старческие моши Вождя. До чего жс она была радостна и счастлива. Скажи Вождь: «Умри, Валька!». И Валька бы сдохла у его ног.

Меня часто пугали архикоммунисты, и сейчас пугают вновь испеченные «дерьмократы» за мой невоздержанный язык, но я все такой же. Мой лучший друг говорил: «Пам ли бояться! Ленинградскую блокаду пережили! Гитлера пережили! Сталина пережили! Хрущева с Брежневым пережили! И новых кремлевских Вождей-Дерьмократов пазло им переживем!».

С тем и остаюсь Б. МОЖЕНИН.

45-летию
города Междуреченска
посвящается

ОТ ВСЕЙ ДУШИ БЛАГОДАРЮ МОИХ СПОНСОРОВ:

С.Ф. ЩЕРБАКОВА, главу г. Междуреченска,
П.А. ЛЯМИНА, В.А. ГОРЯЧКИНА, заместителей главы города
Н.И. ЖВАНКО, председателя управления культуры и кино,
А.И. СЫВОРОТКИНА, генерального директора ОАО "ЦОФ
"КУЗБАССКАЯ",
К.Н. СЫВОРОТКИНА, генерального директора ОАО "ГОФ
"ТОМУСИНСКАЯ",
Г.А. КРАМА, генерального директора ОАО "ТПТУ",
В.В. ПОПОВА, директора ЗАО "ФИНТРАНС",
Г.Г. ПОЛЕЩУКА, генерального директора ОАО "РИКТ",
А.И. ШКЛЯЕВА, генерального директора ОАО "МЕЖДУРЕЧЬЕ",
А.С. ВАГИНА, председателя совета директоров ЗАО "РАСПАДСКАЯ",
Г.И. КОЗОВОГО, генерального директора ЗАО "РАСПАДСКАЯ",
Б.П. АГУДАЛИНА, генерального директора ЗАО "УГЛЕКОП",
А.П. ШИТЕНКО, генерального директора шахты "ТОМСКАЯ",
И.А. ШУНДУЛИДИ, генерального директора шахты им. В.И. ЛЕНИНА,
К.П. ЗАХАРОЧКИНА, генерального директора шахты "УСИНСКАЯ",
В.В. ПРОСКУРНЮ, генерального директора ОАО "ЮЖНЫЙ КУЗБАСС",
П.О. ЧОЛАХА, генерального директора ОАО "Разрез "КРАСНОГОРСКИЙ",
С.В. ПОПОВА, генерального директора ОАО "Разрез "ТОМУСИНСКИЙ",
В.И. МУСИЯЧЕНКО, генерального директора ОАО "Разрез
"ОЛЬЖЕРАССКИЙ",
В.Ф. ЧЕРНОГО, генерального директора ОАО "ТОМУСИНСКАЯ
АВТОБАЗА",
Г.А. АБДУЛЛИНУ, генерального директора ОАО "СЛАВЯНКА",
О.В. ШИШМАНОВА, генерального директора ООО
"МЕЖДУРЕЧЕНСКТОРГ",
А.В. БУРЫХИНА, предпринимателя,
В.И. ЕВТУШЕНКО,
Г.А. ХАЛДОВА, генерального директора ЗАО "РЕГИОН",
В.Е. КУЗНЕЧЕНКО, генерального директора МУП УЖКХ,
В.Н. ГОРБУНОВА, генерального директора ОАО "МЦЭММ",
А.М. ЖИХАРЕВА, ООО "ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР",
М.Д. КОЛОСОВУ, генерального директора магазина "МАРЬИН ТЕРЕМ",
О.А. ХАРИТОНОВА, благотворительный фонд "СОЛИДАРНОСТЬ",
Б.А. КОРОЛЕВА, главу Издательского Дома "КОНТАКТ",
Л.В. ЕРШОВУ, технologа Издательского Дома "КОНТАКТ".

НИЗКИЙ ПОКЛОН ВАМ, УМНЫЕ, ДОБРЫЕ ЛЮДИ.

Вместо предисловия

оему прадеду Ефиму Харлампьевичу перевалило за девяносто лет, шел десятый десяток. Мне было шесть лет. Между нами была величайшая дружба. Как говорили у нас в семье, я все время держался за прадедовы штаны. Куда он, туда и я.

В конце марта, в воскресенье, прадед, надев поновее валенки, полушибок, вышел на улицу, сел на завалинку. Я пристроился рядом, во всем копируя прадеда, так же со вздохом опустился на доски. Только в воскресенье прадед позволял себе отдых, в будни, несмотря на преклонный возраст, был всегда в работе.

Солнышко уже чуть-чуть по-весеннему пригревало. Неожиданно прадед закрыл глаза, откинулся к стене. Это меня сильно удивило, я рассчитывал поговорить с ним о своих серьезнейших мальчишечьих делах. В шестилетнем возрасте их уйма, было бы только с кем поделиться мнением.

Прадед сидел с закрытыми глазами довольно долго, у меня даже вкрапалось подозрение - не уснул ли он. Но вот он поднял веки и внимательно уставился на меня своими умными, притом в таком преклонном возрасте молодыми глазами. Ни у одного старика я больше в жизни не видел таких глаз.

- Правнучек! - обратился прадед ко мне. - Я вроде прожил не мало на своем веку. И вот все время думал и думал и пришел к такому выводу: каждое поколение рождается умнее своих отцов. Но оно будет умнее только в том случае, если воспользуется опытом прошлых поколений.

Был у меня друг. Правда давно мы с ним не виделись. Звали его Архимед. Взял он в руки оглоблю и говорит: "Дайте мне точку опоры и я переверну землю". Назвал он это рычагом. С этого и начала развиваться человеческая техника. И каждое последующее поколение вносило что-то свое, фиксируя свои достижения в учебниках.

А вот внутренний мир человека, его сущность: мировоззрение, особенности характера, поведения по-настоящему не изучены. Нет такого учебника, где можно было бы досконально изучить. Каждый начинает с чистого листа и нет ему помощи в этом. Впоследствии уносит эти знания безвозвратно в могилу.

Царь природы

огда двуногое существо, встав в величественно-воинственную позу, бьет себя кулаком в грудь и вопит на весь белый свет, что он Царь природы, что он не может ждать милости от нее, а сам творец и созидатель на земле, мне так и хочется крикнуть:

— Да полноте, остановись, дуралей!

Я не отделяю себя от человечества. Я такая же двуногая... Да простит меня лучшая половина человечества. К ней не относятся эти слова. Да разве можно сказать нехорошее слово об этом воздушном, изящном, божественном существе. Да простит меня великодушно лучшая половина человечества, что я тут помяну невпопад, что их небольшая, мизерная часть способна, родив себе подобное, тут же задушить и выбросить в канализационный колодец. Не будем обращать внимание на то, что крохотная часть лучшей половины способна, дав пинка на прощанье, выгнать из дома свою больную престарелую мать. Не будем ей, лучшей половине, ставить в упрек, что именно она производит на свет эту худшую половину, именуемую мужчиной.

Позвольте сказать ей несколько откровенных слов. Эта половина, состоящая из одних Царей природы, как помнит себя, появиввшись на земле, всегда уничтожала друг друга. При этом, или по недосмотру, или еще по какой причине, но, уничтожая друг друга, прихватывали и младенцев, насиловали и убивали лучшую половину. Правда, потом, устав от крови, взяв небольшой отдых у Молоха, бросались восхвалять и обожествлять эту лучшую половину в своих песнях и поэмах. Отдохнув и насладившись высшей нравственностью, снова принимались крушить все вокруг себя, жечь города и поселки, вешать и убивать себе подобных, не забывая при этом бросать в костер войны младенцев и воспетую ими же половину.

Полноте, Царь природы, образумься! Взгляни на себя правдивыми глазами, кто ты есть и что ты из себя представляешь! Если тебя создала матушка Природа, то она совершила величайшую глупость, которую уже не в силах исправить. Если тебя создал сам Господь Бог, то он уже, наверное, не раз плакал кровавыми слезами, глядя на твои деяния на земле. Не раз уже, наверное,

поднимал десницу, чтобы уничтожить тебя, но все откладывает, живя надеждой, что этот, сотворенный им уродец, все же поумнеет и одумается.

Да полноте, Царь природы, не становись в оскорбленную позу, не грози кулаком, вот, мол, попадешь ко мне в руки, тогда узнаешь, что такое достоинство мужчины и честь. Полноте, дорогой, я ведь сказал, что не отделяю себя от человечества. Я такая же двуногая тварь: злая и завистливая, кровожадная и коварная.

Но однажды, то ли пелена с глаз спала, то ли Бог разуму прибавил, ум просветлел, голова стала четче работать. И вот перед моим взором встала страшная картина человеческого деяния на земле, и все злодеяния, какие творит он на ней, этот Царь природы.

Все в природе живет, развивается гармонично, с какой-то математической точностью, распланированной на несколько лет вперед. Все растет, цветет и дышит, пока не появляется человек, царь природы, с его жадным всевидящим взглядом. И прошай тогда гармония природы: лес валится под ударами топора, полыхают гари, источая удущивый смрад, обнажаются скалы, как кровоточащие раны земли, шумят осыпи, все живое бежит, родники высыхают, и где еще недавно на склонах стоял величественный лес, зияют плешины, как язвы на израненном теле.

О! Царь природы, взгляни на деяние своих рук! Взгляни на Арав, на Каспий, на матушку Волгу, на Ангару, на священный Байкал, на тысячи и тысячи малых и средних речушек, которые ты растоптал своей механизированной пятой, уничтожил своим бездушным железным кулаком. Сколько гор, сколько дол превращено тобой в безжизненное пространство, в лунный ландшафт? Сколько ты из своих механических недр выбрасываешь отравы! Задыхаешься сам и губишь все живое на земле, даже камни и те не выдерживают, разрушаются. О! Царь природы! Взгляни на себя со стороны, из космоса, что было бы на земле, не будь тебя на ней! И ты сразу поймешь, что ты паразит, присосавшийся к телу земли, высасываешь из нее соки, ей же, кормилице, рвешь грудь.

О! Умнейший и мудрейший из всех живущих на земле, возьми для примера пустыню Сахару. Не будь тебя на ней – там бы вместо песка был бы уже многометровый слой чернозема, шли бы дожди, буйствовала бы растительность. О! Великий и могучий Царь природы, не будь тебя на земле, там, где сейчас каменистое плато, была бы почва, текли ручьи, росли бы деревья, расстилалась бы мурава.

О! Человек! О! Царь природы! Это ты создаешь мертвые моря, озера и реки, пустыни и пустоши, каменистые плато, лунный ландшафт. Это ты отравляешь ядовитыми газами воздух! Это по твоей милости идут кислотные дожди! И там, где можно снять три урожая в год, ты умудряешься умирать от голода. Это ты - враг всему живому на земле! Ни один катаклизм не нанес даже тысячной доли вреда, сколько ты приносишь зла своей жизнедеятельностью. О! Великий, могучий, умнейший из умнейших, Царь природы, уймись, пока не уничтожил сам себя и все живое на земле.

Немного о себе

не иногда говорила мать: "Сынок! Сынок! Что у тебя за такой характер! То мягче теста, то тверже, чем скала!". Я часто задумывался над ее словами. Наблюдая за собой и за окружающими, пришел к такому выводу. Во мне, как и во многих, живут постоянно, совершенно самостоятельно два человека. Мало того, появляется еще, как бы со стороны, третий, совершенно отличающийся своим характером и манерой поведения от этих двух. Интересно наблюдать за их существованием, особенно за первыми двумя.

Один - добрый, покладистый, стремящийся жить по христианским канонам, ему близки заповеди Христа. Он приемлет душой: не убей, не укради, люби ближнего, как самого себя.

Второй - злой, наглый, просто психопат какой-то. Мнит из себя черт его знает что. Будто стоит он выше людей, а они просто букашки перед ним, не представляющие никакой ценности. Что свет не много бы потерял, если бы их совсем не было.

Добрый уговаривает Злого, чтобы тот был хоть немного добре, покладистее, прощал бы людям ошибки и присущие им недостатки, а почаше оглядывался бы на себя, мол, ты тоже не без греха.

Злой, ехидно ухмыляясь, так небрежно, чуть ли не отставив ножку, делая вид, что, мол, никуда не денешься, раз живем под одной крышей, то давай потолкуем. И тут же, по-приятельски показывая на висок, начинает критиковать, что ты, мол, совсем свихнулся в своей доброте. Ну в общем, Иисусик, которому хоть на голову наклади, он все стерпит.

- Тебя все в крайности бросает! - спокойно и доброжелатель-

но возражает Добрый. - Но жизнь состоит не из одних крайностей, между ними широкая полоса. В этой полосе и протекает вся человеческая жизнь, кроме белого и черного сколько еще цветов и оттенков, весь спектр радуги. Надо отбрасывать крайности!- спокойно, но твердым голосом, видя, что Злой слушает, наставляет Добрый.

Злой, все так же ухмыляясь, делает вид, что, давай-давай, вали, только не в штаны, есть у меня сегодня настроение, послушаю - что не сделаешь для дружка, хотя и непутевого - но помни: когда я рассержусь, то не лезь мне в душу под горячую руку. Хоть ты мне почти брат, но в это время не суйся. Но кроме мирных бесед бывают и жаркие схватки.

- Пошел ты! - шипит Злой. У него сегодня с самого утра плохое настроение. Он и сам не поймет, что ему и надо, то ли страстно кого-то хочется любить, то ли руки чешутся пришибить кого-то до смерти. Добрый то с одной, то с другой стороны делает подходы, старается успокоить, наставить на путь истинный. Но Злой озверел и близко не подпускает. Вот один из примеров.

Иду как-то около автобусной остановки. Народ толпится, сбившись в кучку, чуть поодаль хмарь стоит, прижавшись плечом к стене дома. Молодой, как говорится, еще сопли под носом не высохли, а уже пьянее вина, или приставился. Да вдобавок, не вооруженным глазом видно, дебил. Люди его сторонятся, и я так в метрах двух прохожу. Только поравнялся с ним, как этот дебил, по-фени ботая, сопляк, лагерник нашелся, обложил меня матом, добавив еще слово "козел!".

- Стой! - вскипев, приказывает мне Злой. У самого уже на языке вертится фраза: "Жертва ты аборта! Быдло непривязанное! Ты в чей адрес прохрюкал?!"- и уже явно намеревается подойти, начистить сопатку.

- Пошли, не останавливайся! - Добрый по-приятельски тянет Злого за рукав. - С кем связываешься! Не видишь, что дебил, не хватает шариков в башке! Да и вообще, мало ли какая собака проляет! Всем не ответишь, сдачи не дашь! Иди, не обращай внимания! - и настойчиво тянет за рукав.

- Ишь ты, Иисусик, добренъкий нашелся! - Злой уже распалился, его трясет от злости. Уже с рыком говорит: - Каждая мразь будет в душу плевать! У этого быдла голова как у лошади, а ума как у канарейки! А смотри, каким хозяином себя на остановке чувствует, смотри, как рогами водит! - Злой, вырывая рукав, пыта-

ется сделать шаг вперед.

- Но ты же видишь, что умные люди не связываются с ним. Отошли в сторонку и стоят молчком. Кого бить-то?! Свихнутого дебила? Сам говоришь, что жертва аборта! Раз врежешь- рассыпется, потом врачи не соберут! Пошли, за делом идем! - Добрый пытается употребить все свое влияние. Но Злой стоит на своем, ему страстно хочется бросить в ответ оскорбление и набить харю этому типу.

Откуда-то появился третий и тоном мудреца пустился в рассуждения, что, мол, нужно быть добрым, но и в то же время наказывать зло. Он был само совершенство - и праведник, и судья, и ему только подвластна истина.

- Пшел ты отсюда, харя неумытая,.. праведник! Ты мне еще указывать будешь! Свой умник надоел!- озверев, взъерепенился Злой, готовый дать в морду Третьему. Но тот все же пытался продолжить наставление, пустился приводить примеры из умных книг.

- Заткнись, падла! - уже рычал Злой, готовый тут же пустить кулаки в ход. Тому пришлось, умолкнув, удалиться.

Но бывает время, когда Добрый сам или с помощью Третьего наставляет Злого на путь истинный. Но как нелегко это дается. Где взять те слова, где найти те силы, чтобы Добрый переборол Злого окончательно, перевоспитал бы в свою веру. И если бы иногда просыпалась агрессивность, то только в дело. Наверное, нужно бороться самому с собой, не жалея своих сил, ни чести, ни самолюбия.

О человеческих пороках

Себялюбие-слава. Это особого рода зверек, который незаметно проскальзывает в душу маленьким теплым комочком и сразу же начинает играть на каких-то потаенных струнах, ласкает сердце и душу. Человеку становится радостно и приятно. Сначала зверек Себялюбие требует незначительной пищи, лишь бы кто-то около него потихоньку шептал: "Какая умница! Смотри, сколько знает! Как развита мускулатура?". Но с каждым днем он растет и мужает, проникая во все поры человеческого организма, от корней волос до кончиков пальцев. Становится все кровожаднее и ненасытнее, уже нагло требует все больше и больше пищи.

И горе человеку, который сразу не заметит, что в нем поселился ненасытный зверь Себялюбие. Убаюканный его лестью, сам того не замечая, становится игрушкой в его когтях. Зверь, возмужав, стал страшно кровожаден, он уже без остатка сокрал совесть и честь, сделал хозяина своим рабом. Он уже не довольствуется каким-то восторженным шепотом: "Ох! Какой умник! Смотри, как соображает!". Ему подавай возглас с придыхианием, с замиранием сердца, и чтобы у говорившего блестели глаза от восторга. "Да это же гений! На всем белом свете он всех умнее и красивее! Ну и талантище!"

И человек уже не замечает, что совесть и честь съедены без остатка, что он уже не принадлежит себе, а Себялюбие, разросшись, заполнило его до краев. И если когда-то в нем был талант, то он его уже не развивает, не лелеет, все отдано в угоду ненасытному зверю. А зверь между тем чем больше ест, тем больше требует пищи. Все забыто: стыд, совесть и честь, человек - добровольный раб этого чудовища - только и думает, как бы накормить ненасытное Себялюбие. Он уже идет на подлог, на любое преступление, только бы дать пищу терзающему чувству. Он ревностно следит, как в его адрес раздается похвала. Достаточно ли в голос хвалящего вложено восторга и лести, и не оставил ли он малую толику для другого. И не дай Бог, если вдруг покажется, что тот утаил хоть каплю чувств, которые, казалось бы, должны принадлежать ему по праву, зверь Себялюбие сразу же взбесится. Требует от хозяина, чтобы тот считал этого нечестивца своим заклятым врагом, мстил беспощадно и при первом же удобном случае уничтожил.

Как часто это проявляется среди посредственных талантов: писателей, поэтов, художников и артистов, поддельных светил наук, посредственных политиков. Но самое страшное, когда зверь Себялюбие вселяется в человека, у которого много физических сил, но мало ума, тут уж он покажет себя, выпирая наружу.

Себялюбие! Зачем ты появилось на свет! Для чего ты нужно человеку? Хватило бы самолюбия. Сколько ты покалечило душ, сколько людям принесло горя и страдания?! Сколько в мире произошло преступлений, только бы накормить твою ненасытную утробу.

Зависть и жадность. Это колючие зверьки-близнецы, неотступно следующие друг за другом. Они или рождаются вместе с ребенком, или от плохого воспитания позже проникают в душу. Вместе с ростом ребенка развиваются зависть и жадность, становясь

все колючее и колючее. Этим зверькам хочется, чтобы все материальные и духовные блага принадлежали только им. И чем больше им принадлежит, тем больше им хочется. Развивается неуемный аппетит, они не желают поделиться даже маленькой толикой благ с ближним. Этим колючим зверькам все время кажется: кусок в других руках - всегда слаше. Одежда на другом, пусть во сто крат хуже, - все равно лучше. Они своими колючками разрывают человеческую душу, вызывая мучительные страдания. И нет от этого спасения, пока человек не поймет и не возьмет себя в руки.

Злость. Это тоже отвратительнейший зверек, который или родится вместе с ребенком, или от неправильного воспитания проникает в душу в самом раннем возрасте. Он все время терзает душу, не дает ей покоя. В человеке просыпается инстинкт кровожадного зверя. Он заставляет своего хозяина жить по закону "Боишься - значит уважаешь". А если не так, злость в одно мгновение увеличивается до невиданных размеров, отправляет кровь, бросается в голову, и человек, потеряв контроль над собой, начинает избивать другого, испытывая адское наслаждение. Ему ничего не стоит избить старика, младенца, оскорбить мать, толкнуть калеку. Этот нравственный урод, у которого рожа еле-еле входит в автобусную дверь, прет напропалую, круша все на своем пути. И, усевшись на сиденье, вертит башкой, любуясь собой. Его пониманию недоступно человеческое бытие.

Жажда власти. Это самый отвратительнейший человеческий порок. Он возникает при совокупности остальных пороков. Себялюбие терзает душу человека, если он находится ниже на иерархической лестнице, чем кто-то другой. Зависть выворачивает душу наизнанку, потому что самые великие почести воздаются другому, а не ему. Жадность точит, как червь, что все жизненные блага не принадлежат ему. Злость мутит рассудок, вызывая страстное желание уничтожить всех, кто стоит на пути к власти. Он не может проанализировать, сможет ли он управлять государством, или у него не хватит ума. Движимый жаждой власти, пойдет на любые преступления: ограбит народ, расстреляет парламент, пойдет на любую ложь, по колено в крови пойдет к власти. Это наркотик для наркомана, чем больше у него в руках власти, тем больше жаждет ее. Прочтите внимательно-внимательно роман нового русского "писателя" "Исповедь на заданную тему". И вы найдете убедительнейшие доказательства, подтверждающие мои мысли.

Смешное о серьезном

оснемся вопроса, что такое человек и почему он иногда выкидывает такие фортели. Я уже упоминал о своем друге Тишке, герое моего неопубликованного юмористического романа, он объяснял это так. (Слабонервных прошу пропустить эту страницу). Бог создал Адама по своему образу и подобию. Потом из его ребра сделал ему жену Еву. Поселил их в Раю на полном гособеспечении - ешь что хочешь, обуви, одежонки не требуется. Но, увы! Бес попутал или уж так на роду было написано, или обладали величайшей глупостью, а скорее всего - не было жизненного опыта. Съели запретный плод от дерева познания, стали понимать добро и зло, потянуло их друг к другу уже не духовно, а физически. Рассердившись, Господь выгнал ослушников из Рая, напутствуя: "Тебе, Адам, в поте лица трудиться, а тебе, Ева, в муках рожать".

И пошли они, родимые, искать себе пропитание. Трудно было после Рая привыкать к трудовой деятельности. Но делать нечего, посоветовавшись между собой, дали зарок жить не ради своего удовольствия, а ради продолжения рода человеческого. Хотя, по правде сказать, занятие это им понравилось, они не так уж грустили по Раю. С харчишками было не так уж хорошо, но терпимо, да вот беда - выпал снег, но Адам с Евой все равно продолжали трудиться, заботиться о продолжении рода человеческого. И до сих пор женщина, подойдя к костру, поворачивается спиной и в первую очередь греет задок, поглаживая его руками. Мужчина же, наоборот, подойдя к костру, становится передом и тут же начинает растирать коленки, которые его предок Адам подморозил, лежа на снегу с Евой.

Их потомкам было стыдно, что их предки так опростоволосились, были выгнаны из Рая с позором, где можно было жить припеваючи, не работая, вкусно есть и не тратиться на одежонку. И чтобы как-то замять, завуалировать эту величайшую глупость, стали уверять друг друга, что они произошли от обезьян. И довольно преуспели в своем вранье. Стали подражать обезьянам, вести себя по их законам. Появились лидеры-вожди. Сначала нахрется Вождь-вожак, потом его ближайшее окружение: кто усерднее кланяется, поддакивая, кто лижет зад, прославляя. Жить ста-

ли по принципу: "Боишься - значит уважаешь!". Неважно, что в голове пусто, лишь бы мощь в голосе была да врал не краснея. Закон джунглей. И до сих пор некоторые африканские племена не отказались от этой теории, считают, что обезьяны понимают человеческую речь и даже могут разговаривать на человеческом языке, но тщательно скрывают, боятся, что как только станет известно, то их заставят работать.

Но шутки в сторону, рассмотрим попристальнее людей, почему они разные, почему иногда непредсказуемы, почему выбирают такие фортели. Начну издалека. Как-то прочитал статью английского ученого-медика, где он поведал о своих многолетних исследованиях: сколько нужно пищи взрослому мужчине на разных широтах для поддержания своего существования. После многолетних наблюдений пришел к выводу, что в южных широтах у экватора взрослому мужчине достаточно трех бананов в сутки, чтобы существовать, находясь в покое. Он не тратит калории для обогрева своего тела. Спит да дремлет, предаваясь эфемерным мечтам, климат позволяет существовать, не расходуя энергии. Лежи да поплевывай в небушко.

На севере же эскимос всегда в движении, ищет еду, чтобы выжить. Сильные морозы беспрерывно охлаждают весь организм. Он съедает в сутки до 10 фунтов мяса нерпы, состоящего почти из одного жира, только бы компенсировать расход энергии, затраченной на поддержание температуры организма, возместить энергию, потраченную на движение. И нет у него времени на эфемерные мечты, одна только забота - как набить утробу, а пища попадается так редко и с таким величайшим трудом дается в руки. Он даже во много раз реже произносит слова в отличие от южанина, подсознательно экономя на этом энергию.

Конснемся умеренных широт. Тут человек был поставлен совершенно в другие условия. Если уж он выжил в зиму, то летом старается как можно лучше подготовиться к следующей. Он трудится и трудится, старается как можно больше запастись пищи, прекрасно понимая, что зима опять заявится и со всей жестокостью спросит, как он к ней подготовился. И если он себя хорошо обеспечил, создал хорошие запасы, то у него зимой остается время подумать: какую произвести обработку земли, где и как сеять зерно, отремонтировать или вновь создать орудия труда, чтобы встретить лето во всеоружии, в конечном счете, чтобы вновь приготовить себе пропитание на следующую зиму с меньшими затратами

физического труда.

После небольшого умозаключения нетрудно прийти к выводу. На экваторе люди, любимцы богов, лежат целый день под бананом в тенечке, и не надо им заботиться ни о пище, ни об одежде. На севере же эскимос беспрерывно ищет пищу, и нет у него времени для размышления. В средних широтах человек задумывался о своем будущем. Способ существования накладывает свой отпечаток на мышление. Вот почему люди, живущие в средних широтах, вышли на первое место по уровню жизни, по развитию техники и промышленности, по демократизации своего сообщества.

Развитие человека как индивидуума зависит от того, в каком обществе он начинает развиваться в самом младенческом возрасте. Детеныш зверя, если он попал в руки человека и прожил некоторое время с ним, повзрослев, не может жить на воле в своем сообществе. Он не способен добывать себе пищу, строить гнездоловово. И только при создании этому детенышу зверя специальных условий, при самом минимальном общении с человеком он, став взрослым, может вернуться в свою родную среду обитания.

Отбросим сказки великолепного Киплинга про Маугли, где детеныш человека может прекрасно жить среди зверей. На самом деле это невозможно. Было уже несколько случаев в той же Индии, находили человеческих детей среди зверей, которые тех выкармливали своим молоком. И ни один из этих детенышей, попав в руки людей, не стал нормально развитым ребенком. И сколько бы над ним ни бились врачи и психологи, он не развивался, в нем так и остались звериные привычки, он не приобретал человеческую речь, а эмоции свои выражал рыком или жалобным скулением. Это ли не подтверждение тому, что человек усваивает информацию о своем поведении в самом раннем возрасте. Умные люди доказывают, что ребенок с появления на свет Божий до шести лет усваивает 96% информации, а остальную часть - 4% - в школе и в дальнейшей жизни.

Подойдем к человеку с другой стороны. На южном острове, в джунглях, голландцы, заготавливая древесину красных пород, по ошибке, приняв за зверя, застрелили дикаря, главу семейства. Мать убежала, а маленький детеныш остался. Эта семья принадлежала к племени, которое жило еще в каменном веке. Все их орудия состояли из дубинки и каменного топора. Занимались собиранием диких злаков, плодов деревьев, выкалыванием корешков и

ловлей всего, что двигалось и ползло. Осиrotевшего детеныша сначала приютили лесозаготовители, где он стал быстро расти и развиваться. Потом власти поместили его в пансионат, где он мог изучить медицину, чтобы впоследствии вернуться в свое племя и привнести элементы цивилизации. Через несколько лет он стал врачом, и в умственном, и в культурном развитии ничем не отличался от остальных студентов.

Академик Лысенко, яростный проповедник теории эволюционного развития, доказывал, что если корове охапку сена каждый день подвязывать все выше и выше во время кормежки, то через год у нее шея станет, как у жирафа. Произойдет эволюция вследствие условий обитания.

Не доказывают ли разобранные нами случаи, что человечество произошло не от обезьяны, а имеет Божественное происхождение. Еще ни одна обезьяна, сколько над ней ни бились, не превратилась в человека. А детеныш человека, родиввшись в каменном веке, минуя все эпохи развития человечества, превратился в цивилизованного субъекта. В человеке изначально заложена жажда познаний, способность к самосовершенствованию, был бы лишь доступен исторический материал. Только все зависит от того, в какой среде идет его развитие. Что преобладает: Светлые или Темные силы.

Демократ и дерымократ

нас сейчас модно бить себя кулаком в грудь и вопить на весь белый свет, что он демократ и ради демократии отдаст свою жизнь, ляжет на рельсы. Я же их называю "дерымократами", от них за версту несет дерымом, а не демократией.

На руку нечисты, отъявленные воры, вруны и проходимцы. Всю жизнь служили делу Сталина и вдруг волею судьбы и случая были отпихнуты от партийного корыта. Один день без икры прожили, раз с авоськой по базару прошлись и сразу же крокодиловыми слезами залились, себя радетелями народа объявили. Но как бы ни линяли, в какие бы одежды ни рядились, а краснота все равно изнутри выпирает, расплазаясь коричневыми пятнами. Один "демократ" старииков и немощных "благодействовал", подчистую ограбил. Второй бросил народу ваучер - голую кость, заверяя

и глядя бесстыжими глазами в камеру на всю страну, что она через год обрастет двумя "Волгами". Сейчас слово "демократ" треплют словно портянку, кто только к какому месту ни прикладывает. Кто на рожу, кто на кожу, а кто к такому месту, про которое и стыдно сказать.

Один умный немец сказал, что свободы хотят все, только порядочный человек хочет свободы для всех, а негодяй исключительно для себя. Я постараюсь по-русски, без "демос" и "кратос", объяснить, как я понимаю: кто такой демократ и что такое демократия. Демократ - это человек, который хочет сам жить хорошо и свободно, но хочет, чтобы и окружающие его люди жили прилично. Демократия - это такой общественный строй, при котором свобода моего кулака ограничена у ближайшего носа соседа.

Какой была Россия при Брежневе, при его верных соратниках, жесточайших первых секретарях обкомов и горкомов? Была империя Зла. А экономика была системы "ниппель". Эта система пропускала только в одну сторону, от рабочих и крестьян старались взять как можно больше, через горкомы и обкомы конечный продукт труда попадал в Кремль, где главный негодяй раздавал богатство страны направо и налево по всему миру. Тешил свои политические амбиции.

Что происходит сейчас в стране при новом Вожде и его окружении, при новых политиканах? Государство превратилось в страну дураков. А экономическая система: Хип-Хап, хватай кто сколько может. Разве это не страна дураков, когда показывают по телевидению гору угля, которая горит синим пламенем - некуда деть, а за сотню верст люди мерзнут, нечем топить котельные.

Брежnev и его окружение, начиная с горкомов и обкомов, были оккупантами в своей стране. Строили себе отдельно от народа столовые, больницы, дачи и санатории, для высоких особ - отдельные особняки. Считали, что их Рейх будет существоватьечно. Грабили бессовестно страну, но старались "сделать хорошую мину при плохой игре", обещали в будущем сладкую жизнь народу. В сущности своей все они, кроме Горбачева, были тупицами, были заражены бредовой идеей: построить во всем мире Сталинский коммунизм, идиоты не могли понять, что экономику сделали служанкой политики, а не наоборот - как в цивилизованных странах. Все было поставлено с ног на голову.

Коснемся преступности. В России при каждом Вожде преступность соответствует его образу и подобию. Stalin - хозяин

страны, его холуи - политбюро, областные, районные секретари-преступники. В лагерях была та же система. Старший блатной - главный пахан лагеря, его ближайшее окружение, то же политбюро, потом цвет, полуцвет и разной степени шестерки. А чтобы мужики, осознав свое рабское положение, не могли соединиться в мыслях, Сталин дал лагерным паханам неимоверную власть. Сколько бы пахан и его окружение ни изрезали, ни отрубили мужикам-работягам голов, больше 25 лет срока никто из них не получая. Этот изверг человеческого рода знал, как держать народ в страхе, как поступить, чтобы труженик, чувствуя свое бесправие, не покусился бы на устои власти. Преступный мир был одним из первых помощников в его кровавых злодеяниях.

Коснемся "дерьмократов". Это тоже оккупанты, но более омерзительные в своей сущности. Хищники, напоминающие гиен, всеядные, не брезгующие ничем, не знающие пощады. Они прекрасно понимают, что временщики, что нельзя, какой бы он ни был, весь народ долго держать в дураках. Пройдет какое-то время, и этот народ в стране Дураков хоть медленно, но поумнеет. Вот и хватают ртом и... лишь бы успеть награбить, сплавить капитал за границу. А чтобы народ, вдруг поумнев, не мешал бы грабить, Вождь, по подсказке окружения, бросил клич: "Торгуй где хочешь, чем хочешь и как хочешь!". Отменил монополию на водку. Это дрожжи, брошенные в преступный мир. На этих дрожжах и поднялся преступный мир до невиданных высот, образуя коррупцию и мафию всех мастей. На политический олимп всплыла диаспора, так называемые новые русские. В хаосе и неразберихе удобно грабить страну, прикрываясь лозунгами перестройки. Снабженные небольшим капиталом из-за границы, используя в преступных целях ваучеры, бесстыдным мошенничеством прибрали к своим рукам основные богатства страны: и нефть, и газ, и алмазы, и золото, дающие основной доход государству в виде иностранной валюты. Произошел передел собственности, богатство страны перешло в руки новых русских.

А старые русские: воры и мошенники, видя беспредел в высших эшелонах власти, подражая им, тоже группируются в свои картели-группировки, деля сферы влияния. И видя безнаказанность великих воров и мошенников, так же протягивают свои лапы к капиталу и власти, стараясь стать властителями городов и всей. Все смешалось: власть, капитал и преступность уже не разделимы.

Возьмем "величайших" особ. Кто-нибудь из них держал в своей жизни в руках что-то тяжелее ложки и вилки? Не учились, а служили комсоргами, не надо было в институтах экзамены сдавать. А если учились, то у г-жи З., которая сейчас является главным экономическим советником Кремля. Немудрено, что плоды налицо. Как-то раз еще в бытность Горбачева давала она интервью на экономическую тему. Уж крутила, вертела, все вокруг да около, хоть подол задирай да сади на костер, чтобы правду вытянуть. Но журналистка попалась дотошная, все же приперла к стене, деться некуда. И поведала г-жа З. свою экономическую концепцию, как говорится, выдала свои мысли на-гора. Вот зашел рабочий человек в магазин, не говоря о каком-то пенсионеришке, изобилие, колбасы полно, но цены такие! Поглотал он слюнки, глядя на изобилие, и пошел несолено хлебавши.

Хотелось мне пошутить, написать письмо примерно такого содержания. Чтобы больше получить наград и регалий, предложите, чтобы каждому рабочему-быдлу дали бесплатно реторту из небьющегося стекла, где находился бы кусочек муляжного мяса. Будет жрать картошку в мундирах, а для аппетита стоит на столе это сооружение. Ничего, что со злости трахнет об пол! Не разобьется! И дешево обойдется. Но побоялся. А вдруг мою шутку примут за новую экономическую концепцию и начнут усиленно внедрять как веление времени. Они не хотят понять простой истины, что если этот быдло-рабочий будет жрать только одну картошку, а пахать в шахте, пусть при этом раздается целый хор политических проституток, что он живет при демократии, осчастливлен Вождем, - от него будет такое же потомство, какое качество пищи. Их не касается, что в стране из 10 родившихся детей 2 дебила, многие с отклонениями в здоровье. При таком "умелом руководстве" вскоре в стране молодое поколение будет состоять почти из одних дебилов и наркоманов. Дело идет к катастрофе, русскоязычное население сойдет на нет.

Это их, оккупантов, не волнует, каждый из них лелеет мечту: вот хапну и смоюсь на обетованную землю. Из-за своей алчности не понимают, что собственными руками готовят еврейские pogromы. Им даже невдомек, что в России может появиться новый Вождь, возросший на идеях Гитлера, который будет клясться, что ляжет на рельсы, если народ будет жить хуже. И народ от отчаяния толпами бросится за ним. А он укажет перстом на виновников злодеяния. Все повторится сначала. Люди бросятся на желез-

нодорожное полотно посмотреть, нет ли там истерзанного трупа, а вдруг в матушке Раёе нашелся честный Вождь, выполнил свою клятву.

Не рви на себе волосы народ, не исходи горючими слезами, не погибнет твой кумир, в России еще ни один Вождь не покаялся, не заговорила в нем совесть, не пустил себе пулю в лоб. Не волнуйся, не окажешься без Вождя. На смену нынешним идут величайшие мошенники Мавроди с братией. В нормальной стране этого Мавроди и весь МММ не судили бы судом, просто-напросто линчевали бы на Красной площади, дав пинка тому, кто его взрастил и взлеял. Но не даром гласит пословица: "Каждый народ имеет то правительство, какое заслуживает".

Дети нынешних Вождей всех мастей в Афганистане не воевали, в боях в Чечне не участвуют. Они только умиляются, как другие мальчишки в восемнадцать лет умирают с улыбкой на устах. Этих негодяев не касается, каково матери получить цинковый гроб. Их дети поют только патриотические песни: "Сидели мы на крыше, а может быть, и выше, а может быть, на самой на трубе! Из-за угла кривым ружьем стреляли, мы грудью защищали родину свою!". Они твердо уверены, что на их век российского быдла хватит. Пушечного мяса достаточно, а если не хватит, то студентов погоним, которые не могут откупиться. И чем меньше умных людей в стране - тем легче ею править. В других же странах та же госпожа железная Тэтчер послала своего сына, когда шла война на Фолклендских островах, и он участвовал в боевых действиях.

Коснемся немного истории. Кто сейчас главный советник Кремля по историческим вопросам? Человек, который при жизни Сталина восхвалял его деяния, доказывая с пеной у рта, что он гений, каких еще свет не видывал с самого сотворения мира. Получил в бозе отец всех времен и народов, этот историк плакал на взрыд, рвя последние волосишки на голове. Но вскоре утешился,бросился восхвалять Хрущева, опять доказывая, что миром может управлять только он один. Бил в липавры, когда Хрущев был башмаком по трибуне в ООН, выдавая это за гениальность. После дворцового переворота, как верный пес, стал служить Брежневу. Опять доказывая с пеной у рта, что это гениальнейший человек и если бы не он, то в России не было бы революции и страна не выиграла бы войну с Гитлером. Теперь в угоду новому Вождю поет другие исторические дифирамбы.

О постулате "Всякая власть от Бога"

азмышляя о российском народе, прихожу к печальному выводу. Злую шутку сыграл с ним церковный постулат "Всякая власть от Бога". Давайте проследим за этим постулатом со времен Дмитрия Донского. Разрозненные русские княжества изнывали под гнетом татаро-монгольского ига. В это время во главе церкви, хотя и неофициально, стоял Сергий Радонежский. Человек великого ума, с Богом в сердце, с беззаветной любовью к Родине. Он понимал, что, не объединившись в одно могучее государство, Русь не сможет противостоять врагу. Все его помыслы и деяния были направлены на объединение, на создание могучего государства на основе Московского княжества. Церковь всеми силами старалась возвеличить Московского князя, объявив помазанником Божиим. Сергий Радонежский закрывал церкви в других княжествах, если они шли против Москвы. Его помыслы и деяния увенчались успехом, произошло единение. В результате Московский князь сосредоточил в своих руках власть, как светскую, так и духовную. Патриарх уже не назначался Константинополем, а выбирался Москвой. Последующие патриархи продолжали ту же политику, не осознавая, что, объявив российских царей помазанниками Божиими, невольно превратили церковь в служанку царского режима. И даже тогда, когда Иван Грозный уничтожил патриарха - главу церкви, она продолжала доказывать, что царь непогрешим, наместник Бога на земле, все должны поклоняться ему.

Хотя это в корне противоречит Святому писанию. Когда Иисуса Христа спросили, показывая талант- деньги, надо ли платить дань Кесарю, то он ответил: "Богу - богово, Кесарю - кесарево". Нельзя отождествлять царя Небесного с царем земным, это два разных понятия. Кесарь смертен и грешен, руки его могут быть по локоть в крови. И еще в своих заповедях Иисус Христос предупреждал: "Не сотвори кумира своего, да не поклоняйся ему". Не прямое ли это указание, что земного владыку нельзя причислять к лицу святых?

Окунемся в исторический экскурс. Так уж сложилась судьба России, она издревле существует на стыке Азии и Европы. Этнографически русский народ относится к западной культуре и по язы-

ку, и по внутренней сущности. Еще в древности греки отмечали присущие славянскому народу черты рыцарства: храбрость и честность, милосердие к побежденному врагу. Они мало были подвержены звону желтого металла. Но татаро-монгольское иго наложило свой отпечаток на развитие страны, на формирование культуры. На Западе король считался первым среди равных, конечно, впоследствии он становился деспотом от избытка власти, но все же приходилось оглядываться на палату лордов, на сейм, особенно на церковь. Сложился целый рыцарский класс, который оказывал большое влияние на культуру. Был написан целый свод законов и правил, по которым должен был жить рыцарь.

Восток развивался совсем по другим законам. Глава государства, хан или султан, обладал абсолютной светской властью, был еще и религиозным лидером, наместником Аллаха на земле. Как только вступал на престол, сразу же становился тираном. Все его окружение должно было льстить, выражая величайшую покорность. Они громогласно объявляли себя рабами, гордясь этим званием. Тирана же называли не иначе как солнцеподобный, мудрейший из мудрейших, наместник Аллаха на земле. Невольно вспоминается П. И. Пестель, гениальный человек, знаток истории с древнейших времен до 1825 года. Про которого командующий сказал, что он мог бы быть командующим действующей армии и любым министром. Пестель на основе исторических материалов доказал, что нахождение власти в одних руках всегда кончалось деспотизмом.

Уже несколько веков в России существуют два политических течения. Одно - западники, которые хотели бы видеть страну чисто западного образца. Второе - восточники, доказывающие, что Россия - азиатская страна и путь ее развития должен идти по восточному образцу. Произошло смешение двух стилей, и до сих пор мы не можем избавиться от этого: от одного берега отошли и к другому не пристали, хотели бы считать себя европейцами, а жить по азиатским законам.

Если следовать постулату "Всякая власть от Бога", то мне придется причислить к лицу святых: Гитлера, Сталина, да и вновь испеченного Вождя Ельцина. Но в моем понимании все они относятся к одной когорте - исчадия зла. За наши грехи Господь отворачивает от нас свой лик, оставляет один на один с дьяволом. А дьявол, воплотившись в Сталина, Гитлера и вновь испеченных Вождей, мучает народы голодом, холодом, бросает с мечом друг

на друга.

Около двадцати лет назад я спорил с одним архикоммунистом, в то время были и умные коммунисты, понимали, что наша экономика и сельское хозяйство в разрухе: не можем накормить страну, не можем свой товар продать за границей. Были и жесточайшие первые секретари обкомов, на которых уже некуда ставить клеймо. Этот был маленькой сошкой, но относился ко вторым. Я ему напрямую заявил, что его Генсека, Леню-царя, надо судить за Афганистан и за многое-многое другое. Спор разгорелся, происходил он при свидетелях. Вступил в разговор молодой человек. Он дал мне самую лестную характеристику, по его понятию, я подхожу под статью демократа. Но тут же посетовал, что вроде демократических взглядов, а древнего старика хочу упечь в тюрьму.

Я ему ответил: "Миша, ты не бойся! Леню никто в тюрьму не посадит! Врачи не дадут! У него столько окажется хронических болезней, что люди ахнут, за голову схватятся от удивления, как еще бедный живет! Врачи не дадут его посадить! Важен судебный процесс! И если этот судебный процесс состоится, то после него на престол взойдет умный генсек, жизнь изменится в лучшую сторону. Будет править страной - думая, а не царствовать - не думая. Он будет знать, что за преступления придется отвечать еще на этом свете".

Скажу и тебе, российский народ, если будет судебный процесс над Ельциным, его тоже не посадят, врачи не дадут, обнаружат столько хронических болезней, да таких, что не только нельзя доверять государственную власть, а свиной пасти непозволительно. В Ельцине собраны все человеческие пороки, и самый отвратительнейший - это жажда власти. Для таких людей - это наркотик. Чем больше употребляют, тем больше им хочется. Это болезнь, граничащая с помешательством. Через неделю, оставшись без власти, такие люди будут ходить словно... Прошедшее не исправишь. А главное то, что такие политики, как Жириновский, Брынцалов, Анпилов и вся эта преступная братия: чубайчики, гайдарчики, березовские, лисовские, собчаки, кислюки, так называемые новые русские - слиняют с политической арены, словно их корова языкком слизнет. Каждый из них, как бы ни был заражен жаждой власти, какой бы ни обладал алчностью к наживе, шкурой будет чувствовать, что за преступление ждет расплата.

Я не буду трогать господина Ельцина, нет слов, чтобы выра-

зить презрение. Возьмем Жириновского. Вот его клоунские репризы: то российский солдат будет мыть сапоги в Индийском океане, то чеченский народ переселит сталинским методом, уже и место выбрал, то каждой бабе даст по мужику. Поддержу его заботу о русской женщине. Не только по мужику, а у каждой женщины будут задок кулаками мерить. Сколько кулаков - столько мужиков. Правда, мужики-то китайцы, аль другие - свои-то передохнут. И такой человек рвется к власти.

Показывают по телевидению претендента на русский престол. Едет Брынцалов на лошади, хлопая ее по шее, приговаривает: "Надо тебя приручать, как Россию!". Слез с лошади, из свиты раздается голос подхалима: "Какой красивый круп у лошади!". "А у моей бабы еще лучше! - заявляет Брынцалов. - А ну, покажи!". И эта претендентка на будущую роль первой леди страны сбрасывает хламиду и выставляет зад в камеру. Случись это в любой другой стране, а не в нашей, считалось бы национальным позором, пришлось бы бежать из страны. Еще прошлый год с вилами на паровоз бросался, кричал: "Шайтан-арба", а нынче выставляет себя кандидатом в президенты. Такое может случиться только при ельцинизме, нувориши и всякая нечисть чувствуют себя вне закона: "Чубайса я не отдам!".

Дорогие мои соотечественники, когда же вы выдавите из себя раба. Поймете, что президент не помазанник Божий, не Вождь всех времен и народов, и даже если он пообещал, что, если ты будешь плохо жить, он на рельсы ляжет, не становится от этого святым. А такой же смертный, как каждый из нас. Просто чиновник высшего разряда. Который получает зарплату за свою работу. И он должен добросовестно выполнять порученное ему дело. А за преступление будет судим.

О революциях

прошло 50 лет, как я, пятнадцатилетний пацан, в 1949 году узнал от одного заключенного о Сталине, о его характере такое, что трудно было поверить. Он рассказал даже о том, что Сталин, перед тем как убить маршалов и других людей высокого ранга, за несколько дней вызывал к себе в Кремль. Беседовал, делился планами, в то же время испытывал адское наслажд-

дение, что вот жертва сидит перед ним и не догадывается, что ей уже подписан смертный приговор. В силу своей внутренней сущности Сталин не мог терпеть около себя умных людей. Это был изверг, исчадие ада.

В то время меня мучила одна мысль: как так случилось, что социалистическая революция, которая по своей сущности должна была дать стране демократию, народовластие, раскрепостить духовные силы народа, двинуть техническую мысль, достигнуть в культуре невиданных высот, но вместо этого превратила страну в сплошной застенок, над которым навис страшный, кровавый Сталин-палач. Как так случилось, что народ, совершивший революцию, и те, кто к ней призывал, захлебываясь собственной кровью, погибли, как бараны под топором мясника.

Шли годы, а я все время думал: нужна ли была революция России, и почему она произошла именно в ней. Поделюсь своими мыслями. Продажные историки в один голос твердили, что В. И. Ленин и его друг и соратник И.В.Сталин - организаторы и вдохновители революции в России. Это ложь. Ленин внес маленькую толику в это дело. А основными организаторами и вдохновителями революции в России были: царь-батюшка с его ближайшим окружением; церковь с ее постулатом "всякая власть от Бога, а царь - наместник его на земле"; новоявленные капиталисты, которые в начале 20 века расцвели пышным цветом, никем и ничем не контролируемые.

Постараюсь вкратце объяснить, почему я пришел к такому заключению. Возьмем Радищева, автора книги "Путешествие из Петербурга в Москву". Это ли не доказательство, что крепостное право являлось отвратительнейшим злом, которое тормозило развитие России. Фонвизина. Все эти Простаковы, Скотинины, омерзительные личности, могут существовать только при крепостном праве. Дедушку Крылова. "Похвальная речь моему дедушке". Крестьяне настолько ободраны податями, вокруг не найти курчонка, а гости-крепостники на пиру у хозяина обжираются. Тургенева. "Записки охотника". Взять только Пеночкина, которому показалось, что не так нагрето вино. И сразу же последовала команда: "Федор, насчет Василия распорядись". И бедного Василия уже на конюшне плетьями порют. Нет ни одного русского писателя, который бы восхвалял крепостное право.

Коснемся декабристов. Это цвет русской нации. Величайшие умы России, беззаветно любящие свою Родину. Прошли с боями

всю Европу. Умом и сердцем понимали, что русский солдат, освободивший всю Европу от тирании, сам же, победитель, снова возвращается в руки тирана-крепостника. Какие имена: Волконский, Пестель, Трубецкой, Лунин... Есть у Герцена статья "Молодые старики и старики молодые". Про Волконского. Он и после каторги не каялся, что вышел на Сенатскую площадь. Все они искренне считали крепостное право и царский режим величайшим злом для России.

Гончаров в своем романе "Фрегат "Паллада"" описывает, как в 1854 г. в Японии встречали Путятину-дипломата. Японская полиция была вооружена бамбуковыми дубинками. Железная лопата являлась высшим достижением техники. В России в это время были уже водяные и паровые машины. Через пятьдесят лет Япония обогнала в техническом развитии Россию, что наглядно продемонстрировала в Порт-Артуре, при Цусимском сражении.

Царь и его окружение не могли и не хотели понять, что нужны новые методы правления. Появился Столыпин - великий реформатор, при нем Россия пошла семимильными шагами в своем развитии. Убрали. И не революционеры убили, а ближайшее окружение: царицы и цари, не хотели поступиться даже маленькой толикой власти. Нашли замену, Гришку Распутина.

Вторым организатором и вдохновителем революции была церковь. Я уже упоминал выше о постулате "всякая власть от Бога". Коснусь других вопросов. Если мы ведем свою родословную от Адама и Евы, то все мы братья. Так почему тогда в России существовало крепостное право, брат-крепостник мог убить брата-крепостного. Почему церковь не боролась против такого зла, противоречащего учению Иисуса Христа? А, наоборот, содействовала, защищала, укрепляла такой режим, сама была крепостником. Всеми силами старалась доказать, что царь непогрешим, помазанник Божий.

Коснемся дикого капитализма, который в начале 20 века расцвел пышным цветом. Именно дикий, ничем и никем не контролируемый. Как-то один защитник предреволюционного капитализма, восхищаясь им, привел пример. Что такой-то имярек-капиталист был умен, богобоязен, меценат, целый воз березовых веников в богадельню отправил. Он был настолько рачительным хозяином, что даже записывал все расходы по дому. Из этих записей следует, что он тратил в месяц на столовое вино столько, сколько его самый квалифицированный рабочий не мог заработать за два

года. Из этого сравнения можно заключить, как жил его рабочий с семьей. Не секрет, что жили они в бараках в тесноте, не каждая семья имела свой закуток, огороженный деревянной оградой. Рабочий был бесправен, некому было пожаловаться на дикий произвол хозяина.

Царь втянул страну в первую мировую войну. Но Россия была не готова к ней, не могла вести успешные боевые действия. В политической структуре не произошло никаких перемен, трепали только один лозунг: "Война до победного конца". Через три года страна оказалась перед катастрофой. Сократилось промышленное производство; сельское хозяйство, потеряв труженика-мужика, ушедшего солдатом на фронт, уже не могло прокормить страну. В Питере и во всех крупных городах появились громадные очереди. А лозунг "Война до победного конца!" стал еще ненавистнее простому народу, который получал только смерть близких, горе и страдание.

Произошла февральская революция. Все приветствовали отречение царя-батюшки от престола. Даже сам Великий Князь Владимир ходил с красным бантом в петлице. Образовалось Временное правительство, но ни во внешней, ни во внутренней политике ничего не изменилось. Керенский-позер не знал, что делать, трепал все тот же лозунг. А страна уже была словно котел под большим давлением. Ленин, воспользовавшись моментом, бросил лозунг в народные массы: "Мир народам, заводы рабочим, земля крестьянам!".

Большевики в Питере не дрались на баррикадах, кроме "Авроры" не слышно было выстрелов, тихо и спокойно власть перешла в его руки. Простой народ пошел за Лениным, искренне веря его обещаниям. И даже тогда, когда Москва была окружена плотным вражеским кольцом, основная масса населения шла за ним, не хотела возвращаться под скипетр царя, где не имела даже права на образование. Это уж потом большевики приписали все заслуги себе и стали творить беззаконие похлеще царского режима. Так же, как и сейчас, новый Вождь обманывает народ в угоду новым русским, хотя в начале своего царствования обещал, что ляжет на рельсы, если народ будет жить хуже.

Народ и толпа

арод и толпа – это две большие разницы, хотя могут состоять из одних и тех же людей. Народ живет вековой мудростью, которая передалась от отцов и дедов. Эти нравственные законы и понятия вырабатывались и в черную годину, и в дни торжеств. Народ мудр знаниями, доставшимися по наследству. Он безошибочно выбирает тот путь, то поведение, по которому шли предки, присовокупляя и свой опыт.

Толпа - дело другое. Но чтобы перейти к вопросу о ней, необходимо совершить краткий экскурс в человеческую натуру. Человек рождается в двух ипостасях, в нем заложены гены добра и зла. Но добро и зло заложены не в равной мере. В дальнейшем все зависит от воспитания, сумеют ли родители развить в ребенке добро или своим поведением присовокупят зло. И мера его нравственности будет напрямую зависеть от нравственности родителей.

Нужно помнить, что мысль, и это уже доказано, материальна. Она, как электрические и магнитные волны, способна с большей скоростью, чем скорость света, распространяться в пространстве. Мысль, возникшая в голове одного субъекта, воспринимается другим. Разве не являются доказательством этого гипноз, телепатия, часто близкий родственник чувствует горе другого на большом расстоянии.

Понаблюдайте и проследите, как формируются и возникают преступления в среде подростков. Сначала собираются два-три человека, идет нормальный мальчишеский разговор, может, даже о возвышенном. Потом присоединяются другие, образуется толпа. Появляется стайный инстинкт, индивидуальные Ауры смешиваются, становятся общей. Начинается разборка, кому какую занять ступеньку на иерархической лестнице. Каждому хочется возвыситься над другим. Но вот появляется жлоб, непомерно обогнавший других в физическом развитии, но настолько же отстав в умственном отношении, не столько под мухой, сколько напуская на себя дурацкого куража, вытаскивает из кармана открытки с порнографией, пускает по рукам. Начинает взахлеб рассказывать, что он, нет, не ловелас, а жеребец, который все испробовал. Довольный, что произвел такой эффект, старается закрепить свое лидерство. Сделав страшные глаза, начинает рассказывать, как

избил подвернувшуюся под горячую руку, ни в чем не повинную жертву. Все это преподносится в самых черных красках, он старается изобразить себя злобным и жестоким, претендую на верхнюю ступеньку иерархической лестницы этого общества. И тут же готов отстаивать свое право у конкурентов. Не успеет он закончить, как тут же трусливый, хилый слабак начинает красочно расписывать, как он уделал своего противника, которого унесли на руках, и вряд ли его врачи сберут. Тоже страстно хочется занять ступеньку как можно выше. Тут уж ум не идет в расчет, одна изворотливость и физическая сила.

Выпущен джинн Себялюбие, от которого уже нет спасения. Неокрепшие души, несформировавшаяся нравственность, каждому хочется славы, быть большим героем, чем остальные. Зло, подспудно сидевшее в душе, вырывается наружу. Распространяясь, оно проникает в другие черепные коробки, вызывая там зависть и злость. Соединяясь, зло невидимым облаком покрывает всю компанию. И если в этой атмосфере появится хоть маленькая толика здравого смысла и добра, то она тут же со свирепой жестокостью уничтожается злом. Зло, приобретя свободу, торжествует, требует от своего хозяина действий. Слава рвет душу когтями, тоже требуя все от того же хозяина подтверждения, что она величественнее других. Идет соревнование, кто зле и свирепее из собравшихся. И, потеряв рассудок, совесть и честь, подростки, движимые стальным инстинктом, способны на любые преступления, только бы утолить эту ненасытную жажду славы, дать пищу кровожадному злу.

Толпа из взрослых людей образуется в острых ситуациях, когда задеты честь и достоинство или материальное благополучие. Люди возбуждены, выведены из равновесия, выплеснуты эмоции. Наружу вырываются зло и месть, накопленные десятилетиями. Толпа бурлит, соединяясь в своем возбуждении, подогревая друг друга, и часто справедливый гнев перехлестывает границы. Каждый старается показать свой гнев к врагу. И, чтобы показать свое радение о народе, требует максимального, хотя и сам прекрасно понимает, что его требования заведомо невыполнимы.

Кроме всего прочего, просыпается стальной инстинкт: толпа не выдаст, защитит, а в случае чего - коллективная ответственность, большой срок не дадут, да на миру и смерть красна. Можно кричать что угодно, лишь бы громче и злее. Ярчайший пример этому - как-то показывали митинг по телевизору. По-воровски озираясь,

расталкивая локтями других, появилась перед камерой довольно сомнительная личность, изрядно подпитая. Прокричав: "Царь Михаил! Москва - третий Рим!"- тут же, вновь оглядываясь, нет ли рядом филера, стал прятаться в толпе, не соображая, что камера уже запечатлела его на весь мир.

У Герцена в романе "Былое и думы" описан такой случай. Едет Бакунин по Германии. Видит, собралась возбужденная толпа крестьян. Так как он революционер, борец за свободу и демократию, вылез из коляски, подошел к толпе. Не зная ни одного слова по-немецки, никто из толпы не знал ни одного слова по-русски, но через полчаса толпа с зажженными факелами бросилась на штурм замка, где ее уже ждали солдаты. Сколько было пролито крови, сколько было перепорото спин из-за одного праведника, который желал им добра. А жизнь крестьян стала еще тяжелее и невыносимее.

Я не против митингов и протестов, но в них должно быть меньше эмоций, а больше трезвого рассудка. И чтобы вожди разделяли участь народа.

Свекровь и невестка

чился я в шестом классе. В это время жил у дедушки с бабушкой, называя их по-сибирскому обычаю батя и баба. Жили неплохо, полный двор скотины, да и дом по деревенским понятиям был приличным. Как у всех, в доме стоял один стол, за которым трапезничали, на нем же бабушка занималась стряпней. Семья наша была дружная, но главенствовал дед, держал бразды правления в своих руках. Иногда он в гневе и помаривался, когда был под хмельком, но в нормальном естестве был рассудительный и корректный.

Как-то раз зимой, перед каким-то небольшим церковным праздником, поставив квашню с вечера, бабушка с самого утра принялась за стряпню. Раскатывая тесто, раскладывала на столе, давая ему вновь подняться. В это время она священнодействовала, поднимаясь в семейной иерархии на невиданную высоту. Дед сел к окну, принялся подшивать валенки. Мне же нужно было выполнить школьное письменное задание. Так как бабушка заняла стол, а когда она стряпала, то не подходи и близко,- я поставил табу-

ретку около деда, встав на колени, принял строчить в тетради. Сам нет-нет да поглядывал на бабушку, как у нее идут дела, зная, что она должна изготовить "красную горку" на меду, до которой я был большой охотник.

Вдруг она как-то суетливо принялась переливать воду из ведер в большую кастрюлю. Это меня сильно удивило. Было еще почти полтора ведра воды, а ей потребовалась новая, да она явно намеревалась пойти сама, хотя это была моя прямая обязанность.

— Ты куда, баб? — задал я вопрос, соскочив с колен. — Вода же есть! Если мало, то давай я по-быстрому сбегаю!

Бабушка как бы смущаясь, но довольно твердо заявила, чтобы я выполнял задание, а уж она сама сходит. Это меня еще больше удивило. Половина теста в квашне, дрова в русской печи прогорают, а она, бросив все, отправилась за водой, хотя нужды в этом не было. Так ничего и не поняв, я вернулся на прежнее место.

Как я уже помянул, дед иногда в сильном гневе поматеривался. Как только бабушка вышла из ограды и подалась к проруби, он, как бы обращаясь ко мне, заявил:

— Туды-растуды этих баб! Ты думаешь, нашей старой карге вода понадобилась?! Печь прогорает, тесто бросила, поперлась! Смотри! Сколько баб собралось у проруби! Уже полчаса языками молотят! — я выглянул в окно. Действительно, у проруби стояло пять-шесть баб, энергично жестикулирующих руками. Расстояние небольшое, всего метров шестьдесят, были хорошо видны лица и беспрерывно открывающиеся и закрывающиеся рты.

— Вот ты посмотри! — обратился снова ко мне дед, указывая перстом в окно. — Вот ведь, окаянное племя! Стоят, расшарались! У всех на плечах полные ведра с водой! И ведь уже полчаса языками молотят и ни одна не догадается снять ведра и поставить на землю! И час будут чесать языками, сплетни разбирать, а полные ведра так и будут висеть на плечах! — бабушка уже подходила к компании баб. — И наша ведь, дурья бабья башка, сейчас подойдет, почерпнет воду, подцепит коромыслом и на горб! Расшарится для устойчивости и начнет, туды ее мать, языком молоть! Тыфу ты это бабье отродье! — и дед в сердцах воткнул шило в валенок. Я стал наблюдать за действиями бабушки. И действительно, она подошла к проруби, было видно, как, кланяясь, поздравовала, тут же зачерпнула воду в ведра, подцепила коромыслом, водрузила на плечи. Несколько раз переставила ноги, ища устойчивое положение, включилась в разговор.

— Батя, а ты действительно как в воду глядел! Как сказал — так и вышло! — воскликнул я с восхищением. Дед, улыбнувшись, затянул дратву, пустился в рассуждение.

— Вот ты посмотри! — дед поднял указательный палец. — Соберутся шесть мужиков! Один говорит — все слушают! Потом другой начинает о чем-то толковать! А эти же сороки, мать их за ногу, все враз говорят! И, что удивительно, каждая все услышит и все запомнит! Вон, Дарья больше всех руками машет, опять что-то про невестку плетет!

— Бать, а ведь Дарья-то вроде неплохая бабенка! — сказал я и для подкрепления своих слов добавил: — Помнишь, как она жаловалась, что ее всю жизнь свекровка заедала!

— А черт их, этих баб, поймет! Пока невестка — все на свекровь обижается! Как сама стала свекровью — так готова невестку сожрать! Ну поругаются теща с зятем! Сходят в баню, попарятся, помоются, потом бутылочку разопьют — и снова родня близкая. Но эти готовы сожрать друг друга! Тыфу ты окаянные! Евины дочки! — дед плюнул в сердцах и снова принялся за валенок, давая понять, что у него уже не хватает сил разговаривать на эту тему.

Меня поразили дедовы слова. Дня три назад, вечерком, на огонек, как бы покурить, зашел Петьяка, сын этой Дарьи, женившийся всего месяцев шесть назад. Как бы между прочим, в разговоре, затягиваясь самокруткой, пожаловался деду, мол, всего-то ничего прошло со дня свадьбы, а в доме война, никак баб мир не берет.

— А кто кого больше грызет? — поинтересовался дед.

— Да мать! Никак ей Клавка угодить не может! То поздно, то рано встала, то чугунок не туда поставила.

— Ты, Петюшка, не ввязывайся! Пусть грызутся между собой! Вот Клавка как понесет, почувствует себя бабой, сразу клыки вырастут! Даст отпор! А так пожалеешь одну — другой обидно станет, только масла в огонь подольешь. А вот уж как по-настоящему сцепятся да заявят, что друг с другом жить не могут, то ты им по-мужицки ультиматум объяви, что тебе и мать жалко, и жену жалко, а разорваться не можешь. Раз уж не жалеете меня, рвete мне душу на две половины, только и остается одно: или руки на себя наложите, или уж жить одному. Уйду я, мол, от вас, буду жить один, а вы грызитесь, ешьте друг друга поедом. Но только так скажи, чтобы они поверили. Сразу хвосты подожмут, грызня прекратится. Если уж будут кусать друг друга, то потихоньку, молч-

ком, при тебе и вида не покажут.

Бабушка в это время занималась хозяйством. Меня они в расчет не брали, разговор шел по душам, как говорится, с глазу на глаз. Вскоре повеселевший Петька, поговорив еще для приличия о хозяйственных делах, ушел домой.

Тесто потихоньку вылезало из квашни. Я подошел к столу, взял веселку в руки, намереваясь подбить, чтобы опало. "Не тронь!" - прикрикнул дед. Потом, немного погодя, миролюбиво добавил: "Со стола не убежит!". Время шло. Бабушка вернулась минут через пятнадцать. Опустив воровато глаза, вошла в дверь. Тесто уже перевалилось через край квашни, растекалось по столу. Дед взглянул на нее зверем, но я, приложив палец к губам, прошептал: "Погоди! Узнаем, о чем говорили бабы!". - Хитро подмигнув мне, дед как ни в чем не бывало принялся за валенок. Бабушка торопливо поставила ведра, принялась за стряпню, изредка поглядывая на деда, ожидая грома, из-за того что так опростоволосилась с тестом и печью. Дрова прогорели, была уже пора сажать стряпню.

Видя ее затруднение, я, не спрашивая разрешения, подбросил несколько поленьев в русскую печь. Она взглянула на меня с благодарностью и тут же перевела взор на деда. Но тот подшивал валенок и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на то, что творилось в доме. Бабушка успокоилась. Повергнувшись около нее, задав несколько незначительных вопросов насчет стряпни, как бы мимоходом спросил: "Опять Дарья на невестку жалуется?". Бабушка клюнула на наживку. Сгорая от нетерпения с кем-то поделиться новостью, принялась перечислять, в каких грехах Дарья обвиняет Клавку, которая в девках была смиренницей и доброты необыкновенной.

Меня это очень поразило. Когда Дарья рассказывала, как и за что ругала ее свекровь, то сейчас сама за это же самое грызет свою невестку. Сопоставляя, я пришел к выводу, что и другие женщины недалеко от нее ушли. Вроде умные и добрые, а вот пока невестки - обижаются на свекровь, а как стали свекровью, так поедом едят невесток. Этот вопрос долго не давал мне покоя. Шли годы, а жизнь все напоминала мне об этом. Я ломал голову, пытаясь постичь истину. И, кажется, мне удалось. Подтверждение этому, как-то прочитал у Герцена маленькую заметку об этом вопросе. Я не буду цитировать ее на память, это бесполезное дело. Герцен - это один из русских писателей, у которого в нескольких

строках сосредоточена громадная информация, каждое предложение, словно законченная повесть. Лучше я расскажу своими словами.

С самого зачатия плод связан пуповиной с матерью. У них одно сердце на двоих, питаются одной и той же кровью. Плод и мать – одно целое. Она готова носить его целую вечность под сердцем. И только неумолимый закон природы заставляет расстаться с ним. В страшных муках для матери ребенок появляется на свет. Рвется пуповина, но связь не прерывается. Наступает другая, духовная связь, у которой свои законы. Мать душой и сердцем сознает, что отделившаяся от нее часть нуждается в защите и покровительстве. Родная кровь все время дает о себе знать.

Большая разница между волчицей и женщиной-матерью. Если у волчицы родится урод, то она его тут же уничтожает. Таков закон природы, он не выживет в стае волков. Если же у женщины рождается ребенок с отклонениями, то она его яростно защищает, старается скрыть от людских глаз недостатки. И чем больше ребенок уродлив, тем она яростнее его защищает.

Проходят годы, дитя растет, но духовная связь не ослабевает, родная кровь все время дает о себе знать. Матери жалко и взрослого сына, у которого уже своя семья. Она готова пожертвовать любой частью тела и даже своей жизнью для его благополучия. Ей все время кажется, что, появиввшись на свет Божий с такими муками, ребенок должен принадлежать только ей. И как бы она ни подготавливалась к тому, что придет время и эта драгоценнейшая часть должна принадлежать кому-то другому, но сердце и ум отказываются этому верить. Для нее сын с бородой тоже дитя. Ей все время кажется, что, попав в другие руки, ее ребенок испытывает страдания, и малейшая несправедливость по отношению к нему сразу же вырастает в ее глазах до величины слона. И сколько примеров, когда из-за женщин не могут ужиться под одной крышей семьи, состоящие из нескольких поколений.

Благословенная та женщина, которая умом и сердцем понимает, что свекровь и невестка тоже чьи-то драгоценности и их нужно любить так же, как свое дитя. И когда она это поймет, то приобретает покой и величие, и негасимая женская любовь, на которой держится весь мир, переносится на внуков и правнуоков. И счастливые те ребятишки, у которых рядом дедушка с бабушкой. Никто не может так доглядеть за ребенком, как бабушка. Никто не может так ненавязчиво передать обычай народа, тради-

ции семьи, как дедушка. Никто не может дать такое умственное развитие ребенку от года до шести, как старики. Их громадный жизненный опыт позволяет делать это играючи, почти без труда. В большинстве своем дедушки и бабушки любят внуков своих больше, чем собственных детей, подсознательно чувствуя в них свое будущее продолжение.

Послание незнакомой девушки

илая девушка! У меня никак не выходит из головы брошенная тобой в сердцах фраза: "Нет сейчас парней-рыцарей, а бродит вокруг одна мразь!". Я стала невольным свидетелем сценки, которая до сих пор не дает мне покоя. Дело было в парке. Я сидел на скамейке, а вы втроем проходили мимо меня, только что отдававшись от ухаживания парней, сильно смахивавших на дебилов. На вашем лице была неподдельная презрительность и презрение, словно вы прикоснулись к чему-то мерзкому, липкому, после чего тут же хочется вымыть руки, сменить одежду.

Взглянув на тебя, на гамму чувств, выраженных на вашем лице, мне стало ясно, что вы одна из тех в России: умных и благородных, для которых не пустой звук слова - честь, совесть и достоинство. Я счел бы за честь назвать вас своей внучкой. Я не так уж стар, не так уж много прожил, но очень много видел в своей жизни, так уж сложилась судьба. Меня тоже всю жизнь возмущает развращенное хамство в России. Я много думал: почему у нас в стране, причислившей себя к европейской культуре, творится такой беспредел, что заставляет так называемых людей жить по скотским законам. Хотелось бы поделиться своими мыслями с тобой.

Не верь, внученька, что при царе-батюшке была в России культура. Это ложь, которую нам бы хотели преподнести и выдать за правду монархисты и вновь испеченные дерьямократы-патриоты. Так уж сложилось, Россия находится между Европой и Азией, между востоком и западом. По своим природным данным русский народ тяготеет к европейской культуре, ему не чуждо равноправие между мужчиной и женщиной. Дошли отголоски, упоминания в летописях, что на пирах русских князей принимали участие женщины. Но нашествие татаро-монгол в корне все

изменило. Поработители насаждали свои порядки, семейные отношения изменились. Женщина стала бесправной в своем собственном доме, стала рабыней мужа. До Петра Первого в России главенствовала азиатская культура, тирания мужчины над женщиной. И только Петр Первый, первый революционер в России, стал искоренять варварство варварскими методами. При нем стала формироваться европейская культура, искореняться дремучая дикость, образовалась новая аристократия, женщины из высшего общества уже были обязаны танцевать на ассамблеях.

Но после его смерти вновь все пошло вспять. Взять русских царей, хотя бы Павла Первого. Отличался ли он культурой? Был деспот, каких поискать только среди азиатских ханов. Правда, при Александре Первом Отечественная война всколыхнула русское общество, из глубины души выплеснулось самое хорошее, что было в русском человеке. В конечном счете, после многих неудач, русские войска прошли всю Европу, дошли до Парижа, как говорится, повидали мир. В это время в русском обществе образовался новый тип культурного человека, которому была близка свобода и демократия, который боролся за равноправие не только женщины, но и всех сословий.

Но Декабрьское восстание закончилось провалом, как истинные демократы, они не смогли пролить кровь, лишить жизней царскую фамилию. На престол взошел Николай Первый, как называл его Герцен, "прилизанная медуза". Была ли ему свойственна культура? Его натуре было чуждо такое понятие. Это был человек без чести, без совести, с одной жаждой власти, с изуверской жестокостью. Как упоминает Александр Дюма в своих записках "Путешествия по России", Николай Первый носил тридцать лет одни тапочки, которые собственноручно вышила Августейшая Мария Федоровна, которая еще будучи Великой Княгиней умела маршировать и делать ружейные приемы не хуже любого фельдфебеля. Русским языком владела в "совершенстве". Сопровождая царя с инспекторской проверкой, задала воспитаннику Лицея вопрос: "Карош зюп?" - на что тот, растерявшись, ответил: "Да, мусье!".

Этот же Николай Первый носил всю жизнь одну и ту же шинель, на которой спала ночью его любимая собака. И в знак величайшей благосклонности, как поощрение, разрешал своим детям спать вместе с собакой на этой шинели. Этот деспот, не знавший ни жалости, ни сострадания, уничтожил цвет русского общества. Снова азиатчина воцарилась на русской земле. Снова мужчина-

деспот стал полухан, полубог. Была ли культура при таком царе? А уж о мастеровых и крестьянах даже говорить нечего. В их среде бытовало понятие: если бабу не бить, как лошадь, то она испортится. Вот и наяривали по пьянке да трезвые: кто кулаком, кто пинком, а кто и оглоблей, приговаривая: "Баба, как кошка, на одном месте убей, на другое перетащи – оживет!". Это была российская культура. В России больше всех страдала женщина, бесправная, лишенная права выбирать себе спутника жизни, вынужденная производить потомство от пьяного деспота. Недаром она в конце девятнадцатого века, забыв свое предназначение, бросилась в революционную деятельность, и ее любимым словечком стало слово эмансипация. Шла в тюрьмы и в ссылки, стреляла даже в людей.

Произошла революция, отгремела гражданская война, женщина уравнялась в правах с мужчиной. Надев красную косынку, стала называться рабочим классом. Женщину "вознесли"! Во всех газетах и журналах только и писали, что вот такая-то представительница рабочего класса уложила бетона столько, что двум дюжим мужикам не под силу. А другая нарубала уголька, перевыполнив норму в три раза. Хвалили, словно ломовую лошадь на торгах.

А Вождь всех времен и народов, хлопая по плечу этот рабочий класс, высокопарно говорил: "Надо посоветоваться с рабочим классом!". А этот новый класс, млея под рукой Вождя, оттого что ему оказано такое доверие, не замечал, что об него просто-напросто Вождь вытирал кровавые руки. Вот и орали, в том числе и женщины: "Смерть врагам народа! Смерть предателям!" - не ведая о том, что уничтожают последних умных, благородных людей, носителей культуры. Сколько было ярых активисток в деле раскулачивания. Забыв женское сострадание, выбрасывали матерей с малолетними детьми в нарымские болота, предварительно ободрав до последней нитки.

Да и сейчас жизнь у женщины как в том анекдоте, где она спрашивает, что же она за скотина: "Утром соскакиваю и несусь на работу, как собака. Отпашу смену, как лошадь. Вечером после работы несусь в магазин, отстою в очереди, потом, словно осел, ташу домой продукты. Сварю ужин, кое-что постираю и валиюсь от усталости спать. А муж, прочитав газету, посмотрев телевизор, ложась рядом со мной, ворчит: "Подвинься, корова!". "Так что же я за скотина?" - думает российская женщина.

А теперь немного о тебе. Ты ведь тоже, милая, прощеголяла мимо меня в такой юбочонке, если мерить от пояса до подола, то всего только с четверть и будет. Притом еще с прорезью сзади. Мне вспомнился опять анекдот, где девчонка просила у продавщицы двадцать сантиметров материала на юбку. Когда та засомневалась, хватит ли такого количества, то юная модница ответила, что ей нужна такая юбка, чтобы чашечки было видно. На что продавщица ответила: "Купи, милая, десять сантиметров – весь сервис наружу будет!"

Вам хочется отличиться, обратить на себя **внимание**. Это естественно, когда вы из девочек превращаетесь в девушек и появляется влечение к противоположному полу. В вас просыпается женщина-мать. Вам нравится, когда на вас заглядывают парни, и их взор ласкает вашу душу. Но не надо забывать, что есть два взгляда. Один естественный: парню ты нравишься, он любуется тобой, хочет познакомиться. Второй - взгляд похотливого разврата, скользящий снизу вверх, ласкающий ваши голые бедра, стремящийся проникнуть еще выше, к тому месту, откуда растут ноги. Это взгляд самца, увидевшего самку. Он тоже жжет и ласкает своим **сатанинским вожделением**. И ваш сверкающий, почти голый зад воспринимает как знак готовности самки к случке. Мужчины всегда, со своего появления на земле, были в культурном отношении на порядок ниже женщин.

Когда-то в пансионатах учили девиц поведению: как ходить, как присесть, какую носить одежду, как вести разговор, как показать прелести женственности, не вызывая при этом низменные страсти мужчины, не дав разойтись ему в бескультурье. И даже неброская красота девушки расцветала во всем блеске. Мы, мужчины, бессознательно ищем в женщине то, чего нет в нас, в мужчинах; - изящество, нежность, доброту и сострадание.

Да, женщина обделена судьбой, так уж распорядилась природа. Она в муках производит потомство на свет. Ученые доказывают, что был когда-то матриархат. Говорят, что даже сохранились на земле места, где женщины выбирают себе мужей, пожалуй, это и лучше. Но нашей современной женщине не нужно забывать, что она является основным компонентом в продолжении человеческого рода. От нее в основном зависит нравственный климат в семье, как ребенок, подрастая, будет воспринимать окружающий мир, найдется ли в его сердце место для совести и чести, сострадания, любви к ближнему, любви к Родине. И святая та

женщина, которая, пожертвовав собой, даже карьерой, мимолетной красотой и величием, вырастит из своих детей порядочных людей. От этого зависит будущее человечества.

1993 год.

О половом воспитании

рудно русскому человеку вымолвить это иностранное слово - секс. Словно с ума все посходили, от седовласого политика до младенца. Нужно половое воспитание, но не в том русле, должна быть интимность, а мы секс (физические действия) выставляем на всеобщее обозрение, словно медаль за боевые заслуги. Хотя русская пословица гласит: "Живешь не ради своего удовольствия, а ради продолжения рода человеческого". Вот от этого и надо плясать. Мы, деревенские ребятишки, хорошо понимали, что такое, когда корова бычка просит. И после этого события вся семья говорила: слава богу, Зорька покрылась, родится теленочек, с молоком будем. Нас, ребятишек, волновало, не дай бог яловой останется - прекрасно понимали, что это значило. Не было секретом, для чего баран на овечку прыгает. Каждый день на наших глазах петух топтал куриц. Но все это воспринималось спокойно, не вызывало бурных эмоций, тем более сексуальных страстей. Подсознательно понимали, что вырастем и у нас будут дети. Играли в пап и мам. Но в этой игре не было элементов секса, а разыгрывались внешние отношения родителей.

Сделаю отступление, поделюсь своими мыслями, почему ранний секс вреден. В войну, весной, наша корова запросила бычка. За скотину платили страшные налоги, в том числе и за бычка, с него тоже требовали: молоко, шерсть и полшкуры. А деться некуда, жизнь заставляла, кое-кто имел, но держал бычка в загоне, требуя плату за его услуги. Наша коровенка была с норовом, пришлось вдвоем с дедом вести. Привели мы её, а бык занят, как сейчас выражаются, занимался любовью с другой коровой. Ее так же старик с внуком привели, только чуть пораньше нас. Старики принялись обсуждать достоинства быка. Вскоре пришли к общему мнению, что бычишка хорошей породы, экстерьер замечательный, а хорошего производителя не будет. Меня заинтересовало такое несоответствие, но спросить при посторонних постеснялся.

Возвращаясь обратно, я спросил у деда, почему из этого бычка не получится хорошего производителя, хотя оба хвалили породу, его телосложение. Дед, вздохнув, качнув головой, ответил: "Проклятая война и на скотине сказывается. Молодой, всего двухлеток, а уже должен коров покрывать. Надорвется. К пяти годам ему бы только в пору войти, а он уже захиреет. Все, из него уже хорошего производителя не будет, он не даст полноценного потомства". Меня удивили такие рассуждения, я задал новый вопрос, а, мол, на воле кто запретит ему ухаживать за коровами? "Что ты! - засмеялся дед. - Разве бугай, хозяин стада, подпустит двух-, трехлетних бычишек близко к коровам. Да он их так турнет, что дорогу забудут! Они своей холостяцкой компанией ходят и не думают об этом, только изредка силу между собой пробуют, кто потом станет хозяином стада".

Как происходит размножение в природе? Лежбище моржей, котиков и прочих. Первыми приплывают матерые семилетние самцы. Потом самки. Идет силовая борьба за пространство. Кто сильнее и сообразительнее, у того и больше гарем. А четырех-, пятилетние самцы даже не приближаются к этому лежбищу. Они образуют в стороне свое холостяцкое лежбище и мирно соседствуют друг с другом. Так же и у других животных, только самец в зрелом возрасте, физически крепкий, завоевывает право стать продолжателем рода.

Как-то в доме отдыха мы вчетвером перед завтраком прогуливались по соснячку. Один вздумал сделать малую нужду. А у мужиков так уж природой устроено, начал один, за ним другие потянулись. Троє быстро закончили, а четвертый закряхтел, тужится, а не получается. Один из нас воскликнул: "Э, друг! Да ты рано начал по бабам таскаться! Надсадился, вот теперь и кряхтишь, мучаешься?". Остальные насыли на мужика, соответствует ли это действительности. Делься некуда, мужик и поведал. Рассказал, что в их слободке жила бобылка, некрасивая бабенка. Мужики обходили её стороной, а она подпоит малолетку - и в постель к себе. По дурости и он попал к ней на "курсы". Мне сразу же вспомнилось, что читал в журнале про одного короля, который взошел на престол в 13 лет. Статс-дамы окружили его заботой, наперебой предлагали себя. В нем развелся неуемный аппетит к этому делу. Надорвался мальчишка, стал хиреть. Врачи ничего не могли сделать, в 18 лет он умер от истощения организма. Не говорит ли это о том, что если мальчик и девочка, не достигнув зрело-

сти, не окрепшим физически, начинают заниматься сексом, то они уже не будут полноценными мужчиной и женщиной, в их организме происходят физиологические изменения в худшую сторону.

Работал я в экспедиции, далеко от дома, но все же до родных донеслись слухи, что я веду разгульную жизнь - когда вылезаю из тайги, посещаю рестораны. Это была полуправда. Спиртным я не увлекался, но после трех-, четырехмесячного затворничества в тайге, попав в город, не отказывался с товарищами сходить в ресторанчик. Поесть вкусно, немного побаловаться коньячком, в общем, разрядиться. Попав домой, в тесном кругу семьи, сидя за столом, мать с бабушкой принялись за мое воспитание. Им казалось, что если я посещаю рестораны, то я уже конченый человек, бабник отъявленный. Стали наставлять на путь истинный, мол, женившись, а вот как ты в семье-то жить будешь, да разве добраято за тебя замуж пойдет. На что я им со смехом ответил, что никогда не женюсь. В моих словах была почти правда. Начитавшись и держа всегда в памяти слова: "Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы", я искренне верил, что где бы ни вспыхнуло восстание против Сталина, мой сыновний долг обязывает быть там. Мать с бабушкой ополчились основательно, их до глубины души возмутило, что их чадо не хочет иметь семью, а хочет вести разгульную жизнь. Мать, увещевая меня, в душевном порыве воскликнула: "Все равно ведь женившись и дети будут!". На что я, словно черт в бок толкнул, с пафосом заявил: "Да я их за ноги и об угол!". И с этого мгновения я стал не рад своему юмору. Мать с бабушкой смотрели на меня как на прокаженного, в их глазах были презрение и ненависть, и еще какая-то неимоверная жалость. Я не знал, что и делать. Выручил дед, сидевший до этого времени молчком. Ругнувшись немножко, авторитетно промолвил: "Оставьте ребенка в покое! Не отпадет голова - прирастет борода!".

Как он был прав. Мы, мужчины тоже любим детей, только из-за своей наивной гордости скрываем это. И нам нравится, когда этот маленький, теплый, желанный комочек шевелится у тебя на груди или под боком, испытываем несравненное душевное наслаждение. А какое же наслаждение испытывает мать, родившая это чудо природы. Никогда не поверю в то, что сейчас говорят и показывают. Женщина по телевизору, с пеной у рта, доказывает, что у нее нет детей, и от этого она испытывает только радость. **Ложь!** Женщина, имеющая детей, - да, бывают и неприятные мо-

менты, горе и заботы, но все перекрывается сладостным чувством любви, - подсознательно чувствует в ребенке свое продолжение в будущем. Для подтверждения своих слов я расскажу про случай, произошедший со мной.

Я уже почти месяц работал помощником машиниста экскаватора. Обязанности свои исполнял хорошо, машину содержал в идеальном порядке. Машинист, лет на десять старше меня, был доволен, намекнул, что надо бы собраться да посидеть за столом, погутарить. Я тактично отказался, сославшись на занятость в воскресенье. Но он снова, перед выходным днем, стал настойчиво приглашать, сославшись, что даже жена пеняет, мол, работаете душа в душу, а еще ни разу не посидели за столом. Упоминание о жене меня сильно задело. Надо сказать, она слыла нелюдимкой. Все деревенские бабы в один голос судачили, что она ненавидит детей, и даже утаскивали ребятишек в ограду, когда она шла по улице. Мне давно хотелось познакомиться с ней поближе, раскусить этот феномен, лучшего случая нельзя было и представить.

Назавтра, как и договаривались, в 10 часов утра я был уже около его дома. Труба дымилась, это говорило о том, что ждут гостей. Мои чувства обострились до крайности. Я вошел в дом, поздоровался, внимательно следя за реакцией хозяйки. Стол был уже накрыт белой скатертью. Я продолжал наблюдать, как поставит тарелки на стол, положит или бросит ложки и вилки, в общем, рада ли моему приходу. В случае обратного можно, сославшись на неотложные дела, извинившись, удалиться, не садясь за стол. Но в действиях хозяйки я не заметил ни малейшего неудовольствия, наоборот, во всем сквозило гостеприимство. Сели за стол. По рюмочке, по другой, завязалась беседа, хозяйка оказалась мильнейшей собеседницей. Я старался вовсю, чтобы снискать ее расположение, прекрасно понимая, что все равно не вытерплю, спрошу, почему она ненавидит детей. А такой разговор может быть только интимным, с глазу на глаз, когда люди доверяют друг другу.

Стопочка за стопочкой, были уже хороши, вышли на улицу, сели под черемуху покурить. Немного погодя хозяин вернулся в избу приготовить фирменную закуску, секрет которой знал только он. Воспользовавшись моментом, видя, что хозяйка принимает меня за близкого человека, спросил: "Милая моя! Родная, сними камень с души! Глядя на тебя, не могу поверить, чтобы ты ненавидела детей!".

Она бросилась мне на грудь, обняла и с воплем и стоном,

исходящим откуда-то из глубины души, заголосила: "Миленький! Родной! Врут бабы! Я не могу родить, иметь ребеночка, но так люблю и тоскую по маленьkim! Мне даже самой иногда кажется, что если я его возьму в руки, прижму к груди, то раздавлю, наверное! Вот и стараюсь гнать их прочь, чтобы не случилось несчастья. Им не понять, какие муки и страдания испытываю я. Они даже не подозревают, как мне больно, какая кара - не иметь ребенка! Счастливые они!".

На шум выскочил хозяин. Плача и обнимая меня, она махала рукой, чтобы он удалился. Но он, не понимая ничего, приблизился. Вытирая слезы рукой, она только и вымолвила: "Я тут о своем горе говорила". Мы тут же вернулись в избу, продолжили гулянку. Мало-помалу к нам вернулось веселье, этот вопрос я уже больше не трогал.

Есть два сорта бездетных женщин. Первые, как моя знакомая, страстно желают иметь ребенка, но, чувствуя свою ущербность, стараются всеми силами скрыть свое желание от людских глаз. Им страшно, что злые люди начнут смеяться над их святыми чувствами. Вторые - женщины-мутанты. У них нарушены гены, им недоступны материнские чувства. Им неведомы сладости материнства. Они чужды народу и обществу, на них заканчивается их род. Вот и бесятся, врут и изворачиваются. Каждый зверь желает иметь детеныша, с муками и страданиями старается продолжить свой род. Микробы и те сжирают человека, только бы дать потомство.

Подойду к вопросу немного с другой стороны. Работал я уже на стройке. До этого слышал, а тут на моих глазах мужик в годах другому, молодому, после аванса почти в приказном порядке заявляет, возьмешь, мол, два бутылька, перечислил, какую бы хотелось иметь закусочку, притом все это он должен взять на свои деньги. Мне показалось странным: вроде в родстве не состояли и возраст не тот, десятка на два старше, да и аванс не принято было обмывать. Назавтра, выбрав время, я стал расспрашивать Толика, так звали молодого мужика, как погуляли, то да се. Незаметно перевел разговор на супругу, поинтересовался, как она относится к тому, что аванс обмывает, как привечает его задушевного друга дядю Колю. Парень был простецкий, в моих расспросах не заметил никакого подвоха, все выложил начистоту. Оказалось, что дядя Коля не друг и не родственник, да и ему не особо нравится, а вот супруга привечает, словно дорогого гостя-родственника. Меня

страшно заинтриговало это, что-то скрывалось за этим.

Я наслел на дядю Колю. Напустил туману, намекнул, что мне все известно, по-фени ботая... мол, колись, почему присосался к мужику, доишь, и меня бы следовало взять корешом в долю. Мужику не хотелось обострять отношения со мной, не в его это было пользу, раскололся подчистую. Рассказал, что год назад, обмыв получку, нечаянно попали к Толику. Сначала жена на дыбы, шерсть поднялась на загривке, и тут же сразу осеклась. Они узнали друг друга. Оказалось все просто. Он служил надзирателем в лагере, который стоял почти на этом же месте, где велась стройка. А она, жена Толика, еще совсем молоденькая девчонка, проникла в рабочую зону к зэкам, чтобы подзаработать деньжат. Но была обнаружена и поймана. Дело возбуждать не стали, а в наказание этот же надзиратель дядя Коля тут же остриг девчушку наголо. Прошли годы, вот и встретились случайно. Собеседник мой стал хвастать, как она, угощая его, подкладывая в тарелку самые лучшие кусочки, молит глазами, чтобы не проговорился, не дай бог грехи молодости выплынут наружу. Он разошелся, но я его прервал, пообещав, что если еще раз появится там, то я травану ребят из бригад, которые оттянули сроки, а уж они-то с большим удовольствием потолкуют с бывшим надзирателем.

Как-то прочитал в газете статью "Ночные бабочки", где с болью в сердце говорилось, что в большинстве своем ими становятся не голодные, разутые и раздетые, а девочки из состоятельных семей. Сейчас везде и всюду о сексе разговор, возвели его в ранг государственной политики, чтобы малолетка становилась распутной женщиной, а мы - общественность и сексологи еще в детсаде обучили способам и приемам. Кому-то страшно хочется нарушить национальные традиции и устои. Вспомнился рассказ одной девушки по радио. Сначала с пафосом поведала, как занималась в одном заведении стриптизом. Ей это страшно нравилось, млила от восторга; когда раздевалась, то у мужиков горели глаза адским огнем, исходили на нет. К середине рассказа пафоса поубавилось, даже посетовала, что часто насиливали. Мол, охрана пьяна в стельку, а ее за волосы - и в машину. Увозят, а там насилиют, то в одиночку, то хором. Под конец голос совсем поблек, стала жаловаться на свою судьбу. Заразилась, хозяин выгнал из заведения. Теперь больная и заразная. Денег нет, домой ехать боится, родные не простят, с каким скандалом уехала искать сладкую жизнь. А ей всего семнадцать лет.

Хочу сказать тебе, "ночная бабочка", что ждет тебя впереди. Заработаешь своим телом бабки, но ты не поднимешься вверх, а покатишься вниз. И будешь катиться до самого дна подвала. Где тебя в одиночку и хором будет насиливать такое отродье, такие хари, которые при дневном свете не дай бог увидеть. Заразят черт знает чем, будешь барахтаться в этих нечистотах.

Но придет время, когда в тебе проснется инстинкт материнства, страстно захочется иметь детей, мужа, семью. Страшным усилием воли отмоешься от нечистот, вылечишься, даст бог, выйдешь замуж за богатого молодого человека. Появятся дети, дом будет полная чаша, кругом богатство и роскошь, но счастливой ты уже никогда не будешь. Всю оставшуюся жизнь ты будешь жить под страхом, страшно будет выйти на улицу, пройтись с семьей. Всю жизнь будет терзать тебя мысль, а вдруг сзади раздастся злобный, ехидный смешок: "Да эту же стерву, разодетую кралю мы хором в подвале тянули!". И муж не сможет заступиться. Эти мерзопакостные хари, ради сатанинского желания унизить, оскорбить, пойдут на все, представят десяток свидетелей, продавшихся за глоток самопала, которые будут утверждать, что и они участвовали...

И не надейся на пословицу "Если любит - простит!". От любви до ненависти один шаг. В одно мгновение ты из любимой превратишься в постылую, будешь для мужа словно смесь скользкой бородавчатой жабы со змеей. И ему не только к тебе прикоснуться будет омерзительно, а и находиться рядом будет невыносимо. И дети твои будут страдать из-за тебя и ненавидеть тебя. Вырастут умными, красивыми, заведут семьи, но всегда будут слышать за спиной злобный шепот ненавистников: "Яблоко от яблони недалеко падает! Какая мать - такие дети!". И каждый негодяй, мерзавец будет искренне считать, что он стоит выше их.

И тебе скажу, одиннадцатилетний ловелас: когда нормально-му парню придет пора жениться, ты уже скрючишься, завянешь, чахнуть будешь. И жену твою придется обслуживать кому-то другому, тому, кто до 16 лет не интересовался сексом, не брал уроки у сексолога. И будет он трудиться за себя и за того парня, который уже в 18 лет считал себя жеребцом-производителем.

О критерии человеческого ума

было это вскоре после войны. Время тяжелое, мы, ребятишки, были в работе и в работе. Стоял июль - сенокосная пора. К счастью, более двух недель не было дождя, успели подкосить и поставить стожки. Вымотались основательно. Наши матери из жалости, расщедрившись, в воскресенье дали нам выходной на целый день. Я и четверо моих товарищей отправились купаться. Место выбрали чуть выше моста через горную речушку, там была небольшая ямка, вода в которой доходила до подбородка. Немного погодя к нам присоединились четверо заключенных-бесконвойников.

Вода в горной речке холодная, долго в ней не просидишь. Немного покупавшись, мы все вылезли на берег, круто уходящий от самого уреза воды, разлеглись на траве. Греясь на солнышке, переговаривались и как-то незаметно завели разговор о Жюле Верне. Собственно, его начал один из зэков, у него было умное, интеллигентное лицо; правильная речь, без лагерного жаргона, выдавала в нем грамотного человека. Он вкратце рассказал о содержании одного романа. Мои товарищи молчали. Как-то сам того не ожидая, я включился в разговор. Стارаясь защитить честь свою и своих товарищ, назвал несколько романов Жюля Верна, заявив, что все это я прочитал.

Это была правда. Я с самого раннего детства отличался большой страстью к чтению. В шесть лет, еще не учась в школе, я бойко читал, поражая близких, мог через несколько дней пересказать слово в слово прочитанную сказку. Только потом, уже учась в школе, понял, что знания даются мне намного легче, чем моим соклассникам. Если многим из них требовалось несколько мучительных часов, чтобы выучить стихотворение, то для меня это не составляло большого труда, стоило только прочитать несколько раз подряд, все оставалось в памяти.

На мое счастье, во второй половине нашего дома жили бездетные муж с женой. Были они в годах, еще до революции получили прекрасное образование. Детей не было, жили богато, вся их любовь переключилась на книги. Они их лелеяли, берегли как зеницу ока, боже упаси дать в чужие руки. Мне было сделано исключение, я поражал их своей памятью. Еще в раннем детстве

они разрешали мне читать у них в доме сказки, потом небольшие рассказы и повести. Постепенно кругозор мой расширялся, техника чтения улучшалась, я входил во вкус, чувствовал себя почти хозяином их книг. Добрался до Жюля Верна, у них было полное собрание его сочинений.

Я набросился на эти романы, читал запоем. Мои опекуны, поражаясь, как я проглатывал страницу за страницей, иногда требовали пересказать содержание прочитанного. В подтверждение тому, что я не перелистал книгу, выбирая самые интересные места, почти слово в слово пересказывал содержание.

На берегу речки, чтобы доказать, что и мы не лыком шиты и щи лаптем не хлебаем, а тоже кое-что читали, стал пересказывать роман "Дети капитана Гранта". Память была отменная, примерно треть содержания я рассказал почти дословно, остальное, где мне казалось, что автор немного растянул и не так ярко описал события, добавлял свое, переходил на мальчишеский жаргон, помогая мимикой и руками. Постепенно я входил в азарт, речь моя становилась громче, руки резче жестикулировали, но стиль повествования оставался жюль-верновским, только некоторым эпизодам давалась немногая другая интерпретация.

Я видел, как глаза моих товарищней, да не только у них, а и у зэков, взрослых людей, постепенно увеличивались, выражая восторг и удивление. В груди моей разливался жар, за спиной вырастали крылья, весь организм приобретал какое-то неестественное состояние, я чувствовал, что покинул грешную землю и парю где-то в облаках, а слова текут из моих уст непроизвольно, сплетаясь в беспрерывную цепь. Прошел час или больше, я остановился. Но слушатели потребовали продолжения, я стал рассказывать дальше.

Окончив, я откинулся на траву. Товарищи мои принялись горячо обсуждать только что рассказанное мной. Беспрерывно слышалась похвала в мой адрес, даже мое имя произносилось по-новому, вкладывалось восхищение и восторг, какая-то гордость. Зэк, поднявшись с земли, подошел ко мне и, глядя с восхищением, произнес: "А ты действительно башковитый парнишка, и память у тебя отменная! Многие эпизоды, о которых ты рассказывал, я не читал у Жюля Верна, но по стилю не мог отличить, словно это его неопубликованные вещи! Поздравляю тебя, ты, наверное, будешь хорошим писателем!" - и тут же, простившись, пошел по своим делам.

Эта похвала подлила еще масла в огонь. Со мною творилось что-то необыкновенное. В моем воображении рисовалось, что я напишу знаменитые романы, создам невиданные машины, возвышусь над человечеством. Я уже физически ощущал, что пару где-то в поднебесной выси и оттуда смотрю на людей, как на маленьких букашек. Я упивался славой, при каждом упоминании моего имени она вливалась в меня живительной струей, питая непомерное тщеславие. Взрослые и мои товарищи были искренне удивлены, что в моей голове может столько вместиться.

Послышался посторонний шум. Это возмутило меня. Негодя, я спустился на грешную землю и все еще затуманенным от радости взором заметил, что к мосту приближается компания из дурдома, как уже успели окрестить у нас это заведение. Мы уже слышали, что их наняли пилить дрова для пекарни и что заведующая уже жаловалась: жрут много, а работы с гулькин нос.

Несколько месяцев назад километрах в пяти вверх по реке закрыли лагерь заключенных, а чтобы казенное имущество не пропало даром, поместили в зэковские апартаменты инвалидов. Все они были, как говорили у нас, "с приветом", с умственными недостатками. Как-то раз по делу проходя мимо этого заведения, я обратил внимание на пацана моего же возраста, который трудился над свежей коровьей лепешкой. В руке у него был прутик, он что-то чертил на поверхности. Движимый любопытством, я захотел познакомиться с ним поближе, поинтересоваться его интеллектом.

Делая вид, что не знаю, с кем имею дело, поинтересовался, чем он занимается. Видя мою заинтересованность, он с жаром стал объяснять, что он великий художник и что сейчас только закончил портрет отца с матерью. Подыгрывая ему, я с большим вниманием стал рассматривать "шедевр". Но кроме нескольких вертикальных черточек на свежем коровьем дерыме ничего не обнаружил. Так как в этом доме инвалидов все были "с приветом", но тихие, то я позволил себе немного усомниться в некоторых деталях портрета.

Чувствуя мое горячее участие и понимание его "гениальности" замысла, он тут же, чтобы угодить мне, сделал несколько горизонтальных черточек. Окончив, как показалось мне, - он взглянул на меня с мольбой, оценил ли я его дополнительную работу. Я в самых изысканных выражениях поблагодарил его за доставленное мне удовольствие, за его просветительскую деятельность

на поприще искусства. В порыве благодарности он тут же пообещал нарисовать свой автопортрет. Но я, сославшись на занятость, попросил его продолжать трудиться, пообещав, что завтра обязательно наведаюсь вновь, чтобы насладиться автопортретом.

Он долго молча провожал меня глазами, пытаясь что-то осмыслить. Меня в свою очередь до самого дома занимала мысль, как он видит окружающий мир, приобретают ли в его голове эти черточки зримые очертания, образ, цвет или как-то по-другому волнуют его свихнувшийся ум.

Сейчас шумная компания инвалидов заходила на мост. Голоса их были крикливы, громкие, перебивая друг друга, они о чем-то горячо спорили. Я поневоле стал прислушиваться, мой взор уже непроизвольно следил за ними. У них оказался лидер, он громче всех кричал, энергичнее размахивал руками. Вот они уже зашли на середину моста. Вдруг лидер жестом руки остановил толпу, требуя тишины. В воздухе зазвенел его голос: "Нашли дураков! Мясо-то сами съели, а жижку нам оставили!". Все это было сказано тоном, не допускающим ни малейшей тени сомнения в том, что он гениальная личность и речь его обращена, если уж не к гениям, то уж по меньшей мере к профессорскому составу, которые только и могут понять его иносказательный смысл, а те, о ком он упоминает, которые сожрали мясо, сплошные дураки, пытающиеся своими дурацкими хитростями скрыть свои злодеяния от умных людей. Он горячо доказывал, что он сразу понял их, дураков, сколько бы они ни хитрили. Послышались одобряющие возгласы насчет его прозорливости.

Меня как молнией ударило, поразила мысль: "Как? Дурак считает себя гениальной личностью; и все они в своем споре выставляют себя умнейшими людьми! Кто же я, парящий в облаках, млеющий от своей гениальности?! Насколько я ушел в своем развитии от них, и велика ли эта разница, разделяющая нас?! Где тот критерий, где те весы, на которых можно было бы взвесить человеческий ум? А может ли он назвать себя умным?". Дураки ушли своей дорогой, а эти мысли засели у меня в голове и долго-долго не давали покоя.

Все это вспомнилось в мельчайших подробностях, когда я прочитал о Л. Б. Красине. Вскоре после революции ему пришлось на дипломатическом рауте давать интервью. Одна назойливая журналистка задала провокационный вопрос:

- Господин Красин, вот вы в России взяли власть в свои руки!

Сколько же лет Вы теперь с Лениным собираетесь прожить? – на что Красин серьезно ответил:

– Я точно такой же вопрос задавал В.И. Ленину. Он ответил так: "Какой же из нас дурак доживет до шестидесяти лет!".

Какой парадокс! Гений считает себя дураком и заявляет это открыто - дурак считает себя гениальной личностью! А в те времена все мы любили дедушку Ленина, считали гением.

Где взять те весы, где тот критерий, чтобы взвесить, познать человеческий ум, его натуру. Не уподобляемся ли мы тем дуракам, когда, стуча себя в грудь кулаком, доказываем свою гениальность! Часто в жизни бывает так: умный человек от своей скромности стоит в сторонке, а дурак, выдавая крикливо свои скучные мысли, выбирается в начальство, становится вождем. Человеческий парадокс - вечно неразрешимый.

Думают ли собаки?

не кажется, собаки думают, и не только думают, но и философствуют в самом прямом смысле этого слова. Я расскажу небольшую, но забавную историю, из которой заключаю, что собаки думают, приходят к определенному мнению, которым руководствуются в своем поведении.

Дача у меня на Таежке. Благо, в самой деревне. Автобус ждать я не люблю, да и зачем, если самое большее чем за полчаса тихим шагом можно покрыть расстояние от подъезда дома до дачи. Странушка моя тоже последовала моему примеру, раз поехали на автобусе и покаялись. Маршрут наш пролегал мимо строящейся новой церкви, чуть вправо от основной дороги, по грунтовке в деревню. Чуть пройдешь вроде небольшой перепадик и начинается крутичок. Где-то посередине этого крутичка стоит, по левую руку, первый домик, покрашенный синей и зеленой краской.

Дорога, углубленная бульдозером, почти всегда сырья, люди идут по левому бортику. Тропинка идет рядом с городьбой, загороженной сеткой, примерно на метр возвышающейся над самой усадьбой. Видать, сняли верхний грунт, когда закладывали фундамент. Сетка примыкает к углу веранды почти в самом верху. И вот там, где она примыкает к веранде, внизу, у самого обрыва стояла собачья будка с плоской крышей.

Лонись, ранней веснойдвигались мы с бабкой на дачу. По дороге течет вода, на тропинке еще скользко, приходится хвататься за сетку руками. Пропустив супругу вперед, подстраиваясь под ее прыть, берем с ней крутичок. Вот и первый домик по левую руку, у самой городьбы, только пониже тропинки, собачья будка с плоской крышей, и на ней в картинной позе развалился кобелишко. Лежал он не по-собачьи, не на боку или на животе, вытянув лапы, а на спине, приподняв согнутые лапы. Ну просто барин, млеющий под весенним солнышком.

Супруга моя, видать, посчитав, что собачонка спит, - как бы ненароком не спугнуть, а то спросонья кинется как бешеная, - еще не дойдя несколько шагов, ласковым голосом заворковала:

– Какой умный песик! Как красиво лежит! - и видя, что он довольно благосклонно принимает ее лесть, повернул в ее сторону нос, решила по методу Павлова развить в нем рефлекс, привучить к своему голосу. Как-никак, а каждый день придется ходить на дачу туда и обратно, и не очень приятно, когда бесится собака и отделяет тебя от нее только сетка в крупную клетку. Использовав все лестные эпитеты, супруженька моя перешла на легкую критику, решив, что все равно, мол, голос запомнится.

Остановился я, стал наблюдать за собакой. Дворняжка окраской похож был на овчарку, подкачали немного только уши, чуть повисшие на концах, а так мордочкой сильно на лису смахивал. Глаза закрыты, но стрижет ушами, красноречиво показывая, что он реагирует на бабкины слова. Она уже стала упрекать его в лености.

– Это не только ленивый, но еще и хитрый пес! - произнес я уничтожительным голосом. Смотрю, песик приоткрыл глаз, который был обращен в нашу сторону, и так довольно выразительно посмотрел на меня. Немного развернувшись, положил все четыре лапы на крышку будки, давая понять, что он и встать может.

– Нет! Он не хитрый, а умненький песик! - пропела бабка елейным голоском. Пес от избытка чувств вновь повернулся на спину, приподнял лапы кверху.

– Ну и лодырина! Ну и хитрюга, каких белый свет не видывал! - произнес я голосом уже с металлическим оттенком. Пес вновь резко лег на бок. Снова открыл глаза и уставился, именно уставился на меня. Верхняя часть носа заходила ходуном, верный признак, что он крайне недоволен моим замечанием. Об этом говорил весь его облик, морда посуворела ухо дергалось. Он как буд-

то хотел сказать:

– Идите, люди добрые! Я вас не трогаю – не трогайте меня. А то ведь недолго и встать! Нас ведь отделяет всего сетка, наведу шороху! Да вот некогда, уж больно солнышко по-весеннему греет, хочется под его лучами понежиться, за зиму истосковался. Так что идите!

Бабка пыталась подбросить новую порцию лести, но пес демонстративно перевернулся на другой бок, как бы давая понять, что он не намерен дальше с нами вести диалог, что нет ему никакого дела до нас. Но нам сверху было видно, что нос у него дергается и стрижет ухом, все же он держит нас в поле своего зрения.

Проходит день, проходит другой, утром и вечером проходим мы мимо собачки. Бабка отпускает в его адрес лестные эпитеты, я, маскируя свои слова под **добродушный тон**, - довольно колкие замечания. Пес принимал все это довольно благосклонно, иногда даже в нашу честь хвостом вилял. Мы уже, как говорится, обращались с ним запанибрата, считали хоть не своим, но уже хорошо знакомым.

И вот как-то в одно прекрасное летнее утро, когда все цветет, черёмуха дурманит своим запахом, когда все располагает к добру и покою - любуйся природой и не думай о житейских делах, - попыхивая, прем мы в крутичок, приближаемся к домику. Не дошли еще метров десять, как Бобка (имя этого песика) бросился в страшной злобе на сетку, словно хотел нас разорвать. В нем было столько агрессивности и злобы, будто он сошел с ума. На бабкины лестные слова: "Умный песик!" и т. п. он не обращал ни малейшего внимания. В недоумении мы обошли его стороной, по грязи, уж больно вид у него был зверский, и пустились в рассуждение, что же случилось с таким деликатным песиком. **И вдруг** меня осенило. **"Да ведь хозяин стоял в ограде! А эта тварь ему показывала, как хорошо она охраняет дом! Как предана хозяину, как за него готова всем вырвать глотки!"** - этими мыслями я поделился с супругой. Сошлись во мнении, но все же решили проверить.

Идем с дачи домой. Пес на своей будке полеживает на боку. Бабка моя начала с претензий к старому знакомому, стала пенять, что, мол, ты так утром обмишурился, не узнал нас, лаял так, словно сгрызть хотел.

- Да пугал он нас! Перед хозяином выпендривался, мозги ему пудрил, что не даром хлеб жрет! - произнес я этот длинный монолог в оправдание его поступка. Пес неожиданно сел. Зевнул. По-

морщил нос и уставился на меня своими умными глазами. Весь его вид говорил, мне показалось, что он даже подмигнул глазом: "Служба — есть служба! Надо же хлебушко отрабатывать! Вот вас на цепь посади и в такую зависимость поставь, так вы при хозяине не так бы драли глотки!". И, чуть развернув морду, мне показалось, хоть убей, он снова подмигнул глазом. То ли нечаянно это выходило, но как он склонял голову: то вправо, то влево, то вниз, я готов был поклясться, что он ведет со мной разговор, то соглашаясь, то отрицая кое-что сказанное мной. Бабка подвела итог, резюмировала нашу беседу, — что хоть мы и знакомы, но в присутствии хозяина он никаких друзей не признает, действует строго по уставу. Надо честно отрабатывать хлебушко, только тогда можно рассчитывать на что-нибудь другое. И до самой осени, как только хозяин был в ограде, пес в неистовой злобе бросался на сетку, казалось, оборви цепь, разорвет в клочья.

Это было лонись. Ныне будка стоит метрах в десяти в стороне. Пес Бобка снова на ней полеживает. Иногда так же картишно, не хватает только чтобы ногу на ногу забросил. За дальностью расстояния нет уже такого знакомства, но все же иногда вроде и за знакомых признает. Вот идем как-то, Бобка у двери веранды. Внимательно смотрит на дверь, явно пытается определить, что же делается там за ней, внутри. Мы уже почти поравнялись, осталось каких-то метра три. Пес взглянул на нас, вильнул хвостом и опять прилип взглядом к двери. Вдруг дверь веранды открылась, показался хозяин. Пса словно подменили, гремя цепью, заливаясь лаем, бросился в нашу сторону. Неистовая злоба обуревала им, он исходил ею, казалось, вот-вот задохнется от ошейника.

Но, видать, облавив нас, он все время краем глаза следил за хозяином. Тот, сделав несколько шагов, завернулся за угол дома. Взглянув, что его нет, Бобка сразу же замолк, словно воды в рот набрал и даже, как бы извиняясь, стал вертеть хвостом. Но все время бросал взгляд на угол дома, куда скрылся хозяин. Тот вновь показался. Пес вновь словно сошел с ума, со злобным лаем бросился в нашу сторону, готов был разорвать нас в клочья.

Кто учил его этой хитрости? Кто вырабатывал в нем такой рефлекс? Хозяин в ограде — пес делает вид, что готов разорвать посторонних. Хозяина нет в ограде — пес сама деликатность и добродетель! Кто учил его этому? Хозяин? Да он и не подозревает, что пес ему пудрит мозги! Да думает он, тварь! Да думает он, собачий сын! Хоть убей, думает! И не только думает, но и видит

сны.

Вспомнился случай. Сидел я с одним стариком у него в ограде. Дымя самокрутками, вели неторопливую беседу. Рядом, у собачьей будки, лежал здоровенный кобель на цепи. Положив морду на лапы, задавал такого храпака, что мы даже были вынуждены обратить на это внимание. Вдруг кобель как бешеный подскочил, завертел башкой из стороны в сторону, издавая злобный рык, перемежая его грозным лаем.

Старик, захочетав, пояснил: "Вот опять увидел во сне, как у него соседский кобелишко кость утащил!" - и он серьезно уверял, что это на самом деле случилось. И что уже несколько дней кобель даже во сне не может забыть эту обиду. Давайте коснемся этого вопроса с другой стороны, осветим более подробно.

В Англии развозят молочные продукты по домам. Так же, как у нас, в стеклянной таре молоко, сливки, закрытые сверху крышечками, ставят на крыльцо. И вот одна из синиц додумалась, что этим можно хорошо воспользоваться. Протыкает клювом крышку у сливок, именно у сливок, оставляя молоко нетронутым, преспокойно пьет. От нее этот способ добывания пищи переняла другая и пошло и поехало. И в течение нескольких лет это стало бедствием. Этому воровскому ремеслу учатся и следующие поколения синиц. Где же инстинкт - когда друг от друга учатся.

Понаблюдайте, как кошка обучает котенка своему ремеслу ловить мышей. Приносит помятого, но живого мышонка и посредством игры вызывает в нем инстинкт охотника. Говорят, что если кошка не научит котенка ловить мышей, то, повзрослев, он не будет заниматься этим делом. Есть вид обезьян, которые на воле на ночь строят гнездо-жилище. Обучаются с самого младенческого возраста этому ремеслу. А если эта обезьяна родилась в зоопарке, не прошла курс обучения, то, став взрослой, не сможет построить себе гнездо. Так где инстинкт? Некоторые породы орлов питаются черепахами. Но просто так к её мясу добраться невозможно, нашли выход: подцепит когтями, поднимется в воздух, ищет большой камень и сверху брасает на него. Промазал, делает корректировку, словно летчик при метании бомб, снова бросает. С нескольких попыток разобьет панцирь черепахи, доберется до мяса.

В зоопарках есть, как их называют, площадки молодняка, где свободно гуляют в самом младенческом возрасте хищники и травоядные животные. Живут мирно, иногда козленок с львенком

играют. И что характерно, хищники, выросшие в зоопарке, уже не могут жить на воле. Не обучены своему ремеслу, а инстинкт не подсказывает, как добыть себе пропитание. Гибнут, хотя клыки и когти имеются.

Понаблюдайте за щенком, только что отнятым от матери. Налакавшись молока, засыпает. И вдруг начинает жалобно скулить, по его шкуре проходят судорожные волны от страха. Но вот он, немного успокоившись, сам начинает издавать рык или что-то наподобие лая. Видать, оправившись от страха, сам начинает пугать врага. Но все равно чувствует себя неуютно, начинает призывающе скулить, звать мать. И вдруг раздается радостный визг, видеть, во сне, как наяву, увидел свою мать. Все это указывает, что видит сон. Это невозможно опровергнуть. А если видит сны, значит, в голове возникают разные образы, мыслит собачий сын. Может, как-то по-особому, на несколько порядков ниже, чем человек. Но мыслят!

Немного о душе

есть ли в человеке душа? Я не буду касаться церковных канонов, да и вряд ли священнослужитель с точностью объяснит, что такое душа. Обопрюсь на нравственность и возьму в своих рассуждениях физико-химическую основу. Если призвать на помощь фантазию, то можно предположить, что она у него есть. Если уж нас так мудрено сотворил Создатель, вложил в нас, в отличие от других животных, громадный разум, посредством которого мы можем сотворить столько бед на земле, как, например, в одно мгновение испепелить города Хиросима и Нагасаки, то не мог же он не позаботиться о душе, которая бы следила за нашим нравственным поведением. Наградил же нас Господь Бог рецепторными точками, да притом множеством, даже на подошве их несколько штук. Одни чувствительны к химическим раздражителям, другие - к колебаниям температуры, освещенности, изменению давления, к механическому воздействию.

Исходя из простой логики, Создатель должен был нам дать, в отличие от остальных животных, особую рецепторную точку, которая бы отвечала за совесть, за нравственность, за восприятие чужой боли, за духовный мир человека. Эта мизерная, состоящая

всего из нескольких молекул, клетка находится где-то в области сердца, а может быть, даже в нем. В ней закодирована информация о нравственном поведении человека.

Ученые доказали и внедрили технологию выращивания из одной клетки картофеля чистые, без вирусов и болезней, семена. Они же доказывают, что если бы им дали одну живую клетку мамонта, то они из нее вырастили бы живого мамонта, ничем не отличающегося от исторического. Доказано, что в каждой клетке заложен код всего организма, и она может воспроизвести не только себе подобные, а все, какие есть в данном растении.

Почему нельзя предположить, что эта рецепторная точка называется в народе душой? Не мог же Создатель, сотворив человека по своему образу и подобию, наградив его способностью богов в один миг испепелять города, не вложить в него душу, которая контролировала бы духовную жизнь, поведение человека на земле.

Пока человек жив - душа сравнивает его поведение с заложенным в ней кодом. В случае отклонения пробуждает в нем совесть, призывает к нравственности, чувствовать чужую боль и страдания. Пока человек живет по нравственным канонам, душа функционирует и развивается, приобретая дополнительные атомы, стремясь к наивысшему идеалу.

Есть светлые - добрые силы. Есть черные - злые силы. Добро и Зло существуют в нашем мире и во всей Вселенной. Попадая под влияние темных сил, человек, сам того не замечая, может приглушить или даже заглушить деятельность души. В этом случае она теряет свои свойства управлять человеком. И хозяин ее, потерявший нравственность, становится духовным калекой. Вместо чистого, льющегося от сердца смеха изображает на своей физиономии гадкую улыбку, видит в каждом враче. И душа его становится уродом, теряет свои атомы. Заложенный в ней код разрушается, теряет свойство влиять на поведение субъекта и уже без посторонней помощи не может восстановиться.

Ученые открыли античастицу, уже и антивещество. Почему нельзя предположить, что если есть антивещество, то есть и антимир, отличающийся от нашего. В момент смерти человека душа за счет химической энергии, образующейся при переходе из одного состояния в другое, приобретает способность к перемещению в пространстве. Превращается в антивещество, состоящее из нескольких молекул, в котором атомы расположены в определенном порядке, неся информацию о строении человеческого тела,

о прожитой жизни, о нравственном поведении. В дальнейшем ее жизнедеятельность поддерживается космической энергией, слабыми или жесткими лучами, губительными для живого человека, но благоприятными для души.

Удаляясь от земли на большое расстояние, души-античастицы попадают в антимир, который не доступен еще ни человеческому глазу, ни его приборам и инструментам, занимают определенный уровень. Нравственно чистые души, имея при себе все атомы, располагаются на верхнем уровне, благоприятном для получения космической энергии, воспринимают это как рай. Душа-урод, растерявшая многие атомы еще на земле, занимает нижний уровень и располагается так, что испытывает недостаток энергии или каких-то особых космических лучей, благоприятных для существования. В зависимости от того, как душа сформировалась на земле в человеке, неся в себе информацию о его деятельности, нравственности своего владельца, она может или не может перемещаться в этом ограниченном пространстве. Потеряв атомы в своей структуре, душа испытывает большие страдания, полностью воспроизводящие человеческие муки, которые он испытывал бы, находясь на раскаленной сковородке или находясь в кotle с кипящей смолой.

Два уровня - два состояния. Один уровень - рай, другой уровень - ад.

Несколько слов о религии

Религия, как трактуют классики, - есть одна из форм человеческого сознания, мировоззрения, мироощущения, а также соответствующее поведение, основанное на вере.

Человек, созданный Господом Богом или совокупностью космических и земных сил, в отличие от других биологических существ появляется на свет с беспредельной способностью к развитию, самоусовершенствованию, как индивидуум в первоначальной стадии развития стремится к максимуму.

Человечеством движет мечта, заложенная в первоначальной его сущности. Кто в детстве не мечтал стать великим поэтом, писателем, знаменитым путешественником, совершив величайшие открытия, создать невиданные машины. Человек живет мечтой.

Отними у человечества способность мыслить, мечтать - оно погибнет. Мечта для человека - что для птицы крылья. Мечта состоит из нескольких составляющих. Одна из которых - религия, служащая для духовных потребностей.

В отрочестве у человека с каждым днем прибавляется умственных способностей и физических сил. Ему кажется, что пришел на землю на века, уму и делам его нет предела: может перенести горы, переместить моря, и нет такой силы, которая могла бы укротить его деяния. Как не хватает нам в это время веры в Бога или в неосознанные еще космические и земные силы, которые следят за нашими делами, разделяя их на хорошие и плохие, впоследствии воздавая нам по заслугам.

Если бы человек подсознательно понимал, что есть невидимые силы, которые могущественнее человеческого разума, что их нельзя обмануть и скрыть от них свои деяния, то он бы еще с детства следовал стезе: "Береги платье снову, а честь смолоду!".

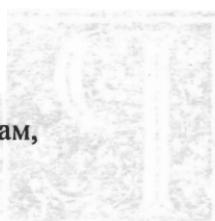
Идут годы, невзгоды и неудачи все более и более накладывают свой отпечаток. Разбрасывая в молодости ум и здоровье, мечтающий прожить тысячу лет человек подходит к печальному финалу. Приходит старость. И как сказал великий поэт А.С. Пушкин:

Лета к суровой прозе клоняты,
Лета шалунью рифму гоняты.

И можно, продолжив, добавить:

То там болит, то там опухло,
То кость изломанная мозжит,
То скрючило, то расправило,
То паралич тебя разит.
И поневоле взвоешь ты от боли,
С мольбою вскидываешь взор свой к небесам,
Моля, чтоб дал тебе Господь покоя,
Веруя еще несовершенным чудесам.

И у судьбы вымаливаешь крохи,
Вот где нужна религии узда,
Чтоб усмирить фарисейские охи,
Не дать творить злодейские дела.
Вот где б религия сказала:
Не возжелай соседского добра,
Не сотвори кровавых злодеяний,
Не прелюбодействуй, не кради.
Уйти ты можешь от возмездия земного,

Но не уйдешь от Божьего суда.

Чтобы познать истину, нужно помнить, когда зародилась христианская религия, причины и следствия ее возникновения. Нельзя забывать, что возникла христианская религия во времена рабовладельческого строя, когда человечество в своем развитии зашло в тупик. Не было ни нации, ни государства, где бы обитатели были связаны одной целью или верой. Общество состояло из двух частей - раб и рабовладелец, - находящихся в классовом антагонизме. Один ненавидел своего владыку, но, скованный рабской цепью, не мог противостоять ему. Второй, презирая раба, упиваясь властью над себе подобным, терял человеческие черты. Один в оковах терял человеческое достоинство, превращался в скота, второй, растленный неограниченной властью, опустившись до низменных страстей, уже не считал преступлением убить себе подобного. Не было в природе такого зверя, который бы с такой свирепой жестокостью уничтожал своего сородича.

Рим захлебывался кровью, упиваясь зрелищами боев гладиаторов, испытывая величайшее наслаждение при виде крови. Образовался конгломерат из звериных инстинктов, помноженных на развратный человеческий ум. "Хлеба и зрелищ!" - ревела толпа, потворствуя в диких оргиях своим низменным страстям. Процветала лесбийская любовь, мужеложество, скотоложество, и все это не считалось грехом. Человечество подошло к черте, за которой была уже пропасть, неизбежная гибель.

Но зародилась христианская религия, которая всей своей сущностью была направлена против существующего строя. Она несла другие понятия о человеческом бытие, о его мировоззрении. Призывала очиститься от разврата, давала другие ценности. Призывала создать другое общество, где человек человеку брат, все равны между собой. Призывала исполнять Божьи заповеди, сказанные Иисусом Христом: не убей, не прелюбодействуй, не укради, не произноси ложного свидетельства на ближнего своего.

Человечество катилось в пропасть, христианские апостолы призывали к возрождению. Многие погибли в страшных муках, но в душе сохранили веру в будущее. Величайшие умы, жаждущие увидеть светлое будущее и обновленного человека в нем, писали Святое Писание. Велика заслуга религии, только она и спасла человечество от гибели.

Сравнивая каноны христианских и марксистских и прочих апостолов, невольно приходишь к выводу, что у них есть много

общего. Апостолы христианской религии доказывают, что все люди произошли от Адама и Евы, поэтому они равны между собой, братья по крови. Но грешны. Человек должен очиститься от внутренней скверны и сделать это должен сам. Постепенно вышаться и возвышаться, стремясь к идеалу, к которому призывают Иисус Христос.

Марксистские апостолы уверены в том, что в одночасье можно изменить саму сущность человеческой натуры. Они настойчиво, применяя силу, требуют, чтобы целые народы, не рассуждая, не задумываясь, шли за ними к светлому будущему. Взяв на вооружение лозунг "Цель оправдывает средства", они решили, что ради этого можно попрать нравственность и заповеди, оставленные нам предками. И в одночасье достичь того, на что требуются годы просвещения.

Те заповеди, которые родились две тысячи лет назад, не потеряли своей актуальности и сегодня. Не убей, не прелюбодействуй; не укради, люби ближнего как самого себя и т. д. Разве не на этом должна основываться человеческая мораль, сущность нашего бытия. Религия нужна и сейчас. Если общество ее возродит и она займет достойное место и будут исполняться заповеди и заветы, то в таком обществе не возникнут Гитлеры, Сталины и прочие Вожди.

Горношорская тайга

ногие хвалят горношорскую тайгу. Мне же она мила только в сентябре. Нет, я имею в виду, не просто выйти из города и побродить за грибками по вырубленным местам, а жить и работать в тайге. За несколько лет работы в экспедиции мне пришлось исходить и изъездить ее вдоль и поперек в разные времена года. Как мне кажется, самым ярким представителем ее является район горы Пустаг. Там настоящая черневая тайга, не тронутая топором, стоит в своем первозданном виде. Все там есть: кедр, редко ель попадается, в основном пихта из хвойных пород. Береза, осина распространены повсеместно, не говоря уже о черемухе, рябине, калине.

На Салаирском кряже тоже тайга, но она не идет ни в какое

сравнение с горношорской. И там есть ель, береза, осина, изредка встречается черемуха с рябиной и калиной, но в основном лиственница и сосна. Сосновый бор не спутаешь ни с чем. Если попадешь в сосняк, сразу становится светло и просторно. Дышится легко, бор в любое время года манит тебя под свой кров. Хотя и там летом есть гнус, но не в большом количестве. Днем мало. Вреда большого не причиняет, его почти не замечаешь, чувствуешь себя просторно и вольно. Ехать можно не только верхом на лошади, а и на телеге проедешь почти везде.

Горношорская тайга особая - это тайга черневая, по ней на телеге не проедешь и вершинам с тропинки не свернешь. Только ранней весной можно пройти напрямую. Да и не то слово, пройти, просто пробраться. Кругом навален колодник, лежит он вдоль и поперек, образуя иногда непроходимые завалы. Снег тает неравномерно. По южным гривам уже сошел, а в северных логах лежит еще метровым слоем, только превратился в какое-то месиво, стал рыхлым, пропитался водой насквозь. Весна наступает бурно. Еще местами тонким слоем лежит снег, а растения, пронизывая его, тянутся к свету. Благодаря обильному снежному покрову, почва не замерзает, всю зиму остается талой, семена при первой же возможности готовы пойти в рост. Каждая травинка старается опередить другую, чтобы занять под солнцем место. Даже не верится, что еще неделю назад лежал на этом месте снег, а сейчас выросла трава по колено. Природа торопится. Прошло две недели, как сошел снег, а поляна уже покрылась сплошным цветочным ковром. Каждая былинка тянется ввысь, стараясь опередить другую.

Особенно поразительны отроги Пустага. Снег тает поздно, только в конце мая. Лето короткое. Во всем сквозит какая-то жаждность жизни. Все цветы начинают цвети одновременно. Если на Салаирском кряже цветут сначала весенние цветы, потом уже летние, а там и до осенних очередь доходит, то тут цветут все одновременно. Каждый цветок приобретает необыкновенно яркую своего цвета окраску, цвет и листья покрыты словно воском, как будто их кто-то специально вощил. Старается выделиться своей яркосочной окраской среди других цветов. Каждый цветок своей яркостью словно кричит: "Жить! Жить хочу! Потомство дать! Обрати на меня внимание, пчела или шмель, смотри, какой я яркий, ядреный, полный нектара, сядь на меня". Буйство красок. Но при всем великолепии борьба идет не на жизнь, а на смерть. Опоздай немного, не вытянись к солнцу - сомнут, заглушат, пропало потом-

ство. Каждый стебелек как бы заранее знает, что времени отпущено мало, надо успевать. Придет другим черед, в рост пойдут травы и дудки, эти все заглушат. Сейчас еще милостиво, приходится бороться только со своими собратьями, тут на равных - кто кого.

А пока все благоприятствует росту: солнце уже днем печет, влаги хватает, почва пропиталась водой насквозь. Прошла еще неделя, другая, и вот остальные травы бросились в рост. Недели через две они уже обогнали цветы и потянулись к небу. К середине лета травы вымахивают в сажень. На что ржанец, в добром месте вырастает не выше чем по пояс, тут вытягивается до уровня всадника на лошади. Уже не говоря о медвежьей кашке и других дудках. За лето вытягиваются выше трех метров. Исполины. Не отстает от них и кукольник. Не трава, а деревья, кажется, растут.

Представьте: разгар лета, ты едешь на лошади. Кроме тебя на ней еще порядочный вьюк. Тропинка беспрерывно петляет, обходя колодины и деревья. Под копытами лошади чавкает. Почва насыщена водой до предела. Ты выехал на поляну, легче не стало. Все так же чавкает под копытами у лошади. Сверху на тебя обрушился жар. Солнце печет неимоверно, ветерка нет и в помине. Душно. Влажность как в бане. От земли поднимается тяжелый дух. Испарение, смешиваясь с разными запахами, затрудняет дыхание. Вокруг трава, дудки стоят на уровне твоей головы. Влажная одежда, облегая твоё тело, вызывает неприятное ощущение, по всему телу струится пот. Но распахнуться нельзя, сразу же полночи паутов и слепней облепят голое место. Наглы до невозможности. Над тобой вьется рой этих кровососов, непрерывно гудя. И нет от них спасения. Бедное животное постоянно мотает головой, стараясь облегчить свое положение. Сворачивает с тропинки, чтобы пропустить траву между ног, хоть как-нибудь избавиться от паразитов, присосавшихся к нижней половине тела. Хочется нестерпимо пить.

Но вот кончилась поляна, ты въезжаешь в пихтач. Ожидаемой прохлады нет и в помине. Так же душно и жарко, как в бане, хотя деревья стоят в нескольких метрах друг от друга. Солнца не видно, только в небе небольшая дыра, через которую проглядывает клочок синевы. Паутов и слепней стало меньше, но тут новая напасть. Рой комаров и мошек облепляет тебя. Мошка нагло лезет в глаза и уши, комары вместе с воздухом втягиваются в нос и рот. Отплевываясь, ты проклинаешь эту непутевую тайгу, поневоле вспоминаешь Салаирскую. Только в черневой тайге эти парази-

ты-кровососы днем и ночью чувствуют себя хозяевами. И одно спасение, когда выедешь на хребет. Сразу пахнет прохладой, ветерок ласково обдувает тебя, относя гнус в сторону. Можно открыть рот и вздохнуть полной грудью, не боясь, что с десяток комаров попадет в дыхательное горло. Лошадь, поводя тяжело бока-ми, тянется уже к траве, стараясь схватить несколько былинок, пока не донимает гнус. Короткий отдых, и надо спускаться вниз. Опять в проклятое пекло на съедение паразитам. И опять с тропинки свернуть нельзя, лошадь сразу же упирается в колодину. И даже сидя на ней, впереди ничего не можешь разглядеть, все пространство вокруг сплошь закрыто травой. Лето не приносит радости, и уже в конце июля сердито ворчишь, быстрей бы оно кончилось.

Сентябрь - дело другое. Особенно хорошо, когда недели две не было дождей. Паутов и слепней нет, комаров осталось немногого. Первые заморозки убили траву, она сразу как-то пожухла, легла на землю. Сядьте в это время на колодину посреди поляны и осмотритесь вокруг. Солнце уже не печет, как летом, а ласково прикасается своими лучами, словно гладит чем-то мягким и теплым. На лице чуть-чуть слышится его жар, хотя脊на уже ощущает холодок тени. Полегшая трава не мешает взору, появился простор, горизонт расширился. Ты вскидываешь свой взор к небу. Небосвод кажется хрустальным. Где-то далеко-далеко в вышине висит одинокое облачко. Немного в стороне - другое. Оба ослепительной белизны, висят неподвижно. Тебя манит в эту неизведанную даль, и, кажется, пространство между тобой и ими заполнено каким-то слегка голубоватым веществом. Ты его ощущаешь физически. Кажется, тронь рукой, и оно издаст мелодичный хрустальный звон.

Но вот взор насладился этой дивной картиной, и ты опускаешь голову, оглядывая поляну. Земная красота предстала перед тобой. Глаза ласково скользят по кустам черемухи. Багряно-красный цвет листвы разукрасил ее, и тебе кажется, что вот-вот она вспыхнет огнем. Небольшой поворот головы, и взор твой упал на березу. Невольно сравниваешь ее с невестой, которая, собираясь под венец, надела на себя самое дорогое. Горит золотисто-желтым цветом, белеет один только ствол, напоминая стройный стан красавицы. Рядом осина шевелит беззвучно своими фиолетово-красными листьями. Стоит тишина, ничто не мешает любоваться этой дивной картиной. Изредка пролетит шмель. Но его полет не

нарушает гармонии, а лишь подчеркивает тишину. Все деревья разукрасили себя драгоценностями. Хвойные и те стали какими-то другими, стараются не уступить лиственным в красоте. Все замерло в какой-то неге.

Но только раз мне удалось увидеть настоящую красоту горношорской тайги. Было это в конце сентября, почти на самом Пустаге. Гора Пустаг имеет две вершины. На восток от него отходит безымянный хребет, на запад тянутся два. Один хребет называется Пыхтун, второй Крыхтуном окестили. Оба, отойдя от вершины, расходятся в стороны и так тянутся на несколько десятков километров, то понижаясь, то вновь поднимаясь вершинами.

По долгу работы мне пришлось делать топографическую привязку участка, где производилась геофизическая съемка. Работы подходили к концу, требовалось нанести координаты. На одной из вершин на нашем участке поставили небольшую пирамиду, с нее я сделал замер на государственный тригонометрический знак, который стоял на самой высокой вершине Пыхтуна. Требовалось произвести обратные замеры с этого знака.

К вечеру с одним рабочим добрался я до этого государственного тригонометрического знака. Тридцатиметровая вышка, стоящая на самом краю скалы, уходящей на сотню метров отвесной стеной вниз, возвышалась над всей округой. Я оглядел горизонт, все было затянуто дымкой. Стало ясно, что при такой видимости замеров не взять. Но я все же решил убедиться. Вычислив угол по карте до ближайшего тригонометрического знака, стал разыскивать его теодолитом. После долгих поисков наконец расплывчатое очертание вышки появилось в приборе. Я окончательно убедился, что делать замеры при такой погоде - занятие бесполезное: второй знак находился еще на большем расстоянии. Раздосадованный, я принялся курить, понимая, что замеры можно произвести только утром.

Возвращаться в отряд не было смысла, все равно завтра рано утром нужно было быть здесь, а в оба конца путь был неблизкий, около тридцати километров. Хотя не было ни палатки, ни теплой одежды, да и продуктов - всего раз хорошо поесть, решили заночевать здесь. Ночь была относительно теплая, температура за нулевую отметку не опускалась. Но еще далеко до восхода солнца были мы уже на ногах. Вскипятив чай, подкрепились остатками ужина, стали коротать время. Было еще темно, луны не было, вершина Пустага закрывала восток. Вдруг захотелось мне с вышки

взглянуть на восход солнца. Взобравшись, я закрепил прибор на площадке, стал осматриваться.

Странное было ощущение. Слева сумрачно вырисовывалась одна из вершин Пустага. Прямо предо мной простиралась бездна. Было страшновато, между хребтами зияла черная пустота, уходящая куда-то вглубь, словно в преисподнюю. Ничего нельзя было рассмотреть в ней, она пугала своей бездонностью. Постепенно страх проходил, я все увереннее чувствовал себя на вышке. И вдруг показалось, что я потерял опору под ногами, парю над бездной. На ум непроизвольно пришел Лермонтовский Демон, как-то сами собой вспомнились строчки:

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой.

Давно отверженным блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута.

Страха уже не было и в помине, наоборот, казалось, что у меня выросли крылья, и я, словно Демон, парю в темноте. Ощущение было необыкновенное, такое может случиться только во сне.

Но вот вершина Пустага приняла зrimое очертание, края уже бледно светились. Всходило солнце. Я замер, боясь пропустить мгновение, когда солнце появится из-за вершины Пустага. И вдруг показалось, словно кто-то, торопясь, выкатил его из-за горы. Яркие лучи света упали на мою вышку. Смотреть стало больно, я перевел свой взгляд в котловину.

Боже мой! Что творилось в долине. Там происходило чудо! Я окаменел, боясь пошевелиться. Волна света сбегала вниз, выхватывая из темноты вершину за вершиной, опускаясь все ниже и ниже. На моих глазах произошло волшебство. Предо мной лежала, распростершись на десятки километров, котловина. Множество больших и небольших отрогов и логов отходили от обоих хребтов. Поразительная контрастность образовалась в ней. Трудно передать словами эту волшебную красоту. Лучи солнца освещали

щали одну сторону отрогов, оставляя противоположную почти в темноте. На дне глубоких ущелий плавал туман. Какой-то особенный, не сплошным потоком, а причудливыми клоками, как будто кто-то разбросал ключья ослепительно белой ваты. Освещенные косогоры полыхали разными красками, нигде не было одинаковых тонов и оттенков. Каждая пядь земли сияла своим блеском. В некоторых местах, казалось, полыхал пожар, и только по неподвижности огня можно было догадаться, что это заросли черемухи.

Потрясенный, я рыскал глазами по долине. Взор мой остановился на ярко-желтом пятне. Присмотревшись, я догадался, что на этом месте растет небольшая березовая роща. Она переливалась золотистым блеском. Тут же рядом ярко-фиолетовое пятно. На ум пришла среднеазиатская сказка, где девушка выткала волшебный ковер. И на нем, как живые, были удивительной красоты горы и долины. Невольно пришло сравнение. Что красивее? Тот волшебный ковер или это, что сейчас расстипалось предо мной. Нет! Ничто не могло сравниться с этой божественной красотой, в ней было что-то неземное. Все искрилось в каком-то радостном блеске, словно жило и дышало. Даже одиночные кусты рябины выделялись своим цветом. Заросли черемухи в разных местах полыхали по-разному. На одних, казалось, пламя колышется и вот-вот появится дым, в других местах как будто уже прогорело и остался только темно-малиновый жар.

Неравномерная освещенность логов создавала фантастическую картину. В неосвещенных логах преобладала темно-зеленая окраска, и лиственные деревья резко не выделялись на этом фоне, они как бы подчеркивали яркость и красоту сверкающих под солнцем своих собратьев. Было два мира, противостоящих друг другу. Возвышавшиеся над другими деревьями кедры, освещенные лучами солнца, отливали серебристо-зеленым цветом, в логах же, не тронутых светом, выделялись темно-зелеными вершинами.

Трудно было поверить, что природа имеет столько красок и так щедро раздаривает их. Небольшие поляны, похожие на островки спелой ржи, были разбросаны по всей котловине. Но каждый островок отличался своим оттенком. Заросли осинника в разных местах имели свой цвет, начиная от бледно-фиолетового и кончая темными тонами. Яркие пятна всевозможных размеров и причудливых форм были разбросаны повсюду, искрились всеми цветами радуги. Казалось, кто-то неземной смешал краски и разбросал по окружке.

- Так вот где ты, матушка тайга, прячешь свой волшебный ковер! - подумалось мне. - Наверное, редко-редко кому ты позволяешь взглянуть на него. Только раз в жизни ты одариваешь человека таким счастьем! Наверное, и меня за мои таежные страдания отметила своим перстом.

Мне казалось, что я стал частицей природы, слился с ней. Как мне было жаль, что я не художник, как хотелось увиденное перенести на полотно, донести до людей, показать эту божественную красоту. Я прекрасно понимал - передать увиденное словами невозможно.

Снизу раздался голос рабочего, он спрашивал, скоро ли я окончу замеры. Голос его нарушил волшебную тишину. Каким он был неуместным! В груди шевельнулась неприязнь к напарнику, словно он совершил какую-то испристойность. Я позвал его на вышку взглянуть на волшебную красоту. Засмеявшись, он отказался, ссылаясь на боязнь высоты.

- Трус поганый! - в сердцах обозвал я его. Он стал оправдываться, я принялся за работу. Воздух был необыкновенно чист и прозрачен, противоположный хребет казался почти рядом. Тригонометрические знаки виделись в приборе, словно были у меня на ладони, я сделал необходимые замеры.

Взглянул еще раз на котловину. Картина как-то изменилась, все было по-прежнему, но в то же время не то. Ярко сияли краски, но не было уже того волшебного блеска. Контрастность поблекла, туман исчез. Природа потеряла свою одухотворенность. И только немногого погодя я понял, что только на восходе солнца, когда бывает роса, происходит это чудо. Я стал спускаться на землю, досада на напарника не проходила, казалось, что это он своим голосом нарушил божественную красоту. И, только спустившись, осознал, что он тут ни при чем, просто мне повезло наблюдать краткие мгновения, когда в природе происходит волшебство.

О кузбасской природе

иногда думал: как мы выжили в войну, не умерли с голода. И, что удивительно, не так уж часто болели, а ходили разутые, раздетые, о еде и говорить нечего. Триста граммов хлеба, и тот выпечен с картошкой пополам. В войну у нас, пацанов, только и был разговор о еде, и одна мечта была у всех в головах: вот бы повезло, кто-нибудь или сам Господь Бог послал бы маленький кусочек сальца, и в придачу корочку хлеба. Основной пищей была трава, трава и трава.

Весной первой появлялась долгожданная колба. Еще не совсем оголилась земля, а она уже, родимая, пробивая остаток снега, вылезает на свет божий. И такая ядреная, едучая, не приведи Господь, как разжуешь, то кажется, что во рту кто-то водит горящей паяльной лампой, до чего жжет и полыхает в нем. А ели! Ели одну, в чистом виде, не заедая горечь ничем. Тут вскоре за колбой пойдут пестики, срываешь вершки - и в рот.

Я не буду употреблять латынь, язык сломать можно, да и, честно признаться, я в ней разбираюсь, как баран в библии. Буду говорить простым русским языком, употреблять названия трав, какими мы пользовались. Почти вместе с пестиками подрос и каньдик. Тут уж надо было достать корешок из земли - это лакомство. Выкопал, теранул обо что-нибудь, лишь бы большая грязь слезла, и в рот, хоть чуть-чуть утолить непрестанный голод. Вскоре петушки появляются, шкерда, саранки, медунки, пучка-русянка - все поедалось. Ели стручки акации, мелкую-мелкую траву под названием заячья капуста. Чуть кислит - за это и ели. У клевера цвет съедался. А уж о ягодах-то и говорить не стоит. Малина, смородина, кислица, ели в сыром виде рябину с калиной. Особенно глубокой осенью, когда прихватит морозцем. Но всегда, днем и ночью, чувствовали терзающий голод.

Как-то попала мне в руки книга "Зеленая аптека Кузбасса". Сначала так, от нечего делать, для знакомства перелистывал, потом увлекся, стал читать основательно. Сразу же вспомнилась война, стало понятно, почему мы не умерли с голода. Оказывается, в Кузбассе почти все травы целебные. Какую ни возьми - сплошное лекарство. Я стал сопоставлять по временам года.

Первым появляется подснежник, по-нашему лютик, лекар-

ство для наружного втирания от ломоты костей. Потом колба-чеснок, пальцев на руке не хватит, чтобы сосчитать от скольких болезней лечит. Кандык, медунка, пестики, петушки, саранки, пучка-русянка - все употребляется в пищу как лекарство. Дошел до крапивы и лопуха. И эти оказались лекарственными травами. Сразу же вспомнился прадед.

Мне было лет пять. Вооружившись палкой как саблей, вообразив из себя Чапаева, напал за огородом на крапиву и лопухи. Схватка была жаркая. С лопухами справился быстро, а вот с крапивой вышла небольшая осечка, она оказывала яростное сопротивление. Падая, все норовила задеть меня, жегануть своими листьями. Приходилось изворачиваться, нападать то с одной, то с другой стороны, подбадривая себя истошным криком.

За этим занятием застал меня прадед. Потихоньку подошел, остановил мою руку в воздухе и с какой-то теплотой, присущей только ему одному, стал говорить:

- Зачем ты рубишь, уничтожаешь траву?! Ей же больно! Вот смотри, у нее сок-кровь выступила! - и прадед из-под своих седых нахмуренных бровей с величайшим сожалением смотрел на меня. Мне стало стыдно, но я пытался оправдаться, доказывая, что такую же траву бабушка из огорода выбрасывает.

- Так это же из огорода! А здесь она на своем месте растет. Милый правнучек! Ни сорной, ни вредной травы на свете не бывает. Раз Господь сотворил такую траву, то она обязательно для кого-то полезная. Если не человеку, то зверю, скотине в пользу идет. Вот собаку ужалит змея! Она в тайгу бежит, ищет свою траву, ей лечится. Кошка и та свою траву знает, от своих кошачьих болезней лечится.

Тогда до меня не все дошло, но многое осталось в памяти. А сейчас, читая книгу "Зеленая аптека Кузбасса", когда дошел до спорыша и до травы, бича всех огородов, Ваньки-мокрого, то тут же подумалось: "До чего же умны были наши предки, как чувствовали и понимали природу, ни одной **ветки** зря не рубили, ни одной **травинки** понапрасну не мяли". Тут же на ум пришел болгарский профессор-медик, который лечит исключительно травами. Он доказывает, что люди когда-то, как сейчас звери, внутренним чутьем распознавали все травы. В них был заложен код: какая для него трава ядовитая, а какая является лекарством. Ему приходится верить, для этого есть веские основания.

Под Псковом на один из островов выпустили обезьян в науч-

ных целях. Об этом писал журнал "Наука и жизнь". Но ученые боялись, что, оказавшись на свободе, обезьяны бросятся есть без разбору ягоды и травы и, не имея понятия о нашей флоре, погибнут, съев что-нибудь ядовитое. Но страхи были напрасны. Ни одна обезьяна не съела ни одной ягодки, ни одной травинки ядовитой. В ней заложен код о свойствах трав и ягод, она безошибочно определяет, что можно ей есть. Значит, прав профессор, человечество в своей эволюции действительно потеряло ценнейшее свойство находить в природе лекарственную траву, нужную для отдельного индивидуума.

Сейчас уже доказано, что каждое растение испытывает боль, когда его подвергают насилию. Провели опыт. Поставили датчики на березу и стали пилить. Сразу же датчики уловили сигналы-импульсы, какие возникают у человека, когда он испытывает боль. А разве около дорог от чрезвычайной загазованности не вянут цветы, не сворачивают свои бутоны, чтобы не отравиться?

Когда происходил разговор с прадедом, я имел смутное представление о природе, но в уголке души шевельнулась жалость о содеянном. Но пацан есть пацан, не хотелось так просто сдаваться, я нагловато заявил, что если так дальше пойдет, то мне и комаров жалеть придется. Прадед, по-доброму рассмеявшись, стал рассказывать, что, несмотря на то что комары кусают человека, приносят ему боль и страдания, они приносят и величайшую пользу. Из его рассказа выходило, что на них-то, комарах, чуть ли не весь белый свет держится. Прадед доступным для понимания ребенка языком словно сказку рассказал: как комар откладывает в воду яичко, как из него вырастает личинка. Как эту личинку ест гальян и другая мелкая рыбешка. А эту мелкую рыбешку в свою очередь поедает средняя рыба. А уж среднюю ест большая. А большую ест человек. Он еще, как бы доверяя тайну, под большим секретом поведал, что комаров с великой охотой поедают маленькие дикие утятя и гусынята. Выходило, что и им для роста нужен комар.

Добавлю от себя. Вычитал в каком-то журнале, что из почвы вымываются редкие микроэлементы, которые необходимы для роста растений. Эти микроэлементы вместе с водой попадают в водоемы, там оседают на дне. Комар откладывает свою личинку в воду. Та при своем развитии впитывает в себя эти микроэлементы и, став взрослым комаром, погибая, вновь разносит их по всей земле.

Вокруг города уже не осталось огоньков. А когда-то на дачах

свободные места огоньки сплошным ковром покрывали. А не обернется ли это бедой? При нашем бешеном темпе жизни, когда все бегом, а на каждом шагу подстерегает опасность, к вечеру уже бываешь в стрессовом состоянии. Не окажется ли этот самый огонек тем растением, отвар которого снимет стресс, не повредив организм. А не так, как некоторые искусственные лекарства: одно лечат - другое калечат.

Все взаимосвязано в природе. Нет ни лишних трав, ни лишних растений, ни лишних птиц и зверей. Звери и птицы так же мыслят, только по-своему, может быть, на несколько порядков ниже, чем человек, и по-особому, недоступно нашему пониманию. А мыслят? Присмотритесь внимательнее, бывает собака умнее своего хозяина. В обществе ведет себя с большим тактом, чем ее владелец.

Интересно бы подслушать, узнать, что думает дикая утка о человеке. Каким ничтожеством он, наверное, ей кажется. Жадным, коварным, злобным, отвратительнейшим существом. Она, бедная, летит за несколько тысяч километров, набивая себе желваки под крыльями. И стоит ей только появиться ранней весной, как люди, обезумев от кровожадности, хватают ружья и, сверкая злобными глазами, несутся убить ее. И все лето этот обезумевший человек крадется и выслеживает ее только с одной целью - убить, набить свою утробу, несмотря на то что она высаживает потомство. А уж осенью эта двуногая.., именуемая Царем природы, покажет свою хитрость, изворотливость и коварство, силу своего ружья. А это равносильно тому, что если бы на него в чистом поле напал пьяный водитель танка, жаждущий задавить гусеницами.

Что же думает о человеке дикая утка, в которой заложен код, чтобы каждую весну прилетать к нам, иначе с человеком что-то случится и только ее присутствие спасет его от гибели. Что думали китайские воробы, когда их уничтожали? Уничтожили - поняли, что человеку без них жить нельзя. Китай стал за золото покупать воробьев за границей. Что же на самом деле думает о нас дикая утка? Да и вообще звери, птицы и растения.

Дым без огня

стretились мы случайно в доме отдыха. Сначала незаметно приглядывались друг к другу, стараясь восстановить в памяти знакомые черты. Наконец я решился, сомнения отпали, это был Володька. Я двинулся к нему, он сделал несколько шагов навстречу, мы обнялись. Сразу же нахлынули воспоминания.

- Подожди! Подожди! Сколько же лет мы не виделись с тобой? - начал Володька. После недолгих математических расчетов выходило, что прошло тридцать пять лет.

- Да, время! Время! Как изменились мы с тобой! - продолжал Володька, но наш разговор прервала Красная Шапочка-физрук. Молоденькая девчонка, живая как ртуть, еще несколько дней назад предупредила о лыжном походе за десяток километров, обещая показать удивительные места. Она так горячо взялась за эту затею, что не отстали и мы, старики. Сейчас все надевали лыжи, выстраиваясь в походную колонну.

Нам захотелось побывать наедине, поделиться воспоминаниями. Володька был все такой же, он сразу же пообещал договориться с Красной Шапочкой, не нарушая ее планов, уйдем, мол, с ними километров за пять, там отстанем, найдем хорошенько местечко, разожжем костер и наговоримся досыта. Он двинулся к Красной Шапочке, я вернулся в буфет, чтобы купить спичек, как выяснилось, оба мы уже не курили.

Выходя, я нашел Володьку сияющим, весь его вид говорил, что все в порядке, мы - вольные птицы. Колонна тронулась в путь. Как всегда, молодые рванули, стараясь не отстать, нажимали и мы. Отмахав километров пяток и найдя подходящее место для костра, мы остановились. Был небольшой сосновый борок, снегу было немного, кругом валялись сосновые сучья. Прошло немного времени, и уже порядочная кучка хвороста возвышалась на поляне. Оставалось только развести костер. Володька по всем правилам принялся накладывать дрова, наверное, хотелось похвастать, что он не забыл эту мудреную науку. Я подал спички, вытащив одну, он чиркнул о коробок. Появился дым, как будто разорвалась маленькая бомбочка. Пошипев немного, спичка погасла. Володька полез за второй, и снова такая же история, шипение и дым,

пламени как не бывало. Он за третьей - все та же история.

- Чтоб тебя разорвало! Чтобы тебе пузо перекосило! - в сердцах выругался Володька. Было ясно, что он уже завелся. Я поинтересовался, кому предназначаются такие "прелестные" слова. "Директору фабрики, который такие спички выпускает!" Мы пробовали прочитать этикетку, но, увы, оба оказались без очков. Володька достал четвертую спичку, потом, подумав, достал еще две, сложив их вместе, чиркнул о коробок. Эффект превзошел все ожидания, дыма появилось столько, что стоя я захлебывался от его ядовитого зловония.

- Ну, мерзопакостник! Ну... - и тут он разразился таким эпитетом, каким награждают пьяные мужики друг друга в споре. Я огляделся вокруг, нет ли кого, не дай бог оказался бы поблизости милиционер, не миновать бы нам по пятнадцать суток. Я знал, что Володька легко заводится и если уж он пошел в разнос, то тут уж ему не попадай под горячу руку. Я пробовал его успокоить. Пустился в разговоры, что идет перестройка, что эти спички, наверное, были выпущены до нее и мы вскоре будем пользоваться хорошей продукцией. Володька взглянул на меня зверем, хотел что-то сказать ядовитое, но ради нашей встречи воздержался, только передернул плечами.

- А помнишь Аргыт?! - неожиданно обратился он ко мне, и глаза его **как-то** по-молодому блеснули.

Как мне было не помнить! Все вспомнилось до мельчайших подробностей, с ним же вдвоем возвращались с маршрута. Была поздняя осень. Мы уже шли с ним целую неделю, меряя шагами пройденное расстояние, делая замеры прибором. До базы отряда оставалось всего ничего, перевалить только гору Аргыт. Времени по расчетам было достаточно, надеялись вернуться в отряд, как и обещали, вечером в этот день. Покурив у подножия, мы двинулись в путь. Сразу же начались неприятности, пошел дождь. Как всегда, в это время в горах погода переменчива, дождь перешел в дождь со снегом.

Мы двигались не останавливаясь, по опыту зная, что спасение только в движении. Чем выше поднимались мы, тем глубже становился снег, выпавший накануне на вершине горы. Дождь прекратился, пошел один снег, добавляя под ноги. Внезапно поднялся холодный, пронизывающий ветер, разыгрался настоящий буран, началась свистопляска. Одежда наша покрылась сплошной коркой льда, но мы все же благополучно миновали вершину горы

и стали спускаться вниз. Мы уже радовались, мечтая, как часа через три появимся в отряде и, похлебав до одури горячих мясных щей, залезем в спальные мешки отогреваться.

Ветра с этой стороны вершины не было, снег почти перестал идти, да и под ногами его было намного меньше. Воспрянув духом, мы зашагали живее. Но нас ждала вторая беда. Она появилась откуда и не ожидали. Снизу полз туман. Прошло немногого времени, и мы оказались как в молоке. Идти дальше было нельзя, сразу же потеряешь друг друга, но главная опасность заключалась в том, что с этой стороны были скалы. В таком тумане не заметишь, как сделаешь последний шаг над пропастью. Мы с ним уже долго проработали в экспедиции, бывали во многих переделках, знали, что одно наше спасение - быстрее развести костер: в такой мокрой одежде в такой холода долго не протянуть. Мы принялись за костер. Все было сырое, залапанное мокрым снегом. Но все же кое-как надрали бересты, около ствола пихты нашли сухого мха, наломали немного сухих веток. Одно только было желание, скорей бы разжечь костер, а там уже будет легче, в него пойдет и не очень сухое.

Дошло до главного - зажечь спичку. Но, к нашему удивлению, мы оба не могли свести пальцы, чтобы вытащить спичку из коробка. Как ни старались, а миллиметров пять оставалось пространства между большим и указательным пальцами. Нас это испугало, холод пробирал до костей, тряс уже настоящий колотун. Одежда, промокшая насквозь, не грела сверху покрылась сплошной коркой льда, издавала неприятный шелест. Мы прекрасно понимали, что еще немного времени и мы уже не сможем разжечь костер, а в такой одежде не продержимся и получаса.

Был только один выход: согреть чьи-то руки. Володькины пальцы сходились ближе, чем мои, и мы пошли на крайнее средство. Я кое-как расстегнул фуфайку, куртку и, обрывая пуговицы, ворот рубахи, Володька своими до омерзения холодными руками полез мне под мышки, только там еще оставалось немного тепла. И до сих пор, не могу без содрогания вспомнить, как до ужаса неприятные, холодные руки забирали последнее тепло. Хотелось как можно скорее выпихнуть их оттуда. Но, собрав всю свою волю, я старался плотнее прижать их к себе. Через расстегнутую фуфайку холода проникал повсюду, обжигая своим дыханием. Через некоторое время, которое показалось мне вечностью, он вытащил руки и тут же, достав три спички из коробка и сложив их вместе,

зажег.

Вспыхнуло пламя. Разорванное бересто как бы нехотя, потрескивая, занялось, и тут же вспыхнул мох. Мы поняли, что спасены. Рядом оказались две сушинки, через десяток минут полыхал костер. Повеселевшие, мы поворачивались разными боками, стараясь хоть немного подсушить одежду. Часа через два туман исчез, на небе засияли яркие звезды. Мы двинулись в путь и к полуночи добрались до отряда. Там никто не спал, уже готовилась поисковая группа выйти с рассветом. Всем было хорошо известно, что бывает осенью в горах, когда застанет дождь, а потом буран и резко понижается температура.

- А если бы такие спички у нас на Аргыте были? - прервал Володька мои мысли. - Кого бы ты тогда перед Господом Богом оправдывал? - мне нечем было крыть, я смущенно пожал плечами.

- Видел я недавно такого перестроившегося! - начал Володька, вставая. - У нас в цехе с одним материалом дефицит небольшой, а я как-то языком ляпнул, что у меня в управлении знакомый имеется. Ну, мне командировочное в зубы и чуть не пинком из цеха. Никуда не денешься, раз языком ляпнул, поехал. Приезжало, а на базе этого материала полным-полно, или только что завезли, или наш снабженец прохлопал ушами. И знакомый не потребовался, оформил я заявку, все документы подписал и подался в гостиницу, ночь переспать. Место дали, но поселили меня с одним типом. Пузо здоровенное, очки по чайному блюдцу, ходит, поворачивается важно, говорит еще важней, сразу видно, что начальник немалый.

Вот уже спать ложиться, я и вспомнил, что у меня в чемодане бутылочка коньяка на всякий случай прихвачена, думал, всякое может случиться. Ну я на радостях-то, что все так удачно сложилось, по простоте-то душевной, вижу, что он с похмелья мается, возьми и предложи, мол, давай по соточек коньяка пропустим. И ты знаешь, что он, паразит, сделал? Давай мне лекцию читать о вреде алкоголизма. Там и перестройку подцепил! Я ему талдычу, что я по простоте душевной, что мне никогда пить, работаю непосредственно на производстве, там все на виду, много не попьешь. Куда там! Как разошелся, мать честная, такой словесный понос разобрал, не может остановиться. От удовольствия глаза аж горят, наверное, с пеленок учился быть начальником, пришлось мне с полчаса, как провинившемуся школьнику, выслушивать его нота-

ции. Вижу, что не переждать, до утра затянул, разделся и лег в постель.

Побубнил он побубнил, я на голову одеяло натянул, лежу молчу, нет-нет да похрапываю. Слыши, он что-то пошарил в чемодане и тоже ложится. Спросил он меня еще о чем-то, я захрапел, делаю вид, что дрыхну без задних ног. Прошло немного времени, слышу, звук какой-то стеклянный, как при землетрясении, раздается. Я одеяло в сторону, прислушиваюсь, звук идет, а здание не качается. Потихоньку встал, слышу, звук от соседа несется. Я на цыпочках к нему, раз, одеяло в сторону, а он, гад, из четка в стакан водку наливает! Темно под одеялом, неудобно, да еще, наверное, руки с похмелья трясутся, четок только о край стакана наяривает! Дробь выбивает. Ну, уж тут я на нем отоспался! Тоже не менее чем на полчаса лекцию закатил! Начал с алкоголизма, потом до перестройки добрался! Растолковал ему, что почем, как мы иногда из шкуры вылезаем, чтобы производство действительно наладить, и как такие перестройщики под одеялом перестраиваются.

Я хотел взахлеб, понимая, что Володька порядком приукрасил, но и, помня его характер, представлял, как он чехвостили своего соседа по номеру.

- А дальше что? - поинтересовался я.

- Что дальше! Я ему выложил начистоту все, что думаю о таких перестройщиках. Сидит, только глазами лупает да просит, чтобы никому не рассказывал, мол, жена, детки. Вот, наверное, и директор этой спичечной фабрики такой же, - и он потряс в воздухе коробком.

Становилось прохладно, спина уже чувствовала холод, я боялся, как бы не застудить свой проклятый радикулит. Вздрагивая, я попросил Володьку поторопиться с костром. Он снова принял за спички, и снова один и тот же эффект, только вонь от них.

- Ну, мерзопакостник! Ну, тунеядец проклятый! Чтобы тебе харю перекосоротило! - трудно было понять, к кому эти пожелания относились, то ли к знакомцу из номера, то ли к директору спичечной фабрики, то ли к обоим вместе. Я поинтересовался, кому он их адресует.

- Оба хороши, повесь на одной веревочке - ни один не перетянет! Этими спичками можно уже русскую печь истопить! А ведь кто-то лес заготовляет, серу добывает и еще какие-то компоненты идут! Неужели он, мерзопакостник, что-нибудь из селитры выживает и вместо самогонки пьет!

Я возразил, сославшись, что еще не было слышно, чтобы алкаши селитру употребляли.

- А куда же оно делось, что гореть должно? Высасывают, наверное, гады из этой мешанины, что гореть должно, иначе бы горели спички. Ну, пузан! Ну, пузан! Хорошо живешь! При Петре Первом тебя бы, мерзопакостника, увезли бы километров за двести в самую глухомань и оставили бы с этим коробком. Если бы выжил, то никогда бы уж такой брак не гнал!

Володька уже перешел на второй десяток. Но все старания были напрасны, ни одна спичка кроме дыма ничего не давала.

- Чтоб ты сдох! Чтобы у тебя трудовая народная кость, которую ты каждый день грызешь, поперек горла *встала!* - он уже для убедительности своей речи добавлял такие слова, что будь мы не одни, нам бы уже пятнадцатью сутками не отделаться, счет бы пошел уже на годы. Я испугался за директора фабрики, совсем недавно прочитал книжку про телепатию, где почти на научной основе доказывалось ее существование. Я поделился своими мыслями с Володькой.

- Пошел ты... - послал он меня туда, где любая телепатия не достанет. - Я без твоей телепатии, будь он сейчас здесь, собрал бы эти горевшие спички, подсчитал и стал бы дубиной поперек морды *охаживать*, приговаривая: "Это тебя, подлеца, частичкой брака охаживаю, придет время, всем браком волтузить буду!".

Я понимал, попадись сейчас директор в руки Володьке, и без телепатии уделал бы чище лошади. Я старался его *остудить*, но он и мне выдал по первое число, и если бы не наше близкое знакомство, то, *пожалуй*, и меня бы причислил к бракоделам, со всеми вытекающими отсюда последствиями. "Хорошо, что Володька не знает точного адреса! - подумалось мне. - Иначе бы директору несдобровать, кончились бы его легкие хлеба!" - хотя и самому хотелось, чтобы часть Володькиных пожеланий дошла до адресата.

Ну, наконец! Ура! Наверное, двадцатая спичка загорелась. Вспыхнул костер, но хорошего *настроения* он не принес, все было вконец испорчено. Обогревшись *немного*, мы двинулись в обратный путь. И как только пришли, сразу же, оседлав носы очками, принялись изучать этикетку. Вверху не особо крупными буквами сообщалось: резьба по кости. Ниже красовалось подобие броши. Сбоку сообщалось: село Ломоносово. В самом низу: Бийский ф/с комбинат. Гост 1820. Ц. 1 коп.

Как было стыдно за это светлое имя, которое налепили на брак. Не заслужил этого старик М. В. Ломоносов. Радикулит не давал мне покоя, сказывались лыжи, да немножко прохватило около жаркого костра. Я двинулся в свою палату и завалился спать.

Боже мой! Если бы я знал, что случится! Черт с ним, с радикулитом, грызи ты, ешь поедом, ни за что бы не лег на койку! Кажется, не успел и веки сомкнуть, как снова оказался у костра. Тут же Володька. Но Володька уже не Володька, а раздался вширь, ввысь, как будто он сам народ. Как будто он владеет какой-то страшной силой и его громовой голос оглушает меня.

- А ну-ка давай сюда свою телепатию! Повторяй за мной! Чтоб ты народной костью подавился! - я заплетающимся языком повторяю и сразу же вижу, как наяву стало в глазах. Вот сидит директор за столом, холеный, тучненький, и уплетает не сухую корочку, как простой смертный, а как и подобает по чину, баранью кость. Вот он открыл до отказа рот, стараясь справиться с мослом. И он вдруг, как бы нечаянно вырвавшись из рук, проскальзывает в рот и встает там дыбом, упервшись в язык и нёбо. Бедному больно, рот раздирает, но он не может даже слова сказать, язык зажат костью. Бедный только машет руками, стараясь сообщить супруге о случившемся несчастье. Наконец его знаки привлекли внимание любящей половины. Она заносилась вокруг директора, стараясь пособить горю. Не раздумывая, не соблюдая гигиену, грязной рукой лезет в рот, пытаясь выдернуть проклятую кость. Но где там! Володькины желания настолько сильны, что выбить застрявшую кость под силу только дюжему молотобойцу.

Тут же над головой директора проносятся дубинки. Помимо воли взгляд мой несется за ними. Дубинки опускаются над фабрикой и сразу же раздается рев. Резко распахиваются двери кабинетов, и оттуда, сопровождаемые непрерывными ударами дубинок, замы и технологии, главные и замы главных заместителей заносились по коридору, ища спасения. Наконец обезумевшая братия, найдя выход, бросается в цех. Но и там творится такое же: дубинки охаживают рабочих. У некоторых дубинок появились руки, они через одного, начиная с мастера, хватают начальство и суют головой в какую-то коричневую жижу. И нет им спасения.

Перед моими глазами снова встала директорская квартира. Там уже полно врачей, прибывших на двух машинах. Директор уже дышит свободно, общими усилиями двух бригад кость была извлечена, мокрые врачи столпились вокруг стола, рассматривая

трофей, беспрерывно повторяя: "Как же она могла там поместиться? Такого еще в медицинской практике не было!".

- А ну-ка давай того мужика! - загрохотал Володька. Внутри у меня все похолодело, сверлила мысль, как же он узнал о нем. И тут же на поляне оказался мой сосед.

- Рассказывай! - указывая перстом, грохочет Володька. Сосед, заикаясь, сначала робко, потом все увереннее начал рассказывать про свое горе. Голос его окреп, и он, как перед самим Господом Богом, выложил все начистоту. Что копил он долго деньги на цветной телевизор, и что наконец мечта его сбылась. Привез его домой и, как водится, вызвал специалиста. Но проработал он всего три дня. Повез его в ателье, обещали быстро исправить. И правда, через три дня забрал. Опять сутки работал, и снова погас экран. Опять в мастерскую - снова день-два поработал и попросился в знакомое место. Снова, побыв недельку в гостях, вернулся домой.

Как ни наказывал ребятишкам, чтобы без него не включали телевизор, но программа подвела, сразу же после кино мультики показывать стали. Понабежали соседские ребятишки, кому не хочется по цветному телеку посмотреть. А он, наверное, обиделся, что его так долго работать заставили, хозяин-то на полчасика, самое большое на часок включал, от обиды и заполыхал огнем. Явились с работы, а там пожарники хозяйничают. Пригорюнились хозяин с хозяйкой, но душевный пожарник нашелся, утешил бедных, объяснил, что трансформатор не выдержал, от него и пожар начался. Да еще слава богу дети целы, посочувствовал он, у других от этого трансформатора еще хуже бывает. И на прощание уже весело заверил, что не они первые горят от телевизора и не они последние будут.

- Подать сюда Тяпкиных-Ляпкиных! - гремит Володька, глязя его уже горят адским огнем. И сразу же на поляне появился, как новый, соседский телевизор и около него жирненькие, ухоженные человечки.

- Ваша работа? - гремит Володька, указывая перстом на телевизор.

- Наша! - гордо отвечает один, видно, что директор, брюшком от остальных отличается, хотя и те ненамного от него отстали.

- Почему людей жжете? - не унимается Володька.

- Мы не жжем! У нас все по чертежам! С высшим началь-

ством согласовано.

- Ах, мерзопакостники! Лезьте в него! - гремит Володька, сам отдирает крышку телевизора.

Директор со своей свитой еще бодрячками держатся. Некоторые уже приняли возмущенную позу, директор выражает неподдельное возмущение:

- А ты нам не указ! Я жаловаться буду! Кто тебя уполномочивал, чтобы нас проверять?! Из какого ты органа? Еще посмотрим, не подрываешь ли ты основы! - у директора от возмущения уже летели слюни струй.

- Кто меня уполномочивал? - у Володьки из глаз летели молнии. - Народ меня уполномочил! А вы, мерзопакостники, еще возмущаетесь, вместо того чтобы краснеть! Дубинки, загнать подлецов!

Откуда ни возьмись, словно здесь же на сосне и висели, появились дубинки и давай охаживать. Да так ловко, все норовят поперек личика врезать. Директор со своей свитой враз как-то съежились, стали маленькими, и один за одним с большим проворством, какого от них и ожидать было нельзя, стали заскакивать в телевизор и тут же устраиваться поудобнее.

- Директора на трансформатор! - гремит Володька.

Тот нехотя садится на трансформатор, для удобства обхватывает ногами, ищет опору спиной. Свита подтягивается к нему, каждый старается занять свое место, понимая, что около директора самое тепленькое местечко.

Вспыхивают лампы, телевизор загудел. Сквозь щель видно, что ребята устроились неплохо, переглядываясь подмигают друг другу, ехидно улыбаются, на рожах написано: что-что, а это переживем, не из таких переделок выкручивались, не такое начальство вокруг пальца обводили. Уже пошел разговор: не потребовать ли надбавки к окладу за трудность, за удаленность, и все такое прочее.

Но разговор внезапно прекратился, трансформатор под директором на глазах стал накаляться. Не особо уютно почувствовал на нем себя директор, чувствовалось, что уже и через штаны печет. Вот трансформатор с боков задымился, полыхая жаром. Директор делает попытку слезть, свита уже закрывается руками от жара.

- Сидеть! - рычит Володька.

Мне становится страшно за директора. Жар уже вырывается

наружу. Директор дрыгает ногами, беспрерывно ерзает мягким местом по трансформатору, чувствуется, что ему уже невтерпеж.

- Сидеть, мерзопакостник! И вы все ближе подходите! - гремит громовой Володькин голос. Свита, помимо своей воли, закрываясь ручками, приближается к директору. Пламя уже вылетает с двух сторон трансформатора. Бедного директора корежит, руки, ноги мелькают в воздухе, он исполняет какой-то замысловатый танец. Наглость он уже давно потерял, да и со свиты исчез лоск. Неожиданно директор рванул. Свита за ним. Все заносились по телевизору, ища, как грешники в ад, спасения.

Я проснулся. Боже мой! Как стучало сердце, казалось, что вот-вот не выдержит грудь. Пот лил в три ручья. В глазах стояла ужасная картина: огонь бушевал в телевизоре, маленькие горящие человечки протягивали руки в мольбе. В ушах чудился Володькин голос, который твердил: "Пока не расскажешь свой сон, так и будет стоять в глазах".

"Хорошо, что это во сне случилось! - подумал я. - Это, наверное, из-за книжки про телепатию? Нет, больше я ее в руки никогда не возьму!".

1986 год.

Надька

Посвящается моей матери
Никитиной Таисии Андреевне:
В твоей судьбе - судьба России,
Как в капле - море отражено.

адька, шестилетняя девчонка, возилась около своей избушки. В животишке непрерывно урчало. Голод, как зверь, терзал изнутри. Ей казалось, что он залез в нее, когда она спала, и теперь неотступно преследует. Она уже несколько месяцев не наедалась досыта, шел второй год войны.

Войну она понимала по-своему. Казалось, что это то же самое, когда из-за горы вылезла черная туча, стало темно и сразу же

налетел страшный ветер, ломая заборы, и тут же обрушился град. Надька и сейчас еще помнила, как несколько градин ударили по голове и телу, вызывая нестерпимую боль. И если бы не старший брат Васька, успевший подхватить и утащить ее в избу, то, как понимала она, случилось бы что-то страшное.

Сейчас, стараясь обмануть голод, Надька стряпала калачи из глины. Вырыла лунку, насыпала в нее пыли и, поливая из черепка, пальцем размешивала глиняное тесто. Воды оказалось мало, только чуть-чуть смочило сверху. Она снова с чёрепком пошла метров за пять к ручью. Набрала воды. Но пока шла обратно, как ни старалась сохранить воду в черепке (небольшой бочок разбитой кринки), все же расплескала. Вылив остатки в лунку, поняла, что и на этот раз мало. Недолго думая, присела над ней. Немного погодя, приподнялась, заглядывая под себя. Показалось мало, она снова присела. Решив, что достаточно, поднялась и, посыпав еще пыль, принялась размешивать. "Теперь хватит, пусть подойдет!" - проговорила Надька, крестя лунку, как бабка, которая раз в неделю ставила тесто пополам с картошкой. Вдруг голод-зверь очнулся, зацарапал когтями, разрывая живот.

Надька села на землю, подтянула ноги, уперлась коленками в грудь. Она даже немного развернулась в сторону, стараясь как можно меньше оставить свободного пространства в животе. И тут же принялась уговаривать зверя-мучителя. Она ласково, вслух, называла его касатиком, прося потерпеть, хотя, крадучись, в мыслях кляла на чем свет стоит, даже теми нехорошими словами, которые слышала от взрослых. Но вот он вроде затих. Стараясь не потревожить, она сидела все в той же позе. Детский умишко искал истину, любит ли ее бабка. Любит, казалось ей. Вспомнила, как иногда бабка, прижимая к себе, крадучись, совала вареную картошку, чтобы остальные не видели, особенно дед Сергей.

Укусы мух вернули ее к действительности. Тело Надьки было защищено всего одной короткой рваной юбочонкой. Мухи яростно атаковали, особенно им понравилась спина. Но Надька довольно ловко доставала их, прихлопывая ладошкой. "Ну вас, чуть тесто не убежало!" - и, больше не обращая внимания на мух, принялась катать в ладонях земляные калачи, раскладывая на солнце. "Ну вот, слава богу, управилась", - отряхивая руки, произнесла Надька. Немного погодя она брала земляные калачи, подносила ко рту, прижимая зубами, разговаривала сама с собой: "Вот этот медовый сейчас съем! Нет, оставлю на обед! А этот на ужин!" - и отклады-

вала один из калачей в сторону.

Но это занятие не только не успокоило голодного зверя, а еще больше растравило его. Еще немного времени назад он только рычал в животишке, а сейчас упоминание о еде вновь разъярило его. Он уже царапал когтями, разрывая внутренности. Надьке казалось, что он никогда не спит у нее в животе, днем и ночью требует пищи. Она опять сжалась, глотая слюни, старалась успокоить мучителя.

Откуда было ей знать, что молодой растущий организм требовал пищи, что от травы пух живот, от недостатка витаминов болели суставы и кружилась голова.

Но вот он вроде немного утих, она продолжала размышлять: "Нет, не любит она меня! Любила бы, дала бы хоть маленькую картошечку! Вот хоть такусенькую!" - и Надька плаксиво посмотрела на свой мизинец. Она готова была от обиды зареветь, но вспомнила, как бабка утром, плача, кричала:

- Сжирайте меня старую! Подохну - и вы туда же следом пойдете!

- Не надо было брать! - подал голос с печи дед Сергей.

- Да куда же их сирот деть? Своя же кровинушка! Если нам не нужны, так кому же они еще нужны? Чужие люди возьмут что ли? Вот вернется Антошка с войны... Господи, быстрей бы! Не выдержу - сама в гроб лягу! Что тогда с сиротами будет?!

Надьке стало жаль бабку. А вдруг на самом деле ляжет в гроб. Она вспомнила, как мать лежала в гробу. Все вокруг плакали. Каякая-то незнакомая тетенька, всхлипывая, гладила ее по голове, беспрерывно причитая: "Сиротинушка ты несчастная!". Потом увеличили, заставили ночевать у незнакомых людей. Когда вернулась, мать куда-то увезли на телеге, и после этого она уже больше ее не видела. Но все ждала, надеялась, что она вот-вот откуда-то появится. С этой надеждой она просыпалась каждое утро. Детский ум не мог примириться с утратой, она все ждала и ждала.

Каждый день Надька слышала разговор про Антошку. Знала, что это ее отец. Ждала и его. Она была уверена, что он придет с большим мешком, где будет много хлеба и картошки и обязательно большая, красивая кукла. Ждали его и остальные в семье. Из разговоров взрослых она понимала только одно - раз нет матери, то отца должны отпустить с войны. Потому что, как уверяли соседки, он единственный кормилец, его вернут, только нужно написать правильную бумагу. Надька была уверена, что отец скоро

появится, потому что старший брат Васька писал чуть ли не каждый вечер, и все при этом, тяжело вздыхая, говорили: "Скоро придет!".

"Быстрей бы вечер!" - как взрослая, горестно подумала Надька, взглянув на небо. В избу побоялась идти, все равно бабка выгонит на улицу, да еще даст подзатыльник. Хоть она и притерпелась к этому, но лишний раз получать не хотелось. Еще утром бабка объявила, что обеда не будет - есть нечего. Старшие пошли за колбой, куда-то аж в самые горы. Только там, выше в горах, в каких-то северных местах можно еще нарвать хорошую, поблизости, как говорили они между собой, колба застарела. Надька и сама понимала, что колба стала не та, что неделю назад. Жуешь-жуешь, а она как деревянная, приходится выплевывать все изо рта. До этого колба хоть и обжигала рот, но зато как поешь, зверь в животе немного успокаивался.

Упоминание о еде вновь разбудило в животе зверя, он стал сжимать и царапать живот, подступила противная тошнота. Надька снова накуксила, готовая зареветь от боли, но к дому подходили незнакомые дядька с теткой. Обычно она не боялась чужих, но какое-то предчувствие сжало сердчишко. Надька стрелой бросилась в сени. В избу побоялась войти, затаилась за открытой избеной дверью.

Дядька с теткой прошли через сени и вошли в дом. Что-то тревожное вкралось в душу Надьке, она замерла в своем убежище. Тетка с дядькой поздоровались, бабка засуетилась, приглашая гостей сесть. Дед Сергей завозился на печи, немного погодя, постанивая, сел на край, свесив босые ноги.

- Как здоровье, Сергей Никанорович?

- Да уж какое тут здоровье! Совсем обезножел, на двор еле-еле выходжу.

- Да, плохи дела! - вздохнул дядька.

- Закурить не найдется, Григорий Иванович?

- Да я ведь не курю, Сергей Никанорович.

- Да и вправду забыл я, что ты не куришь.

Дед с дядькой замолкли, тяжело вздыхая. Надька стала прислушиваться о чем говорят тетка с бабкой.

- Тяжело, Марфа Филипповна?

- Ох, тяжело, Анна Ивановна! - утробно вздохнула бабка, рассматривая Надькину кофтенку, прикидывая, как положить заплатку на уже пришитую заплату.

- Вот уж Антошка вернется, легче будет! Ты уж, Григорий Иванович, посоветовал бы, как правильно бумагу написать. Человек ты грамотный.

- Но что я могу посоветовать! Василию я уже давал черновик, куда и как писать.

- Что-то все пишем и пишем, а его все нет и нет! Может, не так что-нибудь?

- И ума не приложу, куда еще можно посоветовать написать. Да и трудно надеяться на благополучный исход. Сама подумай, Марфа Филипповна, война больше года длится. Немец-то где уже? А Антон в первые дни войны взят! Сразу на фронт! Он же действительную служил?

- Служил, служил, Григорий Иванович.

- А таких без подготовки на фронт отправляли. С дороги ведь только письмо-то прислал!

- Одно всего и было, единственное с дороги.

- Помните, как наши отступали? Жив ли, а то еще хуже - в плен попал.

- Но ведь все равно какую-то помошь должны оказать?!

- Это нужно к местным властям обращаться. А там, наверху, кто сейчас о нас думать будет, с жалобами разбираться, не до того теперь, само государство в опасности, не до нас с вами. Нет, не верится, чтобы Антона вернули.

- Господи, что же с нами будет?! - залилась бабка слезами, выронив кофтенку на пол. Дед Сергей на печи тяжело вздохнул.

Надька через щель между стеной и дверью с ненавистью рассматривала гостей. Она их ненавидела. Ей казалось, что они не отпускают отца домой. Она, как зверек, шипела в своем углу, уже не обращая внимания на разговоры, и только одна сверлила мысль в ее голове, как бы их выгнать скорее, чтобы еще не натворили каких бед.

- Надька! - послышался бабкин голос. - Надька!

Надька покинула свое убежище и, набычившись, встала на пороге, уставившись в пол. Гости с огромным интересом принялись разглядывать ее. Надька, все так же набычившись, сверкая черными глазами из-под длинных пушистых ресниц, как затравленный зверек, переводила взгляд с одного на другого.

Анна Ивановна заскользила глазами по Надьке. Постепенно взгляд перестал прыгать, она медленно стала изучать ее. Начала с головы. Довольно длинные волосы свалились, слипшиеся во

многих местах, они красноречиво говорили о том, что к ним не прикасался гребешок и что она давно не была в бане. Но кое-где волосы имели естественный блеск и пышность, как бы доказывая, что при хорошем уходе они могут завиваться в кольца. Правильной формы лицо во многих местах было измазано грязью. Под вздернутым носиком в разные стороны уходили две зеленые дорожки. Одни глаза выделялись, жили как бы отдельной жизнью, грязь к ним не приставала. Под нахмуренными черными бровями, между непомерно длинных ресниц они сверкали чистым блеском.

Взгляд Анны Ивановны опустился ниже. У нее перехватило дыхание, ключицы у Надьки выпирали наружу, ребра напоминали стиральную доску. "Скелет, обтянутый кожей!" - мелькнуло сравнение. "Как еще ходит?!" - и тут же вспыхнула жалость, сердце учащенно забилось. Так, с непроходящей жалостью, она продолжала рассматривать Надьку. Та пыталась скрыть от ее взора руки и ноги. Старалась незаметно спрятать руки за спину, как гусь, поджимала то одну, то другую ногу. Она прекрасно понимала, что не стоит их выставлять на всеобщее обозрение. Руки и ноги были сплошь покрыты грязью, из-под которой явственно выступали цыпки.

Гости незаметно переглянулись между собой. Григорий Иванович неопределенно пожал плечами, жестом давая понять, смотри, мол, сама. Супруга выразительно уставилась на бабку, взгляд ее красноречиво говорил: начинай уж ты первая.

- Иди сюда! - позвала бабка. Надька, все так же насупясь, подошла к бабке и прижалась к ее боку.

- Вот, Надька, тетя с дядей хотят тебя к себе взять! - начала она, стараясь скрыть дрожь в голосе. Надька, набычившись еще больше, зашмыгала носом, готовая удариться в рев.

- У нас тебе лучше будет! - стараясь придать ласковость своему голосу, вступила в разговор Анна Ивановна.

Надька стрельнула своими черными глазами в ее сторону. У той перехватило дыхание, до того показался чудным взгляд, что она тут же представила, какой будет красивой Надька, если ее помыть и одеть как следует. "Куколка, а не девочка!" - мелькнуло сравнение. Но она тут же укорила себя: "Что я, за куколкой пришла?!" - и лицо у нее вспыхнуло, залилось краской, будто ее уличили в чем-то нехорошем. Она пыталась вызвать в себе материнские чувства. Немного успокоившись, поняла, что они захлестнули

ее до краев, и, как только ей показалось, что она взяла правильный тон в разговоре, продолжила:

- Мы ведь, Наденька, тебя в дочери берем!

Надька удивленно взглянула на бабку.

- Иди, Надька, ведь с голоду подохнем! - отпихивала бабка, стараясь не смотреть в ее сторону.

- Иди! Иди! - пробубнил дед Сергей.

Надька плотнее прижалась к бабкиному боку. Анна Ивановна поняла, что сделала ошибку, начав разговор не с той стороны.

- У нас молока много! Каждый день пить будешь вволю! Картошка и хлеб есть! Я тебе красивое платье сошью!

Обещанное молоко с хлебом произвели сильное впечатление на Надьку. Напиться досыта молока - ей казалось, что эта мечта родилась вместе с ней. Она часто представляла, что целая кринка молока у нее в руках, и она пьет, пьет и, отдохнув, принимается снова. Надька с блестевшими глазами уставилась на Анну Ивановну, ловя каждое слово. Почувствовав, что это подействовало на Надьку, Анна Ивановна прибавила красноречия.

- Я тебе куклу сошью! У тебя и у нее много платьев будет!

Надькины глаза засияли, и она уже не так крепко держалась за бабку. Та незаметно отодвигала ее в сторону Анны Ивановны. Надька сделала несколько неуверенных шагков. Та поднялась с лавки, осторожно, чтобы не спутнуть, сделала несколько шагков ей навстречу.

Надька уткнулась головой в живот. Что-то теплое, мягкое, до боли знакомое, охватило ее лицо. Ласковые руки гладили головку. Она прижалась крепче. Счастливая, со слезами на глазах, Анна Ивановна, не переставая, разглаживала Надькины волосы.

Бабка, стараясь скрыть рыдания, делала знаки рукой, чтобы уходили быстрее. Красноречивые жесты вернули Анну Ивановну к действительности, напомнили, что пора уходить. Она осторожно, прижимая к своему боку Надьку, направилась к двери и, не давая опомниться той, вывела на улицу. Поднявшись с лавки, Григорий Иванович простился и двинулся следом. Все так же прижимаясь к боку, Надька двигалась по улице, стараясь оглянуться на свой дом. Их уже догонял Григорий Иванович.

Пока Надька идет, стоит рассказать о старой и новой семьях. У нее, как у всех, были когда-то отец с матерью. Отца звали Антошкой. Был он веселый от природы, да и жена попала под стать, жили открыто, не заглядывая в завтрашний день. Сошлись по люб-

ви и на удивление всем сохранили ее надолго. Незаметно катились годы, прибавлялось семейство и казалось, что жизнь будет все так же течь, никогда не изменится. Антошка был гармонист, жена в веселости не уступала. Частенько выходили вечерами к молодежи, он - наиграться досыта, она - отвести душу песнями и пляской. Многие завидовали их беззаботному житью. Но вдруг все круто изменилось. Антошку в первые же дни войны призвали в армию и сразу на фронт. Тут новое горе обрушилось: месяца через три скоропостижно скончалась мать. Четверо ребятишек остались сиротами. Надька - младшей.

Бабке Марфе Филипповне пришлось принять их на свои руки. Хотя, по правде сказать, на них уже висел гирей дед Сергей. Считал он себя выходцем из богатой семьи. Но еще отцовское хозяйство сильно пошатнулось и к революции сошло на нет. Марфа Филипповна была взята им из бедной семьи за красоту и работящие руки. Признав его социальное превосходство, она безропотно подчинялась во всем. Всю жизнь трудилась в поте лица, взвалив на свои плечи заботы о доме и детях. Так и прожил всю жизнь дед Сергей, считая себя обиженным. Внуков не признавал, не мог простить Антошке, что тот женился против его воли.

Грянула война, наступили трудные времена. Не привыкший к трудностям и от природы ленивый, проживший всю жизнь за спиной жены, он сразу резко сдал, враз как-то обезножел и, сидя на печи, беспрерывно ворчал, считая, что внуки объедают его. Бабка разрывалась на части, добывая пищу такому громадному семейству, еще успевала сбегать к соседу, чтобы попросить табаку старику на закрутку. Но становилось все труднее и труднее. Видя, как угасает Надька, бабка решилась на отчаянный шаг.

Вторая семья была противоположна этой. В самом начале революции Григорий Иванович окончил духовную семинарию. Хотя и был духовного сословия, но сан священника не принял, прекрасно понимая, что время святых отцов кануло в Лету. Женившись на дочери обедневшего дворянина, которая нравилась ему давно, да и она питала к нему взаимные чувства, Григорий Иванович, от греха подальше, отправился с молодой женой в глухомань. Устроился на прииске кассиром, принимать золото.

Анна Ивановна принялась шить одежду, в девичестве кончила какие-то курсы. Оба, как пчелы, понесли достаток в свой дом. Работал Григорий Иванович только утром и вечером. Обедать приходил домой. Там уже ждала супруга за накрытым столом. Ели не

спеша, пользовались несколькими столовыми приборами, вели неторопливый разговор, что очень отличало их от приисковых обывателей. После обеда у Григория Ивановича была привычка - лечь отдохнуть. В доме все замирало, супруга ходила на цыпочках, зорко следя, чтобы даже кошка не смела нарушить тишину, нигде не раздавалось ни звука. Отдохнув - шел на службу, как выражался он. Вернувшись вечером и управившись с хозяйством, садился за книги. Оба были грамотные, одних только книг имелось несколько стеллажей, Анна Ивановна предпочитала легкие романы, супруг - серьезную литературу.

Все было хорошо, но только одно беспокоило - не дал Бог детей. Хотя, как признавался сам себе Григорий Иванович, этот вопрос его не сильно беспокоил, не очень он переживал, но вот, глядя на супругу, понимал, что она сильно страдает. Иногда между ними происходил разговор, чтобы взять чужого ребенка. Но до войны на прииске никто бы не решился отдать своих детей в чужой дом.

Война все круто изменила. После долгих советов решили, что Надька подходящая кандидатура. Мать умерла, отец погиб на фронте, назад уже никто не потребует, средства, затраченные на воспитание ребенка, не пропадут даром. Подождав для большей уверенности несколько месяцев, принялись действовать. Небольшие переговоры через посредника - и вот они появились в доме у Надьки.

Чем дальше Надька уходила от своего дома, тем больше проявляла беспокойства, ее уже с другой стороны поддерживал Григорий Иванович. Она все пыталась оглянуться назад, и только обещанное молоко, которое она сразу же получит, двигало ее ноги вперед.

- Ну вот и, слава богу, пришли! - вздохнула Анна Ивановна, заводя Надьку в ограду. Григорий Иванович, отпустив Надькину руку, открыл замок на двери, и все трое вошли в дом. Надька заозиралась.

- Давай, Надя, вымоемся как следует? - переведя дух, обратилась Анна Ивановна. Она, не теряя времени, занесла ванну, вытащила из русской печи большой чугун с горячей водой, с явным намерением тут же приступить к делу.

- А молочка, тетя? - жалобно произнесла Надька, глядя с мольбой.

- Не тетя, а мама! - поправил Григорий Иванович.

- Ты, тетя-мама, говорила, молочка дашь! - Надька плаксиво сморщилась, готовая зареветь.

- Сейчас! Сейчас, доченька! - забегала по избе Анна Ивановна. Она бросилась в сени и тут же вернулась с кринкой молока.

- Много не давай! Чтобы плохо не было! - наклоняясь к самому уху, прошептал супруг. Супруга согласно кивнула головой. Она налила в стакан молока, рядом положила небольшой кусочек хлеба.

Надька, не дожидаясь приглашения, подошла к столу и, стоя, вцепилась одной рукой в стакан, другой в кусочек хлеба.

- Ты сядь! Сядь, доченька! - уговаривала тетя-мама, с опаской поглядывая на супруга. Тот, сморшившись, как от зубной боли, отвернул лицо.

Надьке было не до стула: в животе зверь рычал вовсю, царпал внутренности когтями. Она откусывала большими кусками хлеб и, почти не жуя, проглатывала, захлебываясь запивала молоком. Сердце у Анны Ивановны сжалось, она беспрерывно шептала: "Бедненькая, бедненькая!". Взглянула на мужа, ища в нем сочувствия, но тот отвернулся, пряча глаза. Как ни хотелось ей добавить еще молока, но, зная характер супруга, не посмела, взяв кринку со стола, вынесла в сени. Надька, не выпуская из рук стакана, проводила ее жадным взглядом.

Зверь в животе как будто притих, но есть хотелось по-страшному. Попросить еще побоялась. По малолетству Надька еще плохо разбиралась в житейских делах, но поняла, что тут много зависит от этого страшного дяденьки. Она надеялась попросить еще еды, как только куда-нибудь уйдет этот дяденька-жадина, в доброте тетеньки она уже не сомневалась.

Между тем Анна Ивановна принялась за мытье Надьки. Первая вода привела ее в ужас, иссиня-черная, она переливалась, как нефть. Григорий Иванович с презрительной миной качал головой, супруга старалась своим телом загородить Надьку от его взора. Вторая вода была уже серая, Анна Ивановна принялась намыливать в третий раз. Хотя мыло и лезло в глаза, но Надьке было необыкновенно приятно, тело как будто подменили, оно стало каким-то легким, цыпки и те не беспокоили. Зажмурилась от удовольствия, когда тетя принялась вытираять ее пушистым, непомерной длины и ширины, полотенцем. Она прониклась еще большим уважением к тете, когда та после вытирания надела на нее коротенькие штанишки и сверху удивительной красоты платье. Платье было

не простое: рукава желтые, грудь, как небо голубое, а низ похож был по цвету на траву после дождя, Надька счастливыми глазами рассматривала себя. Она еще более стала счастливой, когда тетя подвела ее к зеркалу. Она увидела там незнакомую девочку и только по присутствию тети в зеркале поняла, что это она сама. Тетя-мама осторожно принялась расчесывать волосы. Надька и сама удивлялась, глядя в зеркало, как волосы становились все пышнее и пышнее и завивались в кольца. Она уже нравилась сама себе. Незаметно взглянула на дядю-папу, тот с каким-то удивлением рассматривал ее.

Ей показалось, что настало самое время попросить еще молока, но смелости никак не хватало, хотя зверь уже давал знать о себе. Он уже все сожрал, что положила Надька в желудок, и еще настойчивее требовал пищи. Радость померкла, зверь захватил все внимание, платье уже не казалось таким красивым. "Еще немного и попрошу молока", - думала Надька, несколько раз повторяя про себя просьбу.

- Хватит вам, как принцессам, около зеркала вертеться, пора обедать! - раздался голос Григория Ивановича. Упоминание о еде вернуло Надьке настроение, она встрепенулась, глаза вспыхнули вновь. Тетя-мама принялась собирать на стол. Надька неотступно следила за ней, беспокоила мысль, принесет ли тетя-мама кринку, которая, как заметила она, была пальца на три неполная, и не отпьет ли, пока будет в сенях одна.

Анна Ивановна вернулась с кринкой в руке, Надька облегченно вздохнула, молоко было не тронуто. Тетя достала из русской печи чугунок, поставила на стол и сняла крышку. Запах пшенной каши ударил Надьку по ноздрям. Втягивая воздух в себя, она старалась как можно больше захватить дурманящего запаха. Не дожидаясь приглашения, Надька плотно обосновалась на стуле.

Накладывать Анна Ивановна начала с ее тарелки. Почекнув из чугунка полную ложку каши, положила в тарелку. "Еще! Еще одну!" - мысленно умоляла Надька. Тетя положила вторую, третью. Надька все так же мысленно требовала добавки. Но тетя, взглянув украдкой на дяденьку, прекратила добавлять, подвинула тарелку. Налив в стакан молока, поставила рядом. Как ни хотелось есть, но Надька воздерживалась, боясь проглядеть, сколько ложек они положат себе. Не знала еще счета, но одно поняла, что в тарелку дяденьки тетенька положила намного больше.

Перекрестившись, взрослые принялись есть. Надька жадны-

ми глазами сопровождала каждую ложку каши, проглоченную дядей с тетей, беспрерывно вертела головой, переводя взгляд с одного на другого. Со своей старалась не торопиться, чтобы растянуть удовольствие. С кашей еще получалось, а с молоком выходила просто беда, никак не могла сдержаться, чтобы за первым глотком не глотнуть еще глоточек. Еще немножечко осталось каши, а молока уже в стакане не было. Она растерянно взглянула на тетю, стараясь мимикой объяснить, что и сама она не знает, как так получилось, хотя старалась растянуть молоко на всю кашу. Не обращая внимания на укоризненный взгляд Григория Ивановича, Анна Ивановна вторично заполнила стакан молоком. Надька с благодарностью взглянула ей в глаза. "Ешь!" - ласково погладила она Надьку по голове. Та завертелась, стараясь как можно плотнее прижаться к руке.

- Когда едят - головой не вертят! - прервал любезности наставительным тоном дяденька. Тетенька поспешно сняла руку, а Надьке так хотелось, чтобы она гладила долго-долго. Взглянув с неприязнью на дяденьку, Надька принялась за остатки каши. Управившись, отложила ложку в сторону, пальцем очистила тарелку до блеска, обсосав, посмотрела на тетеньку. Попросить добавки побоялась, уж больно сердитым казался дяденька, но есть хотелось, как будто ничего и не ела. Она понимала, что пора выходить из-за стола, но вот как дальше вести себя, не знала. Видя ее затруднение, Анна Ивановна пришла на помощь.

- Когда поедят и выходят из-за стола, то говорят: спасибо, папа, мама, за хлеб-соль!

Надька поняла, что нужно благодарить. Дома было проще, бабка благодарностей не требовала. А сказать сразу: папа, мама - язык не поворачивался. Набычившись, она произнесла:

- Спасибо, тетя-мама, - потом, пересилив себя, добавила, - дядя-папа.

Анна Ивановна сияла, Григорий Иванович с неодобрением взглянул в ее сторону. Выбравшись из-за стола, Надька не знала, куда себя деть, жадно следила за тетей, как бы спрашивая, а что делать дальше. Убрав посуду со стола, тетенька дала тряпичную куклу и несколько платьев к ней. Надька, усевшись в угол, принялась наряжать куклу.

Дяденька, походив немного по избе, прилег на кровать, и вскоре оттуда раздался легкий храп. Зверь в животе немного утих, Надька повеселела. Сама не заметила, как, качая куклу, принялась

напевать, давая ей ласковые имена.

- Дадут мне отдохнуть или нет?! - раздался сердитый голос. Надька замолкла, поняла, что чем-то не угодила.

Вскоре дяденька встал и, сердито ворча, вышел на улицу.

- Ну вот наш пapa на службу пошел! - проговорила тетенька, стараясь скрыть смущение. - А ты, доченька, пой! Пой!

Но Надьке петь уже расхотелось, вспомнилась бабка. Было неимоверное желание побежать сейчас к ней и поделиться радостью, что поела каши и выпила целых два стакана молока. Особен-но не терпелось похвастаться куклой и показать свое новое платье. Она думала, сильно ли будет сердиться тетя, если уйти ненадолго.

- Иди-ка ко мне, доченька! - раздался тетин голос.

Надька сжалась, боясь, что тетя узнала ее мысли, со страхом подняла голову. Но тетя, ласково улыбаясь, стояла у стола, разгла-живая материал.

- Иди! Иди! Мы тебе сейчас новое платье скроим. - Обрадованная таким известием, Надька подскочила к столу. Тетя принялась обмерять её метром, охваченная трепетом, Надька стояла не шелохнувшись, только сердце громко-громко стучало в груди.

- Ну, хорошо у нас? - обратилась тетя.

Надька, обняв ее, задыхаясь от радости, произнесла:

- Хорошо, мама-тетя! - После такого признания мама-тетя зашмыгала носом, вытерла украдкой слезу.

- Ну ладно, доченька, иди играй, а я кроить начну.

Надька подалась снова в угол, зорко следя из него, как мама-тетя, ловко орудуя ножницами, разрезала материал на части.

Зверь в животе у Надьки изменил поведение, он уже не рычал, не царапал когтями живот, а как будто переселился в тело, казалось, все внутренности хотел всосать в себя. Есть уже не так сильно хотелось, но какая-то подсасывающая тошнота поднялась к горлу. Ее испугало такое состояние, она притихла, прислушиваясь к себе. И только одно было желание - попросить еще молока. Но боялась, по опыту зная, что, когда дома приносили от кого-нибудь кринку молока, бабка, вылив половину в колбу, остав-ную часть тут же прятала. И до вечера, хоть запросись, все равно не даст. А если будешь канючить, то и даст по затылку. Надька боялась, вдруг тетя-мама за просьбу начнет поддавать. "Нет! - решила она. - Надо терпеть, не надо злить тетю-маму". Она принялась разговаривать с куклой, все время уговаривая ее потерпеть. "Вот будешь умницей, - обращалась она к кукле, стараясь, чтобы

услышала тетя-мама, - налью тебе два стакана молока и дам целую тарелку каши!". Она исподтишка наблюдала за тетей-мамой, стараясь определить, подействовало ли воспитание куклы и на нее. Но Анна Ивановна была занята своим делом, старалась скроить платье до прихода Григория Ивановича. Материала не хватало. Зажав нижнюю губу зубами, размышляла, как выйти из этого затруднительного положения.

Видя, что уговоры не действуют ни на куклу, ни на тетю-маму, Надька рассердилась не на шутку. Непонятливость обеих ее возмутила, она решила наказать хоть одну в назидание другой. И не откладывая в долгий ящик, заголила платье на кукле и принялась прикладывать ладошку к не столь уж мягкому месту, приговаривая: "Понимай! Понимай, что тебе говорят! А не то еще хуже будет!". Надьке и самой уже было жаль куклу, но продолжала воспитывать, надеясь, что часть воспитания дойдет до тети-мамы.

- Какая ты нехорошая и бессердечная девочка! Разве так обращаются с куклой? - раздался возмущенный голос Анны Ивановны.

Надька, прервав свое занятие, набычившись, глядя исподлобья, досадовала на непонятливость тети-мамы.

- Разве можно так истязать куклу? А если тебя так? Понравится? Хорошо, что Григорий Иванович не видел! Боже мой, что бы он подумал? Разве можно так? Вот ты скажи, хорошо ли ты сделала?

Надька, насупившись, молчала. Она и сама понимала, что поступила с куклой нехорошо, самой было жаль, но как объяснить свой поступок - не находила слов.

- Так ты не хочешь мне отвечать? - Анна Ивановна старалась изо всех сил вложить в свой голос металл. В молодости она прочитала не одну книгу, где все было расписано, как по нотам, о воспитании ребенка. И черпая из них знания, понимала, что нужно сразу сломить сопротивление Надьки, заставить ее раскаяться.

Но Надька все ниже опускала голову, кусая нижнюю губу. Анна Ивановна растерялась, чувствуя, что своим металлическим голосом не сразила Надьку наповал. Но отступать, хотя и жаль было ребенка, казалось непедагогично. И, укоряя себя за слабость, она мысленно обратилась за поддержкой к супругу. Сразу же пришло облегчение, и, подражая ему, она произнесла:

- Ну что ж, придется наказать! Пойди встань в угол! - Надька медлила, надеясь, что угол заменят шлепками, как обычно поступала бабка.

- Что же ты медлишь?! Или подождать, когда Григорий Ива-

нович придет? - голос ее уже состоял из одного металла. Она перстом вытянутой руки указывала в угол.

- Марш на место!

Упоминание о Григории Ивановиче сразу же напомнило Надьке о ее положении, она поднялась с пола и понуро направилась в указанный угол.

Анну Ивановну охватило смятение, не слишком ли строго поступила она, и снова в мыслях обратилась за поддержкой к супругу. Показалось, что он похвалил ее за твердость характера. "Ничего! - успокаивала она себя. - Надо сразу ломать дикарское воспитание. Как только попросит прощения, так сразу же выпущу!" - и, успокоившись, принялась за работу.

Надька стояла в углу, ей было невдомек, что нужно просить прощения, у них в доме это не было заведено, отвечали за все волосы или мягкое место. Анна Ивановна незаметно наблюдала за Надькой, стараясь уловить в лице раскаяние. Но та, как неживая, стояла в углу, опуская все ниже и ниже голову. Постепенно материнские чувства у Анны Ивановны стали угасать. "Неблагодарная девчонка! Хорошо, что Григорий Иванович не видит!" - оправдывала она себя в душе, стараясь заглушить беспокойство.

Время тянулось мучительно медленно. Надька не делала даже попытки вступить в контакт, стояла не шелохнувшись, опустив голову. Анна Ивановна уже не находила себе места. "Около часа стоит! Как бы Григорий Иванович не вернулся раньше с работы!" Посвящать в этот инцидент его не хотелось. Она искала ответ из прочитанных книг. Показалось, что где-то читала, что ребенок не должен стоять в углу больше десяти минут. Ее охватило смятение, в сердце вспыхнула жалость, вопреки педагогике решила заговорить первой.

- Почему ты не просишь прощения?

- А как его просят? - всхлипывая, произнесла Надька.

- Ты не знаешь, как его просят?

- Не-е-ет! - уже тянула носом Надька. У Анны Ивановны внутри разлился жар, кровь бросилась в лицо, она не знала, как загладить свою вину.

- Иди ко мне, доченька! - чуть не всхлипывая, позвала она, раскинув руки в стороны. Надька с удивлением взглянула на нее и нехотя подалась к ней. Анна Ивановна с душевным порывом обняла Надьку, но ответных чувств не последовало.

Близился вечер, Григорий Иванович уже с час как находился дома. Сидел он за столом перед большой раскрытой книгой и,

беспрерывно помечая в ней карандашом, наказывал супруге:

- Вот здесь, вот здесь прочти! - слышался монотонный голос. Надька замерла в своем углу, боясь пошевелиться, только одно поняла, что в этой книге написано про ее воспитание. Она обрадовалась, когда занятия тети с дядей были прерваны ревом коровы.

- Ну что, Анна Ивановна, иди дои! - с сожалением произнес Григорий Иванович. - А мы с Надеждой начнем молитвы учить. Ну-ка иди сюда!

У Надьки внутри все похолодело, била мелкая дрожь, она медленно приблизилась на непослушных ногах.

- Ну-ка, покажи, как нужно креститься? - Надька, дрожа от страха, положила на себя крест, как учила бабка.

- Нет-нет! Не так нужно персты складывать! - Григорий Иванович собственноручно сложил Надькины пальцы, как требовал церковный устав.

- Ну теперь клади знаменье! - Надька торопливо перекрестилась.

- Не так! Вот так надо! - и он, держа Надькину руку со сложенными пальцами, прикоснулся ко лбу, к правому и левому плечу.

- Ну теперь давай сама!

Надька, стараясь угодить, так же размашисто, как учил Григорий Иванович, положила на себя крест.

- А молитвы знаешь? - Надька отрицательно покачала головой.

- Я в твоем возрасте более десяти молитв знал! - наставительным тоном продолжил Григорий Иванович.

- Повторяй за мной! Отче наш. Иже еси на небеси... - Надька, размашисто крестясь, повторяла молитву. В избу вошла Анна Ивановна с полным ведром молока. Стараясь не греметь, принялась разливать молоко в кринки. Никогда еще Надька не видела столько молока сразу, она даже не подозревала, что корова может принести столько. Вспомнились бабкины слова: "Эх, была бы корова, жили бы и мы по-человечески!". Надька жадно следила, как исчезает молоко в кринках, уже ничто не могло оторвать ее от этого соблазнительного зрелища. Она перестала повторять за Григорием Ивановичем.

Но довольно чувствительный щелчок вернул ее к действительности. Она пробовала сосредоточиться, запомнить незнакомые слова, которые говорит дяденька. Но все это как-то не задерживалось в голове, как ни старалась, ни напрягала свой ум, а молоко не давало покоя. Последовал еще щелчок. Этот совсем уж все перепутал. Анна Ивановна поняла, что супруг слишком дале-

ко зашел в своем воспитании, поспешила на помощь.

- Хватит, Григорий Иванович; на первый раз. Сразу же все не запомнит! - Надька с мольбой глядела на нее, готовая разреветься.

- Мы в ее возрасте сколько молитв знали? Вспомни?

- Так ведь и семьи не те были! Давайте лучше ужинать.

- Нельзя, Анна Ивановна, баловать ребенка! Грех на душу возьмем, если беспутная вырастет!

- Но не сразу же, Григорий Иванович.

- Посмотрим!

Надька во время этого разговора беспрерывно вертела головой, взгляд ее мгновенно менялся, то вспыхивала радость, то ненависть светилась в глазах. Между тем Анна Ивановна уже хлопотала у стола, вытащила чугунок с кашей, расставила тарелки. Надька, стараясь угодить, подтащила табуретки к столу и, довольная, что догадалась это сделать сама, уселась. Есть хотелось невыносимо, внутри все сосало, от нетерпения ерзала на стуле. Но вот, наконец, дядя с тетей, помолившись, уселись по своим местам.

Надька радостно взглянула тете в глаза, потом перевела взгляд на дядю. Ей показалось, что он чем-то недоволен. Она поняла свою ошибку. Вскочив на ноги, размашисто перекрестилась и, поглядывая на обоих, уселась на прежнее место. Тетя уже накладывала кашу в тарелки. Надька следила за ее рукой, с благодарностью взглянула в лицо за то, что положила на одну ложку больше каши. Она понимала, что нужно дождаться, когда начнут есть взрослые, и есть так же, как они, не спеша. Но как ни сдерживала себя, а каша и два стакана молока исчезли до обидного быстро. Воспитание пошло впрок, она, перекрестившись, вылезла из-за стола, поблагодарила тетю с дядей.

Спала Надька на сундуке. Никак не могла прийти в себя от удивления - внизу мягко и сверху самое настоящее стеганое одеяло. Она сравнивала теперешнюю постель и у бабки. Тут - мягко снизу и сверху, там - на полатях на голых досках. Но все равноказалось, что там, на полатях, среди своих было веселее. Мысли ее были прерваны, в животе вновь ожил зверь. Сожрав все, завозился, настойчиво требуя пищи. Надьку тошили, перед глазами встали кринки, наполненные молоком, вызывая обильную слюну. Они неотступно преследовали, казалось, протяни руку и можно достать. Она пробовала избавиться от наваждения, закрывала и открывала глаза, но кринки не исчезали.

Скрипнула половица, послышались осторожные шаги, Надька

замерла. "Ругать будут, что не сплю! - подумала она. - Бабка всегда кричала, когда вечером они залазили на полати и оттуда канючили: "Баб, есть дай!". - "Спите, окаянные, не то ухватом начну охаживать!" Надька притворилась спящей, закрыла глаза, для убедительности засопела носом. Тетя-мама осторожно подошла и поправила одеяло. А Надьке хотелось схватить ее руки в свои и прижаться к ним лицом, и долго-долго тереться. Но побоялась, не зная, как отнесется к этому тетя-мама. Постояв немного, тетя-мама так же осторожно пошла назад.

- Спит? - раздался тихий голос Григория Ивановича.

- Спит! - ложась к нему, ответила шепотом Анна Ивановна.

- Ну что, давай поговорим?

- Давай, Григорий Иванович.

Надька чутко прислушивалась, догадываясь, что разговор пойдет о ней. Она замерла, приподняв голову с подушки.

- Ну, ты довольна?

- Спасибо, родной! Может, больше еды давать, ведь как голодный волчонок смотрит!

- Ни в коем случае! Неужели ты не понимаешь? Она же умрет, если ей дать вволю! Она же сейчас не знает своих потребностей.

- Конечно, в этом вопросе ты лучше меня разбираешься, но ведь жалко - ребенок.

- Кроме жалости есть долг воспитателей. Они берут на себя ответственность и не одними эмоциями должны руководствоваться. Через день можно побольше давать.

В то же время прикидывал, если Надька сохранит такой аппетит, то сбудутся людские слова, есть будет больше взрослого, а это ощутимо скажется на их запасах. "Не мирное же время, а война!" - старался оправдывать он себя.

- Ну ладно, давай спать! Завтра на покос. Спокойной ночи.

- Тебе приятного сна.

Надька прислушивалась, но тетя с дядей замолкли. Она опустила голову на подушку и шепотом обратилась к зверю, который сидел в животе: "Ну потерпи, миленький! Вот будут больше давать - хватит мне и тебе! Потерпи чуть-чуть, немного осталось ждать!" - перед глазами вновь появились кринки, ей уже казалось, что они ее. Хотя и жалко было делиться молоком со зверем, но было ясно как божий день, что делиться придется. Одно утешало, молока много, хватит и на двоих. Зверь в животе, как будто поняв, поворчав немного, затих. Надька, поджав коленки, стара-

ясь не потревожить его, закрыла глаза.

- Вставай, доченька! - Надька открыла глаза, около нее стояла тетя-мама. - Иди умывайся!

Соскочив с сундука, Надька поспешно бросилась к умывальнику. Еще никогда в жизни она так тщательно не мыла руки, хотелось угодить тете-маме.

- Мы на покос пойдем, а ты дома останешься! - вытирая Надькино лицо, наказывала Анна Ивановна. - Мы тебя на замок закроем, но ты не бойся. Смотри, сколько я для куклы тряпок подготовила. Наряжай ее хорошенъко! На столе пол-литровая банка с молоком и два кусочка хлеба. Половину сейчас съешь, остальную часть в обед.

Григорий Иванович молчком взял Надьку за руку и подвел к иконе. Надька в ужасе замерла. Икона была и у них в доме. Но та маленькая и Боженька незаметный. Бабка обращалась к нему, как будто к знакомому, ложась спать, вдруг спохватывалась: "Молилась ли я сегодня? - потом, вздохнув, продолжала: - Да ладно, уж Бог простит!".

Этот, чуть ли не с нее ростом, висел на стене. Чувствовал он себя в доме хозяином, даже тетя с дядей обращались к нему с почтением. Как живой глядит со стены, кажется, сейчас зашевелится, спустится на пол и пойдет по нему. Особенно страшны были глаза. Надька сразу заметила, как появилась в доме, что он неотступно следит за ней, и нет такого угла, где бы он не смотрел на нее. Она пробовала хитрить, играя с куклой, мысленно обращалась к нему: "Вот видишь, и я ваша!". Старалась погромче напевать, чтобы сделать Боженьке приятное. Немного погодя, она вскидывала взор, чтобы удостовериться, признал ли он ее за свою. Но Боженька все так же сурово глядел со стены, Надька и не знала, как задобрить его, с какого бока к нему подступиться. Сейчас, стоя перед иконой, она похолодела, ноги мелко тряслись, хотелось тут же сесть на пол.

- Если ты будешь баловаться или шариться где попало, - начал Григорий Иванович, - то Боженька нам все расскажет! И нам придется тебя наказать, а не то он нас накажет! Ты поняла? - Надька кивала головой. Григорий Иванович, еще раз строго и внимательно посмотрев на нее, опустил руку и со словами: "Анна Ивановна, пора на покос!" - вышел на улицу. Гладя Надьку по голове, та наказывала свое.

- Будь умницей, не балуйся. Если захочешь пись-пись, то схо-

ди в поганое ведро, оно в сенях стоит. Не бойся, мы скоро вернемся. А вечером-то я тебя таким вкусненьким угощу! Ой, что у меня в печке стоит! - расплылась в радостной улыбке Анна Ивановна. Но тут же спохватилась, что выболтала тайну, которую не следовало бы разглашать, особенно Надьке. Она сделала строгое лицо.

- Смотри, не балуйся! - так и хотелось сказать "Не шарься!" - но как-то язык не поворачивался.

- Помни, что тебе папа наказывал! Он строгий у нас!

- Анна Ивановна, пора! - раздался голос с улицы.

- Иду! Иду! - и Анна Ивановна поспешно направилась к двери, но, взявшись за скобку, задержалась на пороге. Хотела еще что-то сказать, но так, постояв молчком, и вышла на улицу.

Оставшись одна, Надька прильнула к окну, провожая глазами удаляющихся тетю с дядей. Но вот они свернули в переулок, и их не стало видно. Она облегченно вздохнула, устремив свой взор на стол. Есть хотелось по-страшному, не было мочи терпеть. Не садясь на стул, принялась за хлеб с молоком. Вспомнила про наказ, когда не осталось ни крошки. Но сейчас ее это не беспокоило, усевшись в угол, она принялась играть с куклой. Напевая, заворачивала и разворачивала, ложила спать, убаюкивая, тут же будила. "Не спи! Не спи, доченька! Пора вставать! Делом пора заняться!" - тряслася она куклу. - Ах, ты еще хочешь поспать? Спи, доченька, спи! Я сама за тебя пол подмету" - и Надька, уложив куклу, бралась за веник.

Время шло. Надька уже два раза сбегала в сени на поганое ведро, пять раз подмела пол в избе, а тетины слова, что в печи стоит что-то вкусненькое, не выходили из головы. "Посмотрю только одним глазком!" - борясь с соблазном, решила Надька. Она поставила стул перед русской печью, забралась на него, открыла заслонку. Тут же сразу стоял чугунок. Она притронулась рукой - горячо. Слезла. Взял ухват, взгромоздилась снова. Подцепив ухватом, вытащила чугунок на шесток. Обжигая пальцы, сбросила крышку. В нос ударило что-то смутно припоминающееся, Надька только догадывалась, что пахнет мясом.

Голод-зверь от запаха взбесился, зацарапал когтями, разрывая живот. К горлу подступил комок, перехватывая дыхание. Надька обезумела. Соскочив со стула, бросилась за ложкой, но тут же её взгляд встретился с взглядом Боженьки. Тот осуждающе глядел со стены, показалось, что он даже немного пошевелился.

- Не смотри на меня так, Боженька! Я только попробую, все-

го одну ложечку! Отвернись! Отвернись, Боженька! - умоляла Надька. Но боженька свой страшный взор не отводил, казалось, что он уже задвигал бровями и вот-вот спустится со стены на пол. Живот у Надьки резало, зверь неистовствовал, раздирая внутренности на части. Голова кружилась, она глазами искала место, где бы можно было спрятаться от этого неотступного взгляда. Отшла в один угол, но Боженька, сверкая страшными глазами, смотрел на нее. Кинулась в другой, но взгляд неотступно преследовал. Надька от мучительной боли в животе ревела.

- Дай попробовать одну ложечку! - умоляла она, плача.

- Одну всего, единственную! - Но Боженька был неумолим.

Злость охватила Надьку. Обезумев от боли, она подтащила стул к иконе и, забравшись на него, плача: "Будешь! Будешь подсматривать!" - тыкала концом ложки в глаза Боженьке. Немного погодя поняла, что он уже плохо видит. Соскочила со стула и бегом бросилась к печке, успеть попробовать, пока он снова не стал смотреть.

Почерпнула первую ложку, обжигаясь проглотила. Что-то до одури приятное прокатилось по горлу, Надька от удовольствия зажмурилась. Почерпнула вторую, третью. Оглянулась. Лицо у Боженьки было сердитое, но он уже не глядел в ее сторону. Надька помешала в чугунке, снизу всплыл кусок мяса. Придержав его ложкой, она обжигаясь отщипнула маленький кусочек и тут же отправила в рот. Показалось, что он растаял во рту. "Ну вот и попробовала!" - вздохнула она с сожалением.

Но зверь в животе бесился. Надьке показалось, что он сейчас вырвется наружу и примется за чугунок сам. Она испугалась, прекрасно понимая, что если он вырвется наружу и примется за чугунок, то сожрет все, не оставит ни крошки. "Подожди, я еще тебе ложечку дам!" - умоляла Надька зверя. Она села на шесток, почерпнув немного, заглянула в чугунок - супа не убавилось. Зачерпнула вторую ложку - снова не убывает. Третью, четвертую... Принялась за мясо. Немного погодя осмотрела кусок, показалось, что еще много осталось. Принялась за жижку. В ложку попадалась то картошка, то капуста вкуса необыкновенного. Надька все так же после каждой ложки заглядывала в чугунок, но не было заметно, чтобы после ложки в чугунке убавилось.

Ложка уже доставала почти дно, живот у Надьки вздулся. Зверь в животе наконец затих. Он уже, казалось, ласково лизал изнутри, издавая изредка довольный рык. Глаза у Надьки слипа-

лись, клонило ко сну, по всему телу разлилась блаженная дремота. С закрытыми глазами она слезла со стула и, не сделав и двух шагов, разлеглась на полу. И сразу как будто куда-то провалилась.

Целый день сердце у Анны Ивановны было не на месте, но в то же время тихая радость заполняла ее до краев. Почти не верилось, что наконец появилась долгожданная дочь. Работа не радовала, сердце рвалось домой. "Как там она одна? - беспокоила мысль. - И вправду говорят! Как болит сердце матери о детях! Сейчас сама поняла!" - рассуждала она, прислушиваясь к неизведанным до сих пор щемящим сердце чувствам.

Поделиться своим состоянием с супругом не посмела, знала, что он не поймет, за совместно прожитую жизнь изучила его хорошо. По его поведению видела, что он сердится. Она хорошо знала, что детей он не любит. И только сейчас откуда-то изнутри, из затаенного угла всплыла неприязнь. "Ишь молчит! Ложки считает, что ребенок съел! И меня всю жизнь ест поедом!" - но тут же ужаснулась своим мыслям. "Грех-то какой! На мужа ропщу! Прости меня, Господи, грешнику! - и тут же подумалось: -"Бог даст - все образуется!".

В мечтах она уже видела Надьку невестой, где-то далеко-далеко на горизонте маячили внуки. И Анна Ивановна обратилась к Богу с благодарственной молитвой.

Григорий Иванович исподтишка зорко следил за поведением супруги. Состояние ее сильно беспокоило. "Неужели все это на нее так подействовало, стала как полоумная. Не узнать бабу! За весь день не взглянет и слово не вымолвит!" - он выходил из себя, когда супруга, остановившись посреди прокоса, о чем-то думала. Но крепился что было сил.

Обедали молча, Григорий Иванович уже злился не на шутку, не было еще случая, чтобы супруга не заговорила первой, когда он был не в духе. Его совсем взорвало, когда Анна Ивановна вскоре после обеда засобиралась домой.

- Еще три часа вовсю косить можно! - вспылил он. Но супруга с каким-то упрямством, которое он никогда не замечал за ней, стояла на своем. От удивления Григорий Иванович только развел руками, и сам не заметил, как поплелся следом.

Шли молча. Григорий Иванович кипел: "Нет, надо все ставить на свои места! Иначе эта Надька все вверх дном перевернет! И эта молчунья характер показывает! Но я терплю, терплю, и...." - он так и не договорил, что он сделает после "и". Но шаг его стал

тверже, он приобрел быструю уверенность, прибавил шагу, догоняя супругу. Решил выдержать характер до конца, так молчком и дошел до самого дома. Уже входя в ограду, поклялся проучить женщин как следует, вплоть до того, что не разговаривать.

Надька спала, посапывая в ноздрюльки. Пока Анна Ивановна, разведя руки, охала, что ребенок спит на полу, Григорий Иванович уже успел обследовать печь.

- Так и знал, что воровка! - раздался его возмущенный голос.
- Смотри, что от щей осталось! - супруга заглянула в чугунок.

- Ну что уж, отец! - первый раз в жизни назвала она его так, стараясь вызвать в нем родительские чувства. - Ну съела! Живая же осталась, слава богу, ничего с ней не случилось! Ребенок есть ребенок!

- Прости, господи! Ведь говорил, если уж брать, так из порядочной семьи!

- Ну а эта семья чем плохая?

- Чем! Чем! - передразнил Григорий Иванович. - Да кто Антошка-то был? Шалопай с гармошкой! И жена - только песни орать! Господи, прости мою душу грешную! - трагическим голосом, как настоящий актер, проговорил Григорий Иванович.

Супруга поняла, что благоверный, как всегда, принялся ставить комедию, но подыгрывать не было сил, беспокоила Надька.

- Вразуми бабу бестолковую! - и он, раскинув театрально руки в стороны, показывал, что теряет контроль над собой. И, сделав вид, что ему так тяжело, так тяжело, и что только одна молитва может спасти его сердце от разрыва, сделал несколько шагов к иконе.

Не обращая на него внимания, супруга старалась осторожно разбудить Надьку. Та спала как убитая, на прикосновение только улыбалась во сне.

- Ы - ы - ы... - раздался дикий звериный рев. Анна Ивановна, вздрогнув, обернулась к супругу. Вид его поразил ее, бледный, с выпученными глазами, он хватал воздух ртом. Казалось, что его поразил удар.

- И-и-ко-о-н-на-а! - стонал он не своим голосом.

Она бросилась к нему. Тот трясущимися руками указывал на стену, Анна Ивановна взглянула по направлению руки. Сердце остановилось, ноги не держали, как вчера это было - мелькнуло в голове. Венчались в монастыре. Сам настоятель удостоил их своей честью. Благословлял этой иконой, после венчания подарил. Вспомнила, как был рад Григорий Иванович, с каким благогове-

нием держал ее в руках. Позднее рассказывал, что ей цены нет. Писана в 17-м веке, самим Д.

- Ох-х! - и далее послышался скрип зубов. Анна Ивановна очнулась, бросилась к Надьке, загородила собой. Супруг приближался, был он страшен.

- Григорий Иванович! - взвизгнула супруга. - Не бери грех на душу! - тот остановился, стараясь прийти в себя, тер голову руками.

- Хорошо, не трону! Не возьму грех на душу! - утробным голосом пообещал он. - Но чтобы духу ее здесь не было!

Анна Ивановна посторонилась, с опаской поглядывая на супруга. Тот взял Надьку за руку и резко поднял с пола. Надька, почти не доставая пола ногами, хлопала сонными глазами.

- Пошли! - прорычал Григорий Иванович.

Не успела Надька оглянуться, как оказалась на улице. Страх прогнал остатки сна. Руку было больно, она еле-еле успевала бежать за широко шагавшим дяденькой.

- Куда, дядя-папа? - осмелилась спросить она.

- Папа! Папа! - зло проворчал Григорий Иванович. - К тебе домой, чтобы духу твоего у нас не было.

Надька обрадовалась. "Домой! Домой!" - в душе ликовала она. Страшно хотелось увидеть бабку, взглянуть на остальных. Она уже не волочилась, а чуть забегала вперед, и, если бы не держал за руку дядька, понеслась бы на крыльях. И только одна беспокоила мысль, как бы дяденька не отобрал платье.

- Иди в свой вертеп! - отпустив Надькину руку, напутствовал Григорий Иванович около бабкиной ограды.

- Домой пришла! - объявила Надька, появившись на пороге.

- Дядя бяка, злой, нехороший! Лучше дома жить буду! - захлебываясь, продолжала она.

- Доченька, ты моя родненькая, прости ты меня, старую дуру! И как только я на это решилась, сама не пойму! - ударила в рев бабка.

Надька бросилась ей на шею. Марфа Филипповна, рыдая, обнимала Надьку, беспрерывно целуя.

- Проживем, Надька! - подал голос с печи дед Сергей.

- Вчера вечером Андрей Ефимович куль муки привез на тачке. Казна вырешила.

- Выживем, доченька! - заверила бабка.

Прадед

ой прадед по материнской линии, Ефим Харлампьевич, был удивительным человеком. Мне пришлось прожить вместе с ним несколько лет у деда Андрея Ефимовича. Мне было лет 5-6, ему более девяноста. Между нами были самые дружеские отношения. Любовь моя к нему не имела границ. До сих пор помню уйму сказок, рассказанных им. Но не забуду до самой смерти, когда я, рассердившись, бросил кусочек хлеба на пол. Прадед молчком встал, взял меня за ухо и вывел из-за стола. Я был в шоке. Это мой любимый старенький батя взял меня за ухо - от обиды я не мог даже плакать. Но и он был не в лучшем состоянии, только через несколько минут извиняющимся тоном стал просить, чтобы я больше так не делал, потому что хлеб - это святое. Этот урок я запомнил на всю жизнь. Хорошо помню, как он со всей серьезностью наказывал: "Вот вырастешь, правнучек, станешь большим, выучишься, хорошенко подумав, наметь себе цель, и иди к ней не сворачивая. Прошагав несколько лет, остановись, осмотрись, если сбился с намеченного пути, вновь возьми нужное направление, и опять шагай, не оглядываясь. А если устал от одной работы, то самый лучший отдых - приняться за другую". И всегда сам так поступал.

Почти каждое зимнее утро день начинался примерно так. Дед Андрей Ефимович собирается на работу в артель, а прадед готовится сделать ходку в лес за дровами. Но перед этим он, встав пораньше, уже сходил на речку, прихватив с собой пешню и специальную лопату. Там он, очистив снег вокруг, сколол пешней на морзший за ночь лед в проруби. Вычерпал крошево лопатой, углубил приемок, чтобы бабам можно было черпать воду почти не нагибаясь. Выровнял площадку, куда ставят полные ведра. Обработал ступеньки, ведущие от проруби на дорогу, так как снегу навалило много, от уровня воды до поверхности дороги было метра два.

Вернувшись, прадед не заходил в избу, а направлялся к магазину. Пока еще снег был свежий и люди не утоптали его ногами, принимался чистить ступеньки, а то не дай бог при таком крутике разобьют себе затылки. Окончив работу, возвращался домой, считая, что он выполнил свой старицкий долг перед Господом Богом.

гом и людьми, а теперь со спокойной совестью может сходить в лес за дровишками. Видя его сборы, дед Андрей Ефимович ворчит.

- Не позорь меня! Вот с работой немного управлюсь, сам знаешь, председателем артели работаю, дел невпроворот, да и глаз да глаз нужен! Вот чуть станет полегче, лошадь возьму, дров на везу! Ведь сегодня буран на дворе, а ты один в тайгу за дровами! От людей стыдно! Скажут, добрый хозяин собаку в такую погоду на улицу не выгонит, а я родного отца, древнего старика, в лес за дровами одного посылаю!

- Ну что ты, Андрей, на людей смотришь! Мало ли что наговорят! Да разве я усижу дома! Пока руки, ноги гнутся, схожу потихоньку. Там у меня уже лесина свалена, ветер не страшен. Отрежу кряжечка два, на саночки навалю и вернусь домой с богом.

Дедов дом стоял около школы, до нее было всего метров сорок. Простиравшееся болото от школы вверх по лугу заваливалось зимой снегом, образовывалась долина, по которой шла дорога, просматриваемая почти на километр. Из лесу прадед с санками возвращался по ней. И стоило только ученикам заметить его приближение, как дюжина молодцов бросалась к нему навстречу. Неслись сломя голову. Был неписаный закон - кто первым добежит, тот тянет за веревку, а остальные кто за что вцепится. Еще не добежав, орали во все глотки: "Дедушка! Дедушка!". Тут же освобождали прадеда от веревки. Один впряженся, остальные облепляли санки со всех сторон и с дикой радостью неслись. Прадед направлялся следом. Ребятишки все увеличивали и увеличивали скорость. Сначала бегом, потом переходили на галоп, каждому хотелось отличиться.

Санкам было не до смеха, не приспособлены были с грузом для бегов. С увеличением скорости им становилось все труднее и труднее выдерживать темп. Сначала не выдерживали задние копылья: то правый, то левый ломался. Санки уже изменяли форму, но добровольные помощники в пылу соревнования этого не замечали. Вскоре ломались и средние, дрова уже волочились по дороге. Вот ребятишки с гиканьем вкатывают санки в ограду. Тут только с удивлением замечают, что санки ведут себя как-то странно: задняя часть стала ниже и завалилась набок. Но рассматривать нет времени, звенит звонок, надо спешить на урок. И довольные, что помогли своему любимому старому дедушке, с гордым видом покидают ограду, спешат на урок и тут же дорогой договариваются-

ся, что завтра помогут вновь. Разгрузив санки, прадед затачивал их в избу и принимался за ремонт.

Вернувшись с работы, Андрей Ефимович в сердцах ворчал, грозясь нарвать уши добровольным помощникам или пожаловаться учителям.

- Ну что ты. Андрей! Разве они со злым умыслом сломали! Они же от чистого сердца хотели помочь. Разве их за это надо ругать! Из них же хорошие люди вырастут.

- Ну и ремонтируй ты эти санки каждую ночь! - в сердцах бросал дед, принимаясь закуривать.

Прадед один сделал всю школьную ограду. Без чьей-либо помощи свалил сухой здоровенный кедр. Один распилил по размеру, из этих кряжей наколол штакетник, которого хватило огородить школу вместе с пришкольным участком. Сам копал землю, поставил столбики, врезал прогоны, прибил штакетник. Сделал несколько вертящихся ворот, чтобы скотина не зашла в школьную ограду.

Ученики считали школьную ограду своей собственностью, и стоило только кому-нибудь с умыслом или без умысла, в игре или в спешке перелезая, сломать одну или две штакетины, как его тут же окружали, и начинался допрос с пристрастием. После нескольких порядочных тумаков виновник в сопровождении нескольких учеников оказывался перед прадедом. Возмущенная толпа, перебивая друг друга, спешила сообщить, что этот негодяй сломал штакетину.

- Ладно, идите, я разберусь. А вот бить не надо! - останавливал прадед не в меру ярых блюстителей порядка. Виновник облегченно вздохнул - истязания кончились, он поднимал глаза от земли. Прадед, хмуря свои седые брови, приступал к допросу. Из уст его вылетало страшное ругательство.

- Пятнай тя в шар! Сколько штук сломал?

- Две... - тянет виновник. - Я хотел перелезть, Ванька за мной гнался, а она не выдержала двоих, потом почему-то вторая сломалась.

- Вон в углу бери две штакетины, четыре гвоздя из ящика, молоток не забудь! - сам, прихватив выдергу, направлялся следом. Выдернув старые гвозди, прадед приказывал виновнику приступить к работе. Окруженный зрителями, сияя радостью от такого доверия, злоумышленник, высунув язык от усердия, старательно забивал гвозди в штакетину. Прадед, подобрав обломки, забрав инструмент, возвращался домой, а пацан сиял от радости.

Происходило чудо, он уже считал себя полновластным хозяином всей школьной ограды. И не дай бог, чтобы кто-нибудь сломал штакетину, кидался ястребом и "клевал" не на шутку, забывая о том, как было больно самому. И снова толпа с гневными криками вела злодея к старому дедушке. Как ни берегли ученики ограду, а дети есть дети, весной и осенью с десяток пацанов знакомились с молотком.

Недалеко от школы проходила дорога, по которой на лошадях возили грузы на другие прииски. Рядом с дорогой начиналась гора, из подошвы которой вытекало несколько родников. Образовалось болото. По нему-то и надо было проезжать на телегах. Пока не было дождей, было еще терпимо. Но стоило только зарядить им - просто беда, телеги тонули в болоте. Кроме двух основных лошадей, подпрягали еще пару для помощи. Свистели бичи, гремел мат. Бедные животные вчетвером не могли вытянуть груженую телегу, застрявшую в болоте выше ступиц колес.

С самой ранней весны прадедлся копать гору, чтобы сделать объезд, минуя болото. Все только ахали, узнав о его затее, мыслимо ли дело, бесплатно перекидать столько земли. И на самом деле, копать нужно было метров двадцать, а посередине высота превышала человеческий рост. Некоторые даже с издевкой, разыгрывая из себя простачков, спрашивали, сколько же ему за эту работу заплатят.

Прадед, качая головой, отвечал: "Причем тут деньги! Кто человеку дал право так издеваться над скотиной! Что только они бедные о нас думают, как мы можем им в глаза смотреть!" - и опять принимался за работу. К осени, к самым дождям, дорога была готова. Транспортники не знали как и благодарить. Почесывая затылки, толковали между собой: "А вот если бы всем миром навалиться, то дорогу от прииска до прииска можно было бы хорошую проложить!". Прадед был доволен по-своему, не тем, что его хвалят, а тем, что скотина не мучается. Главное, что транспортники без бичей и матов обезжают гиблое место.

Позже, когда прадед уже не жил с дедом, я частенько спрашивал бабушку про него. Хотелось узнать, как жил он до революции. Жил он хорошо, да и не удивительно, с его-то умом и работоспособностью. Держал он большую пасеку, занимался почти одним пчеловодством, но и хозяйство было не малое. Бабушка рассказывала: "Поедет папаша на двух подводах в город, везет мед, а оттуда мужики на 8-10 подводах привезут: и соль, и муку, и

крупы разные, мануфактуру всякую". В своем разговоре она всегда подчеркивала слова прадеда: "Ты, Аннушка, маслица не жалей, когда стряпаешь! За столом только и повеселиться!" - и тут же добавляла, что недалеко, в Гривенске, жила близкая родня, которая имела в хозяйстве тридцать коров, но никогда досыта масла не ела, все копила на продажу.

Я интересовался, как прадед относился к выпивке, потому что уже слышал, что он умел изготавливать вино из чистого меда, которое чем дольше стоит, тем крепче становится. Оказалось, что прадед не пил стаканами, а только маленькой рюмкой, и то не более трех штук. Первая - за здоровье хозяев, вторая - за свое здоровье, третья - для веселья и уже никто не мог заставить его выпить четвертую.

Я расспрашивал, как он относился к аборигенам. Бабушка охотно откликалась, в своем сердце носила глубочайшее уважение к своему свекру. Глубоко вздохнув, принималась рассказывать. К тому времени многие аборигены уже жили оседло, в основном приняли христианскую веру, но не забывали и свою. И частенько старики, главы рода, приходили к прадеду за советом. Интересовались плотницкими работами, как ухаживать за коровой - этот зверь еще был в новинку. Прадед усаживался на крыльце, рядом садился, попыхивая трубкой, абориген. Но часто гость приходил с внуком, который впоследствии должен был стать главой рода. Тот сначала немного дичился, но через свои глаза-щелки с величайшим любопытством рассматривал хозяина. Этот Ипим вызывал неподдельный интерес. Немного погодя прадед садил его на колени, угощал леденцами, и текла неторопливая беседа. Прадед хорошо знал язык аборигенов, обходился без переводчика. Младший гость, сидя на коленях, посверкивая черными глазами, вертел головой, ему явно хотелось, чтобы этот бородатый, так похожий на святого Николку, погладил по голове, что обещало ему в будущем на охоте удачу. Прадед нет-нет да прикасался рукой к его голове, поглаживая по волосам, прижимая к себе, целовал.

После ухода гостей прабабушка ворчала: "Может быть, он еще нехристь, а ты гладишь и целуешь грязного, поди, грех большой!" - на что прадед отвечал: "Ничего ты, мать, не понимаешь! Все мы Божьи твари! Все произошли от Адама и Евы. А народ-то какой, ты только подумай! Вот идет с неудачной охоты зимой, кажется, вот-вот с голodu умрет, а наткнись он на чужую ловушку с дичью - ни за что не тронет! У этого народа воров нет!" - с такими

вескими доводами прабабушке приходилось соглашаться.

Однажды его младшая дочь рассказывала, как шли они из пасеки домой в деревню. Ей было лет семь, увязалась за ним на пасеку. Было страшно интересно находиться около него, можно было задавать любые вопросы. Он не прикрикнет, не отмахнется как от назойливой мухи, а все объяснит, расскажет, почему одна птичка серенькая, а вторая в цветочках. Почему травы растут на одной поляне, а разные. Почему редька с репой похожи, а вкус разный. Вопросы сыпались беспрерывно. Прадед на все вопросы отвечал серьезно, ставя свою дочь как собеседницу наравне с собой.

Тропинка шла по берегу реки. Вдруг их взор был привлечен странным явлением: около берега бурлила вода. Дочь, приоткрыв рот, замерла, дивясь чуду. Прадед забрел в воду, пошарил руками у дна, вытащил на поверхность здоровеннейшего налима. Зажав его между ног, придерживая одной рукой за жабры, второй полез в карман. Вытащив конопляную веревочку, стал просовывать её в жаберную щель. У дочери защемило сердце. "Как же так, папенька все время наказывал: боже избавь взять чужое, а сам хочет украсть рыбу!" - она готова была провалиться сквозь землю, только бы не видеть этого позора. В душе боролись любовь и отчаяние. Между тем прадед, пропихнув бечевку под жабры, завязал узел, второй конец привязал к колу, к которому была привязана леска жерлицы, и опустил налима в воду. Вылезая на берег, пояснил: "Здоровенный налим попался, не дождется хозяина, оборвет леску, а с жерлицей во рту не жилец, только несколько дней будет маяться, пропадет божья тварь без пользы" - и опять зашагал по тропинке.

Рассказывала одна старушка, как до революции они ребятишками ходили в гости на пасеку к прадеду. На лице ее играла улыбка, глаза по-молодому засияли, казалось, что даже морщинки разгладились, видать, воспоминания в душе всколыхнули радостные чувства. Деревенские ребятишки старше семи лет летом были в работе. А пяти-шестилетние, сбившись в стайку с десяток и более, почти каждое воскресенье летом ходили в гости на пасеку к прадеду. Идти нужно было семь километров тайгой, по еле приметной тропинке. Было страшновато, но, подбадривая друг друга, преодолевали этот путь. Но зато была неописуемая радость, когда достигали цели. Прадед встречал их как дорогих гостей. Сразу же ставил самовар, заваривал чай из трав: иван-

чай, листья смородины, малины и пр. Разливал чай в глиняные кружки, выставлял на стол в изобилии сотёвый мед с хлебиной. Прадед потчевал от души, каждый из дорогих гостей знал, что есть меду можно столько, сколько душа пожелает.

Уже от своих слышал, что прабабка как-то посетовала, что дорогие гости, а на этот раз их было под две дюжины, больше полпудика съели медку. На что прадед, по-доброму рассмеявшись, ответил: "Ты, мать, одного не можешь понять! Господь дает мне удачу в моих пчеловодческих делаах! Пчелы меня любят. А берет ли кто-нибудь с одной колоды больше меду, чем я? Нет! Господь дает мне, а я должен поделиться. А уж с кем, как не с детьми?! Сам Господь велел это делать. Вот и приходят они ко мне. Для них праздник, а глядя на них, у меня на душе праздник. Ты бы посмотрела, как у них радостно светятся глаза".

Окончив рассказ, старушка горько вздохнула, но на лице все еще светилась радость, глаза по-молодому блестели. Потом, помолчав, с приыханием произнесла: "Были светлые денечки!".

Прошло много лет, как прадед покинул прииск, да и вообще его уже не было среди живых. Но дела его рук остались в мосточках, переброшенных через многочисленные ручьи вокруг прииска. Я сам слышал, как маленькие жители прииска, проходя по этим мосткам: двум нетолстым кедрам, стесанным сверху, на каменном основании, - спрашивали у взрослых:

- А кто сделал такой красивый мосток? - и, как обычно, старик или старуха отвечали:

- Это все Ефима Харлампиевича мосточки! Царство ему небесное. Удивительный был человек. Ни за что ни про что через все ручьи мосточки проложил. И ведь один-одинешенек делал. Были раньше люди - радели за общество, не то что мы, грешные! - и еще раз оглянувшись, продолжали свой путь с посветлевшими лицами.

Чадо, остановившись, забыв на время шалости, смотрел на мосток, стараясь представить этого загадочного старика, место которого, думалось ему, обязательно в раю. Потом, спожватившись, догоняя взрослого, серьезно спрашивал:

- Баб, а баб! Так один все мосточки и сделал?

- Один, милый, один!

- И никто ему деньги не платил?

- Никто не платил! А вот мы прошли с тобой и помянули добрым словом, а это дороже всяких денег. Говорят, что если на этом

свете поминают добром, то человеку, душе его, на том свете лучше живется.

- Так что же это за человек был?

- Такой уж редкостной души человек! - и оба, замолкнув, продолжали свой путь, осмысливая сказанное каждый по-своему.

Колька

от она снова, ненавистная зона, перед глазами. Лимузин-скотовоз, взял небольшой крутичок, развернулся, сдал немного назад. Из кабины выскоцил сержант, вытащив из кобуры пушку, дал охране команду выходить. Те, соскочив один за другим, взял карабины на боевую изготовку, заняли положенные им места. Тут же последовала команда слезть с машины бригаде зэков. Народ зашевелился, стал вставать с сидений. Колька, вор в законе по кличке Резаный, окинул быстрым взглядом вахту. У ворот в зону толпились надзиратели. Их было больше, чем обычно. Выделялся старший надзиратель, Колькин землячок, даже издали было видно, как его отвратительная харя отливала самоварной медью, это означало, что он был под большим кайфом. Резаный бросил быстрый взгляд по сторонам. С правой стороны к вахте под командой фельдфебеля подходил взвод новобранцев-солдат. Колька скрипнул зубами, все внутренности охватила лютая злость, он уже не сомневался, что предстоит пройти адские муки. Кажется, уже давно бы должен привыкнуть к шмону, прежде чем войти в зону, но всегда испытывал какое-то отвращение, когда надо было подать в лапы надзирателю рукавицы, шапку, потом снять ботинок, другой, при этом не выражать своего неудовольствия. И сейчас он, глядя исподлобья, видя, как землячок, старший надзиратель по кликухе Кровосос, хохоча, что-то рассказывает остальным надзирателям, был уже твердо уверен, что тот появился, чтобы пососать из него кровь. Резаный закусил нижнюю губу почти до крови, спрыгнув с машины, встал в середину колонны, стараясь как можно меньше быть заметным.

Раздалась команда приблизиться к воротам. Начался шмон. Пятерка за пятеркой, сделав пять шагов вперед, останавливалась, после того как надзиратели обшаривали зэков, подходила по команде к воротам зоны, терпеливо дожидаясь, когда окончится эта

ежедневная процедура. Колька старался расслабиться, пытался забыть о старшем надзирателе. Он уже несколько дней чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя исподволь догадывался, что причина этому опять проклятая весна. Где-то в подсознании шевелилась мысль, что там, на юге, на воле, весна. Там цветут сады, благоухает природа, а здесь в этом проклятом Богом месте снег и снег, и будто кроме него ничего нет на белом свете. Но он тут же, как бы нехотя, упрекнул себя, что и в эту чертову глухомань, где кругом одни горы и только в небо небольшая дыра, - и сюда придет весна. Она и сейчас уже чувствуется, конец марта, а уже в некоторые дни с южной стороны барака появляется что-то наподобие сосулек. Но придет весна по-настоящему только в середине мая. Придет бешеная, непонятная, словно девка, вырвавшаяся из заточения на волю: мстя, круша все на своем пути. Речонки превратятся в бурные потоки, погонят вниз по течению громадные валуны, затопят берега, размывая снег, и тут же эта распутная девка, не знающая пощады, вдруг начнет раздаривать свои богатства, все покроет изумрудной зеленью, которая будет расти на глазах. При одном этом воспоминании Кольку захлестнула жажда к себе, пропитывая каждую клетку мозга.

Он очнулся только тогда, когда раздалась команда его пятерке сделать пять шагов вперед. Как и все, он отшагал положенное расстояние. Но тоскливы мысли не хотели отпускать, прилипли, словно кисель, и, сколько бы ты ни тер, все равно останется пятно. Колька изо всех сил старался взять себя в руки, к нему приближался заклятый враг - земляк Кровосос, которого за глаза все зэки звали так. Он полностью соответствовал этой кликухе. Резаный принял равнодушный вид, изобразил на своей роже легкую ухмылочку, которая так бесила старшего надзирателя.

- Здорово, землячок! - произнес Кровосос своим отвратительнейшим бабьим голоском, в то же время оглядывая с ног до головы Резаного злобным, ненавидящим взглядом.

- Здравия желаю, гражданин начальник! - с легкой небрежностью произнес Колька, одаривая его не менее выразительным взглядом.

Зэки и охрана внимательно следили за ними. Всем было интересно, не сломится ли на этот раз Резаный, не возьмет ли над ним верх старший надзиратель. Этот поединок происходил уже не раз. Хотя силы были не равны, это понимала даже охрана, делая иногда даже маленькие поблажки за его мужество.

- Ваши краги! Краги! - старший надзиратель даже изобразил наклон головы, показывая учтивость. Колька снял с рук рукавицы, взяв их в левую руку, подал. Кровосос, взяв одной рукой за верх рукавицы, второй стал сжимать, словно баба титьку коровы во время дойки. Пройдя рукой сверху вниз, закончив эту процедуру, стал сворачивать рукавицу, словно мужик самокрутку. Свернув в одну сторону, потом развернув, стал сворачивать в другую сторону, словно ему было доподлинно известно, что в Колькиной рукавице спрятана иголка, которую он **должен** обязательно отыскать. Закончив с одной рукавицей, Кровосос принялся за другую. Все это делалось настолько медленно, что остальные надзиратели, общмонав своих зэков, отправили их в строй. Колька с Кровососом остались вдвоем на открытом пространстве.

Резаный внутренне сжался, всеми силами старался укротить в себе злобу, которая могла вот-вот выплеснуться наружу. Он понимал, что если она вырвется, то Кровососу не жить, пальцы сами сомкнутся на его глотке. В то же время он прекрасно понимал, что другие надзиратели не дадут довести дело до конца, псы опытные, церемониться не будут, ударом сапога в голову если не убьют, то из сознания вышибут, да и охрана может начать палить без разбору. Не хотелось крови ни своей, ни чужой, да и гордость не позволяла взять над собой верх Кровососу. Сжав нервы в комок, он с ухмылкой, которая была так ненавистна врагу, стал поглядывать на него, словно встретил знакомого, которого презирает, но уж, как говорится, поведет разговор по старой дружбе.

- Шапочку! Шапочку! Не обижайся, землячок, по уставу положено, - проворковал Кровосос выбириующим от злости голосом. Резаный снял шапку правой рукой, как положено по уставу, переложил в левую руку, протянул. Кроме кликухи Кровосос, старший надзиратель имел и другую кличку - Пес. Он, словно собака, нюхом чуял, в каком месте у зэка что-то припрятано. В этом деле он был дока. Ощупывая шапку или рукавицы, сверлил глазами жертву и вдруг неожиданно, с какой-то даже небрежностью заявлял: "Ну доставай! Доставай!". Бедный зэк еще лелеял надежду, что гражданин начальник берет просто на пушку, на испуг, старался сделать невинную рожу, разводил руки в стороны, оправдываясь: "Так ведь ничего нет, гражданин начальник!".

- Что, сука! - уже рычал Пес. - Сам отвяжешь или мне вместе с мудями вырвать?! - и, чуть видя заминку, уже давал команду: "Снять штаны и подштанники!" - и зэк, сняв штаны и подштан-

ники, отвязывал крохотную вещицу, которую хотел пронести незаметно в жилую зону. Тут Пес уже принимался за свое, читал наставление, заставлял повторить, что положено зэку по уставу, признать свою вину. Время тянуло, сука, внаглу. И все это время виновник стоял перед ним со спущенными подштанниками, хотя иногда мороз был порядочный. Начиналась вторая часть издевательства, Кровосос требовал, чтобы виновник сам назначил себе наказание, требовал, чтобы тот определил, сколько ему положено за это нарушение суток БУРа.

Помяв для приличия шапку, - Пес прекрасно понимал, что Резаный сам ничего не понесет в зону, есть у него для этого шестерки, - вдруг взглянул на голову Кольки. "Ой! Сколько седины-то прибавилось, землячок! - голосом изобразил сожаление Пес. - А у меня вот, слава богу, еще ни сединки!" - сняв шапку, Пес поводил кругами голову, как бы давая рассмотреть ее со всех сторон.

"Да ты, гад, никогда не поседеешь! Не та сучья порода!" - так и вертелось на языке у Кольки, но, пересилив себя, словно ведя непринужденную беседу, ответил: "Так ведь в разных загонах, гражданин начальник, живем. Кому сено, а кому солома!".

- Так-то оно так! Но что-то я отвлекся! Корочки давай.

- Левый или правый? - съязвил Резаный.

- Давай с левого начнем. - Колька снял ботинок, размотал портянку, подал то и другое, встал голой ступней на снег. Он даванул косяка направо. Молодые солдаты-новобранцы рассматривали его во все глаза, у некоторых даже были приоткрыты рты. Фельдфебель потихоньку, но довольно эмоционально что-то втолковывал им. "Натасывает, сука, молодых псов!" - подумал Резаный. Он еще ниже наклонил голову и исподлобья, скосив глаза, стал оглядывать новобранцев, словно волк из клетки посетителей зоопарка. Резаный не слышал, что говорил старшина, но понимал каждое сказанное им слово. Потому как все взоры салаг были устремлены на него, было ясно, что фельдфебель уже несколько раз провел политбеседу, а теперь теорию воплощает на практике. Это патриотическое воспитание было известно зэкам дословно, старшина начинал всегда с одних и тех же слов:

"Партия и правительство, воплощая свою программу о благосостоянии советского народа, заботится не только о материальном благе, но и всеми силами и средствами старается защитить жизнь и достоинство своих честных тружеников. Но есть отбросы общества, так сказать,rudиментарные пятна на нашем здоро-

вом обществе. Это воры, грабители, насильники и убийцы, которые не хотят работать, а жрать хотят сладко. Мы призваны бороться с ними, как говорится, выграбить эти нечистоты, не дать распространиться заразе. Это трудная задача, которую нам доверили партия и народ. И мы с честью должны оправдать это доверие!" - и тут же читал выписки из многих зэковских дел.

"Мое-то дело ты, сука, уж полностью списал! Все статьи, все побеги по косточкам разобрал! И сейчас привел своих псят на практику, показать меня как пятно! Натаскиваешь, вырабатывашь в них злобу к зэкам! Ишь как твои песики впились в меня глазами! Хотя уже у многих трясутся поджилки, как подумают, что придется конвоировать меня", - рассуждал про себя. Резаный наметанным глазом рассматривал щеренгу солдат, отмечая про себя, кто на что способен. Как всегда, пополнение состояло на две трети из черненьких, остальные - прибалты, выделяющиеся ростом и белизной. "Не дает сбоя ментовская машина! Обязательно набирает в охрану из самых глухих аулов и кишлаков, а для пущей надежности разбавляет прибалтами из самых глухих мест", - проворчал про себя Резаный, а между тем его взор незаметно скользил по лицам солдат, откладывая в памяти, кто из них трусоват, кто Богом умишком обижен; стараясь определить, кто можетиться ночью под себя, чтобы на этом потом сыграть, мол, есть лекарство, но только нужно связаться с волей.

Но вот его взор остановился на одном солдате. Его облик и все остальное говорило, что он из русских. Было даже удивительно, как русак затесался в эту компанию. И страх, и удивление, и любопытство играли на его простецком русском лице. По всему было видно, что взят он из какой-то отдаленной глухой деревушки, только там-то еще остался такой тип. Наверное, трамвай-то впервые увидел, когда вызвали в военкомат. Резаному даже захотелось по-хорошему подмигнуть Чудику, как окрестил он этого солдата, уж больно тот смешно выглядел, от удивления открыв рот. Он понимал, что и немудрено открыть рот, глядя на него как на чудо-юдо, про которое слышат в детстве из сказок. Да и фельдфебель как привел их сюда, сказал наверняка:

"Вот помните, я вам на политзанятиях рассказывал? Стоит сгорбленный, волком смотрит! Это и есть рецидивист по кличке Резаный. Вроде старается быть незаметным, на старика смахивает, а три побега за плечами! Дерзко уходит, за ним глаз да глаз нужен! Рецидивист, этого кровь не остановит! Волк есть волк!"

Притом хитрый, кровожадный, страшно опасный!".

"А я ведь действительно на волка похож!" - подумал Резаный. После этого сравнения внутри у него все заклокотало, он почувствовал, с каким бы наслаждением вцепился зубами в глотку этому менту-старшине и грыз бы, захлебываясь кровью. Но постарался взять себя в руки, чтобы не спугнуть солдат-салаг. Он уже знал, кто из них на что будет способен, когда появится карабин в руках, когда встанет попкой на вышке. По его губам скользнула зловещая улыбка, он понимал, что кто-то из них будет его жертвой.

- Что, уснул, землячок?! Дай-ка правый ботиночек! - раздался ненавистный голос. Колька очнулся от дум. Даже не заметил, что ступня левой ноги так остыла на снегу, что почти не чувствовала холода. Он снял правый ботинок, подал Кровососу. Левый, брошенный к ноге, не стал надевать, а стал обеими ногами на снег. Колька прищурил глаза, задрал морду, словно стоял на песочке на берегу Черного моря, где солнце ослепительно светит и нет сил смотреть открытыми глазами. Правая ступня почувствовала острый холод, уже покалывало, как иголками, но Резаный даже ни разу не переступил ногой. Он шкурой чувствовал, что все: и зэки, и охрана, и эти молодые солдаты смотрят на него, одни желаю, чтобы сломился, другие поддерживают. Главное, Пес-Кровосос в своей бессильной злобе исходит на говно, что не может сломить. И, чтобы окончательно возвыситься над ним, уколоть в самое сердце, Колька, поймав его взгляд, расплылся в ехиднейшей улыбке, напоминая, как сделал первый побег, ушел от него. Кровосос скрипнул зубами, впился ненавидящим взглядом, одна рука замерла на ботинке, вторая сжалась в кулак. Но вот он, усмехнувшись, заскользил руками по ботинку, давая этим понять, что он будет не обшаривать его, а изучать мучительно долго. Но Кольку это уже не трогало, он углубился вновь в свои воспоминания.

Вот так же стояли перед вахтой, вот так же шел шмон. Рядом с ним в пятерке стоял пахан, а он, молодой вор, тянул свой первый срок, зарабатывал авторитет в преступном мире. Была весна, стояли в раскисшей грязи. Пахан припадал на больную ногу. Прошлой осенью менты страшно избили его, когда настигли в лесу во время последнего побега. Били зверски, хотели убить наверняка, тешились от души, в лагерь приволокли трупом. Но все же пахан выжил, только нога с тех пор стала сохнуть, да изредка вмес-

сте с харчком выплевывал кровь. Весна, как всегда, бередила Колькину неуемную душу. Заметив, как у него блуждает взор, глаза то наливаются ненавистью, то ошелело блестят, устремленные вдаль, пахан вдруг, толкнув локтем, прошептал: "Воля!". Колька очумело уставился на него: откуда тот знает, что творится в его душе, что именно воля не дает покоя. Кажется, пошел бы на любой побег, был бы хоть один шанс из тысячи остаться живым, лишь бы очутиться на воле.

"Приходи после отбоя сразу в сушилку, потолковать надо", - еле слышно прошептал пахан и тут же отвернулся, словно и не он говорил. Все вспомнилось сейчас в мельчайших подробностях, словно было вчера, хотя прокатилось уже столько годочеков. И он, не обращая внимания ни на Кровососа, ни на то, что ступни ног посинели и уже не чувствуют холода, ни на остальных надзирателей, - те будут тоже тянуть время, пока фельдфебель натасывает молодых солдат, как молодых овчарок, вырабатывая лютую злость при виде эзка, - сделав отрешенное лицо, уставившись в небо, вновь стал вспоминать.

Он еле дождался отбоя, верилось и не верилось, что такой воровской авторитет позвал на толковище. Немного погодя пошел как будто в сортир, оттуда, крадучись, пробрался в сушилку. Истопник-мордоворот, тоже причислявший себя к воровскому миру, хотел турнуть. Но упоминание о пахане сразу же остудило в нем воинственный пыл. Он заюлил, предлагая удобное место. Тут же вскоре появился пахан. Дав команду мордовороту постоять на стреме, сразу же приступил к делу. Вперившись своими жгучими глазами, в которых был одновременно лед и пламень, и посверлив так Кольку несколько секунд, показал на чурбан, сам сел рядом. Мучительно медленно тянулось время, пахан как будто забыл про него, уставившись в одну точку, думал о чем-то своем, решал какую-то сложную задачу. Но вот он, очнувшись, снова уставился своими зверскими глазами, и вновь потянулась пауза. Колька старался выдержать взгляд.

- Родненский! - произнес пахан таким голосом, что у Кольки забегали мурашки по шкере. - То, что я тебе сейчас скажу, если ты кому-нибудь языкок ляпнешь, или хотя бы во сне пробормочешь, или вздумашь фантить, то помни, я тебя везде достану! Не приведи тогда господь со мной встретиться! Шкуру на ленточки распущу! - он снова сделал паузу и отвел взгляд. Опять прошло несколько томительных секунд. И вдруг пахан заговорил

каким-то проникновенным голосом, которого от него нельзя было и ожидать.

- Для себя я готовил побег. Да, видать, не судьба, отказывается нога повиноваться, а на одной далеко не ускажешь. Присматриваюсь я к тебе давно, вроде ты парень надежный. Но чтобы стать настоящим вором - авторитет надо зарабатывать. А в нашем воровском мире его просто так не заработкаешь. Послужи воровскому делу - тогда только вес иметь будешь. Понял? - Колька кивнул головой в знак согласия.

- Уже два раза "кум" душу выворачивал. По закоулкам шарился, - после некоторой паузы пахан вновь стал говорить. - Последний раз вдвоем копались в старом деле, уж сильно подельниками интересовались. Второй мент - видно, что из МУРа, хватка волкодава, но в то же время вокруг да около юлил. Прикинулся я простачком, даже кое в чем раскололся, что им уже известно, но и они своими вопросами кое-что подсказали. Сдается мне, что кто-то ссучился или в малину стукач затесался, уж больно хорошо некоторые подробности знают, - пахан, наклонив голову, даванул косяка. Потом, выпрямившись, вновь уставился, как бы желая проникнуть в самую душу. Колька старался держаться, хотя от такого взгляда внутри пробегал холодок и подкатывался комочек к самому горлу. Всей зоне было известно, что с ним шутки плохи, обиды не прощает, даже воры в законе его боялись. И немудрено. Еще и года не прошло с того случая, когда Серый, тоже вор в законе и с большим авторитетом, захотел возвыситься. Пахан встал, уставился на него своими глазицами, не говоря ни слова. Серый не выдержал, затараторил, как последний фраер, выхватил "пику", стал сближаться. Пахан молчал, только жег глазами, и вдруг - выброс ноги, удар в скулу. Серого на ногах как не бывало. А тут уж нашлось кому бить. Били по-зверски, так в санчасти и отдал Богу душу. Пахан авторитет имел громадный.

- Будешь на воле, - произнес он таким голосом, как будто уже все решено. Колька даже растерялся, захотелось даже задать вопрос, но понимал, что он будет тут неуместен. Постарался взять себя в руки, показать себя человеком бывалым.

- Вот тебе адресок, - все тем же спокойным голосом продолжал пахан и назвал улицу и дом в пригороде Москвы. - Не теряйся, знай себе цену, помни, от кого идешь. Потребуй, чтобы тебя сразу же пропустили к хозяину, кликуху тебе пока знать не обязательно. Корешок мой осторожный, битый, пытать тебя будет. Чер-

нуху не бросай, сразу расколят, а там одна дорога в рай. Говори, что знаешь. А чтобы ты оттуда живым вышел, чтобы сомнений у него не было, от меня скажешь ему два слова: Керчь и Одесса. Об этом мы только два кореша и знаем, он сразу поймет, что от меня, а не подсадная утка ментов. Тогда с глазу на глаз и скажешь, что у него кто-то в малине ссучился или менты стукача среди его ребят всунули. МУР по горячему следу ходит, накрыть могут. Старое дело разгребают, под вышку подвести хотят. Иди молчком готовься, остальное я беру на себя. Но помни! - пахан вновь уставился своими огненными глазами, даже не верилось, что через одно мгновение его облик так переменился. Выдержав небольшую паузу, пахан продолжил: "Одно слово ляпнешь - в сортире дерьмом захлебнешься! Иди!" - Колька торопливо покинул сущилку.

Взглянув на Кровососа, Резаный удивился, что прошло всего несколько секунд, тот все еще возился с правым ботинком, а в его голове пронесся целый отрезок жизни. И не обращая внимания на то, что ноги окоченели и их нестерпимо ломит, взглянул на Кровососа, и на его лице заиграла ехидная улыбка. Он даже фыркнул, чтобы обратить на себя внимание, он был твердо уверен, что Кровосос поймет, о чем он сейчас думает. Уловка удалась. Кровосос взглянул зверем, заскрипел зубами. А Колька, вновь вскинув голову, прищурясь, с улыбкой на лице, стал прокручивать в своей памяти, как совершил свой первый побег.

Все случилось так, как толковал пахан. Действительно, прошло всего несколько недель, и нарядчик определил его в бригаду строителей, где бугром был пахан. Ремонтировали школу, где учились дети ментов и вольняшек. Были уже летние каникулы, требовалось заменить прогнившие полы в классах, да кое-где подновить штукатурку, уж больно снизу подпирала сырость. Бригадир-пахан знал толк в строительстве, но многим казалось, что он лебезит перед хозяином. Бегал, матерился, грозил, что нерасторопным харю набьет, на ногу уже не так припадал, казалось, что она его уже почти не беспокоит. Появился как-то после обеда сам хозяин - начальник лагеря, а был он в родительском комитете, по неволе имел интерес к школе, как барин, прошелся по классам. С умным видом прикинул объем сделанных работ, остался доволен и качеством, похвалил даже за усердие. На его похвалу, как и положено благовоспитанному зэку, пахан рявкнул: "Рады стараться, гражданин начальник!" - чем очень угодил хозяину.

Как-то раз, только пришли на объект, еще не приступили к работе, а пахан обрушился с матами, упрекая за нерадивость и леность. В наказание послал одного сдирать пол в кабинете директора. Ничего не понимая, Колька отправился в указанное место, с яростью принялся крашить пол. Вскоре появился пахан. Остановившись напротив, молчком уставился своими огненными глазами, прожигающими насквозь. Колька старался выдержать взгляд, предчувствуя, что снова будет серьезный разговор, для этого пахан и разыграл комедию с матами и отделил его от остальных. Он не ошибся. Через некоторое время глаза пахана потухли, и он тихим голосом, как будто разговор шел о чем-то обыденном, сообщил, что в километре от лагеря по заброшенной старой дороге у большого камня зарыта гражданская одежда. После небольшой паузы достал из кармана письмо и тетрадный лист, сложенный вчетверо, подавая, сказал: "Прочти и запомни хорошенько, с собой возьмешь, а сейчас спрячь под пол в надежное место. А теперь слушай внимательно..." - стал объяснять, как совершать побег. Колька был весь внимание.

План побега был до гениальности прост, но сам бы Колька никогда до этого не додумался. Эта старая деревянная начальная школа имела одну особенность. С двух сторон с торцов имела глухие стены. На чердак можно было попасть только снаружи, со стороны глухой стены, но лестницы не было, а изнутри проникнуть было невозможно. На объект водил зэков Кровосос, только что устроившийся после армии охранником. Он был за старшего, сразу уже был хорошим псом, начальство ему доверяло. Приведя зэков к школе, его напарник занимал пост метрах в десяти от торца противоположной стены, сам же Кровосос устраивался на таком же расстоянии со стороны входа в школьную ограду, калитка которой сразу же выходила на дорогу. Охрана следила за окнами школы, не беспокоясь за чердак, за глухие торцевые стены.

Настал долгожданный день, с самого утра пахан дал понять, что сегодня Колька рванет когти. Кольку внутри колотила нервная дрожь, но он старался взять себя в руки, с виду был совершенно спокоен. Письмо, оставленное паханом, он уже выучил назубок. Оно было вроде от Колькиной матери. Впрочем, ее то было всего несколько строк, где она корявым почерком, трясущейся рукой сделала приписку, что ждет не дождется сыночка. А в основном письмо написано вроде племянницей, где сообщалось, что мать больна, лежит при смерти, ждет не дождется, чтобы приехал из

своей экспедиции проститься. Жалость лилась широкой рекой, редкий человек не посочувствовал бы такому горю. Тетрадный лист оказался справкой. Правда, это была порядочная липа, но вместе с письмом имела какой-то вес, в ней говорилось, что такой-то гражданин, работающий в экспедиции, срочно выехал по телеграмме по семейным делам.

Колька кое-как дождался обеда, нервная дрожь так и не проходила, внутри горел огонь. Сразу же вернувшись из зоны после обеда, пахан сделал перестановку, назначил старшим Губошлепа над Седым, до обеда было наоборот. Все заняли свои места, приступили к работе. По знаку пахана Колька зашел в один из классов, там было уже все приготовлено. Быстро соорудили рычаг. Поставили чурку, положили на нее длинный брус. Колька приподнял за конец, пахан на второй установил отрезок широкой доски, упирающейся в потолок. Вдвоем поднажали. Две потолочные доски, скрипнув гвоздями, подались вверх. Посыпались опилки, образовалось довольно порядочное отверстие, повинувшись взгляду пахана, Колька по второй доске через образовавшееся отверстие проник на чердак: Он сразу же смел опилки с балки, шепнув вниз, что готово. Доски опустились, внизу послышался легкий стук, Колька понял, что упала вертикальная стойка. Назад путь был отрезан. Для большей надежности он несколько раз бесшумно подпрыгнул на концы досок, чтобы те заняли свои места. Колька огляделся, его поразил замысел пахана, видать, он был на чердаке, как раз в этом углу на этих досках стоял большой деревянный короб, до самого верха заваленный разным школьным хламом. Колька осторожно подошел к дверце чердака, затаился, стал ждать. Он знал, что как раз под ней куча песка для штукатурки, кроме всего полтюка пакли для заделки пазов, рядом небольшая емкость с креозотом. Он затаился, почти не дыша, с нетерпением ожидал дальнейших событий, восхищаясь умом и ловкостью пахана, все время наблюдая за охранником в щель между досок. Все получилось так, как было задумано. Седой не выдержал, чтобы им командовал Губошлеп, это было выше его сил. Вскоре в конце школы раздался рев, маты, послышалась возня, без всякого сомнения, это была драка. Охранник, сорвавшись с места, бросился на шум.

Колька слетел с чердака, словно птица. Приземлился на кучу песка мягко, бесшумно, быстро сполоснул подошвы ботинок в креозоте и сразу же в несколько прыжков оказался за оградой.

Как только вышел на дорогу, спокойной походкой пошел вниз. Отойдя метров двадцать, Колька, наклонив голову, даванул косяка. Конвой возвращался на свое место, внимательно оглядывая окна. "Есть все же Бог на свете!" - подумал Колька и стал усердно просить его, чтобы помог ему в этом деле.

Только потом, через несколько лет, когда его побег стал легендой, узнал, что его хватились только тогда, когда стали делать съем. Охрана, как положено, дала несколько выстрелов в воздух, извещая о побеге. Прибежали надзиратели, жившие поблизости, тут же появился и сам кум. Вскоре прибежал собаковод с собакой. Пес след не взял, обойдя школу, лег, отказываясь работать. Кум-оперуполномоченный принял за дело сам, стал обнюхивать все углы. Заставил прибежавших солдат и надзирателей обследовать каждую доску потолка, не поддается ли вверх какая, не была ли сорвана. Но все доски были на месте, прилегали плотно, не имели слабины, от усилия руки не подавались вверх. Залезли на чердак, но и там ничего подозрительного обнаружить не удалось. Бригаду увели с объекта поздно вечером и сразу же несколько надзирателей принялись за Седого с Губошлепом. Но сколько ни страшали, ни пересчитывали ребра, так ничего вразумительного выбить не смогли. Одно твердили, что было, то было: дрались, а о побеге даже не помышляли, понятия даже не имеют о нем. Пахан начисто отрицал свою причастность к побегу и на допросе, пожимая плечами, исподволь намекнул, не замешан ли в этом деле какой-нибудь землячок, с воли или еще откуда-нибудь. Кум поднял личные дела. Оба, бежавший и охранник, как назло, оказались чуть ли не с одной деревни. Не на шутку принял кум за старшего охраны. Бедняжка Кровосос тогда, наверное не раз навалил в штаны, когда грозило корячить срок, а после суда попасть в общий лагерь. Это была верная смерть, он из лагеря уже не вышел бы.

Все это промелькнуло в Колькиной голове за короткий отрезок времени, мысли неслись, словно бешеные. Он взглянул на Кровососа. Тот держал за носок ботинок, готовый ударить им. Глаза его полыхали огнем, скулы сводило от злости. "А, сука, понял, о чем я вспоминаю!" - подумал Колька, и вновь, вскинув голову, прищурив глаза, словно от яркого солнца на пляже, вернулся в мыслях к побегу.

- Пошел в строй! - рявкнул Кровосос и бросил ботинок на снег. Колька, взяв портняки и ботинки в руки, не спеша направился в свою пятерку. Ноги почти не чувствовали холода. Он надел бо-

тинки, стал усиленно шевелить пальцами ног, стараясь быстрее согреться. Но мысли не отпускали. Прошло столько лет, а он и сейчас помнил все до мельчайших подробностей. Шел по поселку с замиранием сердца, мысленно прося судьбу и Бога о том, чтобы повезло, не встретился бы кто-нибудь из ментов. Миновал лагерь, возвышавшийся на пригорке. К неописуемой радости, повезло, никто не встретился из охраны. Отойдя от лагеря, свернул на старую дорогу, тут уж рванул, что было сил, понимая, что каждая минута может иметь большое значение, все будет зависеть от того, когда его хватят. Запыхавшись, добежал до камня. Не давая себе отдыха, разгреб мох. И вправду под ним оказался пакет с гражданской одеждой. Был полный комплект, начиная от фуражки и кончая новыми цивильными лаковыми ботинками. Восхищение паханом не проходило. Заменяя одежду, он понимал, что тут не обошлось без "вольняшки", значит, и вправду у него большие связи, недаром ходит молва среди лагерных воров, что он и на воле держит многих в своих руках. Вскоре, переодевшись, он вышел на основную дорогу, и тут же, вынырнув из-за поворота, стала приближаться грузовая машина, Колька в душе молился Богу, чтобы пронесло, не оказалась бы машина лагерной. Расстояние сокращалось. Он, свернув на обочину, сделав равнодушное лицо, оглянулся. "Слава Богу!" - мысленно произнес Колька, радуясь, что машина оказалась не лагерной и в кабине сидел только один шофер. Он уже смело выбросил руку, помахал начальствующим жестом, приказывая остановиться, что очень действует на шоферов. Это подействовало. Машина, скрипнув тормозами, остановилась. Забравшись в кабину, Колька небрежно бросил: "Тормознешь у милиции, - потом как бы смягчая свой начальствующий жест, снисходя до разговора с шофером, пояснил, - хотел пешочком пройтись, разогнать усталость, да времечко поджимает!" - и тяжело вздохнув, закрыв глаза, откинулся на спинку сиденья. Он радовался своей уловке, что его вовремя осенило, шофер не будет лезть с вопросами и обязательно довезет до милиции, если даже у него другой маршрут. А от нее-то от проклятой и адресок искать надо. Вскоре он и на самом деле, наверное, от нервного напряжения задремал.

Получилось все, как по заказу, словно сам Господь вел по этому опасному пути. Машина остановилась у самых ворот милиции. Кивнув головой в знак благодарности, как подобает большому начальству, Колька, хлопнув дверцей кабинки, смело направил-

ся в калитку. Миновав ее, резко свернул, затаился за забором. Посышался шум мотора, машина тронулась с места. Подождав немного, Колька вышел на улицу через ту же калитку. Быстро сориентировавшись, пошел в нужном направлении. Тут уж не требовалось большого труда, через два дома в третьем была хаза. Там, пристроившись около одной "халавы", жил недавно освободившийся вор, правда, небольшая сошка по лагерным понятиям.

День выдался словно из одних везений, тот оказался дома, а времененная сожительница была на работе, торговала в буфете. Колька, как говорится, сразу же взял быка за рога, как только переступил порог, огляделвшись, что никого нет, сделав соответствующие глаза, передал привет от пахана. Добавил несколько слов от себя, намеками дал понять, что он личный представитель пахана, и его приказы должны выполняться беспрекословно. Для большей убедительности Колька намекнул, что тот, от кого он пришел, шуток не любит, многие испытали на своей шкуре. Слегка побледневший хозяин хазы сразу засуетился. Быстро накрыл на стол, достал бутылку водки. Для успокоения нервишек Колька опрокинул парочку стопок, налег на закуску. Хозяин хотел подсесть к столу, но Колька, сделав снова пахановские глаза, полупросия-полуприказывая распорядился, чтобы он обеспечил его утюгом, а сам быстрее отправлялся искать тачку, на которой можно было бы добраться до большого города, пока менты не перекрыли дороги. Он намекнул, чтобы тот не торговался, дал любую цену, какую запросят. Во внутреннем кармане костюма, когда переоделся у камня, Колька обнаружил не сказать что большие деньги, но приличную сумму, которой хватит с лихвой добраться до белокаменной столицы.

Везло, как никогда. Пока Колька подкрепился как следует, погладил брюки и рубашку, почистил ботинки, появился хозяин хазы с известием, что внизу стоит тачка-грузовик. Блестя глазами, гордясь своей сообразительностью, стал объяснять, что он навесил лапшу на уши хозяину тачки, что мы, мол, с тобой кореша, гуlevанили двое суток, а теперь ты торопишься в город на работу, и что ему ни в жизнь не догадаться, откуда ты. Колька взглядом прервал его словесный поток, давая понять, что время решает все, что он как можно быстрее должен покинуть городишко.

Все было спокойно, на дорогах не было еще постов, из этого Колька заключил, что его еще не хватились. Чтобы не вызвать у шоффера подозрений, сослался на то, что после грандиозной попой-

ки болит голова, и, откинувшись на сиденье, закрыл глаза, давая понять, что ему не до разговоров. Часа через два с лишком были уже в большом городе. Расплатившись с шофером, вылез около вокзала. Он тут же в киоске, около железнодорожного вокзала купил модную сумку. В другом купил трико, пару носков, сменную рубашку. Сложив все это в сумку, направился к следующему киоску, где продавались часы. Подойдя, небрежно заявил молоденькой продавщице, доставая из кармана часы с одним циферблатом, которыми наградил его пахан, что вот, мол, окаянные, встали, хотя всего несколько месяцев назад взял. В ремонт, мол, надо бы отдать, да как пройдешь мимо такой красавицы, не купив ничего. Комplимент девчонке понравился, она даже, пошарив под прилавком, достала коробочку, в которой оказались часы новейшей марки. Колька от всей души, со всей любезностью, на которую был способен, отблагодарил, тут же сбежал в другой киоск, купил шоколадку. Снова пустился в разговоры, давая понять, что он обязательно вернется, чтобы познакомиться с ней поближе. Этот разговор девчонке очень нравился, она, наверное, была готова слушать его вечно, но помешал появившийся клиент.

Он прошелся по вокзалу. Очереди у касс были громадные, только и был разговор, что не хватит билетов. Он наметанным глазом сразу определил, что шастающий по вокзалу железнодорожник может достать билет. Отозвав его в сторонку, быстро договорился, кинув прилично на лапу. Прошло несколько минут, и билет до Москвы был в кармане. Колька сразу же покинул вокзал, дождавшись, когда до отправления поезда осталось пять минут, вышел на посадочную площадку. Подбежал к вагону, сделав вид, что чуть-чуть не опоздал на поезд, отдуваясь предъявил проводнице билет. Та, сердобольная, пожалела: "Счастье твое, парень, чуть было без тебя не укатили!". Колька, подыгрывая, ответил: "Да, мамаша, если бы укатили, то горько плакать бы пришлось, или уж до самой белокаменной по шпалам!" - и подмигнул как старой знакомой. Но долго рассусоливать не стал, опасно было на виду трекать, не задерживаясь, зашел в вагон.

В голове уже был выработан план поведения. Найдя свое купе, войдя, сразу же поздоровался невеселым голосом, на лице были грусть и печаль. На это сразу же обратили внимание сидевшие в купе две старушки и женщина средних лет. Первый их был вопрос: "Что же ты, молодой человек, такой печальный?". Колька сел на лавку, опустив голову, тяжело вздохнул. Потом поднял за-

туманенный взор, - в то же время, чтобы не переиграть, думал о своей матери, - пояснил, что у него большое горе, и тут же вытащил из кармана письмо, подал старушке. Та, пошарив в сумке, достала очки, водрузив их на нос, принялась читать вслух. Остальные, подавшись, стали слушать. Колька, закрыв глаза, нет-нет да приоткрывал веки, наблюдал, какое впечатление производит на присутствующих письмо. Фокус удался, он видел, как на глазах лица менялись, становились все грустнее и грустнее, одна из старушек уже зашмыгала носом, да и остальные его страшно жалели. Вскоре письмо вернулось к нему, старушки, тяжело вздыхая, стали утешать, хотя понимали, что трудно словами выразить такое горе. Немного погодя одна из старушек задала вопрос, тяжело ли работать в экспедиции. Колька уже был готов к такому вопросу, он снял кепку, погладил себя по коротким волосам, пустился в объяснения, мол, как не тяжело, вот, мол, даже водосы приходится коротко стричь, месяцами в тайге, а там ни ванн, ни душевых нет, обраштесь, могут насекомые завестись. После своего небольшого объяснения он уже был твердо уверен, что его короткие волосы не вызовут подозрение. Но дальнейший разговор был прерван, появилась проводница собирать билеты.

Был уже вечер, за окном вагона темнело. Не дожидаясь, когда проводница соберет билеты, Колька двинулся ко второй за постельным бельем. Объяснив, что у него в купе две старушки и чувствуют они себя как-то неважно, попросил четыре комплекта белья. С бельем вернулся в купе и тут же объявил, что у него хоть и нижняя полка, но он займет верхнюю, так как любит на ней спать. Тут же попросил извинения, что очень устал, выбираясь из тайги, порядком отмахал пехом, а потом, как говорится, на перекладных, снял с верхней полки матрасы, постелил себе, тут же улегся, хотелось как можно быстрее слизнуть с видного места.

Вскоре старушки принялись ужинать, наперебой приглашая Кольку за стол. Но он отказался, сославшись на страшную усталость, только попросил, чтобы утром, когда будут развозить по вагонам из ресторана еду, то пусть возьмут ему полный комплект. Пожелав всем спокойной ночи, он надел трико, поставил свою сумку в головах так, чтобы было видно, что пассажир солидный, с вещами, а не какой-то прощелыга. Накрылся с головой простынью, закрыл глаза, хотел мысленно проанализировать, не сделал ли где ошибки, но переживания и усталость взяли свое, он словно куда-то провалился.

Рано утром, когда старушки зашевелились и потихоньку заговорили между собой, Колька слез со своей полки, шепотом пожелав им доброго утра, двинулся в туалет, понимая, что это самое подходящее время, чтобы не обратить на себя внимание, спрятать малую и большую нужду. Проход был пуст, все еще спали, туалет был свободный, не стояла очередь, как всегда. Вернувшись, он снова залез на свою полку, притворился спящим. Он слышал, как бабки жалели его. Вздыхая, говорили друг другу: "Вот мать-то обрадуется! Повидает перед смертью сыночка!". Кольке было до слез жаль себя, неотступно терзала мысль: "Мама! Мама родненькая, когда же я увижу тебя!" - страшно хотелось забыть про опасность, через сутки выйти на станции, от которой лежал путь в его деревню, и пешком, не дожидаясь транспорта, не теряя ни одной минуты, идти и идти туда, где ждет его родная душа. Но умом понимал, что пути были заказаны. Сердцем рвался туда, сколько уже прошло лет, как не видел мать. Учеба, срок и вот теперь побег, пути-дороженьки в родную сторону отрезаны. В первую очередь в родном доме появятся менты.

Люди в вагоне уже засуетились, многие подались в туалет, выстраиваясь в очередь. Послышался крик: "Кому завтрак! Кому завтрак!". Через некоторое время разносчица остановилась около дверей купе, заглядывая вовнутрь. Колька притворился спящим. "Сынок! Сынок!" - раздался тихий голос. Но Колька сделал вид, что не слышит. "Сколько стоит ваш полный завтрак?" - раздался голос второй старушки. Разносчица, нахваливая свой товар, назвала цену. Послышался шум посуды, выставляемой на стол. "Спасибо, старушки!" - мысленно поблагодарил Колька, желая им долгих лет жизни. Он прекрасно знал, что эти смазливые молоденькие разносчицы, шныряя по вагонам, зыркают глазами, потом докладывают ментам о подозрительных личностях. Попадать ей на глаза не хотелось, как говорится, береженого Бог бережет. Через полчаса он сделал вид, что проснулся. Одевшись, слез со своей полки и, позевывая, стал удивляться, сколько же долго он спал. Старушки наперебой стали уверять, что это от усталости и от переживаний, что все со временем пройдет, главное, дай бог застать мать в живых. Посыпались примеры из жизни. Кивая головой в знак согласия, благодаря глазами сердобольных старух, Колька сел завтракать. Делая вид, что не знает, сколько стоит еда, поинтересовался ценой завтрака и кто за него заплатил. Агаповна, так звали одну из старух, махнула рукой, давая понять, что стоит ли

об этом говорить. Колька сделал недовольное и в то же время удивленное лицо, пожимая плечами, обратился к ней: "Ну что же вы, Агаповна! Я же с экспедиции! Грешно побираться!" - и тут же достал из кармана приличную пачку денег и, глядя укоризненно на нее, привел пословицу, что чем чаще счет, тем дольше дружба. Та, застеснявшись, назвала цену. Колька отсчитал сумму, положил на стол, добавляя несколько крупных кредиток со словами: "Возьмите, положите себе, если буду спать, то закажите обед и ужин. А это вам, милые старушечки, на лимонад!" - и с небольшим шиком бросил несколько мелких кредиток, как бы подтверждая, что он парень из экспедиции, а значит, в кармане бешеная деньга. Держал он себя с достоинством, но в глазах была искренняя просьба. Агаповна не посмела отказать, даже обрадовалась и приосанилась, понимая, что взваливает на свои плечи заботу о ближнем человеке. Она взяла в руки деньги и, показывая окружающим каждую бумажку, не спеша пересчитала. И, как бы гордясь своим подопечным, собрав мелкие купюры, поручила молодой сходить за лимонадом. Колька в душе ликовал, беспрерывно в уме повторяя, что есть Бог на белом свете. В нем уже жила надежда, что благополучно доберется до Москвы, не попадет на глаза разносчице, да и другим, кому не следовало бы попадать.

Только зачерпнул он несколько ложек борща, как по вагону разнесся голос: "Кому газеты! Кому книги и журналы!" - прервав завтрак, Колька перехватил у своего купе лоточницу. Почти не выбирая, купил книгу потолще, два журнала и несколько газет, понимая, что при нужде ими можно прикрыть лицо. Вернувшись на место, принял с аппетитом управление с завтраком, подтрунивая над собой, что ресторанная пища, пожалуй, вкуснее, чем в экспедиции в тайге. Старушки с ним охотно соглашались, но все же стояли на своем, что уха, готовленная на костре, пахнет дымком и вкуса необыкновенного. В желудке нашлось место первому, второму и третьему, повеселевший Колька вновь залез на свою полку, принял читать газеты, но все время был начеку. Он прекрасно понимал, что менты обязательно делают шмон по вагонам, что-что, а о его побеге они уже предупреждены, если не фотокарточка, то словесный портрет им известен. Читая газету, он старался всегда прикрыть ею лицо. Чтобы было меньше подозрений, что он долго мурыжит газету, заменил ее книгой. Вскоре послышался взволнованный шепот старух, они делились впечатлениями между собой, что уж больно что-то милиция шастает туда-

сюда. Посыпались догадки и предположения, сошлись на том, что ловят целую банду преступников. Колька притворился спящим, даже издал легкий храп, прикрыв лицо раскрытой книгой. На спине шкура мелко тряслась, внутри все покрылось инеем, он прекрасно понимал, что настала роковая минута, все зависит от случая, пронесет - не пронесет. Сомнения не было, менты делают шмон в вагоне. Его конская справка от них не спасет и письмом им лапшу на уши не повесишь, может спасти только какое-то чудо. Он шкурой почувствовал по наступившей тишине, что менты уже в дверях купе. Он ясно представил, как оба шарят по лицам, оглядывают все купе, сейчас раздастся команда предъявить документы. Но вдруг раздался голос Агаповны: "Что ты, милый, тут ищешь? Не видишь, старухи, да внук спит!" - выпалила она то ли от неожиданности, то ли уже считала Кольку своим. Послышалось какое-то ворчание, и тут же шаги стали удаляться. Колька мысленно представил, как по два мента с двух сторон вагона обшаривают купе за купе, от их взора и мышь не ускользнет. На него напала неописуемая радость, хотелось петь, соскочить с полки, отблагодарить Агаповну такими словами, каких и на свете нет. Не ведала старуха сама, что сделала, какую оказала услугу. Сердце учащенно забилось, холодок внутри исчез, появилась надежда, что такой шмон менты уже в этом вагоне делать не будут. Надо только больше валяться на полке, читать книгу да делать вид, что спишь, не попасть на глаза дежурному менту, который сопровождает поезд, а уж Агаповна едой обеспечит. Сутки летели за сутками, Колька делал вид, что страшно переживает, застанет ли мать в живых, хотя аппетитом не маялся, очищал миски до дна, благо, пахан снабдил хорошо деньгами. Он где-то подсознательно понимал, что когда-то придется их отрабатывать. Но сейчас это мало его беспокоило, не такая уж и крупная сумма, бывало, при хорошем фарте, если попадал жирный фазан, - так эти деньги покажутся мелочью.

Столица встретила, как обычно, шумом и гамом. Было серое раннее утро, с неба моросил мелкий дождь. Хотелось прошвырнуться по белокаменной, посидеть где-нибудь в тихом ресторанчике, побаловаться вволю пивком, почувствовать свободу. Но Колька понимал, что с такой липой это опасно, это не деревня, у столичных ментов глаз наметан, сразу заметят. Да и надо было срочно передать наказ пахана. Перекусив на скорую руку в при вокзальном буфете, с наслаждением вытянув кружку пивка, сразу

же перешел на платформу пригородных поездов. Стараясь не привлекать к себе внимания, купил билет и через несколько минут покатил на электричке в пригород. Москву Колька знал неплохо, бывал в ней несколько раз, даже пригород, куда он ехал, как-то раз удостоил своим присутствием. Через пару часов уже постучал в дверь домика, стоящего на отшибе. Дверь открылась, но в сенях сразу встретили два мордоворота и сразу же начали качать права, кто такой и откуда. Но Колька считал себя уже деловым, как никак срок и побег за плечами. Как подобает в таких случаях, с легким пренебрежением заявил: "Привез привет из далекой Сибири, - подмигнув, добавил, - рванул когти от хозяина! Он сейчас, бедный, плачет, слезами уливаются, тоскует в разлуке, что нет меня с ним!" - но мордовороты шутку не приняли, еще суровее и внимательнее стали рассматривать его. Один оказался уже у него за спиной, отрезая путь к выходу. "Деловые ребята! Не задумываясь, пустят в ход финачи! Может, уже сами догадались, что у них в малине стукач! Как бы меня не приняли за ментовскую подсадную утку! Надо другой разговор вести, а то, не разобравшись, сразу башку под крыло завернут или перышком несколько дырок сделают, - и он принял серьезный вид, и, давая понять, что дальнейшие разговоры бессмысленны, заявил: - Давайте-ка, мальчики, меня быстрее к боссу, привет ему надо передать от кореша".

- От кого? - сверля глазами, мордоворот приблизился вплотную.

- Это уж я вашему боссу на ухо скажу, - и, видя нерешительность, добавил: - Ну раз попал по адресу, то, значит, знал куда иду. Давай-ка побыстрее, а то дорога дальняя, привет горячий... - Колька сделал паузу, прищурившись, поглядывая на мордоворота, стараясь не обращать внимания на второго, который уже дышал в затылок. Первый, больше не проронив ни слова, вошел в дом. Вскоре он вернулся, знаком показывая, чтобы Колька последовал за ним. Переступив порог, Колька огляделся, он оказался как бы в небольшой прихожей. Прямо через дверь перегородки виднелась кухонька. По обеим сторонам печи-голландки на полках виднелась посуда. Все было как в простом деревенском доме. Вправо и влево вели двери. Они были закрыты, но с правой стороны через перегородку доносился шум, похоже было, что там веселилась пьяная компания. Но его проводник свернул в левую сторону. Оставив дверь открытой, вошел в комнату. Колька, не дожидаясь приглашения, последовал за ним. Сделав шага два от порога, остановился, рассматривая кореша пахана по кличке Удав. "Как в

детективе! - подумалось Кольке. - Босс и охрана! Как в кино!" - он почувствовал, как два мордоворота замерли у него за спиной.

Колька хотел уже бросить чернуху, показать, на что способен, но вовремя вспомнил слова пахана: "Корешок мой осторожный! Промахов не прощает, сразу удавку набросит!". "Да, прав пахан! - промелькнуло в голове у Кольки. - С виду не так велик, а мордовороты вышколены, словно псы на хозяина смотрят, даст команду, сразу задавят". Он решил не рисковать, не играть в темную, а сразу выложить козырную карту на стол, передать пароль пахана. Стارаясь не показать охватившего его волнения, направился к столу, но тут же две крепкие лапы опустились на плечи, скжав словно клещами.

- Пусть уберут лапы! С глазу на глаз перемолвиться надо! Иначе разговора не будет! Не за этим я из Сибири сюда пер! - довольно твердым голосом произнес Колька, смело глядя в отливающие краснотой глаза Удава. Тот махнул головой сверху вниз. Плечи освободились. Приблизившись к столу, Колька шепотом, чтобы только тому было слышно, произнес заветные слова: Керчь и Одесса.

У Удава вспыхнули глаза, загорелись, словно электрические лампочки. Он уперся взглядом в Кольку, готовый тут же набросить удавку. Но немного погодя взгляд потух так же быстро, как вспыхнул, он махнул рукой на дверь. Потом, так же молчком, показал Кольке на стул, стоящий рядом со столом. Мордовороты удалились, закрыв дверь за собой. Колька сел на стул.

- Ну, толкуй, откуда и за чем пожаловал? - произнес с угрозой Удав, не спуская своих, в красных прожилках, глаз. Колька завозился на стуле, делая паузу, раздумывая, с чего начать, чтобы не болтнуть какую-нибудь глупость, о которой потом будешь страшно жалеть. Но тут впорхнула в комнату молодая бабенка, сразу было видно, что порядком под мухой, раскрасневшаяся, кокетливо поводя плечами, играя глазками, она произнесла: "У тебя гость, миленький, а я и не знала!" - голос ее играл, она явно старалась произвести впечатление. Шурша дорогим цветастым платьем, распространяя вокруг себя запах дорогих духов, направилась к дивану, стоящему у стены. Дамочка уже намеревалась сесть, как раздался суровый, не терпящий ни малейшего возражения, приказ: "Позови быстро Афоньку!" - красавицу словно ветром сдуло, остался только запах дорогих духов. Удав снова молчком уставил глазами на Кольку: то приоткрывая их, то оставляя одни

щелки. "Суровенький корешок у пахана! Этот глупостей не прощает! Да и красивой бабенкой его не купишь! Не только мордовороты, а и эта краля вышколена, словно рабыня, выполняет приказ по первому знаку!" - анализировал Колька обстановку, прокручивая все в голове, старался определить, как будут раскручиваться дальнейшие события, а сейчас он старался выдержать этот удавий взгляд, не дать повода к подозрению. Как божий день было ясно, что если в чем-то заподозрит Удав, то будет бесполезно оправдываться перед мордоворотами. Колька почувствовал, что кто-то неслышно вошел в комнату, он не оглянулся, только слышал, как скрипнула дверь. И кто-то стал приближаться тихой, немного шаркающей походкой.

"Ну-с, с прибытием, молодой человек!" - вдруг раздался за его спиной воркующий голосок. Он оглянулся, перед ним стоял старик. Жиденькая бороденка украшала нижнюю часть лица. Глаза маленькие, глубоко посаженные, словно мышиныё, сверлили, стараясь проникнуть вовнутрь. На нем была косоворотка, доходившая почти до колен. Вытканный пояс, украшенный замысловатым орнаментом, перетягивал довольно приличный живот. Старик, постояв несколько секунд молчком, двинулся к дивану, прихрамывая, по-смешному потягивая правую ногу. "Встреть такого на улице, примешь за божьего человека! Еще и милостыню подашь!" - подумал Колька, провожая старика глазами. Но тот неожиданно не сел на диван, а взял стул, стоящий рядом, подошел к Удаву и примостился с боку. Наступила зловещая тишина.

- Вот, дед Афоня, молодец привез нам привет из далекой Сибири от кореша, - обратился Удав, кивком головы показывая на Кольку.

- По-чистому, аль как? - глядя маленькими, мышиными глазками, заворковал старик, словно встретился с желанным гостем.

- Когти рванул! А до конца срока еще тянуть да тянуть! - ответил Колька, не понимая до конца, в какую сторону гнет старик, одно только было ему ясно, что тот прикидывается наивным.

- Сам сморганил побег, аль кто научил? - последовал новый вопрос.

Колька стал рассказывать. Старик все время перебивал, задавая, казалось бы, наивные вопросы. В одном месте, как бы спохватившись, вдруг спросил, как здравствует Сапун. Колька удивился, но сделал вид, что не заметил подвоха, не придал этому значения, тоже наивным голосом ответил, что Сапун есть Сапун, все

шмыгает носом да пузыри зеленые пускает. Но он строже стал следить за своими ответами, удивляясь, как ловко старик поддел его, словно следователь, хотел поймать на том, знает ли он Сапуна. Он понял уловку старика, ведь если он подсадка, то ни слухом ни духом не знал бы, что именно в этом лагере сидит вор по кличке Сапун, мало известный в воровском мире.

Чтобы не попасть впросак, - вопросы пошли уж больно мудреные, - Колька решил, что пора кончать с этим допросом, и, не обращая внимания больше на старика, стал рассказывать, что ему велел передать пахан. Стараясь не показать своих эмоций, вроде как это не его дело, поведал, что пахан подозревает, что у них в малине кто-то ссучился или менты подсунули стукача. И как бы от себя, между прочим, добавил, что уж больно кум из МУРа в своих вопросах бродит рядом, давая этим понять, что он на короткой ноге с паханом.

Лицо Удава стало наливаться кровью. Старик скороговоркой проговорил, показывая кивком головы на Кольку:

- Про этого не сумлевайся! Он правду бает! А того я унюхал давно! Давно на него глаз положил! Поэтому сюда ему и хода нет!

- Кто?! - Удав испепелял старика глазами.

- Это тот, воркутинский, что к Глухарю пристал. Это он сучка! Чуяло мое сердце! Вот и скажи, что Афонька дурак. Опять я прав оказался. Не я ли посоветовал тебе лечь на дно, а ребятишкам пыл поубавить. Не даром, значит, Афонька артельный хлеб ест! - он хотел еще что-то сказать, но его перебил Удав.

- Я его с-у-к-у! На части... раздelaю! Шкуру на ленточки резать заставлю! Собственный язык гад проглотит!

- Погодь! Погодь! Охолонь! В горячке он может между пальцев уйти. Менты ведь тоже не дремлют! Поди, пасут своего!

- Да мне хоть...

- Охолонь! Недоказанно задавиши - в воровском мире слух пойдет: своих невинных губишь! Дай-ка я тебе своим худым умишком совет дам. Я для него уже кое-что подготовил. Пойдет на дело один, к одной дамочке в ридикюль заглянет. Помнишь, я тебе ее показывал? Эта сучка в МУРе служит. Вот заметут аль нет менты, когда он туда заглянет. Хмырь проследит, он мастак на это дело. Вот и посмотрим, если заметут, то своего отпустят, а он про это ни гу-гу, - старик захихикал, издавая звуки, похожие на блеянье козла.

- А вдруг... - Удав заводил глазами, о чем-то думая.

- Ничего! Пусть в лагере авторитет зарабатывает, не беда, что лес немного пострижет! За битого двух небитых дают! - и, вдруг спохватившись, стрельнув в Колькину сторону глазами, спросил:

- А энтот туточки останется, аль куда-нибудь пристроим? - Удав уставился на Кольку, как бы спрашивая совета, что с ним делать.

- Пахан наказывал, чтобы смотался в Одессу, - Колька старался говорить как можно спокойнее. - Кое-что передать на слоях, там у него еще родня осталась, - врал напропалую он, слышал мельком, что пахан из Одессы, этим сейчас и хотел воспользоваться. - Да вот ксиву надо, моя липа ненадежна, - а сам подумал: "Надо отсюда быстрее когти рвать! Чужой я для них. Или для проверки ментам стравят или для большей надежности без шума задавят".

Старик взглянул на Удава, и опять послышалось козлиное блеянье. Удостоверившись, что Удав послушает его совета, продолжил:

- Пусть идет, - и, уставившись на Кольку своими мышиными глазами, заворковал: - Сюда тебе хода нет! Забудь, дружочек, адресочек! Даже если менты ребра ломать будут, язык проглоти, но не проговорись! Казалось, что глаза у него светятся красным огнем, сделав паузу, все так же сверля глазами, продолжил: - Завтра на Курском в обед повертишься, я кое-чем тебя снабжу, и поезжай себе с богом в свою Одессу. Уважить надо того, кто тебя сюда послал. Большой человек.....

Колька мыслями перенесся в Одессу, но тут раздалась команда входить в зону. Ворота заскрипели, распахиваясь, а Колька подумал: "Смотри-ка! За время шмона чуть не полжизни в голове пронеслось". Но он постарался отогнать эти мысли, уж больно тягостно было все вспоминать. Не задерживаясь, пошел в барак. До ужина еще оставалось порядочно времени, да и аппетит куда-то пропал, не хотелось идти в столовую хлебать баланду. Спину стало ломить сильней, самый крестец словно грызли собаки. Колька знал, откуда все это взялось. Три дня назад надорвался, да и стоянка на снегу свое слово сказала, вот сейчас все это вместе давало о себе знать. Он прилег на свое место, на нары перед самым окном. Вытянувшись, раскинув ноги, боль вроде стала проходить. Он задумался, невольно вспоминая, как заработал эту болячку. Числился он в бригаде погрузки, но как вор в законе с

большим авторитетом имел некоторые поблажки. Бригадир, битый мужик, хорошо знающий лагерные порядки, держал бригаду в узде, но на вольности Резаного не обращал ни малейшего внимания: сидит ли тот у костра или пошел в другую бригаду сыграть в картишки, его это будто не касалось. Но в этот день после обеда перешли на другой штабель. Кольке он сразу же не понравился. Осмотрев опытным глазом, понял, что это ловушка, штабель был окопан только с одной стороны и снег выброшен всего на ширину балана. Он понял причину этого, технорук приболел, а бригада откопщиков воспользовалась моментом и выполнила всего процентов на пятьдесят объем работ. Поматерились мужики да приступили к работе.

С первой машиной справились легко, был почти один тонкомер, только изредка попадал баланчик сантиметров на пятьдесят в отрубе.

И вторую, и третью накатали быстро. А вот когда сняли слой тонкомера, под ним оказались баланчики, каждый около метра в вершине. Кедровые баланы были один к одному, как будто специально подобраны. Никуда не денешься, на вершину воза надо было закатить, не пойдет же машина полупустой. Для пущей безопасности заменили поката-слеги, прошли сверху по ним топором, немного отдохнули. Мужики в бригаде были молодые, но уже по году оттянули на погрузке, чесали затылки, понимая, что этот сутуночек почти метровой толщины ой как неохотно пойдет вверх на машину.

По своей доброте Колька решил помочь мужикам, понимая, что в таком деле еще одна пара рук будет не лишняя. Он взял в руки основной багор, давая понять, что идет коренным. Бугор с таким же багром встал с другой стороны балана. Оба точно воткнули багры в середину среза. Остальные, разделившись на две половины, воткнули свои багры в основные. Бугор дал команду: "Давай!". Все поднатужились. Балан пошел сначала медленно, нехотя, потом стал переворачиваться все быстрее. Вот уже до конца поката осталось несколько четвертей, мужики налегали на багры уже изо всех сил. И вдруг он остановился, уперся, наверное, в маленький незамеченный сучок. У Кольки пробежал холодок по спине, кто-кто, а он по своему опыту знал, что не дай бог кто-нибудь дрогнет, ослабит руки от страха, балан по такому крутику ринется с бешеною скоростью назад, сметая все на своем пути. Спасти не будет никакой возможности, с боков борта из

снега трехметровой высоты, а сзади штабель, все равно догонит. Давить будет, сволочь, всех подряд, только одних насмерть, других калеками сделает. Колька понял: настала роковая секунда, еще немного, и мужики не выдержат, и так уже глаза вылезают из орбит, кровавая пелена застит свет. И, чуть не теряя сознание, по-звериному прорычал: "Дава-а-й!!!". Балан, словно испугавшись этого звериного рыка, качнувшись, медленно перевернувшись, плюхнулся в машину. Колька оглядел мужиков. У всех руки и ноги тряслись, глаза повылезли из орбит, видать, каждый мысленно побывал на том свете. Все вдруг враз заговорили, доказывая друг другу, что если бы не этот рык, то им бы крышка, всем кранты. Колька повозился на нарах, стараясь отогнать эти мысли, но было приятно, что не только у воров, а и у простых мужиков он в большом почете. Тут же вспомнился шепот, который раздавался, когда заводили бригаду в зону. Салажня, молодые воры восторженно шептали, что Резаный вор настоящий, в трудном деле не подведет, не расколется, не заложит. Колька неожиданно подумал: "А многие ли из молодых воров пошли бы со мной, Резаным, на трудное и опасное дело?" - и, поразмыслив немного, пришел к выводу, что, наверное, каждый. Спине полегчало, наступил покой. Он снова закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать.

Солнце клонилось к закату, повиснув над лагерным забором, заглянуло в окно. Его лучи упали на пол, потом немного осветили нары, ласково коснулись Колькиного лица. Ему стало приятно, словно кто-то родной гладил по лицу, желая счастья и покоя. И вдруг у Резаного что-то надломилось внутри, словно соскочило с предохранителя. Все время был начеку, держал себя в ежовых рукавицах, все время помнил, что зона слабаков не любит, сразу сомнет, а тут вдруг все перевернулось, словно слюнтяй какой-то, готов простить даже врага, иисусик да и только. С ним бывало это и раньше, но не так. Он не любил такие дни, боялся такого состояния, когда душа, вырвавшись из-под контроля, начинала жить самостоятельно, размякнув, словно девка на выданье, начинала кататься в грехах. Он физически ощущал, как жалость, поднимаясь откуда-то изнутри, начинала разливаться по всему телу, заполняя каждую клеточку. Он всегда старался с этим бороться. Иногда ему удавалось справиться с таким настроением быстро, а иногда требовался более длительный срок, а вот весной была всегда мука. И на этот раз он чувствовал, что душа выходит из-под контроля и он уже ничего не может с ней сделать. Тут же на память пришел

сон, который видел на днях. Он и до этого несколько раз видел во сне мать, но как-то не так, словно в тумане, через серую дымку, проснувшись, силился вспомнить, но в голове оставались только смутные воспоминания. Но этот последний сон запомнился четко, словно видел наяву. Хотя он не помнил дословно, о чем говорила мать, но помнил, что она жаловалась на свою разнесчастную жизнь, что выпала ей горькая доля, не было ни одного светлого денечка. Он помнил, как она, плача, прочитала, жалуясь на свою судьбу, что только вышла замуж - и тут же война, не налюбилась, не наликовалась, как она, проклятая, разлучила, потеряла мужа на фронте. Одна надежда осталась на сыночка Колечку, которому отдала себя до последней кровинушки, из-за него и замуж вновь не вышла, чтобы не привести в дом чужого человека. Все лелеяла мечту, что вырастет, выучится, женится, будут дети, а она пристроится около них, будет нянчить и ласкать внуков, вновь отдавая всю свою нежность и ласку. Мать с немым укором смотрела на него, что-то требуя. Он ясно видел ее глаза, читал в них упрек, понимая ее обиду и горесть, что бросил под старость одну, и она, бедная, потеряв свой рассудок от любви к нему, мыкалась, мыкалась и так умерла под чужим забором.

Он не находил слов, как назвать себя. Не было таких даже в воровском жаргоне, чтобы выразить все презрение к себе. "Паскуда козлиная! Каин! Иуда Искриотский!" - прошептал Колька. Он искал еще в голове слово пообиднее, было невыносимо стыдно, словно душа вывернулась наизнанку, совесть терзала, что родную мать хоронили чужие люди, а он, родной сыночек, ни разу не побывал на могилке матери, хотя уже прошло столько лет.

"Родная, простишь ли ты меня когда-нибудь хоть на том свете?!" - шептали Колькины губы. Он обращался к ней, как к живой, словно она стояла тут рядом. Не было сил терпеть, на глаза навернулись слезы. И чтобы не взыть от безысходной тоски, не заскрипеть зубами, он резко повернулся на правый бок, схватился за подушку зубами. И тут слезы хлынули рекой, хотелось взыть волком, заскрипеть зубами так, чтобы от них посыпались крошки, и проклинать, проклиналь свою воровскую, беспутную жизнь, удариться головой о стенку, но были посторонние, в дальнем углу барака мужики играли в домино. Резаный усилием воли старался взять себя в руки, коря и упрекая, что раскис, словно фраер, который только что склонялся срок и, лежа первый раз на лагерных нарах, проклинает свою судьбу. Он укорял себя в слабости, пони-

мая, что раскисать так нельзя, лагерь не приемлет слабых, выживает только сильный, здесь человек человеку волк.

Прошло немного времени, слезы высохли, Колька почти успокоился. Хотел перевернуться на левый бок, взглянуть в окно, но что-то его остановило. Он не умом, а сердцем почувствовал, что это что-то и есть воля. Она начинается сразу же за лагерным забором в бездонном синем небе. Там, в небесах, в вышине можно только спрятаться от ментов, здесь, на грешной земле, они все время его ищут. Невыносимо трудно было смотреть в это весеннее, словно вымытое небо, куда стремилась улететь душа, зовя с собой бренное тело, чтобы найти там покой. У неё словно вырастали крылья, она готова была вспорхнуть и полететь, забираясь все выше и выше, без сожаления покидая эту грешную землю, погрязшую в крови и преступлениях. Резаный, стиснув зубы, повернулся на спину.

Лучи солнца вновь заиграли на его лице. Он закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать, выбросить все из головы. Это ему удалось сделать, наступило облегчение. Он тяжело вздохнул, еще плотнее сжал веки, стараясь держать себя в таком состоянии, как бы отключить мозг. Он даже не заметил, как погрузился в сон. И вновь, словно наяву, увидел мать, словно стоит она тут, рядом. Выглядела она молодо, точно такой, когда простился с ней последний раз. Ее лицо озаряла ангельская улыбка. Она не браница, не пеняла, что под старость лет бросил больную, немощную мыкаться под чужим забором. А наоборот, ласкала своим взглядом, навевая покой, словно охватывала всего, но не руками, а всей своей плотью, как морская волна в жаркий летний день, от чего становится так приятно. Вот она коснулась ладонью головы, нежно двигая от лба к затылку. Губы ее шептали. Слов нельзя было разобрать, но смысл их был ясен, они предназначались не для ушей, а для сердца, было в них что-то сокровенное, проникающее в самую душу. Будто ей, и только ей, измученной душе, были предназначены эти слова. И с каждым прикосновением матери с души отваливалась заскорузлая скорлупа, которой она обросла, чтобы защитить себя в этом жестоком, кровавом, воровском мире. Колька еще никогда не испытывал такого блаженства, хотелось плакать и смеяться. Но плакать не простыми слезами, а теми особенными, когда плачет от радости душа. Схватить мать в объятия, поднять на руках и целовать, целовать, но что-то удерживало его это сделать. Где-то подспудно была боязнь, что его, великого грешника,

небольшое движение, и он спугнет этот волшебный миг, мать удалятся и этот блаженный миг уже никогда не повторится. Он замер, не дыша.

Но вот, скользнув последний раз по лицу лучами, солнце, продолжая извечный путь, переместившись, ушло за косяк. Резаный открыл глаза. Он еще находился в райском блаженстве, но и в то же время стал ощущать атмосферу барака. Он всеми силами старался сохранить в себе радость, в которой только что пребывал, но как ни старался, чувствовал, как она помимо его воли неотвратимо тает. Неожиданно его привлек посторонний шум за окном. Он перевернулся на левый бок и сразу же впился глазами в небеса. Небо сияло, словно было вымыто ангелами для встречи весны. Он шарил по нему глазами, не зная и сам, что хотелось бы отыскать. Но шум продолжался, он явно был земным. Колька опустил взгляд, повел глазами по ненавистному забору, потом остановился на березке, росшей перед запреткой. На ней, перескакивая с ветки на ветку, весело чирикали два воробья. Это был танец любви. Вот один заскочил на другого, распушив перья, замер. И вот, исполнив долг перед потомством, взъерошив перья, вдруг спорхнул и полетел. Вслед за ним бросился другой, все о чем-то весело чирикая.

Кольку сбросило с нар. Неведомая сила страстно тянула на волю. Он почти потерял рассудок, появилось ощущение, что за спиной выросли крылья и стоит только разнести окно вдребезги, оказаться на той стороне, как поднимется в воздух. А там через запретку, через забор и вот она, долгожданная воля. Он уже занес кулак для удара, чтобы вынести всю раму, но неожиданно замер, словно кто-то посторонний произнес: "Остановись, безумец! Чуда не будет! Будет только радость земляку Кровососу!" - он ясно представил, с какой ехидной улыбкой поведет тот его в БУР. Рука опустилась, Резаный, развернувшись, пошел к выходу, втайне надеясь раздобыть у кого-нибудь хоть паршивую флакушку одеколона, чтобы хоть как-то заглушить свои бредовые мысли.

Резаный прошвырнулся по зоне. Но везде было пусто, ни за какие деньги даже паршивую флакушку одеколона не нашел. Чтобы как-то заглушить сердечную боль, заглянул во второй барак, где всегда в закутке играли в карты. Сел играть, но мысли не отпускали, сидели, словно гвоздь в голове. Все время стояли перед глазами картины из раннего деревенского детства. Ни проигрыш, ни выигрыш не будоражили кровь, была какая-то апатия. Он,

как последний фраер, оставшись в игре вдвоем, имея на руках козырную даму и туз, сумел проиграть. Со всех сторон послышались смешки, колкие замечания, но все это было ему безразлично. Хотя Резаный понимал и чувствовал, что скоро взорвется, тогда уж не попадай под горячую руку, будет одно желание - дать кому-то в рожу, отвести душу. И, чтобы не взорваться, не натворить бед, сославшись на настроение, он покинул компанию картежников. Так до самого отбоя, как говорится, прослонялся из угла в угол.

Прошла вечерняя поверка, прозвучала команда "отбой!", Резаный вернулся в барак. Настроение было отвратительнейшее. Сна как не бывало. Но, чтобы не сцепиться со старшим надзирателем, - Кровосос вскоре обязательно пойдет с проверкой, - он не спеша разделся и лег. Под ложечкой сосало, нахлынуло какое-то предчувствие беды, словно неумолимый рок приближается. Он натянул одеяло до подбородка, закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. Но откуда-то изнутри, словно из потаенного места, вырывалась волна воспоминаний. Он тут же почувствовал, как эта волна докатилась до сердца, резанув по нему, пошла к голове, обдавая жаром. Он еще не осознавал, что принесут эти воспоминания, но, как дикий зверь, инстинктом чувствовал опасность. Он еще всеми силами пытался преградить ей путь. Но эта волна, заполненная воспоминаниями, все двигалась и двигалась в голове. И вот уже, как в тумане, стал вырисовываться образ матери. Она все приближалась и приближалась, уже стали явственно различимы черты лица, особенно глаза, источающие боль и страдание.

Резаный вздрогнул, внезапно нахлынул испуг, душа, трепеща, замерла, предчувствуя страдания. Он не мог понять, что же с ним творится, такого еще не было. Но вот он смутно стал осознавать причину тревоги, за материнскими глазами вырисовывались еще одни. Эти карие, миндалевидные, необыкновенной красоты глаза, столь желанные для сердца, но столь и страшные в воспоминаниях, перед которыми нельзя соврать, покривить душой. Резаный резко открыл глаза, потряс головой, стараясь избавиться от нааждения. Нутром, словно зверь, чувствовал, что если расслабится и на него нахлынут воспоминания, то душа может не выдержать, а там уж хоть накладывай на себя руки. Умереть не страшно, страшно принять позор, обесчестить свое имя и принести безмерную радость Кровососу, что тот взял верх в поединке. И чтобы как-то взбодрить себя, отогнать эти страшные мысли, беззвучно

запел.

- Таганка, все ночи полные огня! Таганка, зачем сгубила ты меня! Таганка, я твой бессменный арестант, пропала юность и талант! - он продолжал шептать беззвучно губами, а в голове помимо его воли возникали эпизоды жизни из раннего детства. Колька ухватился за это, как утопающий хватается за соломинку. Он старался выстроить в хронологическом порядке возникающие картины в голове, втайне надеясь, что это отвлечет от тяжких дум, а воспоминание о раннем детстве разгонит гнетущую тревогу, так беспокоящую душу.

Он провел сверху вниз по лицу рукой, задержав ее на подбородке. И сразу же вспомнился отец. Черты лица он не помнил, осталось одно воспоминание о запахе, так сильно врезавшемся в память. Встала ясная картина, как он бросился к отцу, когда тот вошел в калитку. Подхваченный на руки, прижался к нему. И сейчас Колька, казалось, ощущал этот необыкновенный запах. Пахло от отца потом и еще чем-то необъяснимым, словно самой землей или половой, которой он был осыпан с головы до ног. К сердцу подкатилась горячая волна, он снова ощутил признаки того блаженства, которое испытывал на руках отца. Он страшно желал продлить это ощущение, но волна схлынула, и уже смутные, размытые картины стали меняться одна за одной. Начало войны как-то смутно запечателось в памяти, помнил только рев баб, пьяные песни мужиков, отрывочные мелодии гармошки, суeta людей. Да и сама война, эти военные годы не такой уж сильный остались отпечаток в памяти. Одинаковые холодные и голодные зимы, учеба в неотапливаемой школе, вечный голод в желудке, осенью копка колхозной картошки, сбиранье колосков, летом прополка, покос. Но точно помнил, что все жили какой-то надеждой, вот, мол, кончится война, настанут счастливые времена, кончатся беды.

А вот День Победы ярко встал в памяти. Праздник отмечали около конторы. Были расставлены столы. На них уже лежала нехитрая снедь, но главное варилось в котлах, по такому случаю был заколот бычок, запах вариившегося мяса щекотал ноздри, тревожил желудок. Кое-какая посудинка стояла на столе, а остальные принадлежности для пиршества: кружки, ложки и чашки уважаемые гости держали в руках, не зная, кому, куда последует команда садиться. Ждали начальство, бабенки, орудующие у котлов, уже послали гонцов с докладом, что варево готово. Колькины сверстники, - которым еще бы играть да играть в ребячьи игры,

но на которых уже лежала почти основная работа в колхозе: па-хиали, сеяли, косили и метали стога, - толпились отдельной кучкой. Изображая из себя бывалых мужиков, для солидности дымили самокрутками, сплевывая через зубы, травили незамысловатые анекдоты, незаметно, но зорко поглядывая, какое впечатление производят на девчата. Все старались держать себя чинно, словно говорившись, не упоминали о предстоящей выпивке, в основном велся разговор о погоде, о будущем урожае, незлобно спорили о месте, где лучше посеять рожь или пшеницу.

Только Андрюшка Голиков все старался перевести разговор на пиво. Он уже сумел подлизаться к тетке Дарье, и та дала ему отведать, поднесла для пробы два стаканчика, хорошо ли удалась брага. И теперь ему не терпелось хвастнуть, не столько от хмеля, сколько от куражка, что тетка Дарья отличила его ото всех, признала в нем знатока в этом деле. Он даже чуть пошатывался, затягивался глубже, чем остальные, сплевывал дальше всех. Но его все время одергивали, не давали разойтись, зная его хвастливый характер. А пацанам хотелось показать себя солидными, настоящими мужиками, доказать всем, особенно девкам, что они займут по праву свои места за столом. Многие уже мысленно планировали, строили планы, как вести себя с девахой вечером после праздника.

Из конторы вышел хозяин Яким Тимуразович, председатель колхоза. Колька почувствовал, как к сердцу поступила злость, заполния все внутренности. Он даже закрыл глаза, потряс головой, стараясь выбросить из головы этот ненавистный образ. Но видение не исчезало. Он снова открыл глаза, старался думать о чем-то другом, но видел, словно наяву, эту ненавистную рожу, изъеденную оспой, скуластую, с чуть раскосыми глазами. На нем была рубаха военного покроя, на одной стороне орден Трудового Красного Знамени, на второй - медаль за трудовые заслуги. Его могучий торс с непомерно длинными руками восседал на коротких, до смешного кривых ногах, словно были под ним два коромысла. За глаза все звали его клещеногим, имея в виду хомут. Рядом с ним ковылял партторг на негнущейся ноге, верный пес председателя. Они вдвоем всегда рано утром начинали по селу обход, выгоняя людей на работу. И без них бабы вылезали из шкур, понимая, что идет война, мужьям тяжело на фронте и без крепкого тыла им не обойтись. Но этим нужно было показать свою власть, потешить самолюбие. Парторг еще куда ни шло, лаялся по матерному, но

рук не распускал, а вот председатель был чистый кобель. Проезжая по селу, заметив, что у кого-то топится печь, идет из трубы дым, припозднившаяся бабенка старается сварить что-нибудь на обед ребятишкам, колченогий тут же слетал с лошади, врывался в дом, и пошло и поехало. "Мать! Перематы! Сука, на фронте люди гибнут, тебя, тварь, защищают, а ты спиши до обеда! Не подохнут твои щенки, дождутся вечера!" - и тут же хватал ведро с водой, выплескивал в печь. Страшен был он в своем гневе не столько матами, поднятым кулаком, сколько тем, что страшал приписать саботаж. А это было для деревенской забитой бабенки страшнее всего. Сразу возникала картина, что ее посадят, все в его руках, на него жаловаться бесполезно, а дети, оставшись сиротами, отанные в детский дом, умрут там с голода. Здесь в колхозе несладко, а про эти сиротские дома ходят ужасные слухи.

Эта картина неотступно стояла перед глазами. Тут же вспомнился дед Савелий, его разговор о председателе. У Кольки было ощущение, словно он во сне видел еще один сон. Образ председателя четко вырисовывался перед глазами, вплоть до осин да лице, а вот образ деда Савелия был расплывшимся, словно растворился в тумане. Но то, о чем рассказывал дед, навсегда отложилось в памяти.

Дело было в том же году, когда праздновали Победу. Подошла сенокосная пора, настали горячие денечки. И так от весенних работ плечи не остывали, а тут снова надо было влезать в хомут. Колька оказался в бригаде среди тех, кого недолюбливал председатель, хотя на словах и возвеличивал за трудовой подвиг. Косили на отшибе, далеко от деревни, на старой Кречетовской заимке. Все молоденькие пацаны, только дед Савелий был послан с ними в такую даль. Давно было всем известно, что председатель точит на него зуб. Дедок был в годах, да и здоровьем не отличался. А тут еще и приболел, совсем ослаб бедолага, еле-еле махал литовкой, чем вызывал большое неудовольствие в бригаде. Да и немудрено, почитай, все молокососы, сами выбивались из сил, выкашивая положенную норму, а тут еще и немощного надо было обрабатывать. Слышался ропот, некоторые уже напрямую грозились, что не запишут трудодень. А это для старика было настоящее горе, председатель только и ждал, чтобы задолбить окончательно. Сразу же соберет актив. А актив под рукой, хромой парторг всегда рядом. Соберут для пущей важности с десяток своих людей, вот тебе и собрание колхозников. Объявят старика злостным

лодырем и по просьбе честных тружеников отчислят из колхоза. Паспорт не дадут, да и с ним куда подашься? В город - кто тебя там ждет, когда сами с голода мрут, здесь хоть картоха своя. А раз отчислят из колхоза, то сразу в единоличники произведут. А тут сразу ложись и помирай, такой налог припаяют, что и молодому не рассчитаться, а уж куда старику. Вот и старался дедок вытянуть минимум, чтобы не вызвать ненароком гнев председателя.

Жаль было Кольке дедка, вот и предложил себя к нему в напарники, выкосить в стороне неудобицу за четыре трудодня за два дня. Бригада с радостью согласилась, там не покос был, а одна мука. Косили вдвоем без посторонних глаз. Колька все старался дать дедку отдохнуть, сам махал литовкой за двоих без отдыха. За первый день выкосили намного больше половины. На второй день стало полегче, да и дедок, наверное, окреп, тоже старался внести свою лепту. Ближе к вечеру управились, сели отдохнуть, на стан идти не хотелось. Дед Савелий, завернув самокрутку, присев на колодину, задымил, Колька, пристроившись рядом, воспользовавшись дедовским кисетом, завернул в палец, тоже засмолил. И, сам того не ожидая, смеясь, спросил: "Сдается мне, дед Савелий, что наш всеми уважаемый председатель Яким Тимуразович дюже тебя уважает. Всех немощных стариков на работе около усадьбы держит, а тебе такое доверие оказывает, все норовит как можно дальше загнать - туда, где Макар телят не пас".

Старик вскинул взгляд на Кольку, уставился чуть помутневшими стариковскими глазами, долго рассматривал, словно изучая, стараясь понять, можно ли ему доверять. Видать, было невтерпёж, хотелось облегчить перед кем-нибудь душу. И, как бы удостоверившись в партнёре, вдруг зло заговорил: "Мстит мне, гад ползучий! Простить не может, что я всю его подноготную знаю. Всю эту воровскую породу, отца и деда, все клещеногие вороги!" - и дед вдруг испуганно замолк, бегая глазами.

- Да ты говори! Говори! Рассказывай! Не побегу же я тебя выдавать, разве ты меня не знаешь? - пристал Колька, ожидая услышать что-то необыкновенное. Старик долго молчал, опустив голову, но по тому, как он часто затягивался, было видно, что в душе у него бушует пожар. Но вот он снова поднял голову, вновь внимательно уставился, мучительно решая: донесет или не донесет. Колька старался выдержать взгляд, в душе он уже дал клятву: что бы ни рассказал старик - сохранить это до самой гробовой доски в тайне.

- Отец-то колченогого гада богатеем был, - промолвил старик, как будто и не было этой гнетущей паузы. - Были у нас в деревне и другие богатые, но энти своим горбом богатство наживали. Пораньше вставали, попозже ложились, вот и достаток в дом шел. Деревня большая, но земельки всем хватало, знай работай, не ленись. А эти клещеногие на отшибе жили. Двор большой, при торговывали, лавочонку держали, но богатство-то с другой стороны приплывало. С конокрадами дело имели, у них ворованные лошади в деннике отстаивались. И в убийстве купца Калашникова замешаны. Только после революции все открылось. Якимка активистом стал, и чтобы завоевать авторитет перед новой властью, по пьянке рассказал, что и они революционерами были, коней у богачей воровали, да купцов на тот свет отправляли. Рожа-то у всех у них на одну колодку и характер-то как есть один.

А как власти-то стали поджимать, стали коммуны, общества образовывать, так ведь, гад, из дома ушел, от семьи отказался, хочу, мол, бедным быть, а уж потом построить цветущую жизнь. Это для вида, наверное, заранее было обговорено, это сучье племя водой не разольешь. Отец-то Якимки, Тимуразка проклятый, почуял, что дело к раскулачиванию идет, распродал потихоньку хозяйство и ночью исчез, ищи ветра в поле. А отродье осталось.

Якимка-то сильно свирепствовал во время раскулачивания, никому пощады не давал, голых ребятишек на снег выбрасывал. Все грозился, что и до отца-кулака доберется. Вот тут-то себе и жену клещеногий приобрел, - старик замолк, сделал несколько подряд затяжек, как бы стараясь освежить память. Бросил окурок, затоптал ногой и снова начал говорить.

- Жил в ту пору у нас в деревне Демьян. Не сказать чтобы богатый, но достаток имел. Семья большая, со стариками-то, почитай, душ двенадцать было. Семья работящая, дружно жили, уже четверо сыновей подросли, в поле помощниками были. По семье и скот держали, пахотной земли много было. Девки подросли, работящие, в покос-то целая бригада выходила. Хотя если по-человечески подходить, богатство на души разделить, то чуть ли не в бедняках оказались. Ни по каким статьям к раскулачиванию **не подходили**. Ан нет тебе, прилип Якимка к Демьяну, как клещ, вцепился, и давай мытарить. Мол, ты по всем статьям под раскулачивание подходишь, у властей на заметке, кричал на собрании супротив колхоза. И ставит условие. Я, мол, отведу от твоего дома беду, куда, мол, ты с такой оравой поедешь, когда еще мал мала

меньше. Допек все же Демьяна, вынудил мужика отдать за него дочь-красавицу Настю. А сам с семьей, получив справку за Настю, крадучись, бросив дом и хозяйство, куда-то на стройку сбежал, - старик снова замолк, стал сворачивать козью ножку.

Колька терпеливо ждал. Старик долго возился с огнивом, трут как-то все не загорался. Наконец, не выдержав, Колька, впившись в него глазами, спросил:

- Ну а дальше-то что? - дед Савелий молчал. Но вот он удачно ударил обломком рашпиля по камню, трут затлел. Помотав в воздухе, стал прикуривать. Затянувшись несколько раз подряд, нехотя ответил.

- Ну что! Вот Настя-то всю жизнь и мается. С лица сошла, бабья красота увяла, от людей хоронится, - старик снова замолк. Колька уже не ожидал, что может услышать еще что-нибудь, как дед Савелий ожился, видать, в душе была задета какая-то струнка, с посветлевшим лицом вдруг снова заговорил.

- Настя-то баба хорошая, но поживи с таким супостатом. После замужества вскоре понесла, не смотри, что клещеногий, а жеребец отменный, можно вместо "Рыжки" к кобылам пускать. Родила она Тимурку, вроде расцвела бабенка. Ведь баб не поймешь. Вот смотри, в гнездо пеночки кукушка яйцо отложит. Ведь видит, что не ее дитя, а к сердцу принимает, голубит, из сил выбивается, кормит. Так и Настя - от изверга понесла, а свое дите. Да, наверное, еще какую-то благодарность имела за родителей, потом-то, почитай, люди насколько беднее Демьяна голяшом в Нарым отправились. Властья-то Якимке не особо доверяли, но все же дали на прокорм должность счетовода в колхозе. Как ни говори, а хлебное место, если с кладовщиком шуры-муры иметь. И председатель не узнает, если рука руку моет, вор вора кроет. До войны никто его в президиум не садил, куда такую образину, пока до сцены на своих клешнях доплынет, смеху не оберешься. А вот война началась - его время настало. Старый-то председатель головастый мужик был, с районным начальством не мог ужиться, хотя тоже партийный был. Жиреть, конечно, в колхозе не давали, но все же хлебушек досытка ели. Повздорил с начальством, на фронт добровольцем ушел. Клещеного и назначили вместо него. Круто взялся гад, все на войну сваливал. Боялся сука, что в трудармию заберут, вот и лизал начальству зад. Все до зернышка из закромов выметал, на трудодни ничего не оставалось. Вот и ослаб совсем народ, колхоз на глазах хиреть стал, какая уж тут ра-

бота, когда от травы живот пухнет. А ему что! Втерся в доверие начальству, орден получил. Тут уж показал свой характер, озверел сволочь, озорничать стал. Да что тебе рассказывать, коль сам знаешь, скольких баб заставил под себя лечь, скольких девок испортил - Кольку резанула злость по сердцу. Видение вдруг исчезло, дед Савелий словно испарился, он вновь увидел праздник.

Председатель с парторгом подошли к столу, уселись на почетное место. Стали рассаживаться колхозники, строго соблюдая субординацию, бригадиры и прочая шушера ближе к начальству. Колька и все его сверстники уселись за последний стол, как бы оказывая дань уважения старшим, но в основном чтобы быть по дальше от начальства. К ним присоединился дядя Гриша, год назад вернувшийся с войны на одной ноге. Но вот все угомонились, раздавался только громкий шепот.

Попросив тишины, парторг сделал небольшой доклад, поздравил с праздником, воздав должное великому Вождю, самому умному, самому прозорливому из всех живущих на земле. После дал слово председателю. Председатель, провозгласив здравицу в честь великого Кормчего, коснувшись немного дел колхозных, перешел к своей персоне. Подробно стал расписывать, как не спал ночами, все делая для победы над врагом.

Дядя Гриша скрипнул зубами. Рядом сидевшие за столом обратили на это внимание. Многим стало ясно, как воспринял он слова председателя. Не раз уже плакала его жена Любка, стараясь скрыть синяки. Как только он вернулся домой, то сердобольные кумушки сразу же доложили, что его жена побывала под клещеногим, бабенка смазливая, куда было бедной деться. Стерег председатель, как паук, понравившуюся бабенку, обкладывал со всех сторон, аванс и тот не могла выписать, пока не переговорит с глазу на глаз.

На дядю Гришу зашушкали, не порть, мол, праздник, не время разбираться. Тот, не найдя поддержки, наклонил голову, только и произнес: "Погоди, сука, мужики вернутся!" - но на него вновь зашипели. Но на это никто не обратил особого внимания. Вскоре началось пиршество. Бражки и еды было вволю.

Праздник подходил уже к концу. Бабенки охрипли, перепев все песни, натопались вволю под гармошку. Мужики, в основном калеки и старики, залив в себя от души бражки, - редкий уже был способен передвигаться на своих ногах, а кое-кто уже валялся тут же на земле, - все еще пытались тянуть песню. Тут и случилось

непредвиденное, дядя Гриша, подковыляв на деревяшке к председательскому столу, раскачиваясь из стороны в сторону, произнес голосом, не предвещавшим ничего хорошего: "Спасибо тебе, председатель, за твои страдания и муки, за то, что ночами не спал! Своими заботами ты и Любку мою облагодетельствовал!" - и он низко наклонил голову в поклоне. Председатель встал, отодвинул стул, внимательно и злобно уставился на дядю Гришу. Тот поднял голову, глаза его сверкали злобой. Оба уставились друг на друга, стараясь глазами испепелить врага. Один фитильной, почти на две головы выше председателя, но с испитым лицом, одежонка болталаась, как на вешалке. Второй с сытой рожей, низкий, на кривых ногах, но широкий в плечах, налитый силой. Оба молчали, сверля друг друга глазами, вели бессловесный поединок. Первым не выдержал, сдал дядя Гриша. Взгляд его резко потух, он снова ссутулился, опустил глаза. Хоть и был пьяный, но, наверное, понял, что противник не по зубам, председатель торжествовал, на его омерзительной роже появилась презрительная усмешка, и чтобы окончательно уничтожить противника, нагло, язвительно произнес:

- Старались как могли! И ночи не спали! А если у тебя какая нуждишка будет по дому, по мужской части, то позови! Ночь не посплю, помогу! - и заржал, как жеребец стоялый.

- Сука! - взревел дядя Гриша и ринулся на председателя. Он все же успел разок ткнуть в ненавистную рожу, но тут же ответным ударом был сбит с ног, только деревяшка мелькнула в воздухе. Завизжали бабы; опрокидывая стулья, сгрудились, словно овцы. Колька бросился к дерущимся. Был он намного трезвеее остальных, хмель как-то не очень душа принимала, да мать все время твердила, что отец не уважал пьяниц. Лежа на земле, дядя Гриша пытался еще что-то сделать, но на нем сверху лежал председатель. "Что ты, Гришуня!" - уговаривал он. Но одной лапой сдавил горло, второй, согнутой в локте, бил в бок. В ногах лежал председательский сын Тимурка, словно собака, грыз зубами штанину, стараясь добраться до тела. И откуда он взялся - никто не заметил, видать, появился в самый разгар праздника. Колька в ярости, не помня себя, схватил Тимурку за волосы и за штанину и, словно куль с овсом, отбросил в сторону. И тут же завернул за спину председательскую руку, сжав запястье, что было сил. "Что ты делаешь, зверь! Что ты бьешь, гад, немощного!" - взревел он, готовый вцепиться зубами в шею председателя, если тот вздумает вырываться.

"Отпусти руку", - раздался почти спокойный голос председателя. Колька разжал пальцы. Председатель встал с земли. Колька смотрел на него зверем, готовый ринуться в драку, придало уверенности еще то, что за спиной председателя появились его сверстники, они были явно на его стороне. На лице председателя появилась славшая улыбка.

"Что ты, Колян! Да-разве я его бил! Уговаривал, Коленька, чтобы праздник не портил! Как на это еще поглядят..." - он сделал паузу, давая понять, что имел в виду районное начальство. И, делая вид, что этот незначительный инцидент исчерпан, обратился к бабам: "Ну-ка, бабы, возьмите да отведите домой, - и, как бы обращаясь ко всем присутствующим, добавил: - Проспится - человеком будет!".

Дядя Гриша лежал пластом, без движений, словно без памяти. Или чрезмерные эмоции выбили из памяти, или, как говорили старики потом, председательский локоть полал в становую жилу. Несколько бабенок, повинуясь приказу, подняли дядю Гришу с земли, подхватив под мышки, почти на руках понесли. Деревяшка волочилась по земле, чертя по пыли след, но многие уверяли, что ничего, мол, отлежится.

Образ Тимурки всколыхнул новые воспоминания. Колькины мысли переключились на него. Оба учились в одной школе, но Тимурка был на класс впереди. Тот всегда был в активе, страстно хотел походить на героя из книги "Тимур и его команда". Благо, имя подходило, да и отец был в деревне царь и Бог. С первого класса был старостой, с четвертого - в комитете, а потом комсоргом школы. Последнее время ходил он важно, изображая из себя большого начальника. И немудрено, сам директор школы относился к нему с уважением, здоровался чуть ли не за ручку, не хотелось портить отношения с отцом, к нему приходилось обращаться со всякой мелочью. А уж ученики - и говорить нечего, трепетали перед комсоргом. Тот мог, если внушения не действовали, с глазу на глаз и силу показать.

Резаный улыбнулся, предаваясь своим воспоминаниям. Они были вечными врагами, всегда и во всем соперничали. Колька учился отлично, но дисциплина хромала, за что и был частенько темой разговора на педсовете. Но это как-то промелькнуло стороной, другое всплыло в памяти. Как Тонька Кропотова, вечный редактор стенгазеты, после долгих и мучительных усилий обращалась к нему, чтобы нарисовал карикатуру на ленивого ученика.

После недолгих отнекиваний, так, для приличия, он принимался за дело, чтобы досадить Тимурке, хорошо зная, что тот уже несколько часов корпел над стенгазетой, пытаясь нарисовать рисунок, но ничего не выходило. У него же на удивление всегда получалось, в карикатуре были черты героя. Когда был особенно в ударе, то писал даже смешные стишкы под рисунком. Страшно нравилось, когда стенгазету вывешивали на всеобщее обозрение. Около нее собирались ученики, то и дело слышались возгласы: "Это Колькина работа!". Все смеялись над карикатурой, безошибочно называли героя, хотя подписи не было. Даже виновник, смеясь от смущения, не обижался на большое сходство. Только Тимурка ходил несколько дней чернее темной тучи. Зависть и злость не давали покоя, старался чем-то подцепить, задеть за живое. Колька платил той же монетой, только его ответные словесные удары были острее, никогда не давал спуска, только он и мог противостоять диктату комсорга. Доходило до схваток. Боролись по-настоящему, словно в старинных былинах богатыри, каждый защищал свою родную сторонушку. Тут же появлялись болельщики как с одной, так и с другой стороны. Колькины, самые голодные, самые отчаянные, кричали: "Картошка с хлебом схватилась! Картошка победит!". Болельщики противника обычно молчали про хлеб, другими словами старались показать свою преданность комсоргу. И как всегда, картошка оказывалась на верху. Но часто борьба переходила в самую настоящую потасовку, и тут Колька не уступал своему противнику, за что и приходилось стоять перед грозными очами директора. Отношение директора к случившемуся было неоднозначно, Колькина вина всегда перетягивала. Но он не обижался, понимая, что наседать на председательского сыночка ему не с руки, во многом школа зависела от колхоза. Но все же директор старался быть справедливым. Вспомнилось, как на вопрос директора, кто из них прав, а кто виноват и в какой степени, Тимурка долго и мучительно мямлил, словно мочалку жевал, но приспособленный к стене, наконец, краснея, выдавил: "Оба".

Резаный закрыл глаза, на душе полегчало, он вновь торжествовал победу над старым врагом, который несколько лет спустя сыграл роковую роль в его судьбе. Дремота подступала, уже тело почувствовало слабину, как вдруг опять стали приближаться материнские глаза. Он и до этого чувствовал их присутствие, но они находились вроде в каком-то густом тумане, чернелись маленькими точками. А тут вновь увидел их со всей ясностью, слов-

но были живые. В них было столько боли и страдания, молчаливый упрек и какое-то требование. А вот что требовала она, он никак не мог понять. Хотя где-то подспудно догадывался, что она требует заглянуть себе в душу.

Колька пробовал хитрить с собой, делал вид, что не понимает желания матери. Страшно было заглянуть туда, где она, душа, опоганенная им, истерзанная, окровавленная, притаилась в уголочке. Вдруг глаза матери стали удаляться, словно растаяли в тумане. Прошло несколько мгновений, Колька успел облегченно вздохнуть. Но вместо глаз появилось материнское лицо, молодое, задумчивое, точь-в-точь такое, когда расставались последний раз. Помимо его воли вспомнились слова, как она просила и умоляла, чтобы он учился хорошо. Когда выдавалась свободная минутка, рассказывала с великой теплотой, как мечтали вдвоем с отцом, что их сыночек Коленька выучится, станет грамотным. Хорошо помнил, как после окончания седьмого класса долго сидели вдвоем, наклонившись друг к другу, решали, что же делать дальше. Мать настаивала, чтобы продолжал учебу, умоляла, доказывая, что пусть хоть вытянет все жилы из себя, только бы учился. Но Колька понимал, что эта мечта несбыточная. Продолжать учебу можно только в районе, там десятилетка. Да разве вытянет мать одна: надо получше одежонку справить, да и с собой деньжонок дать, и потом высыпать надо. А где эти деньги возьмешь, коль на трудодень в колхозе по триста граммов дают, а уж о деньгах и заикаться не стоит. Где же на эти голые материнские трудодни жить на квартире и учиться. Вот и пришли к выводу, хоть было и страшно. Один выход, если хочешь вырваться из колхоза, - идти в ФЗО. Только через это ФЗО грезилось, там, где-то на горизонте, что после него будет работа на производстве. Будет работа - будут деньги. А как станет городским, он и мать вытащит из колхоза. Да как сказывают бывалые люди, есть там такие школы и техникумы, в которых учатся по ночам. Колька помнил, как мать, плача, умоляла, чтобы не связывался с худыми людьми, мол, какие страсти рассказывают про городскую жизнь. Колька никогда не видел ее в таких слезах, словно расставалась на век, видеть, чувствовало материнское сердечко, что видятся в последний раз.

Кольку резануло по сердцу. Не хотел вспоминать, но непроизвольно на ум пришло, как клялся и божился перед матерью, что не свяжется с хулиганами, будет только учиться, все перетерпит, все перенесет, но своего добьется. Вспомнилось, какими ласко-

выми словами называл мать, как щемило сердце перед разлукой, как жаль было расставаться с деревней, где все родное и близкое.

На следующий день мать пошла к председателю. Не было уже секретом, вся деревня говорила только о том, что пришла разнарядка отправить из колхоза несколько человек в ФЗО. Мать ходила долго, вернулась сама не своя, на себя не похожая. Колька впился глазами в мать. Та смущенно отводила взор, но он хорошо уже ее изучил, понял, что она где-то в укромном уголке долго пла-кала. Мелькнула затаенная мысль, что со справкой ничего не вышло, и он останется дома, хоть и плохо в колхозе, но все же с мате-рью. Он пытался ее успокоить, поделиться этой мыслью. Но мать, разжав ладонь, словно змею или раскаленные угли, выбросила справку на стол и тут же каким-то неестественным голосом, словно и не она, вымолвила: "Собирайся, Коленька, завтра поедешь. А я пойду к Дарье, баня у них топится", - и развернувшись, пошла, словно убавилась в росте, поводя беспрерывно лопатками, будто у нее все тело чесалось. Тогда Колька не придал большого значе-ния ни словам, ни поведению матери, думал, что она от разлуки в таком состоянии.

Резаный скрипнул зубами, сейчас он не сомневался, что пред-седатель сколько ни добивался, все же добился, заставил лечь мать под себя. Сердце сжалось в комок, невыносимо жаль было мать, он понимал, какие же ей пришлось вытерпеть муки и униже-ния, чтобы купить сыну свободу. Она от унижения ненавидела сама себя. Вот почему она бросила справку, словно змею, вот почему она заторопилась в баню, хотелось хоть не душу, то тело свое брен-ное, к которому прикасался паук клещеногий, отмыть. Резаный сжал зубы до боли, скулы сводило, желваки перекатывались по лицу. Он всем своим существом желал ощутить в своих руках врага. Он еще не знал, что бы он с ним сделал, но твердо знал одно, что смерть его была бы страшно мучительная. За все муки матери, за свои страдания рассчитался бы сполна, не задавил, а растерзал бы, размазал по полу. Он закрыл глаза, мысленно уверяя мать, что не пожалел бы своей жизни, чтобы отплатить за ее страдания. Но глаза матери приблизились почти вплотную, он ясно видел их через закрытые веки. В них кроме боли и страдания по-явилось еще одно выражение, словно спрашивала взглядом: "А как ты мне отплатил за ту боль и муки, когда рожала тебя, как ты мне отплатил за те страдания, когда растила тебя одна, за то уни-жение, когда добывала справку тебе, как же ты мог нарушить клят-

ву, которую дал перед отъездом. Где же была твоя совесть? Как мается отец, глядя с небес на своего сына-клятвоотступника".

У Кольки сердце разрывалось на части, он вдруг почувствовал, что и душа, измученная и окровавленная, встрепенувшись, тоже требует ответа. Не было сил терпеть эти адские муки. "Мама родная, простишь ли ты когда-нибудь меня! Не хотел я! Не вором на свет ты меня родила! А вот так получилось", - мысленно обратился он к ней.

И чтобы хоть как-то оправдаться, мысленно повел ее по прошеденной жизни, по тому пути, который прошел сам. Страшно желая, чтобы мать пусть не простила бы, но хоть чуть-чуть поняла, что не все зависело от него, так уж, наверное, было на роду написано. И чувствуя всем своим существом, что мать готова выслушать и понять, стал торопливо, боясь, как бы она не передумала, вспоминать эпизоды из своей беспутной жизни, до предела насыщенной горем и страданием. Он сразу же вспомнил, как встретился с Носом. Как-то раз заскочил на базарчик что-нибудь перекусить. Съев два пирожка с картошкой, торопился вернуться назад. Но тут же столкнулся с двумя пацанами, которые загородили дорогу, явно нарываясь на скандал. Колька не сдрейфил, остановившись, обвел их взглядом. Один - явная шпана, какие всегда шлындывают около базарчиков, вороваты, нагловаты, но в то же время трусливы. Второй, примерно его же роста, но поуже в плечах, сразу же бросался в глаза, на его роже красовался здоровенный нос. Колька не бросился бежать в обратную сторону, как ожидали те, а, как подобает настоящему пацану по кодексу чести, принял боевую стойку. Прищурив глаза, стал переводить взгляд с одного на другого, давая всем своим видом понять, что, мол, он парень тоже отпетый, бывал и не в таких переделках, если прижмет, то и с двумя схватится. Пошел поединок глазами, словесная перепалка. На оскорбления врагов Колька отвечал еще более заковыристыми словечками. Это подействовало на противника. У шпаны воинственный пыл упал, он уже поглядывал на Носа, как бы предлагая разойтись мирно. Было ясно, что он дрейфит, Колька переключил все внимание на второго. Но тот, положив руку в карман, выставив грудь, сделал шаг вперед. Но Колька и на этот раз не сдрейфил, сам засунул руку в карман, давая этим понять, что и у него там тоже может оказаться финач. Нос сделал еще шаг, приблизился почти вплотную, изображая глазами кровожадного зверя. Но это не подействовало на Кольку, он еще больше сделал при-

щур, показывая, что у него сейчас из глаз вылетят молнии.

Но неожиданно Нос весело произнес: "А ты ничего парень! Давай знакомиться. Моя кликуха Нос, а это Хмырь", - показал кивком головы на своего товарища и тут же протянул руку. После непродолжительного разговора о том о сем Колька уже понял, что Нос вор-карманник. Его кореш уверял, что Нос очень фартовый, в большом авторитете среди своих. Тут же последовало предложение встретиться в воскресенье на этом месте.

Утром в воскресенье Колька долго раздумывал, пойти или не пойти. Было страшновато, все же воры, вот так первый раз с глазу на глаз встретился с настоящими ворами, но было интересно познакомиться поближе. Казалось, просто поговорили и разошлись каждый в свою сторону. Да и было на то оправдание, хоть вгорячах, но, как говорится, дал слово - держи. И с замиранием сердца пошел в назначенное место. Те были уже там. Встретили по-дружески. Нос, как гостеприимный хозяин, угождал от души, съели по четыре пирожка с мясом, выпили по два стакана морса. В разговоре о том о сем Нос неожиданно попросил помочь, да и помочь-то требовалась ерундовая. Просто поедут в трамвае, а когда Хмырь даст знак, надо устроить потасовку, изобразить драку. Колька по-настоящему так и не понял, для чего все это нужно. Больно разговор был мудрен, многие слова были непонятны, хотя разговаривали на русском языке. Те толковали, что одежда у него с Хмырем разная, люди поверят в настоящую драку, откроют коробочки, а в это время Нос, прицепившись к фазану, лапотник уведет.

Сели в трамвай. Колька с Хмырем вошли в переднюю дверь, Нос почему-то в заднюю проскользнул. Колька и не ожидал, что все может так обернуться. Он уже и забыл, для чего его позвали, пытался с девчонкой заговорить. Вдруг Хмырь наступил на ногу. Подумалось, что тому тесно, он даже отодвинул свою ногу в сторону. Но тот вторично не наступил, а даванул пяткой, самым ребром каблука, и тут же завопил на весь вагон: "Ты мне, падла, все ноги оттоптал!" - сам чуть не в рожу кулаком сует. Это Кольку взбесило, ну ладно так-сяк, а то при девчонке падлой называет, схватил за грудки и пошла потасовка. Пассажиры оказались на его стороне, на первой же остановке помогли вытолкнуть Хмыря в дверь, ворча на прощанье, что развелась тут всякая шпана, едешь и трясишься. Немного погодя народ успокоился, одни выходили, другие входили. Колька вновь обратил свое внимание на девчонку, считая, что он победитель и она должна это оценить. И вправду,

та снизошла до разговора, было ясно, что она уже симпатизировала герою. Проехали уже остановки три, Колька успокоился, только чуть жалел, что связался с Хмырем, но в душе надеялся, что больше не увидятся, как вдруг раздался вопль: "Бумажник! Бумажник! Украли!" - вопил солидный гражданин. На нем было новое драповое пальто, пыжиковая шапка на голове, на носу очки сверкали позолотой. Вид у него был бледный и растерянный, он то шарился руками по карманам, то, разведя их в стороны, обращался взглядом к пассажирам, ища у них сочувствия. Но никто ничем помочь не мог. Колька стал обшаривать глазами вагон, но Носа не было. Только сейчас по-настоящему дошло до него, что значили слова фазан и лапотник. Стараясь быть незаметнее, он на первой же остановке покинул вагон и тут же перешел на другую сторону. Дождавшись первого трамвая, поехал в обратную сторону. И, словно черт подтолкнул, вышел на остановку, откуда начались приключения.

Только отошел немного, как столкнулся с Носом и Хмырем, словно те ждали. Оба сияли. Нос, взяв под ручку, повел в том же направлении. Вскоре завел в закуток между сараишками. Вытащил бумажник, потряс им, сия: "Хорош лапотник!" - тот на самом деле был пухлым. Когда он развернул его, то Колька даже удивился, сколько было напихано в нем денег. "Небось фазан-то голосил, когда понял, что его оципали?!" - на его роже была плотоядная улыбка, даже нос от удовольствия красным стал. На душе у Кольки было муторно, не хотелось ни расспрашивать, ни делить с ними радость, хотелось уйти, но понимал, что сразу нельзя, вдруг подумают, что пошел закладывать, а за это можно и финач получить в бок.

Заметив его кислое настроение, Нос скривил рожу, явно презирая.

- Тебе, этого фраера жалко? - Колька неопределенно пожал плечами. - Да ты знаешь какие он взятки берет?

- А ты его знаешь?- обрадованно спросил Колька.

- Дурак ты, Колян, кто на одну зарплату в таких перьях ходит! Ну оципали немного фазана, а он других оциплет, последнее сдерет, попадись ему только в руки! Знаю я таких!

На душе у Кольки стало как-то полегче. "А может, и прав Нос! Одет был мужик богато! Такие за станком не стоят, лопатой не вкалывают!" - подумал Колька, стараясь хоть как-то оправдать себя, но все же решил как можно быстрее смотраться. Он уже почти распрощался, осталось только пойти, но Нос, держа за рукав, неожиданно предложил обмыть удачу. Отказаться было

трудно, сразу сочтут за сопляка, пришлось согласиться, мол, чуть побуду и уйду.

Подошли к киоску, пропустили по стопочке, закусили горячим пирожком. Потом по второй. Хмель ударил в голову, пошел оживленный разговор. Кольке захотелось показать себя, что и он отпетый, ничего не боится и ему все напочем. Хмырь уже заплетающимся языком помянул Жорку-золотого зуба. Нос хвастливо заявил, что надо хорошенько отстегнуть ему, а он уж поделится с паханом. Как понял Колька, Жорка-золотой зуб - близкая родня Носа, а пахан то ли Жоркин отец, то ли самого Носа. Оба казались уже близкими друзьями. Он даже заявил, что не прочь познакомиться с Жоркой и с его отцом, и готов был сейчас же отправиться, чтобы сделать приятное другу.

- С каким отцом? - спросил Нос.
- Да с Жоркиным! - пояснил Колька.
- Да у него сроду его не бывало!

- Сам же сказал, что пахан! - хоть и был Колька под порядочным хмельком, но сразу заметил, что лица у друзей посуворели, вроде и хмель слетел, наступило неловкое молчание.

- Ладно! - через некоторое время промолвил Нос. - С Жоркой я тебя познакомлю. А насчет пахана... - он помотал пальцем перед носом, - никогда пасть не открывай! Советую как другу!

"Ну нельзя так нельзя! - подумал Колька, уже мало соображая головой. - Узнают, кто я - сами прибегут знакомиться!".

Вскоре стали прощаться, не заметили, как день подошел к концу. Нос вытащил бумажник, достал несколько крупных купюр и со словами "Это твоя доля" почти насилино засунул в карман. И не хотелось Кольке брать, но уж очень была нужда в них большая. Месяц назад приходили студенты из педучилища с концертом. Вроде как шефство взяли. Среди них девчушка была, которая сразу же бросилась в глаза. Да и как было не обратить на нее внимание: тоненькая, стройная, немного чернявенькая, с длинной косой. Особенно выделялись глаза, с особым разрезом, сами карие, с детской доверчивостью глядели на свет божий.

Случилось так, что даже пришлось разговаривать с ней. Перед концертом, как бы для общего знакомства, собрались в Ленинской комнате. И вдруг она обратила внимание на дружеские шаржи в стенгазете. Указали на автора. Кольке пришлось признаться, что это его работа. Она подошла, стала внимательно разглядывать. Посыпались вопросы. Пришлось отвечать. И глядя в

эти по-детски наивные очи, Колька понял, что сердце его утонуло в глубине этих глаз. Он еще никогда не испытывал такого чувства, в груди разливался жар, глаза туманились, била мелкая дрожь, голос срывался. Когда после концерта пели все вместе, Колька и сам не заметил, как оказался рядом с ней. Его охватило вдохновение, голос его еще никогда так не звенел. Мелодия тянулась словно сама собой, будто жила где-то внутри, а теперь вырываилась наружу. Он и сам понимал, что в этот вечер превзошел сам себя, даже удивлялся, что голос прятался до сих пор.

На прощанье удалось переброситься несколькими словечками. Он понимал, чувствовал сердцем, что и она согласна познакомиться с ним поближе. Но одно смущало. Где же ему было тягаться с ухажерами, которые увивались вокруг нее. Те были из педучилища: в костюмах, при галстуках, рубашки наглаженные, а он в фэзэушной робе, в рабочих ботинках. А их как ни драй ваксой, в штиблеты не превратишь

Перед глазами встало картина, как встретился с ней случайно в парке. Была она одна, легкой, изящной походкой шла по аллее. Вид ее был необыкновенный, словно королева шла по саду, где все так красиво и чудесно. Колька незаметно сопровождал ее сзади, прося у судьбы минуту, когда можно было бы к ней обратиться. И судьба смилиостивилась, она села на скамейку, развернула томик Пушкина. Колька воспользовался моментом, делая вид, что проходит случайно, спросил время. Она вскинула глаза и сразу узнала, показалось, что даже рада встрече. С замиранием сердца Колька спросил разрешение сесть рядом. Сразу же завязался разговор. Через некоторое время королева, подавая руку, назвала себя Светой. Колька тоже представился. Читали вместе стихи. Поразительное было совпадение взглядов, какое ни возьмут, казалось, что про них написано. Время пролетело, как одно мгновение. Королева заторопилась домой, Колька предложил снова встретиться. Она без жеманства, без игры глаз, но не теряя девичьего достоинства, согласилась.

У Кольки словно выросли крылья. Проводив ее до дома, он вновь вернулся в парк. Ходил, словно хмельной, не веря своему счастью, часто повторяя вслух: "Света! Света! Цветочек!". Любовные грэзы преследовали, в голове уже рождались грандиозные планы, в мечтах она уже принадлежала ему и только ему. Парк казался необыкновенно красивым, он несколько раз садился на скамейку, где сидела она. Не заметил, как наступили сумерки,

почти ночью вернулся в общежитие, в котором только что поселился после окончания ФЗО. Назавтра еле отработал смену, дожидаясь вечера, того мгновения, когда вновь встретится с ней в парке.

Счастью не было предела. Казалось, что знакомы с самого раннего детства, понимали друг друга без слов, и не было между ними такого, чем бы нельзя было поделиться. Колька рассказал о себе, о своем нерадостном детстве, помянул, что отец погиб на фронте. Она рассказала о своей нелегкой судьбе, что круглая сирота, родители погибли в 37 году, а ее воспитывала тетя, учительница литературы и русского языка. После этого признания она показалась еще милей.

После нескольких свиданий она призналась, что рассказала тете о своих встречах с ним. Но с каким-то сожалением посетовала, что тетя уж больно старомодна, все придерживается старины, и как было заведено когда-то в их круге, попросила познакомить ее с ним. Колька и сам горел желанием познакомиться с ней, побывать в храме, где обитает его волшебная фея. Но беспокоила мысль: как появиться в храме, как предстать перед тетей, у которой еще не выветрились дворянские привычки. Появиться в робе ФЗО казалось неприличным.

Положение было отчаянное. Занять было не у кого, слесаря с какими работал, сами перебивались с кваса на хлеб. Он решился на отчаянный шаг. Хоть и считал, что завязал, но решил попробовать через Носа выйти на Жорку, перехватить у него денег, по его умозаключению у него они водились. Вскоре наладил контакт, вышел на Жорку. Тот принял ласково, ссылаясь на рекомендацию Носа, считал почти своим. Но когда дело дошло до денег, с сожалением посетовал, что и у него в кармане пусто, но тут же посоветовал, чтобы не унывал. В иносказательной форме намекнул, что есть мужик, у которого всегда можно перехватить. Жорка оказался простецким парнем, красиво посверкивал золотым зубом, его портила только какая-то зловещая ухмылочка, так не шедшая к его лицу. Но Колька почти не обращал на это внимания. Он совсем проникся к нему уважением, когда тот объявил, что потолкует с хозяином денег, потребуется - себя отдаст в заклад, но выручит друга. Сделает это быстро и тут же через Носа сообщит. Колька остался доволен, со своей стороны обещал, что он не останется в долгу, если что - вплоть до того что себя не пожалеет.

Света при встрече поникшим голосом сообщила, что кончил-

ся семестр, началась экзаменационная сессия, а тетя считает, что кое в чем у неё пробел в знаниях. Настаивает, чтобы прилежнее отнеслась к экзаменам. С сожалением в голосе произнесла, что она ее огорчить не может, и надо временно прекратить свидания. По ней было видно, что и ей тяжело расстаться, хоть и временно. Договорились, что после экзаменов встретятся вновь, и она обязательно познакомит его с тетей.

Колька ломал голову, где раздобыть денег. Но тут его встретил Нос на проходной. Он явно ждал его, подошел, поздоровался и тут же, отведя в сторону, сообщил, что Жорка ждет в парке, хочет встретиться. Окрыленный надеждой, Колька бросился в парк. Жорка сидел на первой скамейке у входа.

- Ну как? - спросил Колька с надеждой в голосе.

- Вроде выгорело. Пошли. Все от тебя зависит. - Он встал и пошел на трамвайную остановку. Колька пытался заговорить дорогой, но тот явно был не расположен к болтовне, хотя, как понимал Колька, и не отличался серьезностью. Это насторожило, вроде как-то кольнуло сердце, но на это он не обратил внимания, надежда гнала вперед. Так же молча сели в трамвай, молча и ехали. Вышли на последней остановке, где уже был частный сектор, деревянные домишкі теснились друг к другу. Жорка все так же шел молчком. Прошли по одной улице, свернули в переулок, оказались перед кирпичным домом. Хата была хороша, весь ее вид говорил, что тут живет приличный хозяин. Небольшая чистая оградка, но по бокам дома и сзади был приличный огород, что очень возвышало хозяина в Колькиных глазах. Вошли в калитку. Встретила собака лаем, но цепь не доставала до крыльца. Сени оказались открытыми, внутри была чистота, это опять понравилось Кольке. Жорка постучал в дверь. Тут же раздался голос: "Войдите!" - словно их уже ждали.

Изба была разделена на две половины. Из горницы вышел хозяин, был он приветлив лицом, даже чем-то походил на деревенского мужика. Колька, как говорится, с порога хотел начать разговор, но тот замахал руками: "Погоди! Успеется! Не по-людски вести разговор у порога. Да сдается мне, что ты с работы, не ел, наверное, еще. Проходите в горницу, посидим за столом, потолкуем", - и, показав рукой, направился в другую половину. Сняв ботинки, Колька вслед за Жоркой прошел в горницу. Сразу же бросилось в глаза, что стол почти накрыт, даже не верилось, что здесь его принимают как гостя. Но для приличия сел на стул у стены.

Появилась хозяйка. Молчком поставила на стол дымящие паром тарелки, в которых была картошка с мясом. Так же молчком принесла квашеную капусту и сало, нарезанное тонкими ломтиками. Появилась и красная рыба. Настроение у Кольки повысилось, но только одно немного смущало, хозяйка не промолвила ни одного словечка, ни разу не взглянула в его сторону. Подумалось, может быть, немая. Но тут появился сам хозяин в дверях. В руках он держал две бутылки водки. По тому, как они запотели и образовалось несколько капель на дне, сразу было ясно, что их держали в воде, давая охладиться.

- Прошу дорогого гостя к столу! - не шутливо, а вполне серьезно обратился он к Кольке. Для приличия Колька стал отказываться. - Обидишь! Обидишь, молодой человек! Неприлично отказываться! Чем богаты: - тем и рады! - хозяин развел руки в стороны. Голос его был доброжелательный. Колька, взяв стул, подсел к столу. Хозяин, поставив бутылки на стол, сел на почетное место. Жорка, не дожидаясь приглашения, устроился с другой стороны.

- Ну, со свиданьицем! - произнес хозяин, подняв наполненную рюмку. Чокнулись. Выпили, приступили к закуске. Закусон был на славу. Немного погодя пропустили по второй, потом по третьей. Колька краем глаза замечал, что хозяин очень пристально разглядывает его, словно хочет проникнуть в душу. Был он все так же радушен, предлагал закуски, но от его взгляда оставался неприятный осадок. На удивление Жорка быстро захмелел, стал хвастаться, как сидел в лагере. Из его разговора выходило, что менты безмозглые, просто ослы, если прижать хорошенъко, то будут лизать пятки. Хозяин снисходительно смотрел на него, давая понять Кольке, что не стоит обращать на это внимание, мол, что возьмешь с подвыпившего человека. Колька и сам не заметил, как заговорил тоже о ворах, кое в чем не соглашаясь с Жоркой. Хозяин поддержал этот разговор, он оказался сведущим в этом деле. Стал толковать о воровских законах и порядках. Привел несколько ярких примеров о воровском братстве, о взаимовыручке: сам погибай, а товарища выручай. Выходило красиво, как какое-то рыцарство. Получалось, что они заступники простого, бедного народа, борются с несправедливостью. Хозяин прозрачным намеком дал понять, что, борясь с несправедливостью, они стоят в оппозиции, и показал пальцем в небо. Говорили допоздна, уже ночью Колька покинул гостеприимного хозяина. Он еще никогда так не надирал-

ся, было нехорошо, тошило, но приличная сумма в кармане перекрывала все. Он понимал, что вести себя нужно осторожно, но не мог удержаться, чтобы не пощупать незаметно, удостовериться, не сон ли это. Хозяин казался мировым стариком, за которого он был готов в огонь и в воду, казалось, что он послан самим Богом, чтобы облегчить Колькину трудную и несправедливую жизнь.

Резаный прервался в мыслях, как бы давая себе передышку, понимая, что никуда не денешься, придется вспомнить и первую кражу. Прошло всего несколько секунд и сразу же нахлынули воспоминания. Жорка через Носа несколько раз напомнил, что пора рассчитаться с долгом, уж больно большая нужда у старика в них. Нос намеками давал понять, что мог бы взять в напарники, конечно, если он признает его главным и будет выполнять все его приказания, одним словом, станет его шестеркой. Колька снова ломал голову, где бы перехватить денег; рассчитаться со стари-ком. И тут словно черт оказал услугу, свел с одним другом, с которым учились в ФЗО. Колька один раз ездил с ним в село, там у друга жила родная тетя, хотелось подкормиться, полакомиться домашними харчишками, уж больно опротивела столовская ба-ланда. Тетя встретила как следует, кроме овощей на столе было сало, держала каждый год кабанчика. От нечего делать прошвырнулись по деревне, зашли в сельпо. Магазинчик небольшой, деревянный, Колька обратил внимание, что стоит он на фундаменте из деревянных чурок. В то время он ничего и не думал, просто отложилось в памяти. А сейчас в разговоре друг поделился новостью, что в это сельпо завезли уйму товара, который после жатвы будут распределять по колхозам. У Кольки мелькнула мысль, которой он ужаснулся, но тут же пришлось вернуться к ней. Последний раз не Нос, а сам Жорка в настойчивой форме, да что там в настойчи-вой, с угрозой потребовал должок, дал понять, что должен отработать, или придется встретиться кое с кем. Он напрямую не назы-вал столь гостеприимного хозяина-старичка, но было ясно, что при-дется уже иметь дело с ним. Вспоминая, как тот рассказывал про воровской мир, где не прощают неоплаченных долгов, пони-мал, что с ним шутить не станут. Расставшись с другом, Колька снова заново прокрутил эту страшную мысль в своем мозгу и тут же бросился к старику, у которого взял деньги взаймы. Он не стал бродить вокруг да около, а сразу без всяких лишних слов поделил-ся мыслью, как колупнуть один магазинчик.

Старик не стал юлить, что, мол, ты не к тому обратился. Он

сразу понял Колькино состояние, стал подробно расспрашивать. Колька стал излагать свой план, предложил домкратом поднять угол в пристройке, где хранится товар, а, мол, снизу пол вскрыть - плевое дело. Обрисовал, что стоит магазинчик на отшибе, бывшая кулацкая лавка, лесочек почти примыкает к нему. Напомнил, что в следующее воскресенье будет деревенский престольный праздник, жители обязательно загуляют. Стариk с ним согласился, похвалил за ум и сноровку, и, как бы уже считая за своего, приказал быть у него в воскресенье еще засветло. Тон старика изменился, вместо ласкового воркования в голосе сквозил металл. Глядя в глаза, потряс пальцем, вымолвив: "Не вздумай показать носа в этой деревне! Остальное я беру на себя!" - с этим и расстались.

Магазин брали, как и намечалось, в воскресенье ночью. Прибыв к старику, Колька обнаружил несколько незнакомых парней, один только был знакомый - Жорка, он-то и шел за старшего. Подошла машина, фургон-хлебовозка. Жорка сел в кабину, остальные взобрались вовнутрь. Разговоров между собой не вели, курили и то втихомолку. Но все вышло как по-писаному, видать, стариk провел дополнительную разведку. Машину оставили в колке, лесок подходил почти к самому магазину. В этот день селоправляло храмовый праздник, все упились, сторож и тот как убитый спал в своей сторожке, только хреп раздавался, изредка прерываемый кашлем. Приступили к делу. Подняли угол домкратом, нагнули пару столбиков в фундаменте, вскрыли две доски пола. Очистили склад дочиста, мануфактуры было порядочно, кроме нее было еще кое-что ценное. Фарт подвалил небывалый, Колька рассчитался с долгом и еще куш порядочный достался. Кроме всего, он как инициатор этого дела заработал немалый авторитет.

Резаный вновь прервался в своих мыслях. Хотел подвести черту и, чтобы отвлечься, решил посмотреть на себя со стороны, как действовал, что чувствовал во время первой кражи. Но память торопила, звала за собой, подсовывая все новые и новые эпизоды из жизни. Резаный старался ей помешать, понимая, что там, дальше начнется страшное, которое даже в пьяном виде старался не вспоминать. Он старался прервать работу мозга, и, как бы подводя черту под воспоминаниями, беззвучно запел:

- Не вором я на свет родился, не вором родила меня мать, в одну девчонку я влюбился, из-за нее стал воровать. Водил ее по ресторанам, браслеты, кольца покупал, а очку темную с друзья-

ми я беспощадно воровал. Но сколь веревочке ни виться, но нет того, чтоб без конца, в одной хибаре завалился, арестовали молодца. Теперь сижу я за решеткой... - Резаный прервался, он нутром почувствовал, как приближаются вновь глаза матери и те другие, такие желанные и в то же время такие страшные глаза, от которых нельзя ни спрятаться, ни отвернуться, им не соврешь, не кинешь чернуху. Сердце заныло. Резаный понимал, что придется испить эту горькую чашу до конца в своих воспоминаниях.

И завертелось все в голове, словно в калейдоскопе, одна картина сменялась другой. Но вот, словно по чьей-то команде, остановился кадр. Колька ясно, во всех подробностях вспомнил, как погибла Светина тетя. Сейчас Резаный понимал, не сомневался, что это дело рук Албана. Хотел выдернуть сумочку из рук, но та оказалась лямками захлестнута петлей на руке. Инстинктивно женщина схватилась за полу пиджака. Албан со злости пихнул. Был гололед, тетя, падая, ударила затылком о бордюр, так, не приходя в сознание, и умерла.

Колька бросился к Жорке. У него было несколько корешей, и все они горячо уверяли, что Албан уже несколько дней как уехал из города. Хотелось этому верить, но прошло всего два дня, как снова захлестнули сомнения. Шел на работу, встретился с Носом. Перекидывались незначительными словечками. Колька уже хотел завести разговор об Албане, как Нос вдруг заюлил, забеспокоился, бросая тревожные взгляды на трамвайную остановку. И тут же, сославшись на пахана, что тот его ждет, моментально смылся. Сердце сжалось от предчувствия беды. Колька внимательно поглядел в сторону остановки, пытаясь понять, что же заставило так поспешно смыться Носа. На остановке, среди людей, спешащих на работу, стояла Света. Колька бросился к ней и тут же поразился ее виду. В ее расширенных глазах стоял ужас и еще что-то такое, трудно объяснимое, похожее на гнев и презрение.

- Здра... - начал было Колька и тут же осекся.

- Ты его знаешь?! Это он! Он! Он там же невдалеке был от убийцы! Он тоже побежал, когда тетя упала! Это его дружок. Я его хорошо запомнила, приметный по носу!

- Кто? Кто? - переспросил Колька. Хотя ум уже подсказывал, кого она имела в виду, но не хотелось этому верить, ведь Нос почти кореш.

- Да тот, с кем ты сейчас шел! - она возмутилась его недогадливости.

Резаный вспомнил, вновь почувствовал, какие чувства боролись в нем тогда. Хотелось тут же броситься, догнать Носа и бить, бить до тех пор, пока не признается. Его не пугало, что может вгорячах убить, и даже то, что на суде Светлана узнает, что он связан с ворами, а где-то краем сознания понимал, что придется схватиться с малиной, с самим паханом. А это смерть неминуемая. Защиты ждать неоткуда, к ментам жаловаться не побежишь, это добровольно совать в петлю голову. Погибнет сам, а уж тогда и Светке не жить, малина в живых не оставит. Но тут появилась спасительная мысль, страшно хотелось ей верить, что, может, Светка ошиблась. Нос - вор карманник, осторожный, на такое дело не пойдет, а Албана в это время не было в городе. Хотя умом он понимал, что это фальшивка, но сердцу хотелось этому верить. Стараясь говорить спокойно, ответил:

- Нет! Я не знаю его. Просто встретились случайно. Подошел, попросил закурить. Разговорились. Но я найду его! Жизни лишусь, но правду из него выбью! - последние слова Колька говорил так искренне и горячо, лицо выражало такую решимость, что Светка поверила.

Резаный вспомнил, как еле дождался конца смены, как тут же бросился искать по городу Носа. Проехал на трамвае по всем маршрутам города, но нигде не нашел, видать, почувствовав опасность, затаился гад. В надежде узнать кое-что о нем появился поздно у пахана. Вспомнилось, каким был еще наивным. Сколько затратил усилий, чтобы сделать вид, что случайно забрел на огонек, как с вымученной улыбкой изображал из себя бесшабашного парня. Сейчас Резаный понимал, как ловко подыгрывал ему пахан, делал вид, что не знает, зачем он пожаловал. Сразу нить разговора взял в свои руки, даже попенял, что мало высыпает матери целковых, что и самому следовало бы одеться приличнее, не шастать по городу в робе. И тут же, по-дружески подмигивая, пояснил, что матани падки на дорогую одежду. И тут же, несмотря на протесты, почти насильно засунул приличную пачку денег в карман. Сердце у Кольки оттаяло, он признался, зачем пришел. Пахан посупровел на глазах, но тут же заверил, что подозрения его напрасны. Нос, мол, вор-карманник, на мокре не пойдет, а это дело вышкой пахнет. Да он бы слышал, если вдруг кто-то из своих. А вот, мол, слухом пользовался, прокатился по городу гастро-лер залетный, наверное, его дело. Пообещал узнать поточнее, да и своих перебрать.

Колька уже собрался уходить, как неожиданно пахан задержал. "Погодь! У меня к тебе небольшая нуждишка!" - и разговор пошел, казалось бы, о пустяке: надо было увезти в другой город липу, поддельный паспорт да несколько справок. Пахан доверительно сообщил, что только он может провернуть это дело. Там его не знают, безопасно, даже если и ментам на глаза попадет. Только, мол, одна надежда на тебя. Колька хотел сослаться на работу, но пахан не дал даже договорить, мол, с этим проблемы не будет. Показал больничный лист, где нужно только вписать фамилию и все будет в порядке. Пути к отступлению были отрезаны, пришлось согласиться. Своим вкрадчивым, тихим голоском пахан навевал спокойные мысли, словно угадывал, что ему самому хочется хоть ненадолго уехать из этого города, отдохнуть, забыться. Он, успокаивая, сообщил, что сосед по койке в общежитии сообщит на работу, что заболел, временно будет жить у друга возле больницы.

Резаный старался прерваться, затормозить ход мыслей, впереди вырисовывалось страшное. И первый арест, и первый суд, а самое страшное, когда узнал о гибели Светки. Он всеми силами старался не думать, выбросить это из головы, но память уже услужливо подсовывала картину за картиной. Всё случилось, словно в страшном кошмаре, он и сейчас был словно в бреду, никак не мог понять, как это все произошло. Или уж злой рок над ним витал, так было на роду написано, или все было хорошо спланировано, подстроено, или уж так сложились обстоятельства.

Смотался в другой город и сразу же хотел вернуться назад, но задержали, хотели тоже кое-что переслать. И завертелось, словно в калейдоскопе, началась какая-то сплошная пьянка. Не хотел, но напивался. Сам не знал, как пошел по пьянке на дело. Вроде должен был идти со взрослыми, а оказалось, со шпаной, малолетками, с тремя сопляками, как потом выяснилось, даже не из этого города. А там их уже ждали менты. Скрутили, вложили для порядка, полутеплых доставили в милицию. Поместили его почему-то в отдельную камеру, словно опасного преступника. Два дня не трогали, на третий день начался допрос. Сопляки сразу же наклали в штаны, на него как на старшего стали всех собак вешать. Сначала держался крепко, почувствовал, что хотят на него несколько дел повесить, видать, хотел закрыть их под шумок следователь, пользуясь его неопытностью.

Резаный сжал зубы, подошло самое страшное. У него и сей-

час с головой стало не все в порядке, образовался какой-то звон. На втором допросе вместе со следователем в кабинете оказался Тимурка, сын председателя. Был в ментовской курсантской форме, видать, проходил в этом городе практику. Но как он оказался в кабинете этого следователя, как так случилось, что их снова вместе свела судьба, не иначе как злой рок, какое-то проклятие. Тимурка тоже разыгрывал из себя следователя, задавал вопросы, но делал вид, что они незнакомы. Видать, все было обговорено со следователем, сначала задавал незначительные вопросы и вдруг неожиданно объявил, что погибла Светлана, попав под трамвай. Следователь тут же сатанинским голосом заявил, что есть подозрение, что попала она не случайно, если уж не он непосредственно, то его кореша сделали это преступление, чтобы замести следы.

Резаный помнил, как его подбросило, как он бросился на следователя, крича: "Врешь, сука! Врешь, мент!". И тут же, словно свет померк, мелькнула мысль: "А может, он и прав. Я виноват в ее смерти!". Жить сразу расхотелось. Только губы беззвучно шептали: "Света! Светочка, как же я не уберег тебя!". Был словно в бреду, все, что подсовывал следователь, подписывал машинально. Хотелось только одного, быстрей бы это все кончилось, а там достал яд и мукам конец. Резаный вспоминал, что на суде женщина судья уже в преклонных годах, по всей вероятности, хотела помочь, уж больно нелепо выглядели обвинения. Задавала наводящие вопросы, но он только твердил: "Я сделал! Один был! Признаю свою вину". Но все же, видать, пожалела, отвалила всего червонец, а если бы по всем статьям, да под завязку, четвертаком бы только отделался. Но тогда было все равно, лишь бы быстрее в тюрьму или в лагерь, а там покончить с собой. Но как-то незаметно для себя стал жить, хотя все время подсознательно чувствовал, что предал ее, Свету, такую чистую и возвышенную.

Резаный пытался спустить ее с пьедестала, опустить до уровня женщин, которых видел, мысли его автоматически переключились на баб. В сердце даже шевельнулась жалость к себе. Бабы! Бабы! Сколько их прошло через руки, но редкую помнил в лицо. Знакомился все по пьянке, все в пьяном чаду, словно кобель, дорвавшийся до сучки. Утром проснешься, голова как чугунная, раскалывается от боли, а рядом чувирыла страшнее германской войны, трезвым редкий бы мужик под пистолетом согласился лечь с ней в постель. Иногда попадали и хорошие, красивые, но знакомство было мимолетное, лишь бы найти временное пристанище,

запутать следы. Врал, божился, что будет любить вечно, но называл себя чужим именем и через несколько дней, когда пахло паленым, когда мусора затягивали удавку, рвал когти, неся в другую сторону, где можно было найти свободу от ментов. Только одна Зинка врезалась в память, да как ей не врезаться, когда из-за нее и получил кликуху Резаный.

После побега, по совету лагерного кореша, пристроился к одной малине. Встретили настороженно, как всегда встречают незнакомого человека, кто его знает, что у него на уме, пока не проверят в деле. Но тут фартовое дело подвалило, пригодился опыт, взяли удачно и хорошо. Сразу появился авторитет. Обмывали удачу. Дело происходило на какой-то даче. Стояла она на отшибе, была заброшена, менты не могли и подумать, что там собралась целая кодла. Чувствовали себя в безопасности. Было три или четыре халювы, но запомнилась только одна Зинка. Еще совсем молоденькая девчонка, видать, только что запуталась в сетях. Так уж водится, попал один коготок, а там и всю затянуло.

Пели песни блатные. У Зинки голосок оказался, не так чтобы сильный, но приятный, душу щемил. Стал подтягивать, голоса слились. Потом уже вдвоем спели: "Опять по пятницам пойдут свидания...". Получилось замечательно. Кругом стали просить, чтобы еще и еще спели вдвоем воровские песни. Исполнили "Таганку" и другие, которые так здорово трогают воровскую душу. Что-то шевельнулось в душе, в груди разлился жар, какого он давно уже не ощущал. Да и Зинка лынула, словно хотела охватить своим телом, когда прижалась, горела огнем. Резаный вспомнил, как, оттаяв душой, потянулся к Зинке, хотелось обнять не как женщину, а как близкого и дорогого человека. Размяк до того, что заговорил даже стихами. Зинка совсем сомлела, была как сумашедшая, не обращая внимания на посторонних, лезла с поцелуями. Оба уже горели желанием как можно быстрее смыться из этой компании, оставаться вдвоем.

Но тут неожиданно появился вор по кличке Цыган. Хотя на цыгана-то он мало смахивал, был только черный, да глаза с красными прожилками, да нос чуть с горбинкой, не поймешь, то ли с Кавказа, то ли еще черт его знает откуда.

Колька еще не был с ним знаком, тот отсутствовал, гастролировал где-то на стороне. Но многое уже слышал о нем, особенно подробно его охарактеризовал Леха, чувствовалось, что они были враги. Хорошо понимал, что Цыган в почете, в малине боль-

шой авторитет имел. В связи с его появлением поднялся шум, компания загалдела, требуя штрафного. Цыган, остановившись у порога, стал осматривать компанию своим довольно хищническим взглядом, неприятно действующим на каждого, на кого он опускал взор. Многие умолкли, съежились, словно кролики. Вот его глаза остановились на Кольке с Зинкой. В них сразу же вспыхнула злоба. Колька почувствовал, как Зинка затрепетала, лицо ее побледнело, она прилипла боком, ища защиты. Глаза Цыгана впились в Кольку. Взгляд его был до отвращения неприятен, но Колька, хоть и был всего несколько дней в малине, но авторитет уже имел, это он организовал и провернул фартовое дело. Слышал и понимал, что Цыган очень опасен, но вступил в поединок глазами. Дуэль длилась довольно долго, все обратили на это внимание, разговоры смолкли, наступила зловещая тишина. Цыган, казалось, хотел испепелить врага своим взглядом. Колька, наоборот, старался придать своему взгляду нормальное выражение, хорошо зная, что это очень действует на противника, выбивает почву из-под ног. Но вот цыган опустил глаза, по лицу его скользнула зловещая улыбка, не предвещавшая ничего хорошего. Он молчком взял стакан с водкой, подняв, произнес: "Со свиданьицем!" - и тут же выпил содержимое в рот, сделав один или два глотка.

Зинка трепетала, как пойманная птица, по телу пробегала дрожь. Она пыталась спеть, замаскировать свой страх, но голос срывался. Она жалостливо пыталась заглянуть Кольке в глаза. Колька понимал, что вступиться в открытую - это нарушить воровской закон, взглядом, как мог, пробовал успокоить Зинку. Между тем Цыган тем же манером опрокинул второй стакан, закусив, встал и вразвалку подошел к Зинке.

- Пойдем-ка, миленькая, в кустики! - подмигивая, проговорил он зловеще. - Развеселишь! Давно мы не баловались! - окончил он хохоча.

Зинка вцепилась в Колькин рукав. Он сделал попытку загородить.

- Моя халава!! - проговорил Цыган с угрозой, впившись глазами. Через несколько секунд он обвел присутствующих взглядом, как бы ища подтверждения своим словам. Со всех сторон послышалось: "Его! Его! Его краля! Он хозяин!". Колька понял, что проиграл. Цыган взял верх, воровской закон на его стороне.

Цыган, взяв Зинку выше локтя, сдавив что было сил, рванул со стула, повел впереди себя к двери. Зинка оглянулась, на лице ее

было отчаянье и безысходность. Колька рванулся, но на пути у него встал Леха - вор, с которым уже успел покорешиться.

- Не лезь в бутылку, на финаче окажешься, как корешу говорю! - произнес тот шепотом, стараясь усадить на стул, в то же время делая вид, что ничего особого не случилось. Колька понял, что кроме Лехи он не найдет поддержки ни у кого, все будут на стороне Цыгана. Он снова сел на стул. Раздались голоса, требующие выпить. Колька опрокинул целый стакан не закусывая, закурил папироску. Снова пошел галдеж. Некоторые неестественно громко кричали, стараясь показать свою храбрость и независимость.

Вскоре с улицы вернулся один из парней, бегал спровоцировать малую нуждишку, вернувшись, с хохотом стал рассказывать.

- Цыган опять Зинке права качает! Насилует, - он бросил мельком взгляд на Кольку и как ни в чем не бывало продолжил, - та только орет: "Больно! Больно! Руки сломаешь!" - кругом послышался смех, раздались голоса: "Правильно делает! С ними только так и надо поступать! Не успел скрыться, а она уже хвостом завертела!" - несколько человек уже смотрели неодобрительно в Колькину сторону.

Резаный и сейчас по-настоящему так и не помнил, как все случилось. Вернулся Цыган один, Зинки с ним не было. Пили стакан за стаканом. Потом вроде из-за ничего вспыхнула драка между ним и Цыганом. Стали растаскивать, но все же Цыган успел хватануть финачом, располосовал выше брови и всю щеку, и как только глаз целым остался. Смутно помнил, как Леха куда-то водил, как какой-то коновал, тоже в стельку пьяный, зашивал рану чуть ли не дратвой. Вместо обезболивающих уколов заставил хватануть еще стакан водки. Мало что соображал, но знал только одно и помнил, что в больницу идти нельзя, кранты, сразу заметят. Рана заросла как на собаке, но появился красно-сизый рубец, который так обезобразил щеку, лицо стало почти неузнаваемым. Тут же вспомнилось, с каким ужасом смотрела на него тетка Дарья, их же деревенская баба при встрече с ним.

Встретились случайно на вокзале, надо было рвать когти, петля затягивалась, менты были на хвосте. Пробираясь между рядами сидений, Резаный как всегда бросал незаметный взгляд по сторонам, это была уже профессиональная привычка. Встретились они глазами одновременно. На лице тетки Дары сначала изобразилась радость, но тут же сменилась испугом и удивлением. Резаный сделал вид, что незнакомы, отвернувшись, прошел мимо.

И сразу же направился к выходу. Тетка Дарья была говорлива и шумлива, вдобавок горластая, не дай бог вдруг бросится с распросами: куда, откуда, почему матери не показываешься на глаза? Шум выйдет великий, надо будет отвечать на вопросы, а тут мусора могут замести.

У выходной двери обернулся, тетка Дарья, как завороженная, шла за ним. Он вышел, направился в привокзальный скверик. Оглянулся, тетка Дарья, деревенская простота, снова шла за ним, даже прибавила шагу, пытаясь нагнать. Пришлось остановиться. Сели в закутке на лавку. Тут и поведала тетка Дарья все о матери: как скучала по нему, как выходила за околицу встречать, все ждала сыночка ненаглядного. Он смолчал, но нетрудно было понять, что мать тронулась немного умом, шутка ли, зимой и летом все ходила и ходила за околицу, и в дождь, и в снег. И однажды, не дойдя до своего дома, или умерла, или замерзла у соседского забора. Резаный помнил, как сердце разрывалось на части, он не стеснялся своих слез, читая во взгляде тетки Дарьи жалость и презрение. Она по-бабы подывала жалостливым голоском, если бы не вокзал, а дома в деревне, то, наверное, ударились бы в рев, оглашая деревенскую улицу воем. Тогда и поклялся Резаныйходить хоть разочек к матери на могилку, да и взглянуть хоть издали, где лежит Света.

Резаный был в каком-то кошмаре, не доставало сил, сердце теснилось в груди, словно кто-то сдавил беспощадно. Он старался прийти в себя, понимая, что сердце может не выдержать, остановится. Но в голове возникали другие видения. Но эти как-то проходили смутно, не ясно, обрывочно, без начала и конца. Наконец он очнулся. Голова была как чугунная, словно после многодневного похмелья. Сердце ныло, грудь словно кто-то сдавил, все тело было разбито, как после тяжелой болезни. Он взглянул в окно. Серело. Но на небе уже пробилась светлая полоса. Приближался рассвет, лампочки на лагерном заборе уже не так ярко светили. Он смыгнул веки, в тяжелом забытьи отключился, лежал словно мертвый, и только маленькое шевеление груди указывало на то, что он дышит.

Резаный шел по тайге почти двое суток. Живот подтянуло, подножного корма еще не было, не то что в конце лета или ранней осенью. За эти двое суток съел всего несколько горстей зеленой ягоды да с десяток съедобных пучек. Понимал, что с этого толку мало, но лишь бы немного набить утробу, чтобы не так сильно

болел живот. Запас сил давно иссяк, и только свобода, маячившая впереди, гнала его вперед, двигала обессилевшие ноги. Она гнала его вперед, не давая усомниться, что сделал он побег напрасно, не вовремя. Он походил на волка, уходящего от погони: голодный, уставший, выбывающий из последних сил, но ради свободы, чувствуя смертельную опасность, готовый только на одном душевном порыве идти многие километры.

Ущелье стало резко сужаться, с обеих сторон косогоры становились все круче и круче, кое-где из земли выступали громадные камни. Резаный остановился, стал внимательно осматриваться. Впереди по ручью виднелись каменные завалы, которые хоть и с большим трудом, но можно перейти, а вот дальше вверх по ручью с обеих сторон нависали отвесные скалы, а еще в километре ходьбы путь преграждала гора, голая, из одних скал. Он сел на камень, давая себе отдых, чтобы привести свои мысли в порядок, наметить путь, взбираться ли на хребет или идти еще некоторое время ручьем, пока не попадет звериная тропа. И вдруг шевельнулась страшная мысль, что совершил он безумие, сделав этот побег. Без подготовки, без куска хлеба, без всякой помощи с воли. Он испугался этой мысли, знал, что стоит только расслабиться, то сразу кранты. Он старался взять себя в руки, подумав: "Так уж, наверное, на роду написано! Это мой рок! Не мог же я не воспользоваться шансом, брошенным судьбой!".

В памяти сразу же всплыло, как все это случилось. Недели две назад пришел этап. В нем был вор по кличке Скорпион. Память у Резаного была цепкая, показалось, что видел его еще на воле, в городе, где началась его разнесчастная воровская жизнь. Были небольшие сомнения, видел его мельком в малине, но как-то заинтересовался им. Спросил о нем у Носа. Но тот забегал глазами, завертел головой, явно было видно, что трусит. Так, только намеками дал понять, что это опасный тип, у пахана на особом счету, крови не боится, отпетый мокрушник. Резаный несколько дней приглядывался к нему, сопоставляя факты, кое-что узнал от других и все более и более подходил к мысли, что он как-то связан с гибелю Светки.

В лесосеке, когда работяги разошлись по своим местам, приступили к повалу, Резаный отозвал Скорпиона в сторонку, завел разговор. Дал понять, что интересуется, надежный ли вор, можно ли на него положиться, а уж от этого будет зависеть, какое он займет положение в зоне. Разговор начал издалека, как бы между

прочим помянул город Н., мимоходом поведал, что бывал в нем, корешей имел, помянул пахана. И снова как бы между прочим вспомнил, что тот хвастался, что есть у него молодец, который мокрухи не боится. И, сделав паузу, как бы вспоминая, продолжил, что тот толковал насчет какой-то чернявой девчонки, которую под трамвай сунули. И так чисто сработали, что мусора до сих пор на несчастный случай сваливают.

- Это моя работа! - Скорпион расплылся в ядовитой улыбке.
- Пахан попросил отправить на тот свет с почестями. Много стерва знала! - он взглянул на Резаного, стараясь определить, какое произвел впечатление. Но Резаный не смотрел на него, опустив глаза, поспешно заворачивал козью ножку. Он старался не выдать своих чувств, ненависть и злость бушевали в груди, внутри все горело, словно там были раскаленные угли. Прикурив, несколько раз затянувшись, Резаный, словно поперхнувшись от дыма, проговорил:

- Пойдем-ка в ложочек, чтобы никто не видал. Там у меня кое-что припрятано. Разделим по заслугам, выпьем до дна! - и, больше не говоря ни слова, направился к ложку.

- Самогонка или настоящая водяра? - нетерпеливо спросил Скорпион, двигаясь следом, глотая слону.

- Все будет! Выпьем до дна, не оставим ни крошки, - произнес Резаный все тем же голосом, словно дым еще мешал говорить.

- Может, к повару за закусоном сбегать?

- Не надо! Нажрешься, будет чем закусить! - произнес Резаный и по крутику стал спускаться на дно ложка. Скорпион последовал за ним, от предвкушения выпивки он чуть не повизгивал. Скатившись на самое дно ложка, он уже потирал руки, открыл рот с явным намерением поторопить. Но так и остался с открытым ртом. Резаный, обернувшись, глядел на него в упор. Вид его был страшен. Изрезанное лицо исказилось, по нему пробегали судороги, сам он трясясь.

- Это ты, гад... под трамвай сбросил мою С... - Резаный не смог произнести полностью имя, дыхание перехватывало. Пальцы помимо его воли сомкнулись на горле Скорпиона. Под ними что-то хрустнуло. Тот, как подкошенный, повалился на землю, увлекая за собой Резаного. Рука все сильнее и сильнее сжимала горло врага. Скорпион, несколько раз встрепенувшись, замолк. Резаный пробовал разжать пальцы, но они словно омертвили. Наконец ему удалось разжать пальцы, убрать руку с горла. И тут же стал возвращаться рассудок. "Вышка!" - мелькнула мысль как

бы со стороны. Но это его не испугало, воспринял спокойно. Хотел уже пойти к будке, где сидел начальник охраны, и крикнуть: "Эй ты, мент! Там в ложке падла лежит! Это я ему передавил глотку!". Но вдруг обожгла мысль, как будто кто-то со стороны произнес: "А ты ведь так и не попроведуешь дорогие могилки, так и сдохнешь клятвопреступником, не будет тебе прощения даже на том свете!". Резаный затряс головой, стараясь избавиться от наваждения.

Но вот глаза его, вспыхнув, засверкали, мозг стал лихорадочно работать, нашло какое-то просветление. Не иначе как сам Дьявол подсказал эту мысль. Он тут же в ложке подготовил два факела из бересты. Поджег их и вылез из лога. Он уже твердо знал, что нужно делать.

Почти у самой запретки были навалены две кучи хвороста, пихтовые ветки от спиленных деревьев. Внизу сухие, а сверху набросаны почти свежие. Сжечь их должны были бесконвойники, когда отодвинется лесосека. Пряча факелы за спиной, Резаный стал приближаться к кучам, незаметно наблюдая за вышкой. Складывалось все удачно, словно сам Всевышний помогал, ветер дул в нужную сторону, и рядом с вышкой был глубокий лог, по которому весной тек ручей, русло чистое, выложенное плитняком. Главное - на вышке был Чудик. Разомлев от жары, дремал, изредка бросая взгляд на полосу запретки, и совсем не интересовался, что происходит в лесосеке.

Резаный, стараясь быть незаметным, крадущимися шагами приблизился к одной куче, сунул факел под низ и тут же бросился к другой. Вспыхнуло пламя, затрещал сухой лапник, и тут же повалил густой черный дым. Ветер гнал его на вышку. Резаный бросился в лог. В нем внизу дыма почти не было, только вверху, когда выбрался на самый косогор, стало трудно дышать. Но вот он перевалил гору, понесся вниз, задышал полной грудью. На пути попался ручей, стараясь экономно расходовать силы, он пошел по нему, все время стараясь наступать в воду. Вскоре ручей вывел к небольшой речке. Резаный по воде пошел к истоку, по опыту зная, что его в первую очередь бросятся искать в устье, где река впадает в другую, чуть выше лагеря. Он шел и шел по воде, с каждым шагом прибавлялось уверенности, что его след уже не возьмет ни одна собака, дым и вода сделают свое дело.

Отдохнув немного, Резаный решил идти до самого истока, а там подняться на хребет. За хребтом живут инородцы. Найдет он

с ними общий язык, назовется кровным братом их соплеменника. Накормят и укроют, помогут с ним встретиться. В нем он не сомневался, в лагере его опекал, если бы не он, то тот бы уже давно на ноже завял, не выскочил бы на волю. Затеплилась надежда, показалось, что даже сил прибавилось, оставалось только продержаться несколько суток.

Голод давал о себе знать. На пустой желудок ночевал под кедром, не разводя костра. Утром снова двинулся вверх по ручью. К обеду навалилась слабость, силы были уже на пределе, каждый шаг давался с трудом. Хотя живот уже не так беспокоил, рези утихли, чувство голода притупилось. В его воровской жизни и не такое случалось, приходилось по несколько суток голодать, зашившись от ментов. Табак - вот что теперь было главное. Он уже давно кончился, как назло, в то злополучное утро в кисете его оказалось совсем немного. Страшно хотелось курить, организм требовал никотина, подкатывался кашель. Он старался не думать о куреве, но подспудно горело желание затянуться, затянуться до самых печенок несколько раз подряд, а потом выпустить весь дым через ноздри. Обоняние обострилось до предела, казалось, хоть пахнуло бы табачным дымком - и то стало бы легче.

Но вот его внимание привлекла тропа, пересекавшая ручей. Резаный остановился, прикидывая так и сяк. Вскоре он пришел к выводу, что эта звериная тропа, наверное, последняя, которая может вывести на хребет, впереди уже близко маячили скалы, круто уходящие ввысь от ручья своими отвесными стенами. Немного поколебавшись, он двинулся по тропе, круто уходящей вверх.

Старался идти ровнее, не делать резких движений, но крутик отнимал последние силы, которых, казалось, не должно было и быть. Но Резаный крепился, шаг за шагом поднимался все выше и выше. Он уже намеревался сделать где-нибудь лежку, попробовать вздрогнуть, набраться сил. Как вдруг остановился, замер, словно собака, поводил головой, ловя ноздрями воздух. Резаный приюхивался, показалось, что пахнуло табачным дымком. Он весь превратился в слух.

Было тихо. Ничто не предвещало опасности, нигде не щелкнул сучок под ногой, но в воздухе, несомненно, ощущался признак табачного дыма. Нутром почувствовал опасность, сомнения исчезли, впереди на тропе секрет ментов, не выдержали гады, закурили. Резаный осторожно, шаг за шагом, чтобы не хрустнула ветка под ногой, стал удаляться от тропы вниз к ручью, надеясь пройти

еще по нему немного, а там дальше, пусть по скалам, обойдя секрет, забраться на хребет. Он уже достиг самой крутизны, внизу шумел спасительный ручей. Огляделвшись, он выбрал место почище, стал спускаться по крутику.

Сил уж почти не было, каждый шаг давался с невероятным трудом. Его качнуло вниз, он схватился за ветку куста и почти удержался, но ноги неожиданно поскользнулись. Обломив ветку, Резаный упал на бок, покатился вниз, стуча камнями. Около ручья он все же сумел остановиться, вскочил на ноги и тут же услышал топот ног со стороны, откуда уходил. Он бросился через ручей на другой берег, стараясь как можно быстрее выбраться по откосу, а там шесть-семь метров, и спасительные кусты и деревья, где можно укрыться, перевести дыхание. Он уже миновал противоположный берег, оставалось всего несколько метров чистого пространства, а там деревья - спасение, как что-то ударило в спину, послышался выстрел. Страшная боль обожгла правую сторону, он упал на траву. Но все же, найдя силы, перевернулся, сел, пытаясь подняться.

С горы к нему бежали двое. Он их узнал, из ихнего же лагеря солдаты. Один прибалт, второй - Чудик, получивший кличку за свое поведение: то строжился неимоверно будучи конвоем, то чуть не плакал, глядя на зэков. Резаный пробовал подняться, оперся руками, хотелось стоя встретить врагов, но понял, что силы покидают его. Их осталось совсем немного. Он уже старался как можно реже дышать, каждый вздох давался с невероятным трудом, грудь жег огонь. Резаный приложил руку к груди, пытаясь остановить кровь, но она сочилась между пальцев. Сознание стало затуманиваться, будто мозг чем-то обволакивался, он ощущал себя совершенно по-другому.

Чудик подбежал первым, его товарищ был еще метрах в двадцати. Резаный взглянул на Чудика. Тот стоял всего метрах в четырех, все еще держа карабин наизготовку в трясущихся руках. Он перевел взгляд выше, на его лицо, пытаясь поймать глаза, и поразился. У Чудика текли слезы из глаз, лицо было сморщено, он готов был удариться в рев, словно младенец. "Да ему страшно, совесть заговорила, что человека убил!" - мелькнула мысль и тут же другая. "Я ведь не испытываю к нему злобы!" - Резаный удивился своему открытию. "А может быть, и мой сын, вот так же, сколько я их по белому свету рассеял, ни один из них не видел своего отца-подлеца!" - пришла откуда-то несуразная мысль. "Мо-

жет, вот так же с карабином трясетя, плачет от страха, что человека прикончил. Ничего, насобачится сука, ради отпуска рука не дрогнет, нажмет на курок", - внутри у Резаного стала подниматься злость. Но тут же пришла другая мысль: "А я ведь, наверное, тоже пришиб бы его, если бы пофартило", - Резаный удивился своему открытию, что виноваты не они с Чудиком, а кто-то другой, так называемая жизнь и все, что стоит за ней. Он уже без злобы смотрел на Чудика, ему даже захотелось прибодрить, сказать несколько добрых слов в утешение, но он уже не мог говорить.

Внутри булькало, кровь, выходя с воздухом через горло, издавала всхлипывающие звуки. Он отнял руку от груди, она была вся в крови, тонким ручейком стекала с пальцев. Сознание туманилось, он закрыл глаза, но все же слышал, как подбежал прибалт, радостно воскликнув: "Чудик, в отпуск поедем!".

Резаный невероятным усилием старался отогнать муть, открыть глаза, чтобы еще раз взглянуть на Чудика. Наконец ему удалось это. Сквозь кровавую пелену увидел, что Чудик плачет, не скрывая слез, жалостливо глядя на него. Стало даже как-то приятно, в душе шевельнулась радость, что хоть один человек на всем белом свете жалеет его. Он даже хотел что-то сказать ему в благодарность, но мысли перенеслись на другое: "Вот и кончилась, Николай Романович, твоя разнесчастная, горькая, беспутная воровская жизнь", - подумал Резаный о себе как о постороннем. "Бросят тебя в яму, как скотину, и останется только колышек с номером. И никто к тебе не придет, не скажет теплого слова, не прочитает молитву, не уронит горючую слезу на могилку, не произнесет: "Земля ему будет пухом". Но встрепенулась окровавленная душа, которая слезно вопила: "А кому ты сделал добро? Кто тебя помянет добрым словом?! Слезы и проклятья висят на тебе! Ты как исчадие, весь в нечистотах!". Резаный усилием воли пытался заставить себя ни о чем не думать. Но тут же появилась другая мысль, что никуда они его труп не потащат, а тут же на этом месте закидают колодником и ветками, как падаль. Пройдет несколько дней, на запах придет медведь, примется за пиршество. Страшно было жаль себя, что не будет даже могилки, никто не уронит над нею слезу, словно не жил на свете. Резанула новая мысль, что скоро придется встретиться с матерью и еще... о ком было страшно подумать.

Но мысли были прерваны. "Не надо! Не надо!" - вопил Чудик. Резаный снова усилием воли открыл глаза, перевел взгляд на

прибалта. Тот с хищническим взглядом обходил его стороной, держа карабин на изготовку. "Сзади будет стрелять, сука! Концы прячет!" - понял Резаный, но страха не было. "В голову или в спину будет стрелять?" - мелькнула мысль, как будто было не все равно, куда угодит пуля.

"Не надо!" - вновь раздался истеричный крик. Резаный из последних сил взглянул на него. Хотел что-то сказать, но вырвалось только хриплое бульканье.

Раздался выстрел. Резаный качнулся вперед и тут же повалился на бок. Рука судорожно вцепилась в траву. По телу пошли судороги. Через секунду он упал на спину и замолк на век, пуля прошла через сердце. Но глаза были открыты, словно смотрел в небеса, ища там свободу.

1993 - 1995 годы.

Несколько слов о судьбе России

часто думаю о судьбе России и никак не могу ее понять! То ли она проклята Богом, или возведена им, но на протяжении всей цивилизации на ее переломных моментах ей всегда отводилась особая роль. Как будто Господь создал ее для спасения человечества, населил народом с особым складом ума.

Россия заслонила своей грудью Европу от татаро-монгольского ига. Истекая кровью, теряя своих сыновей в битвах, отдавая дочерей и младенцев врагу только потому, что княжества были разрознены, дала возможность спесивой Европе развиваться. Но и трехсотлетнее иго не сломило русский народ, сохранивший свои ремесла, язык и веру. Чуждая ему религия не прижилась в нем.

Европа, развиваясь, смеясь, показывала пальцем на восток, называя русский народ азиатами. Но прошли века, Россия с гением Петра воскресла из пепла, вновь заняла надлежащее ей место. С каждым годом она мужала, становилась все более цивилизованной, но не гнушалась азиатскими народами, объединяла их вокруг себя, не покушаясь на их быт и веру, а призывала к гармонии и согласию.

Вторая напасть пришла уже с запада. Европа остановилась в своем развитии, век за веком все загнивала и загнивала. Каждая

свободная мысль в философии, свежая мысль в науке и технике уничтожались со свирепой жестокостью инквизиций. С именем Бога на устах правил дьявол. Лучшие умы были сожжены, религия была растоптана, были попраны все заповеди Господни. Дьявол торжествовал. Пошла смута, небывалые распри и раздоры между народами Европы. Мир должен был измениться. Из своих гнойных глубин Европа выдвинула философов и пророков, которые призывали в одночасье изменить сущность и натуру человечества. Кинув клич: кто был никем - тот станет всем, вызвали низменные страсти людей, поставившие грубую физическую силу над умом. Дьявол помутил разум. И даже лучшие умы поддались этой идее, забыв, что народ, так же как отдельная личность, должен пройти путь развития от младенчества до старости. Вместо просвещения пророки призывали чернь к кровавой резне. И снова несчастная доля выпала на Россию, будто Господь ее вновь выбрал для того, чтобы в муках искупить низменные страсти и кровавые деяния человечества.

Найдется ли на земле народ, который за семьдесят лет жесточайшего террора, насилия, пыток и казней не потерял бы человеческий облик. Хотя та же Германия была за несколько лет поражена почти полностью фашизмом. Раздавленная сапогом кровавого тирана Сталина, потеряв лучшие умы, принося в жертву Молоху своих сыновей и дочерей, Россия преградила путь фашизму. Истекая кровью, вновь спасла Европу от коричневой чумы.

Кончилась война. Россия задыхалась от кровавых пальцев тирана, сплетенных на ее горле. Европа, приобретя свободу, принялась восстанавливать разрушенное войной хозяйство. И, глядя со страхом на восточный тоталитаризм, забыв поневоле все распри и раздоры, вынужденно помогая друг другу, соединяя капитал и умственный потенциал, успешно справилась с разрухой. Кровавый палач Stalin ежесекундно напоминал Европе, чтобы чтили общечеловеческие заповеди, соединялись, забыв прошлые раздоры, иначе их ждет судьба России.

Но вот коммунистический режим сгнил, дойдя до своего отвратительнейшего конца. Имея колоссальные богатства недр, необозримые поля и нивы, не смог ни одеть, ни накормить свой народ. Промышленность и сельское хозяйство пришли в упадок.

В мире начались великие преобразования. Европа, с мольбой и надеждой стала взирать на Россию, вздохнула с облегчением, не боясь больше красных орд. Стала еще теснее сплачиваться,

чтобы выжить и обезопасить себя в этом беспокойном мире. Открывает границы для политического и экономического сотрудничества. Вводит единую денежную систему, соединяет капиталы и армии, укрепляет экономическое могущество и политическую безопасность.

А у российского многонационального народа вновь помутнение разума. Забыли заповеди: люби ближнего, как самого себя, не сотвори себе кумира. Вместо парламентской демократии выдвинули отцов наций. Которые, поправ нравственность ради своих корыстных интересов, прикрываясь бесстыдно национальными чувствами народа, бросили одну нацию на другую с огнем и мечом, выдавая все это за свободу и демократию. Отбросили заповеди далеких предков, которые призывали нации к миру и согласию.

А ты, великий, могучий русский народ! Вновь воздвиг себе кумира, выбрал вождя, как будто семьдесят лет тебя ничему не научили, вновь слепо поклоняешься идолу, вновь уповаешь на действие отца русского народа, веря, что он приведет тебя в светлое будущее и тебе не придется думать самому, не придется прилагать колоссальные усилия, чтобы достигнуть благополучия цивилизованных стран.

Люди! Не идите слепо за поводырем! Наступила пора думать и своим умом! Не идите с мечом брат на брата, если вы даже принадлежите к разным партиям и у вас разное вероисповедание. Вы не разделите землю и небеса, не проведете черту, которая разделила бы вас, вам все равно придется жить вместе. Не дай бог, чтобы в России вновь наступил 37-й год. Люди! Забудьте обиды, отбросьте распри и раздоры, соедините усилия, дайте хоть детям построить приличную жизнь.

Многострадальная Россия, что заставляет тебя выделяться в этом мире, всегда идти непроторенной дорогой, когда рядом уже есть проложенный другими народами тракт? Почему ты не учишься на чужих ошибках и свои не идут тебе впрок? Божье ли проклятие, или ты выбрана им, чтобы показать всему миру его гнев и милость. Что заставляет тебя при своем богатстве страдать, нищенствовать и юродствовать? Но я верю, Россия, что ты воспрянем и займешь достойное место среди народов, кое тебе принадлежит по праву.

1990-1991 годы.

Про лесной народишко

некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, между гор, между рек жил лесной народишко. Кто в земле ковырялся, кто на поверхности пропитание добывал. А в одном болоте старый карась прозябал.

И что надо было этому карасю, ройся да ройся носом в тине, так нет же, вообразил себя умником, натянет очки и давай газеты читать, правду между строк выискивать. И все-то не по нему было: что-де заводь не так устроена, надо, мол, свежую струю пустить, чтобы потомство не задохнулось в затхлой атмосфере. И звери, что в земле роются, сколько ни наскребут, - все на Верх отдают. И другим не лучше. Вроде и нивы тучны, а вот поди ты, все проку нет, даже мальцам на пропитание не остается. Да и там, Наверху, Генеральнейший Владыка не токмо страной управлять, а по слогам прочитать не может.

И ударился Карась в религию. Стал Богу молиться, Создателю жаловаться, что ты, мол, земного Владыку-дурачка так долго на белом свете держишь? Совсем, мол, наша земля оскудела, а зверушки и прочая живность терпят большую нуждишку и бессчастье. Господи! Обрати свой взор к вопиющему.

И вправду! Чудо случилось, услышал Создатель молитвы, почил в бозе Генеральнейший Владыка. Собрались звери высокого ранга нового Владыку выбирать. Но то ли Господь их разум помутил, то ли земля из своих недр воздействие имела, посадили они на трон Владыку с мозгами в голове. Взглянул тот сверху вниз и ужаснулся. "Так жить нельзя!" - изрек он золотые слова, скавтившись за голову. И поехал Владыка от моря до моря по вотчине. Но куда ни приедет - везде ропот. Волки-чиновники мзду имут, с подданных три шкуры дерут, государство и зверушек в большой раззор вводят. И изрек тогда Генеральнейший Владыка достойные на скрижали слова, вы, мол, нечиновные звери, снизу давите, а я сверху нажму, так злодеев, Волков-секретарей изничтожим, правду-матку в вотчине возродим.

Воодушевился лесной народишко, друг друга с великим послаблением поздравляют, о равенстве, братстве толкуют. И вышла великая смута, стали зверушки бунтовать, противу Волков-секретарей претензии высказывать. Побросали свои норы, собирались

в одном месте и давай в один голос кричать: "Не хотим так больше жить! Дайте нам свободу и пропитание!" - да так громко, что на самом Верху услышали. Задрожала земля, трон под Верхом зашатался. Шлют оттуда Щуку зубастую, что над волостью между гор, между рек надзирала. Клацнула она зубами, да не тут-то было. Стоит лесной народишко плотною кучей, ни с какого боку не подступишься, не выдернешь, расправу не учинишь. И пошла тогда щука на попятную, стала хвостом вилять, в честь зверя, что в земле роются, хвалебные речи вести, патриотами называть, свободу и пропитание обещать. И даже выборных, нечиновных зверушек, за один стол с собой посадила.

Стали торг вести и вскоре порешили, что-де Щука Наверх поплывет докладывать, а зверушки делом займутся, из своей непородной среды себе старшину-правителя выберут. И не откладывая в долгий ящик, зверушки выбрали своих представителей: кто погорластей да позубастей, у кого рога подлиннее, и направили их туда, где Волки-секретари заседают. Но то ли Бог разум помутил, аль хмель свободы в голову ударили, то ли силу великую почувствовали, - видано ли дело, испокон веку такого не было, чтобы из нечиновных зверей старшину выбирать, - в попыхах-то ум дома оставили.

Прибыли выборщики на вече, заняли места за круглым столом и давай умные речи вести, в Волков-секретарей поносные слова бросать. Вот, мол, другие времена настали, демократия и равенство нам дадены. Объявилась, говорят, меж нами ученая Овца, в экономике смыслит. Она, мол, непородного звания, наш интерес блюсти будет, разора и бесчестия не допустит. Хотим, мол, чтобы она нашим старшиной стала. Шерсть-то пусть с нас стригут, но токмо в моготу чтоб было.

Видят Волки-секретари, что зверей уж, как в старые времена, за колючий забор не загонишь, решили маленькой толикой власти поделиться. Стали торг вести. Лапы жмут, себя не иначе как демократами называют, даже зайца по загривку похлопали. А лисонька вокруг выборщиков бабочкой порхает, на ушко шепчет: я, мол, тоже за простое, непородное зверье стою, демократка отъявленная. И кличут-то меня, если на ваш звериный язык перевести, то получится впереди стоящий парус. Я-де не мечтаю стать вашим старшиной, но если Господь ниспошлет, то живота своего не пожалею. Отмахиваются господа выборщики от лисоньки, как от назойливой мухи, а сами себя большими политиками мнят, не хо-

тят даже на йоту поступиться.

Как услышал Карась льстивые речи лисоньки, да как возопит: "Господа выборщики! Не дайте себя обмануть! Сбегайте за умом, что дома оставили!" - но где там бедному Карасю докричаться со дна из тины. А Волки-секретари между тем торг ведут, лапой крестятся, что мы, мол, тоже слянили, красноты-то на нас почти не осталось. И как истинные демократы, тоже свою кандидатуру выставляем. Быть нашему старшиной, а ваша Овца под ним в помощниках ходить будет. И в доказательство претензии выставляют, что-де ваша Овца уж больно умна, как бы от большого ума еще больше в болото не затащила.

- Нет! - кричат выборщики. - Наша Овца грамотна! Ваш ставленник под ней ходить будет! - сами уже лапами, рогами по столу стучат. Шум большой вышел. Как возопит снова Карась: "Господа присяжные! Согласитесь на этот вариант! Овца при вашей поддержке ставленника Волков-секретарей в нужную сторону подталкивать будет!" - но где там слушать какого-то замухрышку Карася. Воспылали господа выборщики праведным гневом, хлопнули дверью и покинули круглый стол. А Волкам-секретарам только того и надо было, сразу же Лисоньку в лесные старшины выбрали. Чешут непородные звери затылки и никак не могут понять, как так получилось, что власть почти в руках была, а мимо уплыла.

Но тут великая смута на Верху началась, чиновные рыбы и звери власть не поделили. И выплыла на всезвериное обозрение в орденах и регалиях рыба Елец и давай перед нечиновным зверем каяться. Я, мол, с Божьей помощью, при усердии и пронырстве своем, благодаря Владыке земному пребывала в высших эшелонах власти, подпирала своим плечом трон Генеральнейшего Льва-владыки. По его проклятому наущению могилку коронованного страдальца срыла, да и в бытность правителем края много пакостей и разору простому зверю учинила. В те, мол, проклятые времена я когти, как у Льва, отрастила, да и клыки чуть меньшего размера имела, но всегда непорочной девой была... "За мою непорочность и в Верха взяли. Взять-то взяли, но не на самый Верх поставили. И дачку, проклятущие, с челядью дали, но в ней уже до этого ненавистный мне Вельможа жил, словно кость собаке бросили. Все мне не по душе было, а я как была непорочной, так и осталась. А посему стряхиваю прах со своих ног, меняю окраску, уж больно красное не идет к моему праведному лицу. Я за вас, непородных зверей, хотела стоять и еще стоять буду, душу на ал-

тарь Отечества положу, а грешное тело на рельсы. Дайте мне вашим именем власть, изведу я весь Верх окаянный! Сама же я к трону несколько лет близко не подойду, а уж там как Господь на душу положит. А коль придется мне всей вотчиной управлять, то порядок наведу! Враги не пикнут, а и сочувствующим не сладко придется! Рука моя крепка и глаз остер!".

Как услышал про это Карась, вновь завопил во все карасиное горло: "Звери и рыбы и вся живность лесная, не дайте себя обмануть! Поглядите на рыбу Елец, вспомните, откуда она появилась! Одумайся, братия лесная, не случилось бы как при Кровавом Владыке! Будете в земле ковыряться, а когда на свет Божий вылезете, то перед вами будет небольшое пространство, огороженное колючей проволокой для вашей сохранности...".

Карась еще что-то хотел прокричать, но рот тиной забило. Только буль-буль и вышло. Да и силу голоса потерял. А наверх всплыть да по зверью пойти, слово вымолвить, сословие не позволяет. Так уж на роду написано. Господь положил Карасям в тине возиться, а в лес не показываться.

Март, 1991 год.

Как стать миллионером

ахожу в магазин. Глядь, яйца есть. И народишку-то почти нет, что там по **нынешним временам** - десятка два или три **толкаются**. Я сразу же в карман, от радости трясущимися руками достаю талоны и пристраиваюсь в хвост очереди. Уже и Бога прошу, чтобы ниспоспал начальству здоровье, что так заботится о народишке, смотри-ка, мол, и яйца есть, и в очереди не задавят. Но что-то подозрительно стало, людишки от продавщицы как ошпаренные отскакивают. Стою, а сам думаю, вот, мол, дурачье, талоны дома оставили, нет бы делать как я, спать ложусь, к руке привязываю. Так в критике-то время быстро пролетело, я у цели.

Сую продавщице талоны. А она мне вежливо ответствует: "Пошел ты со своими талонами, старик! Не видишь, по договорной цене!" - взглянул я на этикетку и ничего не пойму, только вижу, что выведена жирная, крупная цифра шесть. "Милая, это сотня

столько стоит?" - спрашиваю я у нее, а сам думаю, смотри, мол, в России президент появился, своего наместника в главное кресло области посадил, сразу же о нас, стариках, заботу поимел.

А продавщица, пигалица, еще, наверное, по вечерам в куклы играет, взглянула на меня, - будь не ладны те времена, - словно большой коммунистический начальник, и ответствует вежливо, как в школе учили: "Ты что, с луны свалился? Не видишь, - уже поти-хоньку, так нежненько,- старый хрыч! - а потом почти в самое ухо как рявкнет: - Десяток!".

Зашлось сердце у меня, а сам словно зверем стал, вот так бы и растерзal ее. Но, видать, Бог на ум наставил, дитя еще, не-смышленыш. Но руки, ноги заходили ходуном, в горле заклокотало. Да, дай Бог здоровья, нашлась сердобольная старушка, видать, в молодости в медицине кумекала, подскочила ко мне, сунула какую-то пилюлю в рот, за руку схватила, что-то щупает, губами шевелит, считает. Потом немного погодя стала про какую-то базарную экономику толковать, про договорные цены лопочет. Ну, в общем, немного отошел, добрался на трясущихся ногах до дому, лег на диван, старуха холодный компресс на лоб положила. Сосвem уже стал отходить, а сам все об этой проклятущей базарной экономике думаю. Неужели я ее не пойму, и вдруг меня осенило.

- Ура! Дамы и господа, товарищи и товарки, поздравьте меня, я скоро стану миллионером! Это ведь, очень просто сделать в нашем городе, да и, пожалуй, во всей стране. Сейчас самое время осуществить мой замысел. Тулев связан по рукам и ногам, рот не откроет, а наместник в экономике ни хрена не смыслит. Я пойду к своей цели, выражаясь по-научному, не классическим путем. Поделюсь-ка я с вами своими мыслями.

Вот когда-то яйцо стоило 13 копеек. Я не буду вас утомлять расчетами, да признаюсь вам по секрету, в них я разбираюсь, как баран в библии, или как вновь испеченные демократы; доложу вам, в одном толстом журнале было написано, что себестоимость яйца государству обходится в 4 копейки. Вот если я приватизирую птицефабрику, и сам же буду продавать продукцию по стариинке, что же получается? Транспортные расходы, утруска, усушка, там грузчик с похмелья с десяток слготнет, то я с одного яйца получу пятак дохода. Сколько же мне надо произвести продукции, чтобы получить миллион рублей дохода? И как говорил мой друг Райнин: "Это будет ..!". Придется птицефабрику, как он говорил, выражаясь по-научному, реконструировать, кое-кого выгонять, кое-

кого принимать, - стоит ли связываться.

Ко всем чертам старую систему! Демократия есть демократия! Тулеев хоть и вышел из коммунистической среды, но кое-что смыслит, подлец, в экономике, но у него кляп во рту. Мое время настало. А наместник не будет же экономикой заниматься, это не его дело, не для этого он поставлен. Он должен подглядеть, подсмотреть, доложить на Верх, получить оттуда ценнейшие указания, поправить меня, если я сверну с демократического пути. Тут ведь надо выбирать одно из двух. Дарованное кресло и ласки начальства или к сердцу принимать нуждишку народную. А кто на последнее пойдет, дураку понятно. Да кричи не кричи народишко, с кресла не спихнут, не им оно даровано. Кто платит, тот и музыку заказывает.

Но я с демократического пути не сверну, мне нужны свобода и равенство. Я не буду приватизировать птицефабрику, на кой чёрт она мне нужна. Я ее сожгу дотла, предварительно спрятав десяток яиц за пазуху. Дамы и господа! Товарищи и товарки! Я подошел к главному. Я почти миллионер, осталось только претворить свои мысли в дело. Я как предприниматель, частное лицо, а сейчас это неприкосновенно, выбрасываю на рынок партию товара в количестве одного яйца по цене 1р. за штуку. Конечно, с утра все будут проходить и воротить рожу. Некоторые несознательные даже крикнут: "Куда милиция смотрит!" - а смотрит она туда, куда ей власть укажет.

Продолжаю свою мысль. Птицефабрика сожжена дотла. Яиц в округе - хоть шаром, хоть яйцом покати. Голод не тетка, кто-нибудь да возьмет.

Назавтра я выбрасываю партию товара в количестве одного яйца, но по цене 10 р. за штуку. С утра раздается рычание несознательных граждан. Но после обеда господа все ближе и ближе меня окружают. И вот он долгожданный час! То ли рэкетир, то ли простой ночной раздевала, то ли маленький босс теневой экономики выкладывает 10 р., забирает яйцо. Назавтра я снова выбрасываю партию товара в количестве одного яйца, но по цене 100 р. за штуку. Снова такая же история. С утра все косятся, а вечером находится покупатель. На следующий день я вновь выбрасываю партию товара в таком же количестве, но уже по цене 1000 р. И вновь все повторяется, расчет мой верен.

Я выбрасываю товар по цене 10000 р. за штуку. Пенсионеришки уже мрут. То там на углу улицы, то там на перекрестке,

шел бедолага и сковырнулся с копыт, как в блокадном Ленинграде. Но деньги есть у воротил теневой экономики, у новых русских, у демократов, которые стоят у власти, для этого и перестройку затеяли, не с пустой же мешкой хотят остаться.

При цене 100000 р. за яйцо умирать стали уже и шахтеришки да и весь высокооплачиваемый рабочий класс. Но мне какое дело! У нас базарная экономика, свобода и демократия. Взяли и это яйцо. О славный миг! О миг желанный! Стою я, нет, сижу в кресле - а передо мной небольшая витринка, метра два в длину, с аршин в ширину, сваренная из броневой стали, сверху покрыта пуленепробиваемым стеклом. А посредине этой витрины, на подносе гжельской росписи, на бархатной подушечке лежит яйцо. Чуть в стороне, разукрашенная золотыми виньетками, стоит этикетка, на которой типографским способом отпечатано: "Цена: один миллион за штуку". О сладкий час! О миг желанный! Настало время, свершилась моя мечта! И вот громаднейший босс теневой экономики или сам глава мафии стоит передо мной! Его вожделенный взгляд скользит по яйцу. Он мнется, старается заглянуть мне в глаза, но мой взор непроницаем, там не найдешь ни жалости, ни сострадания. Я знаю только одно. Голод не тетка! Заставит калачики есть! И вот блаженный миг! Он начинает отсчитывать новые тысячи-рублевые купюры! О блаженство! Я стал миллионером! Сердце трепещет в груди, как пойманная птица.

Дамы и господа, товарищи и товарки! Я счастлив, но и в то же время расстроен. Скажу вам по секрету, что я не знаю, какое за миллионом идет число. А хочется еще приобрести капитал, как говорится, аппетит приходит во время еды, не пропадать же оставшимся у меня яйцам. Не возьмется ли кто из вас продолжить торговлю? Прибыль будем делить пополам. Но с одним условием - каждый день взвинчивать цену. Подумайте, сколько будет стоить последнее яйцо. Не бойтесь, все идет к этому. Придет время, миллиардер, попав по нужде в нашу местность, заплатит любую цену, даже в валюте. Предлагайте услуги, мы ведь честные бизнесмены.

1991 год.

Жил-был Ваня

ил-был Ваня, простой русский мужичок. Много горя на своем веку повидал. Еще по возрасту бы ему молоко пить, в школуходить, а пришлось за топор, за литовку браться, другие повинности исполнять, чтобы не сдохнуть с голода. Кончилась война, Вождь всех времен и народов коммунизм пообещал, вот, мол, только Ваня в лета войдет, всеми благами пользоваться станет. Пошел Ванятка на работу устраиваться, а мать, провожая, наказывает: "Вот если бы жив был отец, не погиб в 37 году, то он бы тебе так сказал: в работе честь ищи, чтобы люди не сказали, что ты лодырь". Запомнил эти слова Ваня и стал вкалывать за себя и за того парня. Начальство довольно, похваливаёт, на каждый праздник похвальную грамоту шлет, иногда даже вымпелом отмечает.

Почил в бозе Вождь всех времен и народов, на его место сел Вождь с харей поросенка, с жабьими бородавками на роже. Этот уже совсем коммунизм придинул, даже дату назначил, для чего на продукты наценку сделал. Вновь живет Ваня, трудится. Палат каменных не нажил, но все же на продуктишки хватало. Тут случился дворцовый переворот, еще один Вождь народов выискался. И этот о Ванином благе печется.

Дело к пенсии идет, пашет Ваня, по-прежнему, как лошадь. Начальство все так же похваливает, грамотку дает, по плечу похлопывая, толкует, что деньги - это пережиток прошлого, а вся честь в труде. Но стал Ваня замечать, что труженики-то, глядь, иной еще до пенсии не дожил, как с копыт сковырнулся, другой месяц-другой на пенсии проскрипел и тоже в могилевскую губернию отправился. Хоть и боязно Ване, а никуда не денешься, старость подкатила - пора идти на заслуженный отдых.

И пенсию вроде получил подходящую, целых 120 р. Но увидел Ваня Вождя-дурачка по телевидению, как тот губами шлепает, а слово сказать не может. Тут еще молва докатилась, что там, за бугром ихние простые дурачки умнее нашего Владыки. И до того муторно стало на душе, что стал Богу молиться. "Господи! - речет Ваня от самого сердца. - Вышел я на пенсию. Стар стал, дни мои сочтены, а так хотелось на родимой на сторонушке вместо империи зла хоть одним глазком на демократию взглянуть.

Господи, помоги рабу твоему!" - хотя и чувствует Ванюша, что через край хватил, никогда не был усерден в молитвах, но бьет на жалость и все тут. "Господи! - речет он с мольбою. - Слаб я здоровьем, сорок лет оттрубил на благо начальства и Родины. Стариуху уже похоронил и чувствую, что сам скоро копыта отброшу. Так неужто на своей родимой на сторонушке демократию хоть одним глазком не узрю?".

Глядь, а рядом шестикрылый Серафим стоит, печально глядя на него, речет: "Внял, Ваня, Господь твоим молитвам. За добруту твою, за работу воловью на благо российских Вождей и Отечества исполнит твою просьбу, узришь ты демократию, не вошедши еще на небеси. Подъ за мной, чадо", - и повел он Ванюшу за город.

Привел он к одному месту, заросшему кустами, открывает крышку погреба и, показывая вниз, речет: "Лезь, Ванюша, в погребочек, свернись калачиком да спи спокойно, ибо от расейской действительности редкий труженик на пенсии долго живет. Спи спокойно, а я вместо тебя в твоей фатере жить буду, пенсию тратить, в ЖЭК платить, чтобы люди не догадались".

Спустился Ванюша по лестнице в погребок, залез под лавочку, свернулся калачиком на старой фуфаечке, и такая благодать нашла, надежда затеплилась, что мечта сбудется, на родимой на сторонушке вместо империи зла демократию увидит. Замурлыкал котом, стал храповецкого задавать. Спит Ваня, иногда с боку на бок переваливается, то носом посвистывает, то горлышком рулады выводит, так и проспал около десятка лет.

Слышит, кто-то перстом по челу стучит. Открыл глаза, смотрит, перед ним шестикрылый Серафим стоит и смиренно речет: "Вставай, Ванюша, время настало, ~~перемены~~ большие произошли, иди снова жить в свою городскую фатеру. Иди, ни о чем не тужи, все в целости и сохранности, я на твою пенсию вместо тебя жил, с государством рассчитывался, а последний месячный пенсион на столе лежит". Хотел Ваня расспросить ~~подробнее~~, но того и след простыл.

Вылез Ваня из погребка и пошел на городскую фатеру. Первым делом пенсион пересчитал и до того обрадовался, видано ли дело - 1707 рублей, отродясь такой суммы в руках ~~не~~ бывало. Ходит Ваня из угла в угол, посвистывает, богача из себя мнит, в душе власть за демократию благодарит. Думает, то ли водочкой Вождей-благодетелей отблагодарить или уж ради такого случая

противный коньак взять. Тут его мысль на закусочку перескочила. Ванюша уже размечтался, что при таких-то капиталах не грех и красной икоркой побаловаться. Недаром же Вожди-демократы так о нем, пенсионере, пекутся. Настроение у Вани - хоть сейчас за стол садись, жаль только, что шестикрылый Серафим ничего не оставил, видать, без земной пищи обходился.

Посвистывает Ванюша, настроение разудалое, шутка ли, на столе 1707 рублей лежит, но уже чувствует, что внутри тоже музыка заиграла, кишки зашевелились, видать, сильно испостился, желудок пищи требует. Стал он в магазин собираться. Сбросил одежонку, уж больно она неприглядный вид имела, да чуть запашком несло, как-никак, а с десяток лет в ней провалялся. Кинулся к гардеробу, и в ужас пришел, за что ни возьмется, то молью побито, то от долгого лежания в ветхость пришло. Но все же выбрал пару нательного белья да рубаху поприличнее. Натянул на себя свой единственный костюм, который перед спячкой почти новым оставил. Кое-как башмаки обул, скжались окаянные, носки в стороны повело. Нагнулся шнурки завязать, и вдруг слышит... даже в пот ударило. Подумалось, не старческая ли болезнь - недержание, как с такой бедой к людям выйти. Но тут же облегчение пришло, понял, на мягком месте штаны рвутся, пощупал Ванюша руками зад, показалось, что не такая уж большая дырка, бесстыдница еще на свет божий не выглядывает. Так, повиливая задом, чтобы полами костюма недостатки штанов прикрыть, вошел Ванюша в магазин.

Смотрит, и поверить не может, столько сортов колбасы лежит, отродясь такого не бывало. Глядя на нее, желудок стал спазмы делать, настойчиво давая о себе знать, уже тошнота подкатывалась. Ванятка к витрине - цену узнать. Смотрит, на ценнике пятерка с нулями значится. Он уже намеревался к кассе бежать, но что-то его остановило, показалось, что уж больно много нулей. Он снова впер свой взгляд в цену, ища запятую после пятерки. Но ее там не было, она, окаянная, после двух нулей стоит. Ванюша до конца еще ничего не понял, но волос на голове уже становился дыбом. Наконец его побелевшие губы прошептали: "Пятьсот рублей!" - и голова пошла кругом. Кинулся он к другой витрине. "Господи! - шепчет он. - Просвети! Не дай сойти с ума! Видано ли дело, триста рублей килограмм масла!". Забегал Ванюша от витрины к витрине, но куда ни взглянет, всюду от цены волос дыбом встает.

Так ничего и не взяв, да где там, на радостях-то всего несколько десяток в карман положил, поплелся Ваня домой. Сам дорогой размышляет, что власть-то за его сорокалетний труд хоть солдатскими харчишками, но должны обеспечить. Только пришел, сразу же ручку и бумагу на стол, стал подсчет вести. Выписал, что солдату положено, повеселел немного. Думает, мол, не барин, разносолов не надо, на солдатском харче проживу.

"Хлеб! Хлеб - всему голова!" - шепчет Ваня, начав с первой строчки. "Девятьсот граммов.... помножим на это!" - и пишет цифру тридцать восемь. Принялся за мясо, рыбу, крупу и овощи.

Цифры растут одна за другой, глядя на них, Ванюша в ужас приходит, волосы на голове вновь дыбом становятся. "Портки-то, портки надо!" - непроизвольно шепчет он. "За фатеру платить надо, да чоботы справить, да белышко, не ляжешь же голышом!" - но все же, пересилив себя, сложил основные числа, отбросив такие мелочи, как перец и лавровый лист. Взглянул на итог и внутри похолодело. Только и вымолвил, задыхаясь: "На продукты в день сто рублей надо! Это в месяц на солдатские харчишки три тысячи рублей? А их всего 1707 рублей! Господи! А чем же за фатеру платить, на что портки справить, где чоботы взять! А...." - прикидывал Ваня еще будущие незапланированные расходы.

Понял Ванюша, что при нынешних Вождях или с ума сойдет, или, скорее всего, с голоду сдохнет. Собрался и пошел на полянку погребочек искать. Вроде место то, а нет погребка, даже признаков не находит. Ходит уже несколько дней Ванюша по полянке, то Господа Бога в помощь зовет, то Вождей на чем свет стоит поминает, какими только эпитетами не награждает.

1992 год.

Несколько слов о приватизации

щее в брежневские времена думал: как бы я поступил, окажись экономика в моих руках. Переbrав десятки вариантов, остановлюсь на худшем - отдать бесплатно производство тем, кто на нем работает. Народ ликует. Произошла приватизация, шахтеры стали полными хозяевами шахт, выбрали директоров. По этому поводу у мэра

деловой банкет. Кроме общественности и прессы собрались директора: Р., Ш., Л., У., Т. Мэр, подняв бокал с шампанским, произнес сокровенную речь.

- Господа! Мы свободные люди! Над нами не довлеет центр, мы вправе самостоятельно вести свои дела, - сделав паузу, найдя глазами Р., сказал: - Я хотел бы знать Ваше мнение.

Поднялся Р., средних лет мужчина с резкими чертами лица, похоже, что природа трудилась над ним с одним топором, не прибегая к стамескам и другим инструментам. Но, приглядевшись внимательнее, особенно к глазам, сразу же видишь, что перед тобой ума палата. Мэр, глядя на него, думал: "Нескладно скроен - но крепко сшит. Потомственный шахтер, отец и дед в шахте трудились. Этот шахту знает как свои пять пальцев, да еще вдобавок заочно экономический закончил", - и, видя, как Р. собирается с мыслями, вспомнил пословицу: "Семь раз отмерь - один отрежь". И тут же пришла новая мысль, что когда его выбирали директором, то он поставил условие, чтобы были у него права хозяина. Мэр понял, что слишком отвлекся, взглянул на Р. Тот начал говорить.

- Кредиты мы использовали с толком, купили американскую технику. Кроме имеющихся лав, нарезаем новые и во все ставим американские комбайны. Уголек пойдет рекой! Сбыт у нас неограничен, третья часть пойдет за доллары за рубеж. В течение нескольких лет погасим все кредиты. Люди обучены работать на новой технике. Будет американская производительность, соответственно и зарплата. - Р. сел.

- Ну, а Вы чем порадуете? - обратился мэр к У.

Господин У., стройный красавец, с черными усиками, в сером элегантном костюме, несомненно сшитом по заказу, с юношеским проворством встал.

- Мы не столь богаты и не так умны! - стрельнул он в сторону Р. взглядом. - Но думаем своим умишком, и, кажется, неплохо! - и, видать, не надеясь на память, стал перелистывать записную книжку.

В голове мэра стал рисоваться портрет его деловых качеств. Он хорошо знал, как его выбирали директором. Сам он был против У., который напоминал своим характером неуравновешенного человека. Недаром коллектив поднял за него руки только тогда, когда один из рабочих заявил, что со сбытом угля затруднений не будет. У. любого окрутит, чтобы тот взял у него товар. "Ну что ж, демократия - есть демократия! Шахта небольшая - потянет. В случае чего - советника подыщу", - подумал мэр.

Между тем У., просмотрев несколько страниц, почти актерским голосом стал докладывать, как будут отрабатывать запермеченное крыло шахты, используя при этом новейший английский комбайн. Что он уже закуплен в кредит и вот-вот на подходе, уже прибыл в наш порт. Он подробно остановился на том, что спуском этого крыла появятся как минимум две дополнительные лавы, и закончил следующими словами:

- Пусть уголь уж не такой многоводной рекой потечет, но будет! Будет и валюта! Будет и у рабочих американская зарплата, наивыгоднейший контракт заключен! - он вновь стрельнул выразительным взглядом в сторону Р.

Р., поморщившись, подумал: "Не такой уж он дурак! Смотри, догадался, что делать с крылом! Правильно! Таким способом его можно быстро пустить в работу. Какая была некомпетентность, отрабатывать это крыло вопреки всем горным законам. Только безмозглый дурак мог заложить такое в проект", - но мысли его были прерваны, начал говорить мэр.

- Господа! Я очень рад, что наши рабочие по материальному благополучию сравняются с Западом.

- Позвольте сказать несколько слов! - неожиданно раздался голос. Встал довольно пожилой мужчина, почти старик. - Получая по-американски, ваши рабочие не будут жить, как они. Страна еще не может обеспечить эквивалентный обмен! - все присутствующие взглянули на него с неприязнью. Ни для кого не было секретом, что в застойные времена его брали почти наверх, но вскоре выгнали с треском, обвинив в незнании линии партии.

- Ну, что же, спросим наших ведущих экономистов! - поморщился мэр. - Ваше слово, Алексей Иванович! - встал довольно молодой человек. Поправив очки, заговорил академическим голосом.

- Продукт произведен! Он существует в реальности! Его даже можно потрогать рукой, если кто плохо видит! - всем стало ясно, в чей огород был брошен камень. - За него должны быть выплачены деньги как эквивалент труду.

- Вы хороший экономист, но еще молоды. Вы не учли человеческий фактор, а он-то вмешается в Вашу игру. Вы сейчас радуетесь, что рабочие стали хозяевами, забыв поговорку, что у семи нянек - дитя без глаза. Каждую неделю будут забастовки, каждый участок будет стараться получить больше другого. И нет у директора ни экономических, ни правовых рычагов, чтобы поставить лодырей на место. Он будет не хозяином шахты со всеми

полномочиями, а ... - но все зашевелились, зафыркали носами, давая понять, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Старик обвел всех глазами, махнул рукой и сел. Мэр снова взял бразды правления в свои руки.

- Господа! Осушим эти бокалы! - все с удивлением взглянули на него, довольный произведенным эффектом, мэр пояснил: Это первый - он же последний! - представители общественности довольно неодобрительно взглянули на него, что не ускользнуло от взора мэра.

- Пора, господа, работать по-западному, а не устраивать митинги и застолья по любому поводу! Он осушил бокал, встал, взял стул, отошел к окну и уселся. Многие последовали его примеру. Образовались небольшие компании, пошел деловой разговор.

Среди присутствующих выделялась журналистка, чертовски красивая и острые на язык. Она, стуча каблучками, словно порхала от одной компании к другой, задавая вопросы.

В груди у Р. возникло какое-то неприятное ощущение, обида не обида, а словно гвоздь застрял. В мозгу сверлила мысль, что журналистке следовало бы к нему первому подойти, как-никак, а он основной поставщик угля. Вида не показывал, но сам непроизвольно следил за ней взором. Но вот она явно направилась в его сторону. На душе у Р. отлегло. Но на полупути ее перехватил У. Они о чем-то весело зашебетали, она даже несколько раз кокетливо ударила его по плечу. Настроение у Р. вконец испортилось.

Дела у Р. шли блестящие. Американская техника работала надежно, без отказов. Уголь шел рекой. Зарплата почти американская, и в конце года на акции светил большой навар. Рабочие боготворили его, каждый старался поздороваться, чуть ли не кланяясь. Р. ревниво следил за делами У.

У того тоже дела шли хорошо, но играл он немного не по правилам, перехватил заказ, который был уже почти заключен Р. Тут еще масла в огонь подлила журналистка. Тиснула в газету статью, где описала У. героем, предпринимателем нового типа, умеющим наступить конкуренту на горло. У Р. взыграло ретивое, он пытался объясниться с У. Но тот при встрече нагло заявил: "Закон джунглей! Кто кого обойдет!". Р. рассчитал контрудар.

У него были две лавы в запасе, придерживал как резерв. Теперь решил пустить в работу, а этот уголь продать той же фирме, но дешевле, чем У. Он понимал, что может резко упасть цена на уголь, но уже не мог не принять брошенный вызов. Он тщательно проанализировал обстановку, что в бассейне пять шахт, но по гор-

но-геологическим условиям все они разные. Если взять за единицу измерения затраты труда на тонну добычи, как на его шахте, за 100%, то у Л. потребуется 105%; а уж у У., как ни отлаживай производство, будет 115%. Он твердо был уверен, что У. со своими мощностями не сможет конкурировать с ним, неизбежно будет разоряться. "Джунгли так джунгли!" - думал Р. Скрывая подоплеку своих мыслей, он вышел на расширенный рабочий совет. Там встретили его на ура, держателям акций в конце года уже светился крупный куш.

Лежа в постели, заложив руки за голову, Р. осмысливал свои действия за последние месяцы. Казалось, что все идет хорошо, рабочие готовы носить его на руках, но точит какой-то червь сомнения. Он прикидывал, в чем же изъян. Сразу же вспомнилась встреча с банкетным стариком. Столкнувшись на улице несколько дней назад, тот не здороваясь заявил: "А я считал тебя умнее! Сколько же ты можешь повышать зарплату? Цены же растут из-за этого! Рубишь сук, на котором сидишь!" - и так же, не попрощавшись, ушел.

Р. стал анализировать обстановку в городе. И сразу же ужаснулся, подумав: "Как не пришла мне раньше эта мысль в голову!". Он стал сопоставлять факты. Его рабочие почти полностью снабжаются продуктами по бартеру, да и, словно с ума сошли, швыряются деньгами на базаре, не торгуясь, мы, мол, работаем у Р. Его мысль невольно переключилась на пенсионеров. Его бросило в пот. "Как же эти бедолаги живут на пенсию?! Ведро картошки на базаре стоит сотни, килограмм мяса не меньше! Как же они живут на свои крохи?" - думал Р. Но тут зазвонил телефон.

Он взял трубку. Звонили с шахты, диспетчер молол какую-то чепуху. Р. вспылил, потребовал ясного доклада. Диспетчер, все еще волнуясь, сообщил, что какие-то неизвестные люди сделали попытку разобрать крышу АБК.

- Что милиция? За что мы такие деньги в ее фонд вносим?

Диспетчер доложил, что милиция была и уехала, а задержанные сидят у него в приемной и требуют встречи с ним.

Через полчаса Р. был на шахте. Он полыхал праведным гневом, что какое-то хулиганье вторглось в его владения, не поставив его в известность, да еще наглецы требуют встречи с ним. Злость перекинулась на милицию, казалось, кому-кому, а ей-то следовало проучить шпану, чтобы другим было неповадно влезать в частное владение. Полыхая гневом, он зашел в приемную и осталенел.

Перед ним оказались старики. Не успел он опомниться, как один из них заявил:

- Ну что, новоиспеченный капиталист! Радуешься? Шахтеры у тебя миллионерами станут! Да только они для нас, пенсионеров, хуже волков, на базаре все из рук рвут, деньгами швыряются! А нам куда податься, где голову преклонить? Вон мы с Захаром! - указал он рукой. - Этот комбинат собственными руками сложили! Нам-то что досталось за эти труды?! Вы-то пришли на все готовенькое! А вот Григорий, - он указал на другого, - здесь здоровье потерял, позвоночник помяло. - Р. пытался что-то сказать. - Да нет у него шахтерской пенсии, он всего-то год под землей проработал. Травмы скрыл, на поверхность вышел, а вот теперь по старости каждый день таблетки да припарки нужны, а цены-то знаешь какие? А в аптеках хоть шаром покати, все с рук! Разве проживешь?

- Но ведь рыночная экономика! - выпалил Р. и сразу же понял, что сморозил несусветную глупость, со стариками нужно говорить совсем другим языком, а как-то сразу этих слов не нашлось.

- Пошли, ребята! Не о чем с ним толковать! Зажравшийся капиталист голодного не разумеет! - старики дружно поднялись и направились к двери, по пути испепеляя его взглядом. Все тот же стариk, наверное вожак, остановившись у двери, произнес с угрозой:

- Ты еще, мать твою так, шкурник, нас запомнишь! Нам не первый раз в атаку ходить! - и тут же вышел за дверь. Последний, остановившись, качая головой, тяжело вымолвил:

- Нам ведь хоть Брежнева ворочай! При нем-то все вроде старикам было полегче! Куда нам бедолагам податься от твоей базарной экономики защиту искать?

Дверь закрылась. Р. был недоволен собой. Сразу же вспомнились слова банкетного старика, стало ясно, о чем он предупреждал. Он прошел в свой кабинет, сел в кресло, взял лист чистой бумаги. Подумав немного, стал заполнять, прикидывая, насколько нужно урезать зарплату рабочим, насколько понизить доходы от акций, чтобы пустить эти средства на спасение пенсионеров. Но внутри завозился червячок сомнения, поймут ли его рабочие, не вспыхнет ли бунт, как на других шахтах, чуть ли не каждую неделю бастуют участки. Не сбросят ли его, а вместо него в кресло посадят И., который за директорскую зарплату пойдет на любое преступление, не постесняется даже пролить кровь.

Незаметно прошла ночь за расчетами. Он всего часочка два

вздремнул тут же в приемной на диване. Но утром, как всегда, минута в минуту, сидел в своем кабинете. Щелкнул тумблером, взглянул на экран, где должен появиться диспетчер. Прошла минута, вторая, но тот не появлялся. У Р. стали сходиться брови на переносице. Он сделал повторный вызов. И вот на экране появился диспетчер. Взгляд его был растерян, вместо четкого доклада он, чуть не заикаясь, произнес:

- Эшелон с углем на станцию не прибыл! Застрял в пути! Машинист доложил, что на рельсах люди сидят! Милиция там, но бездействует! - диспетчер выжидательно уставился на Р., дожидаясь распоряжений. Но Р. выключил связь и тут же вызвал П. из рабочего комитета. Считал он его расторопным да и преданным себе, как-никак, а по его же директорской инициативе больная дочь за большие деньги в валюте лечилась на Западе. Он уже давно догадался, что старики исполняют свою угрозу, это они сидят на рельсах. Р. понимал, что нужно срочно принимать жесткие меры, иначе черт его знает, что может произойти, может остановиться шахта.

Но он не посвятил П. в ситуацию, а просто проинформировал, что какие-то хулиганы не пропускают эшелон с углем. Посоветовал прихватить мужиков покрепче и срочно навести порядок. П. обещал, что он все сделает по уму.

П. вернулся часа через два. И сразу же с порога, чего никогда не было, не соблюдая субординацию, рявкнул:

- Ты сам разбирайся с ними! Их человек тридцать там!

- А что милиция? - Р. пытался скрыть свою растерянность.

- Что милиция! Спрашиваю у майора, а он мне на медсестру показывает! Я к ней! А она говорит: "Не трогайте их лучше! Тронете - многие тут же на рельсах умрут!". Ну подошел я к дяде Грише, астматик проклятый, когда хочет поздороваться, рот откроет, несколько секунд воздух ловит, все равно только "те" и произнесет. Ходил по-хорошему с ним. Так куда там, куда и астма делась, машет костылем и орет: "Не подходи! Убью! Мне все равно подыхать, так и так конец!". Взглянул я ему в глаза и понял, что он вот-вот на самом деле концы отдаст! - П. потряс головой, избавляясь от наваждения, потом, немного успокоившись, произнес: - Майор сказал, что он со стариками договорился, через полчаса уйдут. На всякий случай, мол, еще одну скорую вызвал. Надеются живыми по домам развезти.

П. ушел, Р. задумался. Не заметил, как на экране появился

диспетчер, только голос и вывел из задумчивости. Тот спрашивал разрешения дождить. Р. молчком кивнул головой.

- У. произошел горный удар! Жертв нет, но разрушения большие. Шахта встала полностью, - диспетчер умолк, ожидая вопросы.

Но Р. махнул головой, давая понять, что и так все ясно. Изображение исчезло.

Р. снова задумался, ему по-человечески было жать У. Его аналитический ум уже успел рассчитать последствия горного удара. Ему было ясно, что шахте пришел конец. Где взять деньги для ее восстановления? Кто даст новые кредиты, когда шахта еще не выплатила старые долги и директора могут сменить в любое время. Он мысленно пытался поставить себя на место У. И тут же понял, что даже и с его умом было бы очень трудно справиться с этим ударом.

Прошло два месяца, а Р. так и не осуществил свои намерения. Оказалось, что не так-то просто это сделать. Сразу же нашлись горлопаны, которые на каждом углу кричали, что они акционеры и не позволят разбазаривать их капитал, основная масса рабочих раскачивалась, не зная, к какому боку прибиться, на чью сторону встать. Они понимали, что пенсионеров нужно спасать от нищеты и голода, но не хотелось поступиться своим благополучием, все надеялись, что этот вопрос решит кто-то сверху. Уже образовались комитеты и подкомитеты по защите акционерного капитала. Некоторые рабочие уже глядели на него зверем, требовали переизбрания директора, проходя мимо, демонстративно отворачивались.

Р. ходил как в воду опущенный. Только теперь до него дошло, как плохо он знал низменную человеческую натуру, до чего бывают отвратительны некоторые личности, за копейку готовые зарезать родную мать. Он часто шептал про себя: "Я же сделал вам такое производство, шахта работает, как часы. Все предусмотрено, чтобы не случилась авария, не погиб человек! А вы платите мне такой черной неблагодарностью!" - он уже подумывал, не подать ли в отставку, но жила маленькая надежда, что на расширенном собрании рабочих-акционеров он возьмет верх.

В кабинет вошла взволнованная секретарша. Р. с удивлением взглянул на нее.

- К Вам целая делегация с шахты У.! - выпалила она испуганно.
- По какому вопросу?

- Говорят, сами скажут!

- Пусть войдут.

Вскоре в кабинет подчеркнуто развязно ввалились шесть мужиков. Молчком, не здороваясь, уселись на стулья. Вдруг один из них злобно заговорил.

- Так вот мы за чем к тебе явились! Вчера собирались, выпили на последние гроши, потолковали и решили! Ты даешь нам участок, а твои пусть на наш идут! - Р., недоумевая, оглядел их и, пожимая плечами, произнес:

- Это с какой стати мы со своей шахты пойдем в чужую?

- Нет, врешь! - взвизгнул один. - Нам революция все дала, недра принадлежат народу! Это вы продались капиталистам! Прикрываетесь предпринимательством, захватили все лучшее, а нам одну дрянь оставили! Нет, так не пойдет! Хватит нам мозги пудрить! Все должно быть по справедливости!

- За топоры возьмемся, а участок отобьем! Мы еще вам покажем, как уголек рубать! - истерично крикнул третий.

- По-хорошему не отдадите - силой возьмем! - начал снова первый. - Нам терять нечего! Нашей шахте каюк! Она не жилиц, и мы с голоду подохнем! В долгах как в шелках, ее и с молотка сейчас не продашь! Кому она нужна!

- Шли бы вы, мужики, да высপались хорошенько, а завтра за дело взялись. Все равно ведь кроме вас никто шахту восстанавливать не будет. - Р. старался говорить спокойно, а сам думал: "Настали новые времена? Такое и во сне не приснится!".

Не буду описывать, как через несколько дней бригада из полста мужиков появилась с топорами в руках на шахте Р., требуя для себя участок. Местные шахтеры встали за свои права, мужики, вооружившись оглоблями, принялись защищать свою собственность. И как говорится, не дай бог видеть русский бунт, бессмысленный и жестокий. Лучше я перейду к другому варианту.

Мэрия. Зал заседаний. Собрались директора шахт, представители рабочих комитетов и в качестве наблюдателей специалисты разрезов. Потихоньку идет разговор, некоторые поглядывают на часы, время приближается к девяти.

Вошел мэр в сопровождении Д. Прошли к председательскому столу. Д. опустился в кресло, мэр стал говорить.

- Господа! У нас сегодня знаменательный день! Мы должны подписать протоколы. Я не буду представлять вам Д., вы его прекрасно знаете. Он крупный специалист горного дела, хорошо раз-

бирается в экономике, для него не является секретом и человеческий материал. Думаю, что лучшего специалиста нам не найти. Его хорошо знает Запад, были ему оттуда предложения. Но он предпочел трудиться в своей стране. Под его имя и знания западные банки дают кредит с 10% годовых. Все расчеты у вас на руках. Вы с ними познакомились, но мне все же хотелось, чтобы Д. вкратце проинформировал вас, как говорится, освежил память.

- Господа! - довольно громким, но спокойным голосом начал Д. - Страна разорена. Все отрасли экономики в упадке. Мы это с вами прекрасно знаем. Знаем и то, что кроме нас никто не будет восстанавливать разрушенное хозяйство. Но как - вот вопрос! Да, у нас в стране будет рыночная экономика, но создавать ее теми методами, которыми шли капиталисты, мы не можем. Они шли к современной экономике веками, методом проб и ошибок, мы должны избежать этого. У нас совершенно другой структуры человеческий материал. Многие слои населения совершенно не защищены. Перехожу к главному. Я буду излагать свои мысли, потом каждый из вас выскажет свои соображения. - Д. сделал паузу, оглядывая присутствующих. Не видя возражений, он начал вновь.

- Я за концерн на акционерной основе. Нельзя сейчас отдать шахты и разрезы в частные руки или тем, кто на них работает. Они связаны тысячами нитей с теми, кто строил их, но не дополучал за свой труд. Это вызовет социальный взрыв, люди будут требовать возмещения за свой неоплаченный труд. Особенно опасно это там, где есть целый куст шахт, - он снова сделал паузу.

- Моя концепция простая, шахты и разрезы в лице концерна принадлежат городу и народу. Мэрия владеет 30% акций. Рабочие шахт, покупают за наличные или в кредит по льготной цене 30% акций. Остальные 40% идут в свободную продажу по настоящей стоимости. Их может купить любой гражданин любой страны. Шахты и разрезы в финансовом отношении абсолютно самостоятельны, но входят в концерн. Штат концерна небольшой. Руководящий орган - совет директоров. В него входят руководители предприятий со своими главными специалистами, представители мэрии и представители рабочих - держателей акций. Совет формирует и проводит всю экономическую политику. Глава концерна может только наложить вето, потребовать доработки. В его распоряжении всего три отдела, - он снова сделал паузу, оглядывая присутствующих.

- Первый - отдел снабжения. Его задача: находить постав-

щиков в стране и за рубежом, закупать технику, запчасти и прочие материалы по выгодной цене. Шахтам и разрезам не нужно будет иметь параллельные структуры. Это даст большую экономию.

Второй - отдел сбыта. Его задача: найти потребителя в своей стране и за рубежом, продать уголь как можно дороже. Шахтам и разрезам не нужно будет содержать дорогостоящий отдел сбыта. Кроме всего прочего, такая система позволяет обоснованно регулировать цену на уголь, даст возможность маневра в борьбе с другими конкурентами. Стабильность поставок и цен избавит нас от ненужной внутренней конкуренции, прибыль будет зависеть только от величины добытого угля. Отделы небольшие, всего три-пять человек, но компьютеризированные по последнему слову техники, с собственным банком данных.

Третий - отдел финансовый. Он самый сложный по своей структуре. Прежде всего я остановлюсь на том, что все шахты находятся в неравных горно-геологических условиях, и от этого нам никуда не уйти, затраты добычи одной тонны угля разные. В моей докладной записке все детально расписано, но я все же остановлюсь на некоторых моментах. Шахты и разрезы в финансовом отношении полностью самостоятельны, прибылью распоряжаются по своему усмотрению, но платят через концерн налоги в местный и государственный бюджет. Концерн же часть прибыли забирает себе по определенной шкале. Так как у У. при новейшей технологии все равно для добычи тонны угля затрачивается наибольшее количество ресурсов, примем за коэффициент 1. Т. - 1,05, Ш. - 1,1, Л. - 1,15, Р. - 1,20. Часть прибыли пойдет на содержание структур концерна, остальная - в накопительный фонд. Из которого каждое предприятие может взять льготный кредит на модернизацию производства. Концерн будет строить новые шахты. Внедрять безотходную технологию, оплачивать институтам за новейшие разработки. Строить и развивать ремонтную базу. Но все вновь входящие подразделения будут финансово самостоятельны, ведя расчеты по договорным ценам с заказчиком, - Д. вновь сделал паузу. Взглянув на мэра, продолжил:

- Как будет распределяться годовая прибыль? Весь чистый доход делится на акции. Свои 30% забирает мэрия в основном для поддержки социально незащищенных людей. Строит для них дома отдыха, богадельни, приобретает для этих заведений дополнительные участки земли. Часть прибыли тратится для развития инфраструктуры города, что непосредственно улучшает благосостоя-

ние народа. Часть для поддержки малоимущих, особенно тех, кто строил эти шахты и разрезы. Остальная прибыль, как во всем цивилизованном мире, делится на акции, - Д. умолк, оглядел всех, дожидаясь вопросов.

Вопросов было немного, только некоторые требовали уточнения, да еще не относящиеся к докладу. Вскоре протокол был подписан. Совет директоров тут же в мэрии провел свое первое рабочее заседание.

1992 год.

Послание молодому шахтеру

ой юный друг, позволь отнять у тебя несколько драгоценных минут. Позволь представиться. Я простой русский рабочий. В партии не состоял, просто пахал и пахал всю жизнь. Когда я пошел на работу, то мать наказывала: "Трудись, сынок, честно! Чтобы люди не сказали, что ты лодыры!" - такая уж натура у русского народа. И я всю жизнь шел этой стезей, отпахал только на производстве 36 лет, а так, наверное, начал трудиться с самых пеленок. Сын врага народа, да война что стоила. Знал, что от трудов праведных - не наживешь палат каменных. Но так уж были воспитаны, передалось от отцов и дедов уважать честный труд, презирать спекуляцию.

Сейчас тебе, сынок, вдалбливают, от Кремля до Голикова, что на площади беснуются одни выжившие из ума сталинисты и прочая сволочь, защищают партократов. Не верь подлым фарисеям. Я ненавидел и боялся Сталина, до глубины души презирал людей, которые уважительно говорили о нем, считал таких быдлом. Так вот сейчас нас, бывших простых тружеников, Вожди большие и малые гонят пинками под знамена, которые хоть чуть-чуть сочувствуют нам, бедолагам.

Ты только подумай! Подожди, не мashi рукой! Не нервничай! Ниже я и о тебе скажу, что ждет тебя впереди, а сейчас разговор пойдет о нас, стариках. С чем мы остались? Не верь тем паразитам, которые нас обвиняют, что мы не работали. Мы пахали! Все, что есть в стране: заводы, фабрики, шахты и рудники, - все построено нашими мозолистыми руками. А те паскудные сволочи, которые сидели в высоких кабинетах, теперь, став продавцами воз-

духа, навешивают на нас ярлыки, что русский рабочий - пьяница, лодырь и турица. Не наша вина, а наша беда, что стояли над нами Вожди-дурачки и система обдирала нас как липку. Но все же у каждого из нас, кто честно трудился, были на книжке сбережения от 5 до 10 тысяч. Берегли на черный день, на похороны. И вот за одну ночь были ограблены. Что осталось от нашего капитала? Пустые бумажки, труха! А сейчас, чтобы похоронить без поминок, хотя это русский обычай, на гроб, на могилу и прочее нужно около 50 тысяч. Где взять такие деньги, если его честно нажитые деньги превратились в труху, он просто-напросто ограблен, обобран до нитки.

Вижу твою усмешку и жест руки, выброшенной к другу, с ехидцей произнесенные слова. Мол, пятнадцатисуточники утащют и зароют без гроба. Не дадут же властья валяться как падле, распространять заразу. Да и вы, шахтеры-миллионеры, наверное, объявитесь себя спонсорами, кинете что-то, уволокут бедолагу, сбрасывают в яму без гроба, закидают как попало. Мертвые срама не имут.

А теперь нарисую картину, которая тебя ждет. Ты всегда, рабочий-шахтер, был величайшей опорой Вождей. Сталин любил повторять: "Посоветуемся с рабочим классом!" - а этот рабочий класс, задрав кулак, орал: "Смерть предателям, смерть врагам народа!". А Stalin, хлопая рабочий класс по плечу, повторял: "Не я сужу - судит народ! - а сам думал: - Как легко управлять быдлом!". А рабочий класс млев под рукой Вождя, думая, что Stalin поднимает его до своего уровня. А Вождь всего-навсего об этот рабочий класс вытикал свои кровавые руки. И беда в том, что ничему не научился этот рабочий класс, во все времена одна песня: "Давай Вождя! Давай отца нации, заступника народа! Пашь порву - если кто-то против него слово скажет".

Вот на вас, шахтерах, Вождь, как на серенькой лошадке, въехал в Кремль. Ласкает вас, пока еще не крепко обосновался в нем. Но я, хоть убей, не вижу в вашем Вожде ни политика, ни государственного мужа, а чудится мне он жесточайшим первым секретарем обкома, и в своем интеллекте он выше первого секретаря не поднимется. Когда он заявил, что республиканские законы выше федеральных, то у меня на голове волос встал дыбом от такой дремучей некомпетентности. И восторженной поклоннице Вождя пришло объяснять, чем все это кончится. Как только республиканские законы станут выше центральных, так сразу же законы автономных республик, краев и областей станут выше рес-

публиканских, а районные выше областных. И пошло и поехало. Дойдет до того, к примеру, что в ауле, в кишлаке или на хуторе, где всего три домика, мужики, подвыпив, в пьяном споре угрожают собутыльнику. Приезжает милиция, а они говорят: "У нас тут вчера было собрание, приняли декларацию, свои законы установили. Кто против нас - тому секир башка! Уматывайте отсюда, у нас суверенитет, не то и вам секир башка будет!".

Вот и началось с Беловежской чащобы. ГКЧП - это баловство! Всего три смерти без военных действий! А вот на чьей совести после развала страны миллионы обездоленных, лишенных крова и Родины. Готов ли ты отдать свою квартиру или хотя бы приютить несчастных, которых миллионами будут выпинывать, именно выпинывать из так называемого ближнего зарубежья. И тебе придется испить чашу народного горя, ты не спрячешься за спину своего Вождя. Его бывшая поверенная *сказала*, что у Вождя уже построена хибара с пуленепробиваемыми стеклами. Он отсидится в ней за этими стеклами, когда толпы голодных, обездоленных и ограбленных, готовых на все, пойдут по городам и весям.

Возьмем клятву Вождя, когда он заявлял, что ляжет на рельсы, если перестройка пойдет за счет народа. Есть ли еще более дремучая некомпетентность? Где это было, в какой стране происходили перемены без участия народа, без его страдания, не за его счет. В мутной водичке ловят рыбку Вожди, аферисты, лавочники, мафия всех мастей, вот кто в первую очередь получает дивиденды. И нет на рельсах истерзанного колесами трупа, нет и не жди. Хрущевско-брежневская школа верх взьмет. Столько лет в самом верху отирался.

Теперь о тебе, мой юный друг! Тебя по команде кремлевского и областного Вождя бросает из стороны в сторону, то с шашкой наголо несешься в Белокаменную, то экономическую, то политическую забастовку объявляешь. Лелея надежду, что в будущем Вождь осыплет тебя своими благодеяниями и ты не будешь работать, сверху посыплют золотой дождь. Ты гонишься за призрачным счастьем, которое и нам когда-то сулили Вожди за нашу покорность и слепую преданность им. Но ждет тебя совершенно другое. Вспомни великого экономиста Заславскую, а они все из одного гнезда, и сейчас она главный советник Вождя по экономическим вопросам. Как она говорила, какие должны быть порядки в стране? Зашел рабочий-шахтер в магазин, а там цены такие! Попускал он пузыри от избытка слины, глядя на колбасу, и пошел ни с чем восвояси. Сбываются ее слова, спроси у пенсионера, когда он последний раз ел колбасу. Что он тебе ответит? Мы ведь

сейчас выдуваем мыльные пузыри, которые так красиво светятся, как колбаса на прилавке, но в руки не возмешь. Все идет прахом, все разрушается, везде упадок. Внутренний и внешний долг такой, за который, неизвестно, рассчитываются ли твои дети и внуки. Все это скажет свое слово. Чапаевщина в экономике до хорошего не доведет. Лопнет этот мыльный пузырь, наступит реальность. И вот тогда что ждет тебя:

"Я как первый президент России, впервые избранный всем народом, получаю многочисленные письма и послания изо всех отраслей народного хозяйства, где говорится, что шахтеры незаслуженно получают дотации. Я как президент не могу не прореагировать на эти злобные нападки, где любимые мной шахтеры называются бездарями и тунеядцами, не способными прокормить себя. Ссылаются на американских шахтеров, которые работают без дотаций. Поэтому назначаю комиссию из экономистов и прочих -истов и приказываю вынести результаты на всенародное обсуждение".

А теперь послушай, что обнародует комиссия. Сколько было шахтеров в Америке десять лет назад и сколько было в СССР? Сколько добывали угля те и другие? Какая была у них производительность? И сколько сейчас добывает российский шахтер и какова его производительность против американской? И если это умело поднесут, а радетели найдутся, то забастуют нефтяники, газовики, металлурги и прочие, и прочие. Даже малыши в детсаде будут выражать свой протест; не будут садиться на горшки, пока вас не уравняют с американскими шахтерами.

"Поэтому по многочисленным просьбам трудящихся и по просьбе самых сознательных Вожаков-шахгеров прекратить дотацию угольной промышленности. Нерентабельные шахты закрыть! А все средства бросить на строительство торговых рядов, ибо это основа рыночной экономики!".

Вот и лопнул мыльный пузырь, так нежно ласкающий взор, наступила реальность. Нельзя бесконечно продавать воздух, без труда, одними цennыми бумагами жизнь не построишь. Лишат вас дотаций. Будут закрываться шахты, и пойдешь ты, милый, вместе со мной просить милостыню. Я хоть старик немощный, а ты здоровенный, цветущий молодой человек, хотя к тому времени с тебя много лоску спадет. Но главное, что хочу тебе я сказать. Вы предали своих родителей. Да! Да! Нас, пенсионеров. А подлость всегда наказуема. Это не проходит даром. Вспомни великих Вождей, что стало с их детьми? Вспомни Спитак, резню, когда убивали друг друга, Фергану, кровавые погромы, Грузию с Осетией, где убивали даже стариков и детей. Что случилось

после всех этих событий? Землетрясение в Спитаке, в Фергане на границе Грузии с Осетией. Случайное ли это совпадение, или Господом Богом отмерена кара за зло? Проанализируй, сколько гибло шахтеров десять лет назад и сколько гибнет сейчас за год. Сейчас уже народ проклинает вас, шахтеров, обвиняя в том, что вы своими бешеными деньгами поднимаете цены, отнимая у пенсионеров заработанную когда-то пайку. Подумай, молодой человек, куда приведет тебя Вождь, и будешь ли ты счастлив, когда старики...

1993 год.

О земле и земельной реформе

современные Кремлевские Вожди ведут себя так, словно для них земля является злейшим врагом. И только одна дума, как бы от нее быстрее избавиться, и только одна забота, как бы ее побыстрее прощать, их не заботит, в чьи руки она попадет - честному труженику или отпетому негодяю-преступнику. Кремлевских Вождей не беспокоит, что земля попадет в руки неведомых России латифундистов, которые появятся из мафии, слившейся с бывшей партийной верхушкой, из преступного мира дальнего и ближнего зарубежья, из негодяев, нажившихся на перестройке. Ради сиюминутной выгоды, ради своих корыстных интересов они не хотят понять, что если земля окажется в руках латифундистов, то до новой революции рукой подать. Разве нас ничему не учит горький опыт Мексики и всей Латинской Америки, где земля находится в руках латифундистов? Восстание за восстанием, нет мира в стране и не будет, пока земля находится в руках небольшой кучки богатеев, а основная масса народа - безземельные батраки. И до тех пор, пока не решен земельный вопрос, страна не может нормально развиваться. Легко создать латифундистов, но трудно избавиться от них, в их руках будут власть и деньги.

И в нашей стране произойдет то же самое, когда земля окажется в руках одной диаспоры, поддерживаемой финансовыми воротилами из-за рубежа, а основная масса народа будет обворована. Это нарыв, который не даст спокойно жить стране, то в одном, то в другом месте будет прорываться, тем более у нас мно-

гонациональный уклад жизни.

Чтобы меня не обвинили в шовинизме, коснусь слегка своего мировоззрения. Как ни хотелось бы мне возвыситься, но как христианин должен признать, что все люди произошли от Адама и Евы. Поэтому все люди братья - независимо от национальности. Если я ударюсь в атеизм, стану поклонником Дарвина, то тоже должен буду признать, что все люди произошли от какой-то паршивой обезьяны. Снова выходит, что все люди - братья и сестры мне.

Все люди братья, но каждая нация имеет свои особенности, отличается одна от другой. Возьмем тотемизм. Уaborигенов Америки и Австралии до сих пор сохранился у каждого племени свой тотем. По своему характеру это племя похоже на то животное, которому поклоняется и считает своим прародителем. И европейские, и азиатские народы по своему складу характера отличаются друг от друга. У одной нации развит хватательный инстинкт, представитель этого народа не считает зазорным обмануть партнера. У него жадность к накопительству, золотой телец для него Бог. У другой нации деньги не являются мерилом их жизни.

Я остановлюсь на своих земляках-шорцах. В горной Шории родился не только я, но и мой дед, да и прадед появился на свет не далеко от нее. Дед мой в совершенстве владел шорским языком. В нашем доме часто останавливались на ночлег шорцы, и дед разговаривал с ними только на их языке. Я интересовался, что же представляют из себя шорцы как народ, какие их нравы и обычай. Дед с большой теплотой, с величайшим уважением относился к шорскому народу. Хвалил за смелость на охоте, не раз приходилось ходить с ними на медведя, но только одного он не мог никак понять. Тут я почти дословно перескажу его слова.

- Идет шорец с неудачной охоты, случалось и такое, толокно уже кончилось, несколько суток голодный, хоть ложись и помирай. И вот на пути встречается ловушка другого охотника-шорца, в которой есть добыча, пригодная для пищи, можно сварить и съесть. Но нет! - тут дед выражался "высоким штилем". С голоду сдохнет, но не тронет добычу в ловушке. А уж, кажется, что бы проще, позаимствовал бы, потом сказал своему же брату-охотнику. Но нет, гордость не позволяет.

Так уж случилось, такой склад ума у меня, матушку Радею и расейский народ изучая уже полста лет.

Знавал я двух шорцев, оба звались Самоило Ивановичами, оба жили в одно и то же время. Один Самоило Иванович как толь-

ко появлялся на прииске, то его сразу же окружали русские мужики и начинали расспрашивать, какая погода будет зимой. Тот, конечно, уже знал по своим приметам, глубокий ли будет снег, сильные ли будут морозы, но внимательно смотрел на гору Пустаг, священную для каждого шорца, потом начинал объяснять: "Аднака, паря, до Роства шипка мароз будет, а снег мала. А после шипка мароз пудет, шипка пуран пудет, снег много пудет. Весна рана пудет, дождь рана пудет, вода река полшой пудет. Аднака, паря, скатина на сарай мал-мал таскай надо. Шипка педа полшой будет". И мужики готовились к весне. Жившие у самой реки готовили настил на сарае для скотины, из избы все, что можно было, перетаскивали на вышку. Весна была такой, какой предсказывал Самоило Иванович.

Другой шорец Самоило Иванович побирался. Он часто заходил к бабушке "мал-мал чай ширкать". Как-то раз случайно попал я на осинниковский базарчик. Смотрю, сидит Самоило Иванович, шапка перед ним, побирается. И так он особой гигиеной не отличался, а тут вообще грязный, космы слипшииеся, одежонка рваная, видок что надо. Я понял, что это специальный маскарад, чтобы вызвать большую жалость. И вправду, одна женщина хотела подать булочку, а он ей: "Моя хлеб не надо, денюшка нада". И ведь не обиделась, а, наоборот, дала мелочь и с участием спрашивает:

- А сколько Вам лет, дедушка?
- Наверное, поле ста пудет.

Я не стал подходить близко, афишировать свое знакомство, уж больно "респектабельный" был у него видок. Вернувшись домой, поведал об этом бабушке и спросил у нее сколько ему лет. На что она, рассмеявшись, ответила: "А он всю жизнь был такой. Выродок какой-то. Шорцы всегда его от себя гнали, словно зарazu какую-то. Не признавали за своего. А лет ему? Он младше нас с дедом. Когда у нас свадьба была, он еще пацаненком бегал". Да, подумалось мне, хитер Самоило Иванович!

Став повзрослев, хотелось получше узнать, что же за народ эти шорцы. Приходилось работать с ними в экспедиции, на производстве, часто, как говорится, разговаривал по душам. Начинал я обычно разговор с того, что, мол, знал Самоило Ивановича, который предсказывал погоду, в это время Дьяков - бог погоды только входил в зенит своей славы. Шорец расцветал, начинал рассказывать подробно о Самоило Ивановиче, награждая самыми лестными эпитетами. И когда беседа была в самом разгаре, когда шо-

рец распахивал душу, я как бы ненароком поминал второго Самоило Ивановича. Лицо шорца резко меняло выражение, появлялась брезгливость, словно он видел перед собой что-то омерзительное. И каждый заявлял:

- Это не шорец!

- Да как не шорец?! Что я, шорца не отличу?! - разыгрывал я из себя простачка.

- Это не шорец! Шорец не побирается! - сердился каждый из моих собеседников, выражая взглядом ненависть и презрение. И вправду, за всю свою жизнь я только одного шорца-побиушку видел. И в наше тяжелейшее время вы не увидите старика-шорца с протянутой рукой.

Но сколько раз видел: купит звериные шкурки у шорца деляга, вроде и приличные деньги заплатит и тут же в знак уважения стаканчик зеленого змия поднесет для обмычки. А после второй-третьей стопочки шорец уже лезет в карман со словами: "Аднака, паря, моя твоя много взял! На назат!" - и тут же возвращает часть денег, а из оставшихся в знак уважения бутылку поставит. А уж после этой бутылки любой подходит, другом будешь. Угощает, пока карман пустым не окажется. Эта нация гордая и благородная, но совершенно лишена хватательного инстинкта.

И вот когда Кремлевские вожди посадят латифундистов на шею Ване, а шорцам дадут в поводыри дельцов из дальнего и ближнего зарубежья, то бедные мои земляки-шорцы через год-другой, если они даже создадут свой автономный уголок, окажутся в такой кабале, из которой им никогда не выбраться. Скупят у них землю, заплатят водяной, таким самопалом... А лет через десяток-другой сойдут шорцы как нация на нет. А этот делец, у которого глази как у быки, нос как у орли, будет владеть шорской землей на "законных" основаниях, по указу Кремлевских вождей.

Та же участь ждет и бедного моего брата Ваню. Пока он затылок почешет, пока подумает: "Да откуда же деньги взять, если ободран как липка!". Пока раскачается, дельцы, нос как у орли, глази как у быки, и прочие и прочие из дальнего и ближнего зарубежья приберут земельку к рукам. Выпьет Ванюша с горя. Прознется с похмелья, головка вата, во рту кака, потянуло помочиться. И побег Ваня в сортир, который в конце огорода стоит. Ах нет тебе! По его огороду уже новый хозяин расхаживает и крет: "Куда твоя поперла! Тут теперь моя казацства! Мая деньги платил! Секир башка делять будем!".

И вернется Ванюша, сжимая ягодицы, чтобы не осрамиться. Сядет уже не на свое, а на чужое крыльцо. А что делать, супротив власти не попрешь, все по закону вышло. Оглянется вокруг, а соседи: Мишка, Гришка, Борька, Толька, Колька в таком же положении. И возопит Ванюша, поминая матушку и всех святых и угодников: "Мишка, Гришка! Да это же наша земля! Наши же прадеды корчевали и впервые пахали ее. Эти же пашни нашими фамилиями назывались. Большевики ее отобрали, наших отцов насильно в колхоз загнали. А теперь этот же большевик продал нашу землю, которая принадлежит нам по праву наследства! Не виноваты же мы, что родились такими. Первыми секретарями обкомов не были. Нет у нас ни награбленного, ни наворованного, нет у нас денег, чтобы свою же землю по бешеной цене купить! Мужики! Берите топоры, вилы, устроим 17-й год, только наоборот!" - и пошло и поехало. Не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и жестокий.

Кто сейчас может купить по настоящей цене землю? Колхозник, совхозник, учитель, врач, шофер, шахтер, профессор и прочие, которые получают деньги за свой честный труд? Нет! И нет! Только валютные проститутки, воры, рэкетиры, бывшие первые секретари горкомов, обкомов, мафия, начиная с Кремлевской, кончая низовой, а также господа с ближнего и дальнего зарубежья такой же масти.

Меня, конечно, спросит читатель, если попадет ему в руки моя писаница, а что же делать. Я отвечу. Нужен настоящий земельный закон. Ниже я поделюсь своими мыслями об этом законе.

Земля священна, Божий дар, и должна принадлежать народу, который на ней живет. Каждый гражданин России может взять землю в хозяйственное пользование, производить сельскохозяйственный и промышленный продукт, получать доход. Но каждый владеющий землей должен платить земельный налог на занимаемую площадь.

Должна произойти ревизия земли, составлен кадастровый, определена стоимость гектара. Черноземные земли - одна цена. Нечерноземье - другая. А тундра и все прочие - совершенно другая, так же отличающаяся друг от друга. Не только в области, а и в районе цена земли может быть разная. Так же учитываются климатические условия.

Возьмем для примера электростанцию. Не нужно ломать голову, изобретать велосипед, а просто съездить в любую страну,

где земля в цене. Посмотреть, узнать, какую площадь занимает небольшая электростанция, какую площадь занимает большая. И вот с корректировкой на нашу отсталость предъявить земельный закон нашим электростанциям. Вот столько-то гектаров тебе на здание, где турбины и генераторы, столько-то гектаров на два отстойника. За эти гектары ты платишь низкий налог. Если у тебя, хозяина (а на электростанции должен быть хозяин: частное лицо, акционерное, смешанное общество или даже государственная собственность), не хватает ума, пока один отстойник заполняется, очистить и переработать шлаки в другом, получить дополнительную прибыль, то можешь делать 5-10 отстойников, но плати за эти гектары в 5-10 раз большую плату. Все сразу станет на круги своя, моментально все научатся считать. Еще ни один из собственного кармана не выбросил честно заработанные деньги на ветер.

Возьмем цветную и черную металлургию. Каждый завод, комбинат платит низкий налог за землю, положенную по норме. Если занимает лишнюю, то этот налог уже, как жареный петух, будет долбить в определенное место, днем и ночью будет напоминать о себе. И так все заводы и фабрики. Земельный налог заставит думать головой, относиться к земле бережно.

Если кто-то будет строить новый завод или ткацкую фабрику, то он не будет разводить вокруг разные пристройки-гадюшки. Заложит такой фундамент, сделает такой подвал, что не страшны будут ни грунтовые воды, ни землетрясения. Этот подвал разделит на отсеки, разместит там склад готовой продукции, склад исходных материалов. Установит несколько противопожарных сигнализаций, в случае опасности очаг возгорания автоматически зальется водой, пеной. На первом этаже установит чесальни, трепальни и прочие тяжелые станки. На втором ткацкое производство. На верхних этажах: пошив, раскрой, крашение и прочее, что положено по технологии.

Если он умный хозяин и хочет создать хорошие условия для своих рабочих, то пусть строит специальное здание. В хорошем подвальном помещении разместит плавательный бассейн. На втором этаже - спортзал. На других этажах: столовая, буфеты, комнаты для всевозможных кружков и игр, клубы по интересам. Крышу может сделать стеклянную, разместить под ней оранжерею, выращивать цветы и овощи. Получать дополнительный доход. Но за землю, на которой стоит это здание, он платит самый низкий земельный налог. Умному хозяину будет выгодно, даже если он

будет нести какой-то убыток.

Перехожу к сельскому хозяйству. Осеню объявляется, что с весны вводится новый земельный закон. И чиновники земельного департамента или кто-то другой поясняют: "Товарищи, господа колхозники, совхозники, за вами числятся 10000 гектаров земли. А вас осталось всего ничего. Получаете по 10 центнеров колосовых. Если вы будете иметь столько земли, а получать такой урожай, то новый земельный закон с вас последние штаны спустит, а на государство уже не надейтесь. А если возьмете 3-5 тысяч гектаров и будете за землей ухаживать как положено, удобрять и обрабатывать, как свою, то снимете по 30-40 центнеров с гектара, будете с большой прибылью. Весной берите самую лучшую землю, но только одним клином, не выхватывая гектары там и сям. Если есть неудобица, то она идет по другой цене. Имеются в виду выпасы для скота, озерки, болота".

Вся освободившаяся земля, которая является собственностью земельного департамента, раздается бесплатно фермерам в количестве, зависящем от плодородия. Для хлебопашства, в зависимости от местности, одни гектары, для скотоводства другие, сколько может обработать один рачительный хозяин. Он может взять в аренду землю, если есть сыновья, у земельного департамента, но лично он может владеть не более чем тремя наделами. Фермер так же платит земельный налог.

Фермерство - это государственная программа, рассчитанная на десятки лет. У земельного департамента должен быть свой банк с филиалами по всей стране, обслуживающими исключительно фермеров. Кредитная ставка самая низкая, но позволяющая работникам банка жить хорошо, при одном условии: чем больше они обслужат фермеров, тем больше у них доход. Должны быть созданы посреднические фирмы, которые бы снабжали фермеров иностранной и отечественной техникой по доступным ценам. Хозяйства, выращивающие элитные семена, элитный скот, должны быть под патронатом государства. Они на хозрасчете, но государство должно делать предоплату, чтобы они могли продать свою продукцию фермерам по доступной цене.

Через 10-15-20 лет должна проводиться ревизия фермерских хозяйств. Если он не работал на земле, а издевался над ней, чиновник департамента подает в суд. В суде должны быть присяжные - фермеры, живущие вокруг. Они-то и решат, лишать ли фермера надела, или оставить за ним. Им ли не знать о затрачен-

ном труде. Если лишат, то земля продается с молотка, но уже по настоящей цене. Та недвижимость и все, что он построил, должны быть оплачены из суммы, полученной на торгах. Иди в батраки, учись хозяйствовать.

Если фермер оказался рачительным хозяином, то земля уже принадлежит ему. Он ее может передать по наследству, заложить, продать. Но никто не может приобрести в одни руки более трех наделов. Лишняя земля остается в руках земельного департамента для будущих поколений. Они тоже имеют право трудиться на земле.

Так же сады, дачи и огороды. За положенные сотки землевладелец должен платить разумный налог. А если ты миллионер и хочешь иметь парк, где пруды, аллеи и дворец посредине, то, будь добр, плати налог в 3-5 раз дороже. Пройдут десятки лет, все встанет на свои места, никто с вилами не будет кидаться друг на друга.

Давайте остановимся на вопросе, кто такой фермер? Какой у него должен быть склад ума, мировоззрение? Возьмем, к примеру, шахтера, который обошел все шахты, и не раз, и везде был выгнан то за пьяницу, то за прогулы. Лежит с похмелья, голова трещит, но все же думает: "Нигде уже на работу не возьмут, а жить надо. Подамся-ка я в фермеры. Возьму ссуду, куплю коров, займусь скотоводством. Сам сыг, буду продавать молоко, масло, мясо. Деньгам счет потеряю. Главное, никто надо мной не будет стоять! Сам себе хозяин!".

Он и представления не имеет, что фермерство - это тяжелейший труд. К восходу солнца коровы должны быть подоены, как можно раньше их нужно выгнать на пастбище. У коровы молоко на языке. Летом только до десяти часов коровы пасутся, а потом спасаются от жары и гнуса. Да и самая полезная трава - когда она в росе. А во второй половине дня по-настоящему едят тогда, когда спадет жара. Вечернюю дойку производят поздно вечером, на заходе солнца. А иначе молока не видать.

Возьмем того же скотника в колхозе, в совхозе, коих много у нас развелось. Загулял в честь праздника, а он три дня длился. Еще бы отмечал, но уже не на что. Делать нечего, приходится приступать к своим обязанностям. Заходит такой скотник в скотный двор. Крыша вся в дырах, в стенах щели для "вентиляции". Коровенки три дня не доены, не кормлены, не поены. Скрючились, дрожат от холода и голода. "Му! Жрать хочу!" - жалуются то одна, то другая. А у бедного скотника голова раскалывается с похме-

лья. Злой как черт, никто взаймы на бутылку не дал. Озверел подчистую! "А мать вашу так! Заткнитесь, суки! Последние рога пообломаю!" - и начинает охаживать черенком!

Могут ли такие люди быть фермерами? Нет! Дай ты ему бесплатно этих коров в личную собственность - через несколько лет изведет. Фермер должен быть особого склада ума: с живой душой. Заходит такой на скотный двор, а коровы ему: "Му!" - здравствуй, мол. А он на всем серьезе отвечает: "Здравствуйте! Здравствуйте, милые!". Каждую по имени приветит. Начнет чистить наезд, не пихает черенком в бок, а ласково просит: "Подвинься, мишка, я здесь почищу". Он считает коров да и всю живность такими же членами семьи, как и остальных домочадцев. Он не считается со временем, сам может быть голодным, а скотина напоена и накормлена. Много ли сейчас у нас в стране таких людей, с таким складом ума и характера. Государство должно их выращивать, все делать для того, чтобы взошли эти всходы. Смотреть на десятилетия вперед.

Вот бегал по Москве с микрофоном у рта великий реформатор сельского хозяйства. И вся его концепция заключалась в том, чтобы поставить на Красной площади тысячи палаток, загнать в них по мужику, кого пинком, кого бутылкой, повесить таблички, что в них живут фермеры, и показывать иностранцам, вот, мол, как мы двинули сельское хозяйство. Сколько у нас фермеров. А спросить у него, имеет ли он понятие, как образовывалось фермерство в других странах. Уверен, он даже понятия не имеет об этом.

Попробую, чтобы не отнимать у читателя время, вкратце осветить этот вопрос. Во Франции, в Англии, да и во всей Европе с феодальных времен земельный надел передается по наследству. Прошли века. Чуть подробнее остановлюсь на Прибалтике. Специально расспрашивал сосланных бывших балтийских фермеров. Как вели хозяйство, сам уклад жизни. Хутор, за болотцем другой. Немного пахотной земли, в основном сенокосные угодья. Зимой, в праздник, снегу немного, на лошадках два-три соседа съезжаются к одному. Выпили по несколько кружечек пива, склонившись, спели несколько песен и разъезжаются по домам заниматься хозяйством. По складу характера их не тяготит одиночество, что нет рядом соседа, достаточно своей семьи.

Когда занимался этим вопросом, то вспомнил, что и мой дед в 1908-1910 годах жил на хуторе. Отделился от общинного пользования землей. Тогда это называлось отруб и было очень модно.

Насел на него основательно с вопросами. Хотя он не был типичным слuchаем, занимался в основном пасекой. Но вот что он сказал. Через несколько лет мужики матерились, казалось бы, свобода и земли сколько угодно. А нет тебе. Праздник подошел, а выпить не с кем, дороги бураны замели, выберешься с хутора только на лыжах. Вот и возьми русского мужика, язви его в душу. Вот она, русская натура, если уж гулять, так гулять, чтобы не менее полста человек сидело за столами. А вдвоем с женой - это мука, поговорить не с кем. Дай разойтись душе, показать себя.

Вкратце задену американских фермеров, сейчас модно ссыльаться на них. Как формировалось фермерство в Америке? Приходит корабль с эмигрантами из Европы. Приплыли немцы, шведы, французы и прочие, и прочие. Все они делились на две категории. Безземельные, на родине не было ни кола ни двора, обнищавшие до последней степени. Авантюристы и прочие, которым на родине маячила виселица. Прибыли. Их встречают радушно. А у американского правительства одна забота и задача: захватить и освоить запад. А для этого нужны люди, как раз такой контингент. Дают фургоны, винчестер с патронами и говорят: "На западе свободные земли. Езжайте на закат солнца, там найдете то, что ищете. В случае чего, постойте за себя". Едут. Действительно, фермеры хорошо живут. Земли много, но свободной нет. Едут месяц, другой, доехали до границы свободных земель. Местные фермеры говорят: "Здесь занято. А вот дальние земли свободные. Правда, там индейцы, но вы их «пук-пук», как мы. Это не люди, напрасно на свете живут. Чтобы обезопасить себя, мы вам поможем". Ну и "пук-пук". Пока до конечной точки запада добрались, два миллиона индейцев "упукали".

Хотелось бы еще кое-что сказать. Как селились эмигранты. Почему у них не было духовного общения, только в некоторые дни бар соединял. Да ладно, не буду утомлять читателя.

1994 год.

Почему я не жажду крови

ак-то в дни мартовских событий я увидел на улице одного знакомого. Он приближался ко мне с дамой. Нетрудно было понять, что она была новоявленной активисткой, еще издали до меня донеслась сказанная ею фраза: "Рубить надо головы этим проклятым коммунистам!". В ее голосе было столько ненависти и злобы, столько жажды крови, что у меня пробежал холодок по спине.

Мы, приблизившись, остановились, намереваясь начать разговор. Дама нетерпеливо стала перебирать ногами, явно недовольная остановкой. Мой знакомый, назову его Н., сиял, как новый полтинник. Он сразу же ошарашил меня вопросом: "Что же ты демократию предаешь, изменяешь святому делу! Я слышал, что ты пошел на попятную! Стал коммунистов защищать! А ведь при мне это было, когда ты назвал В. архикоммунистом и сказал, что если бы ты повесил парочку таких, как он, то это было бы не преступление, а маленькая толика мести! А теперь за них пошел?!".

Сказано это было таким развязным тоном, словно он был сама истина и всю свою жизнь посвятил борьбе за демократию. Но я все же пытался поговорить с ним по душам, но тут ввязалась дама. Они оба понесли такую чушь, так старались перещеголять друг друга в кровожадности, что меня передернуло. Мне сразу же вспомнился эпизод, когда я, разгорячясь,крыл государственные порядки, открыто задевая не только коммунистов, но и Кремль, а он же, глядя преданными глазами на цехового партборга, тянул: "Нет, ты не прав, дорогой товарищ!". Я психанул, взглянув на них с презрением, не попрощавшись ушел.

Но вот прошло время, я немного остыл, хотелось бы объясниться без нервных выкриков, спокойно, почему я не жажду крови коммунистов. Я никогда не скрывал, что недоволен режимом, это мог бы подтвердить первый секретарь горкома, сам Чемоданов. По большой нужде, ломая себя первый раз, я переступил порог горкома. Допустили даже до его светlostи. Наболело на душе, хотелось поговорить, что он напрасно разгоняет хоккейную команду. Хотелось поделиться мыслями, сказать смотри, мол, в каждом дворе гоняют шайбу. Все возрасты покорны этой игре. И пятишестилетние ребятишки собираются в команду, и пятнадцати-сем-

надцатилетние амбалы носятся сломя голову. У всех мечта по-пасть в городскую команду. А там, вдруг повезет, заметят, в "Спартаке" или в ЦСКА окажется. Каждый лелеет эту мечту. Это дисциплинирует. И этот пацан, косая сажень в тлечах, набегается, натолкается, спокойно спать домой идет. Не будет команды в городе - весь стимул пропадет. И эти же парни пойдут по ночам на улицу силушку тратить, рожи бить, шапки снимать. Но, поговорив минуты две-три, понял, что у первого секретаря горкома одна забота - разогнать команду, а вместо нее создать себе гарем. Встал я, подошел к двери, открыл и, повернувшись, глядя на Чемоданова, произнес с пафосом: "Боже мой, кто нами правит!" - и вышел, не вступая в полемику, да и не хотелось неприятностей наживать, их у меня было и так достаточно. Так уж случилось, я сын врага народа, в шестнадцатилетнем возрасте дал клятву, что не вступлю в коммунистическую партию до тех пор, пока она не отмоется от кровавых злодеяний Сталина.

Да, я действительно в жарком споре гневно бросил в лицо своему оппоненту, что если бы вздернул парочку архикоммунистов, то это было бы не преступление, а маленькая толика мести: за отца, что погиб в сталинском застенке, за те страдания, которые принесла мне эта система. Она отняла у меня детство, здоровье, образование, талант и честь. Еще я ему сказал, что вот вы сейчас упиваетесь властью, творите беззаконие, разрушаете экономику, калечите человеческие души. Но придет время, а оно обязательно придет, будут большие перемены в России. Появятся партии, будет даже фашистская, и не дай бог возьмет она власть в руки. Появится фюрер, некоторые из вас окажутся в первых ее рядах, так же рьяно будут защищать ее, прославлять Вождя, доказывая, что эта партия самая демократическая и самая справедливая.

Да, я чувствовал даже шкурой, что даю большой перебор, но не мог уже остановиться. Но и мой оппонент был тоже не в лучшем состоянии. Он, полыхая гневом, заявил, что сейчас же соберет коммунистов, свяжут меня и как агента ЦРУ на себе отволокут в милицию в шестой кабинет, а уж там-то обо мне достаточно сведений.

Но Н., не сказал другое. Когда я отошел, то тут же нашелся соратник, который заявил, что он готов вместе со мной душить проклятых коммунистов. "Дурак! - ответил я ему, - Брежnev отвратительнейший болван, разваливает страну, но все же не льется кровь внутри страны, нет политических концлагерей! А вот когда мы, простые работяги, будем рубить друг другу головы, то в этой

бойне обязательно найдется Адольф Иосифович, который станет нашим вождем, нашими же руками зальет всю страну кровью, а оставшихся посадит в лагеря и тюрьмы. Стране нужна демократия, а не гражданская война".

Слава Богу, времена другие. Но когда клянут и поносят Горбачева, обвиняя во всех смертных грехах, то у меня от возмущения кипит в груди. Я часто думаю: как так случилось, Божья ли милость или наша многострадальная земля что-то из своих недр источила, но как он мог стать генсеком? Как мог при таком наитщательнейшем отборе проникнуть в самое логово тысячеголовой Гидры, оставшись нормальным человеком, способным чувствовать боль и страдание народа, задыхающегося от бесправия. Началась бы перестройка, если бы вместо него генсеком стал Ельцин? О перестройке не было бы никакой речи. Он, и только он своим умом, способностью маневрировать закрыл своей спиной от Гидры народ, дал вкусить свободы, почувствовать себя человеком. Подкармливая Гидру, он все время незаметно ограничивал ее свободу и власть. И не вина его, а беда, что наш темный, бесправный народ, привыкший жить под железной рукой Вождя, не понял его замыслов. Не будь его, не начни он перестройку, не было бы ни Собчака, ни Попова, ни Ельцина вкупе с Хасбулатовым, да и я, ваш покорный слуга, не отважился бы написать эти строчки. А если кто-то бы завозился, то сразу бы оказался на южном берегу Северного Ледовитого океана и честным, благородным трудом строил бы светлое будущее, отрабатывая пайку. Каждый из нас это хорошо знает, но молчит. Как нам хочется в своих бедах и страданиях найти крайнего.

Не знаю, как тебя называть. То ли товарищ Н., то ли господин Н., или ты уже на Ваше Превосходительство вытягиваешь. Я вот тут немного прикинул и представь себе, волосенки встали дыбом, во что обойдется вам кампания по уничтожению ваших идейных врагов. Их, коммунистов, было почти двадцать миллионов. А когда пойдет резня, так глагозвучно именуемая гражданской войной, людские пороки и кровожадность вылезут наружу, тут же найдутся новые идейные Вожди, спасители Отечества, чтобы очистить свои ряды, они прикажут убивать и бывших, вряд ли кто из них останется в живых. Смерть любит кровавую жатву. Чем больше льется крови, тем она тучнее становится.

Прибавь к коммунистам их жен, матерей, по парочек деток, да вкупе брата, свата, да дальнюю родню, а, может, кое-где и

отец-старец завалялся, вот и набегает сотенка миллионов. Да и вы, эрзац-демократы, тоже понесете потери, не будут же они добровольно к стенке вставать. Хотя ваше дело правое, и вы герои, но все равно полсотенки прибавлю. Вот и выходит сто пятьдесят миллионов.

А теперь прикинь: по десять грамм свинца, для ровного счету, да щепоть отборного пороха, да доски на гроб, да саваны для погребения. Поднимет ли это наша подорванная экономика? Ведь только одного свинца потребуется тысяча пятьсот тонн. Не лучше ли им распорядиться по-хозяйски, пустить на аккумуляторы, без которых в поле комбайны стоят.

До настоящих врагов нам уже не добраться. Одни в земле, другие по мавзолеям валяются. Так чем же виноват этот простой, умный, честный парень, попавший в эту компанию? Как только он пошел в школу, так сразу же сталкивался с отвратительнейшей действительностью. Не будешь октябренком, пионером, комсомольцем - не попадешь в институт. Сколько из них мечтало, что, получив высшее образование, будут полезны обществу, поведут борьбу за справедливость. Но постепенно Гидра превращала в своего раба, настойчиво навязывала свою веру. Механизм был отработан Сталиным до мелочей. Чем выше ты поднималась по служебной лестнице, тем больше ты должен терять человеческие черты, чины и подачки делали свое черное дело. Мог ли честный, умный человек в этой отвратительной системе не будучи коммунистом занять пост директора школы, фабрики или завода, стать ведущим конструктором или летчиком-испытателем? Нет! Но все же у нас есть наука и техника. Их создавали не дураки, многие умные, честные мужики ради дела вступали в партию.

Будем же милосердны. Вспомним закрытое письмо Хрущева партии. Как слаб человек. Как с поднятой головой ходили рядовые коммунисты, как гордились, что им доверена величайшая тайна страны. Я никак не мог доказать, что они являются участниками отвратительнейшего фарса, вместе со своим Вождем-дурячком имеют тайны от народа, когда на Западе все было уже давным-давно известно.

Будем же милосердны. И не вина, а беда рядовых коммунистов, что оказались в одной упряжке с подлецами, только негодяи на возу, а эти бедолаги в оглоблях, отрывали свои кровные от семьи для роскоши Вождя и его приближенных. Дайте им осмыслить, искупить свою вину, свой позор. Не лучше ли принять такие

демократические законы, при которых каждому было бы выгодно честно трудиться? И тогда не нужно будет бояться, что в кресло сядет бывший или настоящий, лишь бы был ум да в делах хорошо работался.

Пусть будет и коммунистическая партия, только не в той ипостаси, с человеческим лицом, без солдафонского устава. Чем больше будет партий, тем крепче будет демократия. Умны же американцы. Если президент демократ, то в конгрессе больше республиканцев. П.И. Пестель, а он-то уж был знаток истории с древнейших времен до декабрьских событий, сказал: "Нахождение власти в одних руках всегда кончалось деспотизмом!".

И тебе, моя голубушка, активистка наших дней, тоже бы хотелось посвятить несколько строк. Не обижайтесь! Но я не могу участвовать в вашей благородной миссии по искоренению идейных врагов. У меня на это есть веские основания. В детстве я видел, как мужик бросился под паровоз. Правда, пассажирский поезд уже сбавил ход, почти остановился, но все равно его протащило метров двадцать. Сильно порезало, вылезли кишки, обилие крови, все перемешано со шлаком. Меня несколько дней тошило, так что я для вас **ненадежный товарищ**. Но все же я дам вам несколько дельных советов.

Во-первых, все берите в свои нежные женские руки, не брезгуйте даже черновой работой палача, иначе вас снова ототрут эти наглые мужланы. Вот смотрите, что получилось в 17 году. Появились комиссары и комиссарки. Слово-то комиссар **какое**, если долго растягивать р-р-р, то будет наподобие грозного рыка собаки. А если еще с приподыхианием и твердо: **комиссар-р-р**. Как это впечатляет, ни один враг не устоит. Ну а слово комиссарка? Что там! Чуть ли не цицарка. Нет той грозности, которая сразу бы внушила страх. Вот вас, женщин, и оттерли на второй план. Вам нужно для себя название придумать, чтобы идеологический противник сразу же в ужас впал.

Да и экипировка тоже много значит. Что там комиссарка в красной косынке. Ну красное на голове, ну некоторые были в кожанках, а остальные-то, мелкая сошка, одевались кто во что горазд. У вас же на голове должна быть **черная косынка** и обязательно кокарда. Лучше всего подойдут два скрещенных **ножа** с девизом: "Караю, тут же уничтожаю!". Но чтобы не отстать от моды - куда денешься, **женщина есть женщина**, - лучше подойдет юбка из черного дерматина, где в нищей стране на всех кожи

возмешь. Узкую, элегантную, намного-намного выше колен, с большим вырезом сзади. Красота красотой, а вдруг придется догонять идейных врагов, вот вырез и понадобится, да и в других случаях необходим в связи с недостатком времени. Черные ажурные чулки, разумеется, черные лакированные туфли на высоком каблуке, не отставать же от моды. Широкий, блестящий, черный пояс. С одного боку маузер, с другого облегченный палаш, ножны которого инкрустированы старинным серебром. Можно к кобуре, да, пожалуй, нужно привязать и несколько бантов из черной шелковой ленты.

Но не это, наверное, главное. Главное, чтобы вы владели оружием в совершенстве. Служа в армии, будучи на ученьях, пришлось участвовать в получении мяса на войсковом складе. Случилось так, что нужно было разрубить свиную тушу пополам. Появился рубщик с шашкой. Поставил ее, бедную, на четыре kostи и, выхаркивая воздух, рубанул вдоль хребта. Туша развалилась на две ровные половины. Вот тогда и подумалось мне, что красные и белые и вправду разрубали друг друга до седла.

Но вам бы не простовладеть оружием в совершенстве, а рубить с левого плеча. Представьте себе: небольшое "Хе-е!" с женским визгом и... ребенок или взрослый пополам. Как это элегантно и красиво - женщина крошит с левого плеча. Главное, не жалейте никого: ни старого, ни малого, потомок ли он коммунистов, или просто был в их родне. Под корень и баста! А то начнут, как ягненок в басне Крылова, оправдываться.

Если вы пойдете этой стезей да отбросите всякую жалость, то вы обязательно принесете свободу. Ну что там коммунисты, обезлюдили наполовину деревни и города, после ваших деяний везде будет пустота. Святое дело - махать шашкой, но женственность не забывайте. При разговоре с подружкой не употребляйте браных слов. А так, кокетливо пожимая плечиками, играя глазками, скажите: "А я сегодня была на балете "Щелкунчик! Трата-тата!" - и ваша подружка сразу поймет, что в акции участвовал пулемет. На что она, так же красиво подбоченясь, ответит: "А я смотрела "Лебединое озеро!" - и вам станет ясно, что она участвовала в акции по ликвидации коммуниста с его многочисленным отродьем. И вам будет приятно и весело, когда представите, как прыгали ребятишки, махая руками, моля о пощаде. Еще раз предупреждаю, не отдавайте это дело в руки мужчин. Они ветрены, не постоянны, по пьянке могут продать, с истинного пути свернуть.

Да, боже вас упаси ложиться с непроверенным в постель. Может произойти смешение идей и крови. А уж если вы соблюдете идеиную чистоту, то только подумайте, какое у вас получится потомство. Ваше чадо, только появившись на свет, тут же будет судорожно хватать, ища что-то ручонкой. И будут первые его слова: "Шашку! Шашку, мать твою так!". И его полыхающие кровью глаза будут красноречиво говорить, что за идею он тут же отрубит вам голову, хотя еще ни одной мысли в его головке нет. Прошу только за советы меня не благодарить. Не достоин я такой чести, нечестивец.

1992 год.

Жизнь карасинная

оется Каась в тине и думает: "Скудная стала наша земля! Против прежних времен совсем оскудела. Бывало, папаша-каась рассказывал, что в ихние времена чуть ковырнешь носом, ан глядь, то красная рыбешка, то кусочек хоть не- жирненького мяска попадет, только старайся, нос не жалей. А теперь! Сколько ни ковыряй носом, все только морская капуста да тыквенный сок. Правда, это заморские деликатесы, но все же для каасиного брюха ранешняя пища приятнее и полезнее была".

"И что это я ударился в высшую философию, - подумал он. - Надо выбросить из головы, так и до греха недалеко,- и принял усерднее ворошить ил. - Но где там выбросишь,- вздохнув, подумал Каась, - когда проклятущие ершишки все из плавников рвут!". Как только что-нибудь съестное выковырнешь, сразу цап, и слопали, да еще и хоочут, приговаривая: "Слышал, о чем Высокие Лица толкуют?! Ваше каасиное счастье в работе, - и тут же цитату приводят: "Цели ясны, задачи определены - за работу, каасик!".

Вспомнил Каась, как папаша-каась толковал, что и раньше в дедушкины времена духовные лица напоминали каасям: "Работай, работай, Каась, только Бога не забывай!". Тут бы каасю осерчать, но вспомнил наказ батюшки-каася, что издревле так повелось, чтобы ершата и окунята, не говоря уж о благородной, чиновной рыбе, около Каасей кормились. "Но что-то их уж больно много развелось", - думает Каась. - Бывало, один ершишка, ну от силы два около Каася трутся! И не так уж прожорливы

были! Поработал Карась усердно, ершишки похватали-похватали, и на боковую, тут уж сам не зевай, себе брюхо набьет и карасихе с карасятами унесет. А сейчас, сколько их надо мной стоит! Ох и трудные времена наступили! - вздохнул Карась. - Ведь что делается, - продолжал размышлять он, - так штук пять около Карася и вертятся! Иной раз, кажется, и червячок во рту, осталось только проглотить, ан нет тебе, изловчится щучий сын, хват из самой пасти и все тут. Да еще и грозит, мол, начальству пожалуюсь! Ишь, мол, чего! Мясного захотел! Вам, Карасям, работа положена, да иногда пучок морской травы на рыло, для поддержания рода карасиного".

- Так от нее меня пучит и слабость наваливается! - вступит в пререкание караванка.

- Поговори-поговори! - пригрозил ершишка. - Вот притяну тебя по закону справедливице Щуке перед ее ясные очи, тогда посмотрим, как запоешь. "Ишь, как насобачились щучьи дети!" - подумает про себя Карась, но боже избавь, чтобы высказать вслух, учений был, еще и сейчас ждал близких родственников, которые по Щучьему велению в северные заповедные места уплыли.

- Уснул что ли? - ткнул ершишка колючкой в бок Карася. - Не видишь, сколько нормировщиков-ершей да экономистов-окуней около тебя стоят! Сам лодырничашь и других без работы оставил!

Встрепенулся карась: "Господи! Как хорошо, что ты сотворил нас бессловесными тварями. А то, ох, что бы было!" - Карася даже в пот бросило. И чтобы показать свое усердие, принял тину ворошить. На червячков он уже не смотрел, знал, что за них ершата шею наломают, а так, что они выбрасывали, подбирал и складывал в торбу, надеясь порадовать карасиху с карасятами. Хоть и сам понимал, что радовать-то нечем, так, только кусочки минтая, а в основном морская трава. Про мясное Карась старался не думать, но все же ухо держал востро.

Развозился Карась, показывая усердие в работе, целые пластины тины поднимает, кругом муть пошла. Отступили ершата с окунятами, не хотелось мундирчики с плавниками марать, не наше, мол, дело в тине возиться

Этим и воспользовался Карась, в мутной водичке подцепил банку кильки и в торбу, а сам с еще большим усердием воду мутит. Хотя страх Карася берет, а вдруг обыскивать будут, когда домой поплынет. Страшно! Не дай бог обнаружат! Тунеядство и

воровство припишут, тут уж и статья недалеко бродит! Уж и дышать Карась почти перестал, хотел банку назад в тину зарыть, но мысли были внезапно прерваны. Приплыли карасята и давай во все глотки орать:

- Тятечка! Тятечка! Мамин отец приплыл! Теперь у нас дедушка будет! - Обрадовался Карась, что тесть-батюшка пожаловал. А карасята не унимаются.

- С ним еще двое приплыли! Говорят, родня близкая!

С Карася радость как рукой сняло. Чувствует, как мороз по коже пошел, потом в пот ударило. "Чем же я такую ораву кормить буду! Опять же водочку на стол подавай!" - не любил Карась это зелье, но никуда не денешься, так уж в карасином роду заведено, как гость за стол - водочку на стол. Одно утешало, что банку кильки урвать сумел, хотя в душе совесть пошевеливалась, да уж Бог простит ради такого случая. "Вот приплыву домой, - думает Карась, - сразу же кильку на стол перед тестем-батюшкой, знай, мол, наших. Не зря за меня дочь отдал! У других не токмо кильки пряного посола, а и минтая нет! Так, кое-что да морская капуста!" - но тут Карась сразу осекся, вспомнил, что надо за водочкой плыть. Крепко задумался Карась, прикидывая, сколько стоит, да дают ли в этот день зелье. Шевелил губами, подсчитывая. Выходило, что дают. Обрадовался Карась, что хоть с этим дерзмом проблемы не будет и еще усерднее стал носом дно ковырять. Так в тяжелых думах и прошел остаток смены.

Кончил Карась задание и поплыл домой. Приплыл, и, как водится, низкий поклон тестю-батюшке и тут же хлоп - банку кильки на стол, знай наших, на производстве работаем, а не траву косим. У тестя-батюшки глаза на лоб полезли. Тут еще карасиха удивила, следом за Карасем бутылку водки выставила. Обрадовался Карась, что все так удачно складывается, в душе уже с тестем диалог ведет: "Вот, мол, старый черт, не хотел за меня отдавать карасиху. Будешь, мол, с ним на производстве маяться, шла бы лучше за карася-кладовщика, глядишь, с сенишком бы всегда были". И чтобы уж окончательно доконать, с таким кандидобером говорит:

- Пиরуйте, родственнички, а я за водочкой сплаваю! - и уже совсем в путь пустился, как расчувствовавшийся тесть остановил Карася.

- Садись, сынок, за стол, остограммься, а там уж с богом в путь!

Ну, Карась на радостях-то, что такой почет поимел, и залез

за стол. Выпил стопочку, схватил торбу и в дверь, сам с порога кричит, дорогих гостей успокаивает, мол, я мигом вернусь.

Плывет Карась в сторону магазина, сам подсчет ведет, что на каждого гостя по бутылочке надо, уж больно все на рожу красные, таких одной не употчевать, да если на завтра останутся, то, почитай, удваивать надо. Плывет Карась, торопится. Вот уже и магазин показался. А Карасей там! Видимо не видимо! Он аж растерялся, не демонстрация ли в честь годового праздника. Глядь, окуни в погонах карасей в колонну выстраивают, перед самым магазином уже счет ведут. Делать нечего, пристроился Карась в хвост колонны, сам все подсчет ведет.

Потолкали его туда-сюда часа два, намяли бока не с привычки, но все же после очередной проверки вплыл в магазин. Смотрит, две налимихи-продавщицы торгуют, на плавниках перстни нанизаны, зубы золотом сверкают, но проворно снуют. И в самом деле, не прошло и получаса, как около прилавка оказался. Возгордился Карась и решил удивить весь честной карасиный народ, с таким апломбом и заявляет:

- Мне восемь бутылок водки! - сам головой вертит, ждет охов и ахов, что столько берет, сам себя уже Крезом мнит.

Налимиха на него как-то странно поглядела, и так и эдак голову наклона, потом уставилась, искры из глаз посыпались, всем своим видом она показывала, что на рабочем месте шуток не приемлет.

- Ты что уставилась на меня? Не слышала, что я сказал? - выпалил, растерявшись, Карась, сам деньги сует, бедный еще не пришел в себя, в очереди голову и ту помяли. Вспыхнула налимиха, хоть от рожи прикуривай, разозлилась, что Карась субординацию забыл и по простоте своей непотребные речи ведет.

- Дурья твоя карасячья башка! Разве ты не слышал, что вышел Щучий указ: вам, карасям, только по бутылке на рыло давать. На то и постановление было.

Возмутился Карась, вгорячах возьми и ляпни:

- Да у меня у самого за столом целый съезд собрался, сидят, водку дожидаются, - сам головой вертит, похвалу ждет, что так ловко налимиху срезал. Вспыхнула налимиха пуще прежнего, да как заорет:

- Ты, негодяй, уже брал бутылку, наверное, своим дружкам сплавил! Я твою харю запомнила! Окуни-касатики! Вот прескверный карась указ нарушает, непотребные речи ведет, политику трогает! - тут же из-за угла коробушка с решетчатыми окнами при-

плыла, и два окуня, косая сажень в плечах, появились. Сначала вежливо, ну прямо родню близкую встретили, чуть ли не поклоны бывают, просят пожаловать в коробушку. Карась ерепенится, кричит, что он конституцию не нарушил. Окуни ближе, уже за плавники хватают. Карась, трепыхаясь, орет, что правды добьется. Окуни обещают помочь ему в этом, советуют, что в коробушке он быстрее до нее доберется. Нет бы карасю, глупой башке, сразу замолкнуть, так нет, орет, что за правдой к самой Щуке поплынет. Но чувствует он, что левый плавник выше головы поднялся и правый вот-вот таких же высот достигнет.

- Поеду! Поеду, братцы! - стал отрабатывать Карась задний ход. Отпустили окуня плавники, но настойчиво советуют лезть в коробушку. Сунулся Карась в дверцу, да не тут-то было, плавники поднять не может. Расстроился бедный Карась, но дай Бог здоровья окуням: так помогли сзади, что Карась не успел глазом моргнуть, как оказался на полу в коробушке."Тут уж я сам поднимусь!" - проворчал Карась и, очистив грязь с чешуи, уселся на сиденье, принял надлежащий вид.

Обидно стало Карасю, что так с ним обошлись. Он уже стал обвинительную речь готовить, представил, как встанет в театральную позу и давай правду-матку в глаза резать. Карась уже пробовал плавниками махать, чтобы речь ярче была. И до того разошелся, что сам удивился, что такие умные мысли в голове сидят, все как по-писаному выходит. "Да я самой Щуке скажу, что она не права!" - воскликнул Карась, понимая, что от ершишек и окунишек правды не добьешься. И до того Карась распался, ну прямо одни гениальные мысли в голове рождаются, воображаемого противника своей правдой к стене припер. "А почему бы нас, карасей, управляющими заводи не ставить?! Был бы какой порядок!" - он уже прикидывал, куда и как кадры расставить. Одно беспокоило, что Щука козявок есть не будет, ей каждый день карасей на стол подавай. Но еще раз поглубже покопавшись в мозгах, был почти уверен, что решил и этот вопрос. "А наука на что?!" - воскликнул Карась, радуясь своему открытию. - Она, голубушка, должна вмешаться в устройство заводи! Должна изобрести такую траву, которую бы Щука охотно поедала, а на карасей даже бы не смотрела!" - Карась уже представил себе, что вот он плывет рядом с Щукой и смело беседует о большой политике, нисколечко не боясь, нравится ей это или нет. И до чего бы в своих мыслях Карась дошел, даже страшно подумать, сам уже пони-

мал, что не туда попер. Слыхано ли дело, чтобы Щука работала. Да где это видано, чтобы проклятые окунишки с ершатами честными были.

- Нет! - возражал Карась воображаемому оппоненту. - У нас в Конституции записано, что все равны, все должны честно трудиться!

- И щука тоже? - не унимался оппонент.

- Да! - горячо возразил Карась своему противнику. Не знаю, что бы дальше было, наверное драка бы случилась между Карасем и воображаемым оппонентом, никто не хотел уступать, каждый отстаивал свою политическую платформу. Карась уже рука-ва на плавниках стал засучивать, что в жизни с ним отродясь не бывало.

Но вот коробушка, миновав узкие ворота, остановилась у высокого крыльца. Открылась дверца и последовало не совсем вежливое приглашение: "Слезь!". Вторичного приглашения Карась ждать не стал, понимал, что неподходящее место, чтобы дебаты вести. Собрал все мужество и гордо поплыл между двух окуней.

- Ну что, голубчик, здравствуй! - встретила в заведении сама Щука. Карась аж попятился назад. В мыслях представлял он ее совсем другой. Та глядела ласково, внимательно выслушивала карасиные речи, а у этой вся пасть зубами усеяна, глаза горят, так и кажется, что насеквоздь прожигают. Карась уже пробовал дать задний ход, но куда там, проклятые окунишки колючки в бок уперли, сзади подталкивают.

- Проходи! Проходи, голубчик! - зевнула щука, хлопая себя плавником по пасти. До чего же страшной показалась пасть Карасю, вся зубами утыканы, не приведи Господь с ними дело иметь.

- Что шумишь, голубчик??!

- Не шумлю я, а за правду-матку стою! - Карась старался твердость духа показать.

- Спьяну буровиши, аль на самом деле такие мысли в голове таишь?

- Позвольте доложить! - начал было Карась.

- Не позволю! - рявкнула Щука. - А ну, Голавль, проверь на трезвость этого политика!

Голавль тут как тут, уже с трубочкой около Карася вертится. "Дыхни!" - сам уже на Карася, как на лакомство, смотрит, Карася даже в пот бросило. "Ах, зачем же я послушался тестя-батюшку, за стол сел!" - корил он себя за опрометчивость. Но все же старался дух не терять. Взял в рот трубочку и давай в себя воздух тянуть.

Простота карасячья! Хоть и светлая была головушка, но кого

хотел провести! Головля! Да его не такие ухари хотели на уду поддеть за двадцать лет службы в таком доходном месте. Как говаривали знающие караси, он в своем деле собаку с шерстью съел. А тут какой-то карасишко, первый раз в заведении, а тоже туда, где настоящие прохвости вывернуться не могут. Недолго думая, Головль хлоп Карася по ребрам, воздух сразу изменил направление.

- Ну вот! - торжественно воскликнул Головль и поднес трубочку Щуке. - Можно от ста грамм до килограмма в акте поставить! - объясняет он премудрости дела.

- Подь, Головль, займись своим делом, а мне с этим политиком-карасем поговорить надо. Вильнул Головль хвостом и давай акт строчить.

- А ты, карась, подойди ближе. - Карась приблизился.

- Хорошо, что ты пьян!

- Да не пьян я!

- А ты слушай, не перебивай! Коль не был бы пьян, то тебя за такие зловредные речи надо было бы сразу съесть. Счастье твое, что пьян.

- За какие такие речи! - встрепенулся Карась.

- А о том в протоколе прочтешь! Грамоту-то имеешь?

- А как же! - хвастливо заявил Карась, хотя умишком понимал, лучше бы неграмотным прикинуться.

- Ну тогда проходи, садись. Мы ведь по Конституции с тобой равны. Садись напротив, потолкуем о высшей материи, - и Щука, усевшись поплотнее в кресле, вперла алчущий взгляд в Карася.

Видит Карась, что плохи дела, понял, что указ водку не пить Щуку стороной обошел, а трубочку ей не сунешь, и проклятые окунишки уже сзади вертятся, ждут команду, когда карасиные ребра считать. Но все же храбрится. И такая отчаянность напала на Карася, хоть на скрижали записывай. Бочком-бочком подошел, сел на краешек стульчика. Взглянул на Щуку и обмер. Быстрее взгляд в пол опустил, до того она страшной показалась, не приведи Господь в дремучих камышах встретиться. В душе уже с карасихой, с карасятами прощается, тестя, не к месту приплывшего, помянул. Взглянул еще раз Карась на Щуку и твердо понял, последние времена наступили. Глаза, как у прожектора, светятся, не дай бог на молоко взглянет - сразу скинется. Рожа красная, жабры раскалились, пасть ходуном ходит. "Нет, не коснусся тебя указ о трезвости!" - мыслит Карась, а щука уже ответ требует.

- Вот ты ответствуй, карась! Ты что, против, что мои под-

ружки на вече уплыли? - подалась даже немного вперед.

- Нет, я, наоборот, приветствую и жду послабления нашему карасиному роду.

- А какое тебе послабление надо?

- Все бы ничего, да вот с харчишками плохо, да карасишкам молочка бы.

- Ишь, чего захотел! А невдомек тебе, дурья башка, что вам, карасям, бесплатная работа предоставляется. А то знаешь, что ученые доказывают? Что если вас, карасей, без присмотра оставить, то вы в плаунцов превратитесь, будете по поверхности прыгать, вместо того чтобы дно ворошить. Понял, дурья твоя карасичья башка?

- Что-то я не помню, чтобы без работы караси в плаунцов превращались, знаю только одно, к старости горб вырастает, - чуть слышно ответствует Карась, даже сам удивляясь своей смелости.

Лязгнула Щука зубами, еще внимательнее уставилась на Карася. У бедного внутри иней образовался.

- Ну да ладно! - продолжила Щука. - Ты думаешь, что если мои подружки на вече уплыли, так вас, карасей, без присмотра оставили? Что хочешь, то и твори? Нет, брат, о вас печемся ... - тут Щука о чем-то задумалась. Она уже и сама понимала, что пора кончать с таким зловредным карасем, чтобы другие от него не заразились. Но после вкусного обеда с наливочкой до того разнежилась, что захотелось поиграть в демократию. И, подобрав зубы, продолжила:

- Так ты говоришь, что твои карасишки молочка просят?!

- Так точно, Ваше Благородие! - Карась уже вскочил и плавники по швам вытянул, стараясь показать свою благонадежность.

- Так-так! - постучала Щука зубами. - А может, тебе и мяска хочется?

- Так точно! С морской капусты меня мутит, а работенка тяжелая. Так бы оно ничего, но как травку поем, сразу же скрутит, хоть ложись да помирай! - стоит Карась на своем, хотя внутри вместо инея ледок образовался.

- А знаешь ли ты, дурья твоя карасичья башка, что мы за бочку морской капусты десять бочек мяса отдаем! Да если бы ты знал, за какие заводи везем, где мен производим! Нет, ты, Карась, неблагодарный. Вот на юго-востоке в соседней луже караси живут, не токмо минтай, а морской капусты не видят. В нашей заводи капуста есть и другие овощи имеются. Мы признаем свои

недостатки, хотели бороться и еще будем. Вот там караси одни цитатники читают, а сыты бывают. А которые темные, сразу прозревают, не токмо морской капусты не требуют, а от солнца отказываются.

- Так, поди, без солнца-то им в душу не заглянешь! - решил сострить Карась, хотя холодок уже к горлу подкатывал, вот-вот горло льдом перехватит. Но не сдается, форс держит, хотя на Щуку уже очей поднять не может. Завозилась Щука в кресле, но, успокоившись, продолжила.

- А может, тебе красненькой рыбки хочется?

- А что, ели же наши предки! - ответствует срывающимся голосом Карась.

- Так-так! - щелкнула снова пастью Щука. - А невдомек тебе, дурья башка, что к нам в заводь гости приплывают! И не с пустыми плавниками, а кресты да медали везут! Не посадишь же их за пустой стол. Это не карасиная порода, морской капусты у них у самих полно. А потом же пойми, дурья башка, проводы, расставания... Когда назад поплынут, не с пустыми же плавниками отправишь. Не сунешь же им какую-нибудь козявку в мешок, этого дерьма у них и своего хватает. Вот красная рыбешка и как раз кстати. И цвет даже им импонирует. Нет, вижу я, ты, карась, в большую политику ударился. Невдомек тебе, что вас, карасей, дай бог памяти... - и Щука снова, зевая, похлопала плавником по пасти. - Да поди сам знаешь, в каком году вас, карасей, политике учили. Сейчас еще, поди, с севера родню ждешь?! Признавайся, карась! - щука уже гневом полыхала. Жабры раскалились до того, что плюнь - пар пойдет. Пасть уже судорогой сводило.

- А что? Невинно пострадали, - из последних сил выдавил Карась.

- Что-о-о? - рявкнула Щука и так раскрыла хватальник, втягивая в себя воду, что Карась не успел и рот открыть в оправдание, как был втянут в хайло. Только и успел подумать: "Пропала демократия!" - как пасть захлопнулась. Двигаясь в темноте, что-то пытался еще сказать, крикнуть, что мы перед Богом и Конституцией **все равны**, но ничего уже не было слышно.

Но **вдруг** рассердился Карась на такую **несправедливость**, да так **сильно**, что на плавниках, на спине колючки выросли. Уперся ими и давай трепыхать, сам вовсю матушку кроет, критику наводит. Чувствует Карась, что Щуке стало не по себе, развернулся и давай наружу вылезать. Прет с отчаянья и все тут. Свет

все ближе и ближе становится. Вынырнул Карась из пасти, рванул в дверь. Видел только, что Щука с открытым ртом осталась, водит челюстями, а закрыть не может.

Жмет Карась домой без оглядки, сам себя уже демократом мнит, насчет перестройки наставление Щуке читает. Душа петухом поет, что из щучьей пасти живым выбрался.

1985 год.

Карась думает

е спится Карасю, хоть убей. Он то один, то другой плавник под голову подложит, ворочается с боку на бок, а сон никак не идет. Тяжелые думы засели в голове Карася. Что бы, кажется, ему надо, ройся да ройся носом в тине, перековыривай почву дна и будь доволен. Так нет тебе! Хотя уже веками доказано, что им, Карасям, только на дне и место. И стерлядь ученая в своих ученых трудах как дважды два доказала: роясь, караси приносят пользу Отечеству и сами в накладе не остаются, то червячка, то козявку подцепят, им для поддержания рода карасиного хватает, и структура почвы улучшается, даже в конце своего трактата от избытка чувств воскликнула: "Ура труженикам Карасям!".

Кажется, жить бы да жить Карасю припеваючи, да слушать начальство, как оно по большим праздникам в честь карасей "Ура!" кричит. Так на тебе, ударился Карась в философию. Другие караси как караси, а этому, язви его в душу, все надо понять, обдумать, и откуда он такой взялся, отродясь в карасином роду такого не бывало. Разделится на две половины и все тут. Одна половина вопросы задает, вторая отвечает, или наоборот. Критикуют друг друга, иногда такой шум поднимут, хоть уши затыкай. Спорят, горячатся, отстаивая каждый свою правду, и до того доходят, что будь тут сама Щука - и ей бы в ее бесстыжую рожу правду сказали.

Как ни бранила карасиха, как ни отговаривала, чтобы бросил эти дурацкие замашки, иногда дело доходило и до плавникоприкладства, но нет тебе, хоть убей, ударился Карась в философию и все тут. Да еще с таким кандибобером ствечаает: "Отсталы ты, старуха! Не теми категориями живешь! Посмотри вокруг, что на белом свете делается, это наши, карасиные времена наступают!"

Нам, труженикам, почет будет!".

- Спи, дурак! - ответствовала карасиха. Знал Карась, что после таких ласковых слов надо бы антракт взять. И ведь учен был не раз, а все равно неймется, для убедительности стал плавниками махать, высоким штилем изъясняться. Послушала-послушала карасиха и опять говорит: "Спи, дурак!". Тут бы ему остановиться, знал, что карасиха слов на ветер не бросает, а нет тебе, хочет свое доказать, карасику пронять. Послушала еще немного карасиха, да как двинет в бок, и поплыл Карась на диван. Еще и радуется, думает, на диване мыслям будет просторнее. И вправду, сразу же проклятущий ершишка на ум пришел, его поносные слова насчет рода карасиного вспомнились.

Повернулся Карась на другой бок и давай вспоминать, как с этим прохвостом встретился, давно это было, еще когда в новую квартиру переселился. Радость, конечно, большая была, вот только одно омрачало карасиное сердце, вода в туалете через бачок переливается, беспрерывно свистит, из трубы выливаясь. Да, слава богу, научили знающие карасишки, к кому обратиться. И поплыл Карась в контору, как ее по-научному называют, сразу и не выговоришь, то ли ЖКО, то ли еще как. Карась даже плонул от досады, выговаривая это слово.

Подплывает Карась к конторе и думает: "Дай-ка я к самому главному зайду!". Сказано - сделано. Смотрит, налим-начальник сидит. Представительный, как и положено, в галстуке, очки сверкают. Вот только одно плохо - искоса на Карася посматривает. Приободрился Карась и давай выкладывать. Сам все на политику жмет, показать хочет, что и он-де не лыком шит, телевизор смотрит, газеты читает.

Но все же начал издалека. Так, мол, и так, все мы должны беречь народное добро, аж сам себя с удовольствием слушает, словно по-писаному выходит. И вода, мол, тоже наше общегосударственное достояние. Пусть ее хоть залейся, что, мол, сейчас у меня в квартире и делается, но она государству не бесплатно достается, а в копеечку обходится. Вздохнул Карась и торопится объяснить, что у него в квартире много лишней воды. Так, мол, и так, днем и ночью в унитаз льется, только шум наподобие водопада создает. Мне, мол, вроде ни к чему, не такой уж у меня чин высокий, чтобы в квартире водопад или фонтан иметь. Честь, мол, для меня большая, а главное, на пол проливается, чем приносит неприятности соседям и казенному добру урон наносит. Чешет

Карась, как по-писаному.

Выслушал его налим-начальник с большим вниманием, то одно, то второе ухо подставлял. Карась еще что-то хотел добавить, только в голове искал, как бы по-научному речь изложить.

- Правильно мыслите! - прервал Налим Карася. - И мы тоже ночей не спим, все о казенном добре печемся. Так дальше продолжайте верить в добро. Рад бы помочь, но я этими мелочами не занимаюсь, общими объемами руковожу. Обратитесь к плотве-смотрительнице. Всего хорошего, - дает понять, что разговор окончен.

Обрадовался Карась, что в самом начальнике союзника нашел, теперь думает, дело пойдет. И сразу же, по горячим следам, к плотве-смотрительнице. Подплывает таким фертом, даже шапку не снял. Политику уже в сторону, напрямую заявляет, так, мол, и так, течет у меня в туалете денно и нощно вода, и нет с ней никакого сладу. Про водопад и фонтан уже не поминает, мол, много чести, чтобы на тебя высокий штиль тратить. Только жмет на то, что я, мол, истинный патриот и мириться с этим не намерен. Вильнула несколько раз плотва-смотрительница хвостом и спрашивает:

- А у начальника был?

Обрадовался Карась, ну думает, допеку я тебя, прижму к стенке, не вывернешься. Даже посмотрел на плотву-смотрительницу таким косым, хитренъким взглядом, и бух напрямую, чтобы все пути отступления отрезать:

- А я сейчас только от него! - сам в душе ликует, смотри, мол, какой я умный карась, знал с кого начинать.

- Ну, а он что? - спокойно спрашивает плотва-смотрительница. Карасю как-то немного не по себе стало, но все же старается держаться бодро, решил последний козырь выложить, доконать плотву.

- А он к тебе послал! Сказал, что это дело техников-смотрителей.

- А у меня ничего нет! - потупя глазки, плотва-смотрительница чуть-чуть шевелила хвостом, намереваясь нырнуть поглубже,

- Как нет? - Карась даже опешил, но, набравшись духу, загородил дорогу. - А может быть, там ничего не надо менять! Просто посмотреть специалисту! - Карась уже пошел на попятную, форсуну с него сразу много слетело.

- Всем специалисты нужны! - ответствовала плотва-смотрительница.

- Так у меня же льет! - Карась уже бил на жалость.

- У всех льет! - констатировала плотва тоном, каким учат простачков. - Вот, смотри, сколько заявок! - и плотвичка бережно достала общую тетрадь, стала переворачивать исписанные страницы. - Тут в несколько лет не сделаешь! Вот освободятся окунислесари, пришлю к вам, а лучше бы сами потихоньку с ними поговорили, - и, посмотрев как-то с намеком, нырнула в глубину.

Выплыл Карась из contadorы и думает: "Ловко налим-начальник выскользнул, да и плотва-смотрительница не менее скользка. Но ничего! - утешает сам себя Карась. - Я тоже не лыком шит! Объявило-ка я вам холодную войну. Подожду, когда у всех бачки потекут, воды в трубах не будет, вот тогда забегаете, голубчики. Да и высокое начальство вас по головке не погладит за такое разгильдяйство, когда промышленные объекты без воды останутся!". Плынет Карась и до того в мыслях разошелся, что ничего не замечает.

Вдруг слышит, кто-то в бок стучит, и голос раздался: "Здорово, Карась!". Притормозил Карась, видит - ершишка проклятый. Сам смеется, будто родню встретил. Разозлился Карась, и до этого презирал ершишку, знал, что мошенник порядочный, вот так бы и плонул в него, да вместе с плевком растер бы. Сам маленький, плюгавенький, вершок с шапкой, а смотрит свысока, ухмыляется. Хотел, не здороваясь, мимо проплыть, да вежливость, будь она неладна, заставила остановиться. Слово за слово, и поведал Карась про свою нуждишку.

- Дурак ты дурак! - покровительственно начал ершишка. Обиделся Карась, что его такой недоделок дураком называет, но делает вид, что это вроде бы в шутку.

- Надо бы тебе, простофиля, ко мне обратиться! Я бы тебе что хочешь принес! - как маленькому объясняет, сам, как юла, вертится, известная порода ершишек, одно только на уме, где бы слямзить. Подумал-подумал Карась, а деться некуда, решил про цену спросить,

- А сколько ты с меня возьмешь?

Ершишка посмеивается, глазами так и обшаривает, словно уже чешую сдирает, прикинул и говорит:

- С тебя, как с лучшего друга, немного возьму! - и называет цену. У Карася аж дух перехватило. "Лучше бы ты со своего заклятого врага столько взял!" - думает Карась, но деться некуда, ведет разговор дальше.

- А где это ты все возьмешь? - опять Карася в философию бросило. Но, наверное, ершишка на него виды имел, так напрямую и заявляет:

- Дурак ты, Карась! Хоть и уважаю я тебя, но истинный ты дурак! Да сколько пятиэтажек строится! Не ленись только! Конечно, к этому способность иметь надо, не каждому дано. Там и достану. Сниму - тебе принесу.

Карася даже в пот ударило.

- Нет! Нет! - замахал он плавниками. - Что ты! Что ты! Отродясь караси такими делами не занимались! - ишь ты, куда бросило, от большого ума карасиный род к порядочным рыбам приспили.

- Дурак ты, дурак! - в сердцах выпалил ершишка. - Хоть и большой ты, долго прожил, а ума не нажил! Мне даже стыдно тебе объяснять! Ты что, думаешь, у этой плотвы-смотрительницы кухня сама кафелем обклеилась? А квартира налима-начальника сама себе ремонт сделала? Дурак ты, дурак! А у Щуки дача вместо грибов выросла?!

Чувствует Карась, что забивает ершишка, даже слово "дурак" не таким обидным становится. А ершишка все свое гнет: "А ты у Белорыбицы посмотри, какой терем отгрохан! Что я! Только бы старую профессию не забыть! Смотри-ка, какой-то бачок, краинки дрянные! Мелочь, ерунда! Слова доброго не стоят!".

Взяло сомнение Карася, но вовремя вспомнил наказ родителя. До чего же был умный старик, перед смертью наказывал: "Держись, сынок, подальше от суда! Бог с ними, с начальством и всеми мошенниками, пусть живут как хотят, лишь бы у тебя плавники были чистыми!". Как прояснение нашло. Замахал Карась на ершишку плавниками и наотрез отказался. И, даже не простившись, поплыл домой, а сам думает: "Приврал, конечно, порядочно ершишка! Хотя дыма без огня не бывает, да что-то об этом и по телевизору толковали!". Вкрадось сомнение в сердце Карася, а ершишка вслед кричит:

- Дурачина ты, простофия! Ты еще мне в хвост кланяться будешь! Своей дурьей башкой о мой порог биться будешь, прости, мол, меня, старого дурака, не послушался тебя!

Так и хотелось Карасю вернуться да плюнуть нахалу в рожу, но опять воспитание сказывалось, не хотелось плавники марать. Плывет Карась и думает: "Нет, надо вам горячую войну объявить: налиму-начальнику, плотве-смотрительнице, да вкупе ершиш-

ке ненавистному".

Жить бы да жить Карасю, слушать шум водопада, так нет тебе, новые времена наступили. Сначала не верил Карась, думал, поговорят да бросят, не раз на его веку такое случалось. А н нет тебе, чем дальше, тем круче берутся. Загорелся Карась, тоже рыло туда, в телевизор, губами шевелит, что-то кумекает. Тут еще дикторша, будь она неладная, давай как заведенная каждый вечер талдычить: "Граждане, берегите воду и энергию!" - и так каждый день. Допекла все же она Карася, стыдно стало, что вода понапрасну льется. Поплыл опять Карась к налиму-начальнику.

Тот уже внешне изменился, выслушал с еще большим вниманием и окуния-слесаря послал. Приплыл окунишка, глазами позыркал, делая какие-то знаки, потом в бачок полез, стал гнуть что-то. Кончил, как-то замысловато потер плавниками, поводил головой, опять давая что-то понять. Потом сверкнул грозными очами и уплыл восвояси. После него бачок, как весной водопад, яости прибавил. Легли спать Карась с карасихой, а ночью стучатся. Глянули в туалет, а там хоть карасят разводи.

Взялся Карась сам исправлять. Кое-что подделал, чтобы вода на пол не лилась, а через бачок в унитаз все равно рекой льется. Хотел уже бросить, да вспомнил, как он будет в глаза дикторше смотреть? Думал-думал Карась, куда бы податься? К налиму-начальнику - все равно выскользнет! К ершишке ненавистному, но вспомнил, какие поносные слова тот говорил, что заставит за свои кровные денежки головой об порог биться. И вдруг на память пришло сплавать в лесоторговый склад, поглядеть, что там есть, в газетах писали, что его для Карасей открыли. Рванул Карась, только сзади след мутный остался.

Приплыл, отдохнул и давай осматриваться. Смотрит, трубочонка подходящего сечения стоит. Притом не железная, а из какого-то нового материала. Прикинул Карась, толщина сходится, только чуть подлиннее, чем надо. Обрадовался Карась и давай в уме прикидывать: сколько токарь возьмет, чтобы резьбу сделать. Подумав, решил, что не больше тройки сдерет, не железная же. И загнуть ее не дороже обойдется. Там обрезать, подчистить - выходило, что от червонца может еще рублик от карасихи на черный день припрятать. Подплывает бочком к золотой рыбке-продавщице и спрашивает:

- Скажи-ка ты мне, красавица, сколько стоит эта трубочонка?

Та тоже в вежливость ударила.

- Шесть рубликов, карасик!

Чувствует карась, что хоть волос на голове всего на одну семейную драму осталось, а шапка поднимается. Дыхание сперло, вот-вот сердце остановится, мыслимо ли дело, такая цена. "Ослышался, наверное", - думает Карась. Успокоившись немного, опять к золотой рыбке подкатывает, думает, хоть не километр, а десяток метров шесть рублей стоят. Хитрый Карась, вроде бы из себя дурачка разыгрывает, мол, цену не понял, повтори еще раз. Посмотрела на него подозрительно золотая рыбка и уже без прежней игривости рубанула:

- Шесть рублей метр! - и для смягчения добавила: - В нашей валюте.

Чувствует Карась, пока сердце не остановилось, удар не случился, надо быстрее домой добираться. И, не задерживаясь, пустился в обратный путь. Приплыл Карась, микстуру принял, таблетку сглотнул, лег на диван.

Лежит Карась. Вот уж ночь наступила, а сон никак не идет, думы, одна тяжелее другой, на сердце ложатся. Тут одна половина возьми и спроси: "А, что бы ты сделал, Карась, чтобы карасиному племени жилось лучше?" - сама вроде смеется, вот, мол, как тебя подкузьмила. Это тебе не в облаках летать, а на конкретный вопрос отвечать. Чувствует Карась, мыслей в голове полным-полно, даже не вмещаются. Набрал полную грудь воздуха и, как бы перед аудиторией, стал объяснять:

- Во-первых! - но тут же осекся, чувствуя, что будет и во-вторых и в-третьих, хоть бухгалтерскую книгу подавай, все равно все не уместится. Но, как истинный философ, решил покончить сначала с одним вопросом, а уж потом за другие приняться.

- Во-первых! - начал снова Карась, стараясь поймать конец прерванной мысли. - А почему бы этой плотве-смотрительнице лавочонку не завести!

- Эко тебя бросило! Частную лавочку открыть! Основы нарушить! - уела вторая половина.

- Нет! Нет! Не собственную, а государственную! - поясняет Карась. - Чтобы там мелочовка была, кранишки и все такое проще! - тут Карась прервался, вспомнил, как кран на базаре покупал, какая была цена кусачая. Но тут же, успокоившись, стал доказывать воображаемому оппоненту: - А что! Правильно бы было! Пришел к ней карась, так, мол, и так, из крана вода течет! Пойдем посмотрим! - это он в пику противнику. Вдруг кто-нибудь

придет и скажет, мне, мол, кран нужен. А та, не проверив, прощаст. А он сразу шашь на базар с краном, и сдерет с какого-нибудь карася чешую. Хотя Карась прекрасно понимал, что не стоит залаезать в такие дебри, с одного кранника нетрудовыми доходами жить не будешь. Но все равно решил показать противнику, что его и этот вопрос интересует.

- Ну хотя бы взять резинку, что в кран вставляется, - отбросив мелочи, как показалось Карасю, он снова вышел на столбовую дорогу, - копейки стоит! А мороки сколько! Где взять? Опять к ершишке идти? Вот у ней бы и взял! Ни мороки, ни волокиты! Да хотя бы тот же кран! Маленькая деталька вышла из строя - тащись на базар, покупай новую! А у ней бы пусть целый кран купил, но по божеской цене! А в благодарность ей сломанный принес. Это дорогой цветной металл, у государства большая нужда в нем. Вон сколько его валяется у каждого карася. Один кран не побежишь сдавать, да черт его знает где принимают. Так, сунешь в поганое ведро - пропало добро! - Карась пытался остановиться, понимая, что опять съехал на мелочи. И, набрав воздуха в грудь, стал думать масштабно.

- Ну а взять трубу? - у Карася вновь зашевелились волосы на голове, но он уже старался не обращать внимания на такие мелочи. - Видано ли дело - шесть рублей! А пришел к ней - пожалуйста, рубль с полтиной, а не драть же чешую. Взять хотя бы бачок! Где возьмешь? Если, конечно, с ершишкой связаться, то тот достанет. Но ведь не каждый честный карась на такое дело пойдет. Да вдобавок урон государству, и какой-то карась в обиде останется! Тут Карася на свои частные дела потянуло. "Нет, будь что будет, не свяжусь я с этим ершишкой-мошенником!" - после такого категорического заявления Карась как бы со стороны на себя взглянул и очень остался доволен своей принципиальной честностью. Мысли его раскатились, он уже начал мыслить по-государственному, того и гляди в рифму ударится.

- Ну а батареи! - воскликнул Карась, давая понять своему оппоненту, что он подошел к главному вопросу. - Вот стоит она у меня пластинчатая, вместо чугунного литья. Два месяцаостояла и потекла. Снимай! - Карась прервался, пробовал в уме подсчитать, сколько он уже батарей заменил. И тут же понял, что напрасны потуги, без высшей математики не обойтись. И, досадуя на свою неграмотность, перешел на чистую экономику.

- Вот ты смотри! - обратился он снова к воображаемому оп-

поненту. - Что делается на белом свете! Из этих батарей гаражи варят! Да что там гаражи! Заборы городят! - и, не давая опомниться противнику, решил окончательно доконать, хотя уже чувствовал, что в высокие сферы заплыл. - Ведь только дураки могут пускать батареи на гаражи да на городьбу! Там двойное же железо! Можно было бы и одинарное пустить! - хитрил Карась, разыгрывая из себя простачка.

- А вот приплыл я к налиму, батарея у меня потекла! - Карась хитро прищурил глаз, - а он мне заявляет, - Карась уже своим взором испепелял противника, - мол, нет у меня батарей! Плыви в лесоторговый склад, там за наличные купиши! - Карасю показалось, что оппонент хочет возразить, но не тут-то было, он ему не дал даже рот открыть.

- Почему я в казенную квартиру батареи покупать должен! А налим на что! Были времена, когда им для прокорма места давали! Но ведь новые времена наступили, пусть и налим работает! - видит Карась, что противник в оправдание налима хочет слово сказать, и чтобы окончательно задавить своей эрудицией, давай политическую платформу подводить.

- А чтобы мошенников не было! Нас, честных карасей, вместо щук и налимов на ответственные посты ставить! - и пошло и поехало. И до того разошелся Карась, уже, как оратор, плавниками себе в грудь стучит, веские доводы приводит.

- Вон куда хватил! Высоко взлетел - как бы не грохнулся! - одернула вторая половина. Но куда там!

- А что, лучше бы было! - сбивив голос, продолжил Карась. Сон совсем пропал, хотя уже и светать начало. А мысли до того раскатились, уже в голове не вмещаются. Жаль Карасю, что рассвет настает. Только успел один вопрос, да и то не до конца, решить, а сколько их еще на горизонте маячат.

- У-у-у, злыдень! Опять всю ночь не спал! - наградила его карасиха нелестным эпитетом, проплывая на кухню.

Осекся Карась, понимая, что нужно расставаться с умными мыслями, хотя казалось, что вот-вот и верное решение придет. Но делать нечего, пришлось подниматься. Карасиха, как и начальство, шуток не любит.

1986 год.

Печаль карасиная

е спит Карась, хоть убей. Вот уж за полночь перевалило, времени порядочно прошло, как от Сома Налимовича вернулся, а сон никак не идет. Шлепает губами Карась, прикидывает так и сяк, одна мысль на другую накладывается. Хочется встать, походить, чтобы мыслям просторнее было, но боится Карась карасихи. Опять проклятущая Евина дочка кричать начнет: "Не спиши, злыдень, и мне спать не даешь! Уймись, снова что-то задумал!" - так и раздается карасихин голос в ушах.

Отвернулся Карась рылом к стене, показалось, что так безопаснее, никто мыслей не подглядит, и давай вспоминать по порядку, как сделал промашку. Но Карась тут же укорил себя в неискренности. "Какая тут промашка! Глупость карасиная! Сколько лет прошло, а и сейчас до обидного горько!".

Карася даже в краску бросило, вспомнил, как на машину деньги копил. Как в две смены трубил, как душою кривил, отказываясь от неденежного наряда. Изворачивался, ловчил, чтобы побольше получку отхватить. И все карасиха виновата. Допекла, черт и тот не сладит с проклятущей, загорелось, сатанинское отродье, купи машину и все тут, да не какой-нибудь там "Запорожец", а "Жигули" подавай. Вот, мол, некоторые карасихи у хороших карасей в "Ладах" раскатываются. И до того сатана разошлась, что на продуктах экономить стала. Карась с производства несет, а карасиха рублик по рублику от харчишек отщипывает, где заплатку на старые штаны пришьет, опять Карась щеголяет. Прошло несколько лет - накопили нужную сумму.

Сколько радости было. По ночам садились Карась с карасихой на диван рядом. Карась воображаемую бараку крутит, а карасиха, небрежно развались, барыню изображает. И до чего же радостно было у них на душе, словно в рай переселились. Но как ни радостно было, а зависть проклятущая не давала покоя, завидно было, как некоторые караси с карасихами в настоящую машину садились.

Сунулся Карась на производство в очередь встать... А там! Придется ждать - пока чешуя не побелеет. Обидно стало Карасю, тут еще проклятущие деньги, вроде так и шепчут: "Ты теперь богат - все можешь!". Не выдержало сердце Карася, давай туда-

сюда соваться, как бы машину без очереди взять. Всей чешущей чувствовал Карась, что не карасиное дело темными делишками заниматься, но куда там, гордыня заела, чуть ли не Рокфеллером себя мнит.

И вправду, как говорится, на ловца и зверь бежит. Закрутился около Каася ершишка, и так вроде нехотя на ушко шепнул, знаю, мол, место, где за небольшую мзду с машиной будешь. Только, мол, это дело непростое, язык за зубами держать надо. Загорелся Каась, уж больно за баранку усесться хотелось. Угостил ерша наливочкой, выведал про Нельму, хотя внутренний голос подсказывал, что не по закону карась поступает, да где это видано, чтобы Нельма не шельмой была, а все равно неймется, будь они неладны, рокфеллеровские замашки, словно с ума спятил. Вышел Каась на Нельму, пустился в дипломатические разговоры, истину не говорит, а так вокруг да около плавает.

Простота карасячья, невдомек глупой башке, что еще когда подплывал, то Нельма его насквозь прочла, знала уже, сколько с него лишку взять. Неопытен был Каась, все туда-сюда да около. Нельма внимательно слушает, поддакивает, словно со старым приятелем встретилась, задушевную беседу ведет. И так ловко подвела, что Каасю некуда деться, пришлось выкладывать мысли начистоту. Боязно Каасю, стал осторожно к истине подходить. Так, мол, и так, вот, мол, сосед-карасишко, настоящим карасем назвать нельзя, а со своей половиной в "Ладе" раскатывает. И моя, мол, супруженька тоже туда, подавай карету и все тут, да еще норовит в лучшую забраться. Прет Каась на карасиху, а сам кумекает: "Хоть Нельма и небольшой начальник, а вдруг за закон возьмется, будет на кого спереть, что, мол, с бабы-дурь возьмешь".

- С нашим женским полом просто беда! По себе знаю! То того хочется, то другого. Прекрасно понимаю твою карасиху и глубоко сочувствую! - и Нельма как-то неопределенно в кресле откинулась. Испугался Каась, не поймет, то ли велит разговор прекратить, то ли велит к делу переходить. Перекрестил Каась пупок под столом и, как говорится, взял быка за рога.

Нельма сразу ласковая стала, улыбочка заиграла, ну просто Каась родню встретил. И вправду, всего одну тысячонку лишку потребовала, так, для мелких расходов на хлопоты, чтобы свои не вкладывать. Боязно Каасю со своими кровными денежками расставаться, вот так с глазу на глаз, без всякой писульки, но ершишка рассказывал, заверял, что она уже не одного каася облагодете-

тельствовала. По спине пот потек, во рту сухо стало, но все же Карась, набравшись храбрости, выложил всю сумму на стол, да еще сверху тысчонкой прихлопнул, как магнат какой, и для убедительности добавил, будь, мол, Нельма в покое, я это дело хорошо знаю, нигде языком не сболтну, словом не обмолвлюсь.

Сгребла Нельма плавничком деньги в ящик стола, сама горестно вздыхает, дает понять: вот, мол, опять на свои хрупкие плечи заботу взвалила, да уж, наверное, судьба моя такая, весь век за свою доброту маяться. Жалко мне твою карасиху до смерти. Плыви, мол, карась, не тужи, радуйся с карасихой, ждите от меня вес точку, а как время придет, так вы ее, голубушку, тепленькой получите и мытарств знать не будете. Так уж, видно, мне на роду написано, век карасям добро делать, может, только на том свете и зачтется. Вздохнула горестно Нельма, опустила глазки, дает понять, что разговор окончен.

Обрадовался Карась, поплыл домой с карасихой радостью поделиться. И, чего не было никогда с карасихой, поставила сама бутылку на стол. Стал Карась радостью упиваться. Когда на донышке осталось, Карася уже совсем радость взяла. Сел посреди пола, верхними плавниками перед собой крутит, ну словно за баранкой сидит, нижними как будто рычаги переключает. Губами сигналы подает, чтобы не задавить кого ненароком, приглашает карасиху рядом сесть, строго наказывает, чтобы чехлы по цвету подбрала.

Хотела рассердиться карасиха на шалости Карася, да где там, у самой сердце в груди не вмещается. Даже на радостях сама стопарик поднесла, но только со строгим наказом. Пей, мол, Карась, пока на полу сидишь, но боже избавь за баранкой остограммиться. На что Карась горячо ответствовал, что он-де не враг себе, чтобы инспектору в лапы попадаться, для убедительности даже перекрестился, призывая Господа Бога в свидетели. Тут уж после карасихиной стопочки Карасиные плавники заходили сильнее. Так и мелькают, словно Карась крутые виражи берет, то один, то другой рычаг переключает, сигналы подает.

Недолго музыка играла, недолго тешился Карась, как гром среди ясного неба поразила весть. Нельму-шельму замели подчистую. Приуныл Карась, а карасиха по загривку бьет, в милицию гонит, иди, мол, старый дурень, кинься в ножки, скажи добрым молодцам, пусть отберут кровные денежки, отдадут назад. Хоть и глуп был Карась, но жизнь учила, поплыл, да не в ту сторону.

Была на примете рыба, не чета карасям, по прозванию Сом Налимович. Как-то раз пришлось Карасю с другими карасишками на подворье у него канавы рыть. Вроде на производстве числились, там денежки получали, а полмесяца бухали, и все вроде по закону получалось. Вот тогда-то и растолковали знающие карасишки, что умная головушка у Сома Налимовича, все законы назубок знает, ни с какого боку не ущипнешь, ни с какого боку не подступишься. Хапнул, сразу же на дно, под корягу, и ни гу-гу, а не как некоторые этим еще и козыряют.

Перехватил в темном углу Карась Сома Налимовича и бух в ножки. Так, мол, и так, светлая твоя головушка, научи ты меня, простофилю непутевого, и давай выкладывать все начистоту. Как Нельме-шельме деньги отдал, как карасиха по загривку бьет, житья не дает, в милицию гонит. Почесал затылок Сом Налимович и так многозначительно говорит:

- Помню я тебя, карась! Усердие твое чту, поэтому и сочувствую. Хоть и денежки-то невелики, но для тебя накладно. Но ты забудь про них. Вызовет тебя следователь. Резать будет! Жилы тянуть станет! Не признавайся, карась! Слухом не слыхивал, видом не видывал! Стой на своем и баста! Да карасихе скажи, чтобы язык за зубами держала. А не то, загремишь, сидеть тебе с Нельмой-шельмой по одной статье, только в разных условиях. Больше ничего тебе не скажу. Умный, сам поймешь, а если дурак, то туда тебе и дорога. Поблагодарил Карась за науку и поплыл домой. Приплывает, а там уже повесточка на столе лежит, карасиха слезами уливается. Успокоил, как мог, Карась карасиху, наказал, как ему Сом Налимович советовал, и подался в контору, где карасей не особо чтут.

Принялась за него Стерлядь-следователь, и так и эдак гнет, аж голова с хвостом сходятся. Отпустит и опять с другого боку принимается. Помнит наказ Карась - на своем стоит. Никакой, мол, Нельмы глазами не видывал, ушами не слыхивал, никаких денег не давал и баста. А у самого сердце кровью обливается, понял окончательно, что трудовые денежки пропали, что собственным горбом с таким трудом заколачивал. Побилась-побилась Стерлядь и отпустила помятого Карася восвояси. Возгордился глупый Карась, невдомек глупой башке, что чужим умом из такой заварухи сухим вышел. Стал жить-поживать, вскорости на пенсию вышел. Хоть и мала пенсиишка, но на харчишки хватает, живет не тужит, вот только иногда по ночам денежки снятся, что

Нельме-шельме стравил.

Тут новые веяния наступили, карасишки про патенты заговорили. И наш Карась туда же, прикидывает так и сяк. Хочется к пенсиишке достаточек сделать, в развитии обществу помочь. Думал-думал и решил канавы рыть. "Кто может со мною сравниться в иле возиться!" - мыслит Карась. Но боязно, как бы снова не обжечься. И как Господь на ум наставил, вспомнил Сома Налимовича, умную головушку. Сказано-сделано. Не откладывая в долгий ящик, достал Карась заморского зелья, да так кое-что в торбу положил, знал, к кому идет, куда путь держит.

Приплыл Карась. Смотрит, дачка стоит, на церквушку похожа, верх и бока золотом сияют. Ограда каменная, высокая, калитка резная железная, ну прямо как в раю, только апостола Петра не хватает. Оторопь взяла Карася, но все же сунул рыло в калитку и смотрит. Сом Налимович по раю плавает, цветочки из лейки поливает, точь-в-точь как архангел Гавриил, только нимба над головой не хватает. Карася робость взяла, показалось даже неприлично с карасиным рылом в такие чертоги вплывать. Но все же насмелившись, стук в калитку и вплыл Карась. Первым делом низкий поклон до земли, прости, мол, нечестивца, что ваше золотое время отнимаю, но уж больно нуждишка большая до Вашего Степенства.

Узнал Сом Налимович Карася, встретил ласково, в хоромы повел. Обрадовался Карась такому приему, сразу же бутылку на стол, мы, мол, тоже не лыком шиты, знаем светское обхождение. Еще ласковее стал хозяин, за стол приглашает. Сели за стол, пропустили по махонькой, словно наперсток стеклянный, только по бокам узором расписан, потом еще по одной. Зажгло внутри у Карася, язык развязался, чуть ли не за ровню хозяина мнит, хотя субординацию соблюдает.

Так, мол, и так, начал Карась, умная твоя головушка, Сом Налимович, не знаю, как тебя и благодарить, спас ты меня от лиха-несчастья, от тюрьмы неминуемой. Как по сердцу маслом такая речь хозяину пришлась. Даже глазки увлажнились, да кто осудит старика, все мы под старость эту слабость приобретаем. Вытер глазки платочком Сом Налимович, принял величественный вид и вежливо карасиную речь перебивает:

- А ты, поди, усомнился, карась, когда я тебе этот совет давал? А знаешь ли ты, что в нашей стране по закону положено взяточнику и взяткодателю? На одной доске стоят, под одну статью

подходят! Равновеликое преступление!

Трудно было Карасю угнаться за такими мудрыми мыслями, но все равно башкой трясет, мол, кое-что кумекаю. Понравилось Сому Налимовичу поведение карася, он уже и очки нацепил, карандашом по бумаге чертит и давай уму-разуму учить. Так и чешет, бестия, словно библию читает. Помянул давние времена, какого-то Герцена из былых дум выудил, на него ссылается, авторитетом называет. Что-де и он в древние времена над этим законом смеялся, что взяткодатель и берущий взятку одинаковый ответ держат. Разошелся Сом Налимович, уже выше головы плавник поднимает, голос дрожит, словно с амвона перед паствой речь держит.

Прервался хозяин, пропустили по махонькой. У Карася еще больше внутри зажгло, язык чешется, слово сказать хочется, но субординацию чтит, образованность показывает.

- Вот ты скажи, карась, что ты понял, когда по телевизору "Человек и закон" показывали, шел разговор про машины, не по закону проданные? - задал вопрос Сом Налимович, сам хитренъко уставился на Карася.

Встрепенулся Карась, рюмочки хоть маленькие, но добро в них хорошее, разожгло, хочется ум-разум показать, мол, к старости и мы кое-что кумекаем. И давай в таких красках расписывать эту передачу, что сам Сом Налимович за животик схватился.

- Вот сижу я перед телевизором, - начал Карась, - рыло всунул в экран, жду не дождусь, когда передача "Человек и закон" начнется. Интересно узнать, что с Нельмой-шельмой и с теми карасями, что признались, как дело кончилось. Ну вот, появляется старичок на экране. Седенький, на голове пушок из волосиков оставилшихся, а так ничего, на приличного смахивает. А титулов-то, титулов! Профессор каких-то наук, да еще юриспруденции. И давай мошенников чехвостить, да так горячо взялся, что попади они ему в руки, тут же самосуд устроит. Строжился-строжился, дошел до машин, что не по закону проданы. И до того разошелся, что лицо раскалилось, полыхает огнем. Потом, успокоившись немного, сложил ручки на груди и давай жалеть карасей, что их трудовые сбережения уплыли. Немного погодя еще горше заплакал, ручки в стороны развел, что некоторые караси не признались, что Нельме-шельме денежки отдали, а не то бы ей, прохвостке, еще стыднее было бы! Прервался Карась, на Сома Налимовича взглянул, а тот головой кивает, правильно, мол, карась, мыслишь, крой

далъше. Воодушевился Карась, что такая светлая головушка слушает, последнюю мыслишку, как козырную карту, на стол выкладывает.

- Хитрый профессор, видишь, как нас, карасей, в тюрьму заманивает! Но мы не простачки, понимаем! Какие же мы потерпевшие, как он нас, хитрюга, называет, если мы по закону с этой Нельмой-шельмой по одной статье идем. Она-то, Нельма-шельма, припрятала, сколько нас, карасей, не созналось. Денежки-то в кубышке, да по родне рассовала! Ей что! Отсидела и опять с деньгой! А я-то, карась, тот же срок схлопотал, только голый остался. Она-то вышла, перстни-бриллианты нанизала, а я с драными штанами на волю выскочил, и в кармане вошь на аркане да блоха на цепи. Вот и сравнивай нас, по одному делу прошли, только при разных барышах остались. Да и там-то, в тюрьме, сначала подержат на казенных харчах, а потом на лесоповал отправят. Она со своей грамотешкой нормировщиком устроится, а мне в плавники топор. А кедр-то вниз комлем растет! Если бы вершиной вниз, подплыл, хвать топором, вот тебе и норма готова, начальник пайку даст. А-то за комль приниматься надо, а он в два обхвата и то на пайку не тянет. Вот и одинаково стоим перед законом! Она с чужой деньгой, а я от своих, горбом заработанных, отказываюсь!

- Карась даже вытер пот со лба, отродясь у него такого красноречия не бывало.

- А что это у тебя за газета торчит? - осадил Сом Налимович Карася. Ему как-то даже обидно стало, что карась в мыслях таких высот достиг. Битый был, он уже по заголовку в газете понял, за чем карась приплыл.

- Да я, Ваше Степенство, - Карась и сам понимал, что просителю неприлично такое красноречие иметь, - к вам нуждишку имею! Да ладно ли будет, что время отниму?

- Давай, брат, выкладывай, да газету подавай!

- Вот я, Ваше Степенство, решил патент приобрести, так сказать, капиталец завести, но что-то сомнение берет. А ведь кто может со мною сравниться в тине возиться, канавы рыть!

- Ну что, брат, давай разберемся! - Сом Налимович уже счеты положил, на листке выписку сделал, карасю под нос сует, требует проверить, нет ли ошибки.

Смотрит Карась, все правильно, циферка к циферке, для убедительности вслух прочел: Постановление Верховного Совета СССР, 14 марта 1988 года.

До 500 руб. - по ставкам, установленным для налогообложения рабочих и служащих;

от 500 до 700 - 60 руб. 20 к. + 30% с сумм, превышающих 500 руб;

от 700 до 1000 - 120 руб. 20 к. + 50% с сумм, превышающих 700 руб;

от 1000 до 1500 - 270 руб. 20 к. + 70% с сумм, превышающих 1000 руб;

от 1500 и выше - 620 руб. 20 к. + 90% с сумм, превышающих 1500 руб.,

- кончил читать Карась, переводя дух.

- Но вот ты, карась, все оформил, купил патент, приступил к работе! Сколько ты средств осилить можешь? - Сом Налимович уже костяшками на счетах стучит, с карася ответ требует. Почесал Карась затылок и говорит:

- Ну так для первого месяца рубликов 500 хватит.

- Ну что же, посмотрим! - почесал Сом Налимович кончиком карандаша по жабрам, заглянул в выписку, на счетах туда-сюда и говорит:

- В казну 65 рублей подоходного, тебе, карась, 435 рублей.

Вновь почесал затылок Карась, показалось маловато.

- А если я карасиху подключу? Это же законом не возбраняется! Как говорится, муж да жена - одна сатана, и полторы тысячонки ахнем!

У Сома Налимовича уже ответ готов. Щелкнул несколько раз костяшками и заявляет.

- 620 рублей в казну, тебе 880 рубликов.

- Ну а если я кроме карасихи карасят подключу! Их тоже, балбесов, к работе приучать надо! И польза государству и деньги в дом!

- А как ты будешь работать? Честно? Нечестно? Без утайки, карась?

- Все по-честному! Как перед Богом клянусь, полушки не утаю!

- Ну, а сколько же ты, карась, со своей карасихой да с карасятами трудового капитала осилить можешь?

Подумал немного Карась и ответствует:

- 3000 рублей! - сам на Сома Налимовича смотрит, поразить хочет. А у того рожа, как печеное яблоко, стала, вся морщинками исходит, вот-вот в хохот ударится, еле сдерживает себя.

- Ну, карась, давай подсчет вести! - сам костяшками туда-сюда и карасю, как простачку, объясняет:

- Кладем 3000 рублей. Снимем полторы! Это по одной статье. 620 - подоходный. Из других 1500 рублей 90 % к подоходно-

му - 1350 рублей. Складываем. Итого: 1970 рублей подоходный, остальные 1030 рублей тебе.

- Ну а если я с карасихой да с карасятами ночью спать не будем, все работать и работать, и на 6000 доходу дадим?

Сом Налимович за животик схватился, на глазах слезки выступили, ну прямо от хохота смертынька пришла. Но снова костяшками забрякал и тут же объявляет:

- 4670 рублей в казну! 1330 рублей твоя доля, карась! - сам уже сдержаться не может, хоть ложись да помирай, Карася даже в пот ударило. В голове все смешалось, никак не поймет, как так получилось. На 1500 рублей пользы дал - 880 рублей получил. На 3000 рублей пользы дал - 1030 рублей получил. На 6000 рублей пользы дал - 1330 рублей получил. Голова у Карася кругом идет, а Сом Налимович от хохота извивается.

- Вот так вас, карасиков, и учат! - прервав хохот, начал наставительным тоном Сом Налимович. - Вот если бы ты, карась, стал умней, да в коммерцию подался! Там закупил, а лучше бы сморганил десяток вагонов с хорошим товаром. Пригнал, здесь по хорошей цене загнал. Вот и оборотец в десяток миллионов. Казне девять и тебе один миллион остался. Умом надо жить, а не канавы собственным рылом рыть! Вот так вас, карасишек, и учат!

Чувствует Карась, голова кругом идет, вот-вот от тяжких дум расколется, а пока еще цела,помнит себя,простился с хозяином и поплыл всвоюси. Плынет, сам старается патентные мысли из головы выбросить. Но куда там, засели как гвозди, клещами не вытянешь.

Вот уж за полночь перевалило, скоро петухи запоют, а карась все не спит, уснуть не может, все что-то понять хочет. Чувствует Карась, что голова уже опухла, а никак истину понять не может. А как хотелось бы в доме достаток обрести - государству прибыль принести.

1988 год.

Карась опять думает

е спит Карась, хоть убей, проклятая труба к сливному бачку никак из ума не выходит. Всю, проклятую, ржавчиной съело, вот-вот потечет, соседей зальет. Надо бы в ЖЭК сплавать, но сомнение берет, вновь, как в прошлый раз, за нос поводят, ничего не сделают, только последние нервы истреплют, а их уже и так маленькая жменька осталась. Но крути не крути, а деться некуда, перекрестился Карась и поплыл.

Подплывает к конторе, а там уже большие перемены, вывеска совсем по-другому написана. Вплыл Карась в контору, нашел плотвичку-смотрительницу, а она уже по нынешним временам начальником участка называется. Оказалась все та же знакомая, вертлявая, острая на язык. Но встретила благосклонно, даже со вниманием выслушала и пообещала на днях окуня-слесаря послать для обследования трубочки.

- Да что там обследовать! Все ржавчина съела, тоньше бумаги стала, ткни плавником - дыра будет! - заикнулся было Карась, но тут же был осажен, подняла начальственный пальчик плотвичка и многозначительно изрекла:

- Он специалист!

Плынет домой Карась, душа радуется, вот, мол, как перестройка подействовала. Демократия! Без ругани, без скандала дело уложено! Ждет день, ждет другой, ан нет окуня-слесаря и все тут. Не выдержал Карась и опять в контору. Подплывает к плотвичке, а та плавничком за сердце схватилась и глазки зажмурила. "Ну нет, - думает Карась, - без ответа не уплыву!" - и ищет, где бы притулиться.

- Ах, это вы, дедушка-карась! - вдруг спохватившись, заметила плотвичка.

- Да вот ждал-жал, не дождался! - сам из себя весельчака изображает, чтобы ненароком ее во гнев не ввести. - Вновь до вашей милости с нуждишкой.

- Да в день-то, на который я вам назначила, у нас похороны были!

Посочувствовал Карась, понимая, что при таком горе всякую работу бросишь. Хотел спросить про свою нуждишку, только искал поделикатнее слова, как бы помягче свою просьбу изло-

жить. Видя его затруднение, плотвичка поспешила на помощь.

- Вот на следующий вторник ждите, обязательно приплывут!

Поблагодарил Каась, возликовал душой, что его нуждишку так близко к сердцу приняли, и поплыл домой.

Ждет не дождется вторника, словно Христова дня. Но опять вышла осечка, никто не приплыл. Осерчал Каась, чешуя дыбом встала, и что было мочи в контору. Хотел пасть открыть, только в голове слова ищет, чтобы не такими бранными были. Но плотвичка успокоила, доверительно сообщила, что-де позавчера получка была, мол, сам понимаешь, а уж завтра с утра обязательно будут.

И вправду обещание выполнила. Приплывают два молодца окуня-слесаря. Один тонкий и длинный, второй толстый и короткий. Длинный вежливый, глаз теплый, у порога остановился. Короткий сразу же рявкнул: "А ну показывай, стариk?".

Взглянул ему в глаза Каась и обмер: "Боже мой! Да они у него обморожены, наглость так и прыщет!" - уж покаялся, что позвал. Но делать нечего, стал в туалете трубу показывать, сам жалостливым голоском объясняет, что-де вот внизу совсем сгнила, вот-вот лопнет, вода потечет. Толстый зыркнул гляделками по потолку и тоном, лишающим всякой апелляции, изрек: "Не течет! Не залил соседей? Менять не будем!". Каась еще жалобнее Лазаря запел, пробует сердце смягчить, толкует, что-де уже раз заливал соседей, неприятность большая вышла. Видать, дрогнуло сердце у длинного, аль еще не совсем совесть потерял, решил и он в туалет заглянуть. Но толстый оттер его боком, придерживая, выплыл с ним в дверь.

Озверел Каась, чешуя дыбом взъерошилась, не заметил, как в конторе очутился, только дорогой себя уговаривал матюгальник в ход не пускать. Хотя в душе понимал, что их бы следовало так обложить матом, чтобы и у них чешуя дыбом встала. Не задерживаясь, сразу же к двери, где высокое начальство сидит и написано: "Директор".

Смотрит: вместо налима-начальника - налимиха сидит. И до того вежлива, даже плавником на стул указала. И сразу же ангельским голоском изрекла: "Я вас слушаю внимательно". Каась враз остыл, все сквернословие из головы выскочило. И давай про свою беду-страдания рассказывать. На сердце жалуется, таблетки поминает, мол, нервишки ходуном ходят.

Т., зайди-жа сюда! - уже немного погрубевшим голосом позвала налимиха-начальница. Сразу же плотвичка вплывает, слов-

но тут за дверью стояла. Начальница укоризненно, с печалью в голосе, говорит:

- Что же такое получается?! Ходит дедушка-карась! А вы обещали, но не сделали? - и так укоризненно смотрит на нее.

"Ангел ты мой! - шепчет Карась потихоньку, даже невольная слеза на глаз накатилась. - Дай Бог тебе и твоим деткам здоровья!" - сам слезинку незаметно смахнул, вроде неудобно, хоть и старик, но все же к мужскому полу относится. Да и радость безмерную показать неудобно.

- Сделаем тебе, дедушка-карась! Не печалься, старче, ступай себе с Богом? Положи компрессик на сердце, полежи, очухаешься!

Живет Карась надеждой, маракует, что уж вдвоем-то обещание выполнят. И вправду, глядь, опять тонкий с толстым приплыли. У карася аж сердце в груди от радости прыгает. Повел вновь толстого в туалет, опять про трубу талдычит. Но, взглянув толстому в глаза, осекся. Они у него не только обморожены, но и замутненные, видать нездоровится бедному, лихоманка бьет. Но голос тверд, словно фельдфебель новобранцу объясняет: "Не течет? Соседей не залил? Не валяй дурака! Менять не будем".

- Ну а если как в тот раз, ночью случится?- взмолился Карась, но толстого с напарником и след простыл. "Да распроявзви вас в душу!" - матюгнулся Карась и опять в контору. Захотелось узнать, кто же в этой хитрой конторе на самом деле командует. То ли Налимиха вкупе с Плотвой, то ли окунь-слесарь старший. Но так ничего и не понял, только в сердцах пригрозил, что это дело он так не оставит.

Плывет Карась из хитрой конторы, ихние порядки в хвост и в гризу пушит. Никак понять не может, что за порядки такие, нали-миха вкупе с плотвой с одним окунем справиться не могут. Разгорячился, чешуя дыбом стоит. Вдруг слышит, кто-то в бок стучит, глядь, ан опять проклятый ершишка.

- Здорово, Карась! - супротив прежнего еще наглее стал, даже как будто в росточке прибавил. А так все такой же, вертлявый, на месте не стоит, через губу слону на сажень швыркает .

- Что, из хитрой конторы плывешь? - сам рожу скособочил, один глаз прищурил, другим подмигивает, ухмыляется окаянный. Карась бы и рад проплыть не здороваясь, но на сердце камень лежит, душа жаждет с кем-нибудь горем поделиться. И давай Карась, как на духу, все начистоту выкладывать: как пять раз плавал в эту растреклятую контору, как три раза обещали, а на деле

кукиш показали.

- Простофиля ты, простофиля! Сколько я тебя ни учил, а ты все таким же дураком остался! - сам смеется, мерзавец, до того ехидно, ну так и хочется плонуть в эту омерзительную харю. Но боится Карась плавники распускать, как-то ненароком услышал, что этого ершишку Мафиозей назвали, думал, что так родители при крещении нарекли, ан нет, умные карасишки растолковали, что не туда попер - это имя совсем другое значит. Хоть и обидно, что его дураком назвали, а терпит, делает вид, что все за шутку принимает. А ершишка совсем разошелся, в философию ударился, и вид-то, проклятущий, профессорский принял.

- Ведь говорил я тебе, что головой о мой порог биться будешь! Прости, мол, меня, старого дурака!

Разозлился Карась, решил ершишку на место поставить. И говорит с таким апломбом:

- Не с тобой же связываться! Не у тебя же защиту искать!

- А что, я тебе помогу! У меня теперь, знаешь, кореша какие!

Не выдержало сердце Карася такого нахальства, сам не заметил, как и сболтнул:

- Кореша-то твои, поди, все мафиози!

Как взъерепенился тут ершишка. Глаза кровью налились, вот-вот колючки в ход пустит. Видит Карась, что дело плохой оборот принимает; стал отрабатывать задний ход.

- Да я...это, как бы к слову сказать, как властя на это глянут.

- Власти! Власти! - передразнил ершишка. Но видя страх Карася, поостыл немножко. И уже вальяжно продолжил:

- Сейчас демократия! За что же я сам и мои кореша по тюрьмам да по лагерям мучились? Те проклятые устои разрушали! Скоро партию создадим! А ты - мафиози, мафиози. Мы народные застуপники!

"От таких застуپников караси без штанов остаются!" - чуть не ляпнул вслух Карась, но вовремя остановился.

- Ну щиплем мы кое-кого помаленьку, - уже миролюбиво продолжил ершишка. - Богатеньких! Не таких же, как ты, голодранцев! Что с тебя возьмешь! Сиди себе дома да швыркой пустой чаек, коль пенсиишки на сахар с кренделями не хватает. Только вечером на улицу рыло не показывай, не то на бок свернут.

- А коль вдруг по какой неотложной нуждишке? - все же не выдержал Карась, хотя понимал, что по тоненькой жердочке ходит.

- Так лапу имей! Я могу над тобой шефство взять! Правда,

за это тити-мити давать надо! - ершишка для наглядности плавниками потер.

- А где их взять, коль на одну пенсиишку живу?!

- Дурачина ты, простофиля! Шустрить надо! На то она и базарная экономика! Всем свобода дана! С какого-то карася чешую сдерешь! Сам не спровоцируй - я помогу!

- С детства я не приучен к такому делу! Папаша-карась наказывал, чтобы у меня плавники чистые были.

- Дурачина ты, простофиля! Неужто нынешнюю жизнь не поймешь?! Все воруют! От большого начальника до маленького. На то и базарная экономика. Вот ты из этой хитрой конторы плывешь, уже пять раз там был, а так ничего и не понял! Сам же ботаешь, что плотвичка плавником сердце прикрыла, глазки закрыла, а второй-то плавничок свободный был. Это она тебе знак дала, что ей с тобой трудно разговаривать. Ты бы ей намекнул, что без благодарности не оставишь, ручку позолотишь, аль еще чем отплатишь. Вот бы совсем другой разговор пошел, сразу бы дохрюкались. Ну а второй раз о чем разговор был?

- На похоронах были - поминкиправляли, - ответствует Карась, не понимая, для чего ершишка людское горе приплел.

- Ну да ладно, ни хрена ты не поймешь, дурья башка! А на третий? Когда она сказала, что хотела окуней-слесарей послать, но у них получка была?!

- Так... - открыл Карась рот от удивления, но по-настоящему еще врубиться не может. - Так ведь говорят, что окуни-слесари хорошо получают! - выпалил он. - Неужто, - тут Карась вылупил глаза, они, нечестивцы, с меня, со старика, бутылку выдавливали? Нет, ты все врешь, Ерш Ершович! - назвал он по имени и отчеству негодяя, стараясь смягчить выражение.

- Это я вру? Сука буду! - у ершишки опять глаза кровью залило. - Да я, дурья твоя башка, знаю, кто сколько на лапу дает, кто сколько получает! Хочешь, скажу?

- Да я вроде в чужой карман заглядывать не привык, - ответствует Карась, строя из себя джентльмена, хотя по спине опять мурашки забегали.

- Дурак ты и есть дурак! - уже миролюбиво изрек ершишка.

- За морем-океаном знают, сколько их президент получает. Бизнесмены и те каждый год декларацию заполняют!

Не успел еще Карась слово декларация осмыслить, как ершишка вновь заявляет:

- А деньги-то они налогоплательщиков получают! Вам, карасям-дуракам, пора бы знать это. По тридцать-сорок кусков отхватывают! - и ершишка, довольный произведенным эффектом, уставился на Карася. Но видя его затруднение, пояснил:

- По-вашему, карасиному, тридцать-сорок тысяч выходит.

- Постой! Постой! - воскликнул Карась. - Так ведь такую деньги зашибают караси, которые в земле роются, камень добывают!

И видя глупую рожу Карася, ершишка еще прибавил красноречия.

- Ну а про бартер слышал? С него навар, знаешь, какой! Вот твои кумовья-караси, что в земле роются, камень добывают, на бартер меняют, но это не навар, а наваришко, слезы. А у них дело другое. Вот ты возьми из главной хитрой конторы Кузьку! Вот бартер так бартер делает! Гол как сокол, тебе трубочонку заменить не может: нет и скоро не будет! А бартер какой варганит! Что взамен дает? - тут проклятый ершишка аж глаза закатил. - Вот как надо обдевывать делишки! Думаешь, он фокусник? Нет, милый! Трубочонки, краинки да еще кое-что прочее, - тут ершишка глаза открыл, просто вылупил, давая понять значимость этого прочего.

- Да ты, поди... - хотел сказать Карась, врешь, но вовремя остановился, не в почете ли этот ершишка у мафии. А тот совсем разошелся. В такие дебри полез, что Карась уши заткнул, но все же последние слова услышал.

- Я еще тебе о них как-нибудь расскажу! - тут ершишка поднял плавник, в небо тыча. Не выдержал Карась страсти такой, подхватился и домой деру. А ершишка вслед кричит:

- Вот и подумай, где мафия! Сообрази, чья мафия старше!

Приплыл Карась домой, лег на диван и думает: "Если ершишка правду сказал, да еще там, когда плавником в небо тыкал, то куда же бедному Карасю податься! Кому пожаловаться, у кого правду искать! Куда рыло ни сунешь - везде мафия! Да если еще там, куда ершишка плавником указывал, такая же история! Значит, сверху донизу страна мафией пронизана! Только одно и остается: или плавники на себя наложить, или шею в петлю сунуть!".

Не спит Карась, хоть убей, проклятые думы не дают покоя.

1993 год.

преисподней переполох. А началось всего-то с ничего. Первого апреля 7500 года от сотворения мира, в день празднования Тартарары, в отдел Огненной Геенны пришел приказ. Но по нерадивости секретаря-беса, хотя и был написан на добротной бумаге, сам текст был залит подозрительной жидкостью, смесью томата с окрошкой, в то же время отдающей запахом зеленого змия. При усердии можно было разобрать, что предписывается подготовить грешника Никитку Хрущева, так и сказано было полным титулом, хотя по ревизским спискам даже великие грешники идут под кличками. С трудом, но можно было прочитать, что предписывалось сделать его харю благопристойной, чтобы можно было зритъ без содрогания, ибо его следует доставить на нейтральную территорию.

Но так как был праздник Тартарары, да и пришелся он на 1 апреля, зеленый змий и с рогатыми играет в злые шутки, в отделе Огненной Геенны черти приняли это за шутку, чему содействовала подозрительная жидкость, пролитая на казенную бумагу. никто даже палец о палец не ударил, чтобы выполнить приказ, да уж больно в этот день зеленый змий был в чести.

Но через несколько дней содрогнулся весь ад, приказ-то исходил аж от самого Князя Тьмы. Гром был страшный! Многие головы полетели, забегали бесы и бесенята, дьяволы и дьяволята всех рангов и мастей. Снова вышел указ, только в более категоричной форме. А надзирать за выполнением было поручено лично Дьяволу первого ранга. Сопровождаемый свитой, появился он в отделе Огненной Геенны. И сразу же с порога рявкнул, указывая начальствующим перстом на Никитку: "Привести эту омерзительную харю в надлежащий вид!".

Надо сказать: хоть и пьют черти и другими непотребными делами занимаются, даже на тусовки бегают, но все же свое хозяйство в исправности ведут. Хотя и нет строгой дисциплины. Положено грешнику каждый день по одному гвоздю в задницу вбивать, но в некоторые дни может быть и послабление. То гвоздей вовремя не завезли, то молоток куда-то запропастился, а то и с большого похмелья, могут в этот день не вбить. Но в последний день квартала подсчитывают и все недостающие вбьют. Ибо за

количество забитых гвоздей выдается квартальная премия зеленым змием. Но за лишний вбитый гвоздь взыск, а за недостающий большая кара, вплоть до лишения доходного места, переводится на менее престижную работу, то бишь кидать уголь в топку, а не мытарить непосредственно грешников.

Содом большой вышел. Засутились чертенията и бесенята, сам шайтан и тот, как говорится, чуть в штаны не наклал. Шутка ли дело, сам Дьявол первого ранга пожаловал, почитай с самого Кремля, да еще с такими полномочиями. Кинулся сам старший бес от дела, подскочил с прытью бесененка к топке, где Никитушка на сковородке сидел, а он и в ус не дует, хотя из-под зада шипение раздается, словно картошка на сале жарится, да и дым коромыслом валит. Заорал старший бес на кочегара: "Что ты, харя, делаешь? Почему уголь выше нормы расходуешь?" - и поддал в сердцах пинка. Отлетел бедняга, но тут же вскочил, встал во фронт, глаза сделал по блюдцу, плялит на старшего беса, а сам как рявкнет партийно-командирским голосом, каким вожди выражаются: "Разрешите, Ваше Бесовское Величество, доложить!". И не дожидаешься разрешения, каждый слог выделяя, речет: "Великий праздник в нонешний день! Никитушка Крым пропил! Вот в честь этого я и взял обязательство две нормы зробить! Вот уголька-то немножко лышку! Никак по-другому не могу, в бытность его на российском троне я парторгом робыл!".

Но Бесовское Величество даже не взглянуло в его сторону, одна была забота, как бы из этой образины-Никитки что-то подходящее сделать. Нет, не напрасны были его думы-заботы, Никитка еще в бытность российским Вождем красотой не блестал, после обезьяны первое место занимал, уж очень на поросенка смахивал, а уж в ад-то совсем вид потерял. От долгого сидения на горячей сковородке шкура ссохлась, потрескалась, кое-где клочьями висит, почитай, один шкилет остался.

Долго разглядывал его Бес, наклоняя мурло так и сяк, словно собака морду, наконец вымолвил: "Слазь, харя омерзительная!" - и для убедительности перстом указал, словно дело происходит в кремлевских палатах. Ведь надо же окаянному такое обращение сделать, словно сам красотой блещет. В ад, конечно, немного другие понятия о красоте и нравственности, в отличие от православных христиан. Но не настолько же! Когда посмотришь на обличие старшего Беса, тоже не обрадуешься, поневоле вскрикнешь: "Ну и образина!". Лично-то напоминает козлиное, та же бороден-

ка торчит, те же рожки, только поменьше, да в разные стороны. Ноги на человечьи смахивают, но оканчиваются копытцами. А вот руки в темноте от человечьих не отличишь. И как бы ни приукрашивал себя Бес, пусть и в чинах больших, с орденской лентой через плечо, пусть и приосанился и духами напомадился, чтобы бесовский дух отбить, но все равно непристойно выглядит. И любой христианин, взглянув на него да нюхнув, поневоле воскликнет: "Фу ты, словно кремлевским духом пахнет!" - и, помотав башкой, добавит: "Бес и есть бес!". А, поди-ка, людей, да еще каких людей, демократа отъявленного, ну пусть грешника, омерзительной харей назвал.

Ну да ладно. Как говорится, черт с ним. Беса не выучишь, в аду порядок не наведешь! Там тоже своя партийная линия и свой Вождь, именуемый Князем Тьмы, если перевести на православный язык, то дословно будет значить: Верховный главнокомандующий, Верховный политик, Верховный экономист, Верховный вор и обманщик, впервые избранный всем адским народом: бесами и бесенятами, дьяволами и дьяволятами, шайтанами и шайтанчиками на вечные времена, демократическим способом именуемый Вождем.

Слез Никитушка со сковородки. Зад дымится, шкура пощелкивает, но воспрял духом, глаза живость приобрели, вновь как бы на кремлевского жителя стал смахивать. Но мыслит, что не взять ему своим нынешним чином бесовского начальника, потупив глазки, встал во фронт и с должным смирением испрашивает: "Позвольте, Ваше Бесовское Величество, слово молвить!" - а у самого уже внутри кремлевский дух взыграл, так и хочется в политику удариться, врат не моргнув глазом.

Как ни строга цензура, как ни стараются изолировать ад от внешнего мира, а слухи с воли все равно просачиваются. Зеленый змий даже чертенятам и бесенятам язык развязывает, даже шайтан и тот не всегда перед ним устоит. Слышал Никитушка краем уха, что там, в христианском мире, большие перемены, даже маленькую толику унохал о крымском вопросе. Забилось ретивое, в пустой башке даже блудная мысль появилась. Хотя и догадывался Никитушка, что такую блудную мысль мог только сатана подсунуть, но так хотелось верить, что на земле не могут без него обойтись. Недаром же в бытность его на российском троне, когда, в изобилии вкусив зеленого змия, бросал кукурузные початки, башмаком стучал о стол, то вся карманная, демократическая прес-

са писала, что миром управлять может только он, Никитушка. Он даже как-то игриво взглянул на сатану, хотел уже, как равного, по плечу ударить, на языке так и вертелись слова: "Что, мол, брат, потребность во мне объявились", - но, подняв глаза, осекся, уж больно Дьявол первого ранга к беседе не располагал.

А тот затопал ногами, да как завопит на всю преисподнюю: "Подать сюда дьяволят и бесенят, массажистов и косметологов и земные фотографии этого образины-грешника". И вдруг, как из-под земли, аль тут же рядом находились, появились разных мастеров бесенята. Некоторые до того омерзительны харей, что редкий бы христианин, не дрогнув, мог взглянуть на эти рожи, не наложив на себя крест. Суетятся, суют фотографии старшему. А тот взял их в свои грехные лапы и давай внимательно разглядывать. Одна, где Никитка среди французских бинджников сидит, вместо шляпы кепкой рожу прикрыл, а вторая, где он со своим закадычным собутыльником Булганиным в Индии в гостях от жары маялся.

Долго разглядывал Дьявол первого ранга, морща лоб и беспрерывно шепча: "На первой точь-в-точь на бандита смахивает, на второй от борова не отличишь! Как же из этого выродка подходящее мурло сделать?". И после долгого раздумья наконец приказал бесенятам, чтобы эти две фотографии соединить, сделать такой образ. Принялись бесенята за Никитку, кто паклю под шкуру сует, кто эту шкуру дратвой штопает, кто над рожей хлопочет, бывший образ восстановливает. Кое-как с задачей справились, стал чуть на человека смахивать.

- Экая же ты образина! - только и вымолвил Дьявол первого ранга и, больше ни слова не говоря, повел Никитку из ада. Шли по всем отделам, везде черти трудились над грешниками. Не стоит бередить христианскую душу, редкий, увидев, не содрогнется, что творится там, в аду. Хотя бы взять отдел, где Берия стоит в человеческом деръме по самые уши. Хоть и задрал морду, а вот-вот захлебнется. А кругом возмущенные голоса грешников слышатся, что, мол, такому негодяю такая малая кара. Хоть и вопит Берия: "Братцы, помилосердствуйте! Я же на Сталине стою!" - но братцы не внемлют, как заведенные, продолжают вопить, захлебываясь деръмом. Но Никитка уже пообтесался, не то уже видел на своем веку в аду, но все равно дрожь по шкуре волнами пробегает.

Вот ад остался позади, вылезли из преисподней. Но не на белый свет, это Никитушка сразу понял, как только мельком огля-

делся. Солнышка как не бывало, муравы и в помине нет, не токмо райские птички, а даже вороны не каркают. Но щитит себя еще надеждой, вдруг в Рай переведут. Подошли к серому зданию, по облику видно, что казенное, вошли. Прошли одни железные двери с хитроумными запорами, вторые, оказались в зале.

Огляделся Никитушка и задрожал как осиновый лист. Видит, сидят господа, все взор в него вперили, в котором, кроме погибели, ничего прочесть нельзя. Вдруг один, в клюквенном кафтане, по всем приметам Васька Голицын, как завопит: "Как ты, ворог, аспид проклятый, в кружеле за ковш зеленого змия Крым отдал?" - он хотел еще что-то сказать, но от возмущения уже не мог говорить. Только потом, чуть взяв себя в руки, продолжил: "Я два раза ходил воевать Крым! Сколько там стрельцов, казаков и простых смердов положено!".

Видит Никитка, что плохи дела, стал кобениться, ты, мол, мне не указка. Ты, мол, был только командующий армией, а я-то был Верховным главнокомандующим, званием старше. Ох, лучше бы он не выкобенивался, не строил из себя марксиста-демократа. Остальные господа так возмутились, что один даже привстал. Вгляделся в них Никитка и обмер. Тот, что привстал, Нахимовым оказался, а рядом с ним адмирал Корнилов, генерал Горчаков, Меньшиков, да еще многие, которых Никитка по своему скудоумию и не знал, но все взором испепелить хотят. Нахимов, негодяя, указывая перстом, произнес: "Мразь ты окаянная. Иуда, не знавший ни чести, ни совести! Одна была в тебе жажда добиться до власти и зеленого змия! Христопродаец! Мы, не жалея живота своего, полегли на поле браны! Мы завоевали и отстояли Крым от врагов наших! Были похоронены в России! Никто наш прах не тревожил, на могилы наши ложились цветы! Теперь же наш прах на чужбине оказался! И нет тебе, Иуде, предавшему нас и Россию, прощенья".

Никитка хотел что-то сказать в оправдание, только искал в голове, как бы половчее соврать, вдруг послышался громоподобный глас. Все, генералы, адмиралы, стрельцы и солдаты, матросы во главе с Кошкой произнесли: "Будь ты проклят во веки веков, пьяница подлый, дурак безмозглый, жаждущий власти подлец!". Но Никитка не сдается, вновь стал кобениться, пустился в рассуждения, краткий экскурс в историю сделал, на юридической основе стал доказывать, что-де насчет Крыма не только его одного вина. Он тряс фактами, что на Московии и после него еще горше

пьяницы были, вот, мол, с них-то и спрос основной. А я, мол, не хотел совсем Крым отделять. Да енто по пьянке, по скудоумию получилось.

- Хватит с ним разговаривать! - вдруг раздался громовой голос. Взглянул Никитка и обмер, куда и красноречие делось. Перед ним сам Петр Первый. Вид его был ужасен, он весь как Божия гроза. И вдруг Петр Алексеевич вымолвил то, чего никто из присутствующих и не ожидал.

- Господин Сатана! - обратился он мягким, даже вкрадчивым голосом, словно сизошел до просьбы. - Будьте любезны, прикажите своим бесенятам накалить один конец лома, а потом холодным концом засуньте этому негодяю в задний проход.

- Будет исполнено, Ваше Императорское Величество! - рявкнул Сатана, даже копытцами прищелкнул, видать, обрадовался, что к нему такая особа обращается. Но хоть и был вне себя от радости, но где-то внутри сомнение взяло, нарушил инструкцию, такой приказ мог исходить только от самого Князя Тьмы. Решил Сатана дать попятную, но чтобы не уронить свое сатанинское достоинство, дипломатично ввернул словцо. С поклоном, вежливо спрашивает:

- А почему, Ваше Величество, холодным, а не горячим концом засунуть лом?

- Любезнейший! Горячий должен снаружи торчать! Это для того, чтобы всех мастеров выдернуть не смогли!

Завопил Никитушка благим матом, понял нечестивец, что кроме всех адских мук еще и лом с горячим концом из задницы торчать будет. Кинулся оправдываться, стал доказывать, что не его основная вина. Ну, мол, хлебнул лишку, кто из кремлевских не грешит этим, под хмельком-то, по скудоумию сболтнул лишку, но не хотел совсем отделить Крым от матушки России. И не в ответе он, что после него "партийное" творили. И на колени упал, и харей в пол уткнулся, ну точно как при разборке в Кремле.

Но тут Дьявол первого ранга приподнял Никитку, развернул, дал пинка под зад и вымолвил:

- Радуйся, тварь, харя омерзительная! Твой "партийное", второй виновник еще не то получит, у него два лома будут торчать, один сверху, второй снизу с горячими концами. А теперь мне недосуг, уж сильно хочется испробовать, впору ли тебе лом придется. Да посмотреть, как ты себя с ним на сковородке чувствовать будешь!

Да взашей и выпихнул из казенного здания, а тут уж и бесенята с дьяволятами ждут, тоже посмотреть хочется, как Никитка себя чувствовать будет. Они уже в сковороде дыру провертели, чтобы конец лома в топку входил. Радуются бесенята, да что с нечистой силы возьмешь, второго ждут не дождутся, виши ты, муки их радуют.

Апрель, 1995 год.

О ПСЕВДОГУМАННОСТИ

Перед обществом стоит вопрос - гуманно ли тяжелобольному человеку дать таблетки, чтобы избавить от физических и духовных страданий. Попросту говоря, умертвить, чтобы не мучился.

Размышляя об этом, анализируя, сопоставляя факты, вспоминая, что говорили старики, пришел к выводу: нельзя! У этого вопроса два аспекта, две стороны одной и той же медали, в конечном счете приводящие к одной и той же мысли, что это преступление.

Первое. Только один Господь Бог имеет право распоряжаться человеческой жизнью, отмеривая годы, направляя по стезе правды и добра. Человек должен до конца нести свой крест. Никто из людей не может, кто бы он ни был, распоряжаться жизнью другого, отмеривать срок пребывания человека на Земле. Нарушается не только Закон Божий, но и сама сущность человеческого бытия.

Если признать гуманным поступком умерщвление человека, страдающего неизлечимым недугом, испытывающего адские физические и духовные муки, то мы узакониваем право на убийство. Тогда мы обязаны признать, что один человек может убить другого.

Второе. Я был еще ребенком, но запомнил на всю жизнь, что говорил мне прадед: "Никогда не проклинай другого, даже своего злейшего врага. Если твое проклятие окажется ошибочным и человек не виновен в злом деянии, то это проклятие падет на тебя. И ты понесешь эту кару до конца дней своих. И если ты не до конца выстрадал, не искупил полностью свой грех, то эта кара переходит на твое потомство. И они будут страдать за твой содеянный грех".

И жизнь подтверждает его слова.

Наблюдая за тяжелобольными людьми, вникая в их сущность на смертном одре, в их характер и поведение, прихожу к выводу, что все они, почти без исключения, в жизни были очень тяжелыми людьми. Скрытыми и завистливыми, посыпали проклятия направо и налево, радуясь чужому горю и страданию, хотя в то же время уверяли несчастного в своей преданности и любви. Ненависть и зависть гложет такого человека, подтачивая, не говоря уже о нравственности, и само физическое здоровье. Наступает время, когда все, что он пожелал другому, происходит с ним самим. Приходит час расплаты, долгая и мучительная болезнь приковывает к постели. В страданиях и муках человек должен искупить свой грех, свою вину за сатанинские вожделения, посыпаемые на голову другому человеку. И он должен до конца выстрадать, искупить свой грех в муках. И если он не до конца выстрадал, искупил свой грех в муках, то часть оставшегося греха переходит на его потомство. И потомки будут искупать этот грех в страданиях и муках.

Человек, умерщвляющий другого человека, страдающего неизлечимой болезнью, испытывающего адские муки, казалось бы, из гуманных соображений, делает величайший грех не только перед Господом Богом, но и перед человечеством. Берет грех на свою душу перед потомками умерщвленного им человека, его потомкам придется расплачиваться за грехи своего предка. Но он еще берет величайший грех на свою душу перед своими потомками, которым придется расплачиваться за смертоубийство, совершенное их предком. Ничто не проходит бесследно. Все приходит на круги своя.

Что же делать с преступниками, которые насилуют и убивают, неужели их преступные деяния должны остаться не наказанными, спросят автора этих строк. Преступники, которые насилуют и убивают, не являются людьми как таковыми. Это мутанты, которые потеряли сущность человеческую, свойства и черты, присущие мыслящему существу. Это словно заразные микробы, приносящие величайшее зло человечеству. С ними нужно поступать так же, как с заразными микробами. Судьи-врачи должны определить степень их опасности для человечества и воздать соответственно их "заслугам" - каждому свое. А потомки будут расплачиваться за их грехи.

О книге Б. МОЖЕНИНА **"Очерки, рассказы и повести"**

Книга Бориса Моженина «Очерки, рассказы и повести» по праву может быть настольной книгой для каждого думающего, мыслящего, неравнодушного человека. Как из кладезя мудрости, из нее можно черпать и находить ответы на самые волнующие вопросы.

Борис Моженин - талантливый писатель. Даже не прочитав книгу, а только посмотрев оглавления, можно сделать вывод, что он болен всеми болезнями России, ее народа. Его волнует все: судьба родины, ее прошлое, настоящее и будущее, судьба поколений, вопросы экологии, а самое главное - как сохранить, как не растерять все то ценное, что накапливалось годами, те традиции, высокие нормы нравственности, подлинные ценности, которые бережно хранились народом. Их старается сохранить писатель в своей книге, выходя на глубокие откровения.

Борис Моженин - разножанровый писатель. От добрых сказок до политического памфлета - таков диапазон его творчества.

Вошедшие в данный сборник рассказы: «Надька», «Горншорская тайга», «О Кузбасской природе», «Прадед» - на уровне хрестоматийных произведений. Прочитав их, дети многому научатся и многое поймут: как страшен голод и какова цена хлеба, они по-другому посмотрят на окружающую нас природу, увидят ее красоту и богатство (она у Б. Моженина живая, наделена всеми человеческими чувствами, умеет страдать, любить, испытывать боль, дарить радость и мстить, если с ней обращаться необдуманно и неосторожно). Они научатся ценить старшее поколение, которое умело всю жизнь творить добро, ничего не требуя взамен.

Книга написана сочным, доступным языком. Выразительны и интересны диалоги. Простая разговорная речь, диалекты и даже жаргоны позволили создать неповторимые характеры героев, воссоздать колорит таежных деревень, глубинок.

Писатель приглашает читателя к размышлению, ставя во многих своих произведениях целый ряд трудноразрешимых вопросов и проблем. Его книга никого не оставит равнодушным. Она - достойное явление в нашей литературе и стоит на уровне произведений В. Чугунова, В. Шукшина, В. Астафьева.

Н. ГРОМОВА,
учитель литературы школы № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Царь природы	6-8
Немного о себе	8-10
О человеческих пороках	10-12
Смешное о серьезном	13-16
Демократ и Дерьмократ	16-20
О постулате "Всякая власть от Бога"	21-24
О революциях	24-27
Народ и толпа	28-30
Свекровь и невестка	30-35
Послание незнакомой девушке	35-39
О половом воспитании	39-45
О критерии человеческого ума	46-50
Думают ли собаки	50-55
Немного о душе	55-57
Несколько слов о религии	57-60
Горношорская тайга	60-67
О кузбасской природе	68-71
Дым без огня	72-81
Надька	81-104
Прадед	105-112
Колька	112-178
Несколько слов о судьбе России	178-180
Про лесной народишко	181-184
Как стать миллионером	184-187
Жил-был Ваня	188-191
Несколько слов о приватизации	191-202
Послание молодому шахтеру	202-206
О земле и земельной реформе	206-215
Почему я не жажду крови	216-222
Жизнь карасиная	222-231
Карась думает	231-239
Печаль карасиная	240-248
Карась опять думает	249-254
ЧП.....	255-261
О псевдогуманности	261-262
О книге Б. Моженина "Очерки, рассказы и повести"	263
Содержание	264

Издательский дом «КОНТАКТ»

652870, Россия, Кемеровская область, г. Междуреченск, ул. Космонавтов, 9
Тел.: (38475) 2-05-60, 2-08-42, 2-48-35, факс: 2-11-77, E-mail: kontakt@rikt.ru

НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:

- ⇒ издательская
- ⇒ рекламно-информационная
- ⇒ полиграфическая

Междуреченская городская газета «КОНТАКТ»

Периодичность - 3 раза в неделю;
Дни выхода - вторник, четверг, суббота;
Максимальный тираж 22825 экземпляров (суббота);
Формат А3;
Число полос - 4 (вторник), 8 (четверг, суббота).

Газета «Вечерний Междуреченск»

Периодичность - один раз в неделю;
День выхода - четверг;
Тираж 7000 экземпляров;
Формат А3;
Число полос - 12.

Полиграфия

Рекламные проспекты,
юбилейные буклеты для предприятий,
каталоги, этикетки, визитные карточки,
благодарственные письма, грамоты,
листовки, плакаты,
календари настенные, карманные,
открытки, пригласительные билеты,
оригинал-макеты для рекламы.

Будем искренне рады,
если Вы решите работать с нами!

Б.П. МОЖЕНИН

Очерки, рассказы и повести

Главный редактор Б.А. КОРОЛЕВ

Технический редактор Л.В. ЕРШОВА

Художественный редактор И.Д. МОРИНА

Корректор М.А. НАЗАРОВА

Издательский дом «КОНТАКТ»

Лицензия ЛР № 065785

652870 Кемеровская обл.

г. Междуреченск

ул. Космонавтов, 9